

КОРОЛЕВА
СОЛНЦА - 2

Андрэ **НОРТОН**

НОРТОН

Королева
солнца - 2

ИЗБРАННЫЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АНДРЭ НОРТОН

том тринадцатый

*Подчёркнуто звёздами
Корона из сплетённых рогов
Опасные сны — 2*

романы

Издательство «Зеленоградская книга»,
г. Зеленоград
1993г.

ББК 84.7 США

Н49

Нортон Андрэ

Королева Солнца — 2: романы/Пер. с англ. —

Зеленоград: Изд-во «Зеленоградская книга»,

1993г. — 448 стр. Вып. 13

В тринадцатый том включены произведения Андрэ Нортон разных жанров. Читатель здесь вновь встретится с полюбившимися героями цикла о вольных торговцах космоса (**ПОДЧЁРКНУТО ЗВЁЗДАМИ**), наконец-то познакомится с предысторией Колдовского мира (**КОРОНА ИЗ СПЛЕТЁННЫХ РОГОВ**), завершит своё путешествие по альтернативным мирам романа **«ОПАСНЫЕ СНЫ»**.

Печатается с разрешения автора и его литературного агента. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом без разрешения — запрещена. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с ведома издателя.

Н $\frac{4701000.000 - 13}{480 (03) - 93}$ Без объявления

ББК 84.7 США

ISBN 5 — 86314 — 020 — 8

REDLINE THE STARS

© 1993 by Andre Norton

HORN CROWN

© 1981 by Andre Norton

PERILOUS DREAMS

© 1976 by Andre Norton

© Издательство «Зеленоградская книга», 1993г.

© Пер. с англ. «Подчёркнуто звёздами», Д. Арсеньев, 1993г

© Пер. с англ. «Корона из сплетённых рогов», К. Прилипко, 1993г

© Пер. с англ. «Опасные сны», К. Прилипко, 1993г

Андрэ Нортон и П. М. Гриффин

ПОДЧЁРКНУТО ЗВЁЗДАМИ

*(пятый роман серии
«Королева Солнца»)*

Предисловие

«Королева Солнца» появилась в 1954 году в ответ на просьбу одного из первых издательств научно-фантастического жанра — «Гном-пресс». Я тогда готовила к печати рукописи в этом издательстве и потому воспользовалась псевдонимом Эндрю Норт. Издатели просили сочинить космические приключенческие истории, которые отличались бы от повсеместно распространённых тогда милитаристских сюжетов.

Меня давно интересовали исторические последствия приключений купцов в нашем собственном мире в прошлом, и потому я придумала вольных торговцев, связав их в своём сознании с их ранними земными предшественниками, а также с пешими путешественниками наших дней — я сама принимала участие в одном из таких путешествий.

Я постаралась придумать экипаж, у членов которого разное прошлое, разные характеры, и подвергнуть его испытаниям в приключениях, которые естественны для такого образа жизни. Так возникли четыре книги: «Саргасы в космосе», «Зачумлённый корабль», «Планета колдовства» и «Проштемпелёвано звездами».

Мисс Гриффин, создатель справедливо пользующейся популярностью серии «Звёздные командос», согласилась со мной, что «Королева Солнца» и её экипаж снова могут выйти на орбиту — с некоторыми добавлениями, а именно с появлением в составе экипажа женщины. И вот, «Королева Солнца» предпринимает очередное роковое путешествие.

А. Нортон

Моему дорогому дяде Майклу Мерфи

Мне хочется поблагодарить Андре Нортон за разрешение работать во вселенной «Королевы Солнца» и за её замечания, предложения и поддержку в работе над этой книгой. Я благодарю также Джима Френкеля за помощь в подготовке рукописи к печати.

П.М.Гриффин

Глава 1

— «Космическая развалина»! Вот более подходящее для него название!

Дэйн Торсон передвинулся, чтобы лучше видеть говорящего, стараясь при этом не толкнуть стоявшего рядом Рипа Шэннона. Какот-компания «Королевы Солнца» никогда не предназначалась для размещения всего экипажа, и когда созывалось такое совещание, приходилось втискиваться всем двенадцати.

— Он совсем не так плох, Али,— негромко сказал он помощнику инженера, — и до сих пор неплохо для нас трудился.

— Совершенно верно, мой младенец, но теперь почтовый контракт «Королевы» кончился, и что, во имя космоса, будем мы делать с этой «Развалиной»? Не так-то легко найти для неё покупателя, поэтому мы сами и смогли её заполучить, а эксплуатировать оба корабля бесконечно, с половиной экипажа на каждом, нельзя, тем более, если мы снова собираемся заняться настоящей торговлей. И у нас нет средств, чтобы пополнить состав обоих экипажей.

Врач Крэйг Тау кивнул.

— Он прав, мы не можем так летать больше. Напряжение уже начинает сказываться, а у нас пока настоящих неприятностей не было. Пора кончать, не дожидаясь серьёзных происшествий.

Джелико, капитан «Королевы Солнца», молчал, слушая высказывания членов экипажа. Он обвёл собравшихся взглядом своих серых глаз. За столом рядом с ним сидели старшие офицеры: Ван Райк, вероятно, лучший суперкарго в рядах вольных торговцев, а может, и всех торговых линий; марсианин по происхождению, инженер-связист Тан Я; Стин Вилкоккс, штурман «Королевы»; главный инженер Иоганн Штоц, Тау, и кок-стюард Фрэнк Мура. Вокруг стояли трое помощников: Дэйн, работавший под

началом Ван Райка, Рип, подчинявшийся Вилкоксу, и Али Камил. Рядом с ними, замыкая список, располагались могучий Карл Кости и его хрупкий бледный помощник, Джаспер Викс. Оба, как и Али, из секции Иоганна Штоца. «Хороший экипаж», — подумал капитан. Он надеялся, что не оплатит им за службу тем, что уничтожит все надежды на выгодную сделку.

Покупка «Мести космоса»* на первое время оправдала себя. Они смогли получить контракт на перевозку почты между Трюсом и Ригинией и более чем оправдали свои первоначальные затраты, но теперь, похоже, отделаться от корабля будет не так-то легко.

Чёрт побери все это! «Королева Солнца» и её экипаж — вольные торговцы. Их место в глубинах космоса, вне регулярных звёздных линий. Не их дело всё время мотаться от одной планеты к другой в пределах одной и той же системы.

И простая перевозка почты им не пристала. Конечно, в своё время они были рады получить этот контракт, и сами получили от него немало, но всё же прибыль невелика, и работа не приносит удовлетворения. Пора возвращаться к торговле, какой они её знают, со всеми её опасностями и химерами неожиданного обогащения или такой же неожиданной внезапной смерти, поджидающими в каждом полёте. Если им придётся снова взяться за перевозку почты из-за того, что они не смогут избавиться от второго корабля, то это означало бы уничтожение экипажа. Однако если терпеливые запросы и поиски, начатые Ван Райком и им самим, не принесут результата, у них просто не останется другого выбора. Лучше уж это, чем оказаться не в состоянии оплатить портовые расходы и превратиться в шатеров, чтобы не умереть с голоду.

Настроение капитана улучшилось, когда он взглянул на суперкарго. Ван Райк не насвистывал, но в выражении его лица ясно читалось торжество.

Крупный, рослый суперкарго почувствовал на себе взгляд капитана. Брови его, седые, как и редеющие волосы, приподнялись.

— ...Вы что-то придумали, капитан?

— Просто гадаю, что придумали вы. Вы выглядите так, будто нашли горсть солнечных камней в мешке соли.

* Английское слово *wreck* можно перевести как «месь», но у слова есть и значение «развалина». (Прим. перев.)

Ван Райк усмехнулся.

— Ничего такого драматичного, но у меня есть кое какие предложения.

— Ну, тогда выкладывайте, — выпалил капитан. Ему не хотелось лишать своего друга возможности поразить всех одним из своих неизменных чудес, но когда дело касается интересов всего экипажа, он предпочитает быть информированным.

Глаза Ван Райка сверкали.

— Всеу своё время, капитан, — он сразу стал серьёзным. — У нас есть потенциальный покупатель «Мести».

— Что?

— Почему, во имя космоса!..

— Вернее, покупательница. Она связалась со мной только несколько минут назад. Я собирался рассказать, когда капитан созвал совещание.

— Что за предложение? — спросил Джелико. — И кто эта покупательница?

Никаких возможных покупателей он не мог припомнить. Наиболее вероятный кандидат — правительство Трюса, но у колонии на планете нет подготовленного экипажа, а нанимать нужных людей очень дорого. Придётся вести долгие и сложные переговоры, чтобы убедить жителей планеты в разумности подобного шага.

— Никто иная, как Разль Коуфорт, действующая от лица своего знаменитого брата, конечно.

Если суперкарго собирался поразить своих товарищей, ему это превосходно удалось. Тиг Коуфорт за свою относительно недолгую карьеру добился таких успехов, что стал легендой среди вольных торговцев. Когда он что-то делает, у него всегда есть определённая цель.

Коуфорт мог выбирать самые выгодные контракты, и то, что он заинтересовался этим, свидетельствовало о прочной базе, заложенной «Королевой» в открытии регулярной торговли между Трюсом и Ригинией. Зачем бы ни понадобился ему корабль, очевидно, что за этим стоит прежде всего желание перехватить эту торговлю. Такой корабль, как «Месть космоса», легко найти на звёздных линиях, особенно если есть достаточно кредитов. Торговому принцу нет необходимости забираться так далеко. Великий Космос, да он может заказать новый корабль на любой верфи!

Джелико задумчиво потёр пальцем шрам от бластера на

правой щеке. В переговорах их позиция слабая, но если Коуфорту не нужен, на самом деле, корабль, переговоров вообще не будет. Он не филантроп и постарается заключить выгодную сделку, но о нём идёт слава, как о честном человеке. Можно ожидать не меньшего и от его сестры. Если представители «Королевы» поведут себя умно, они могут неплохо выйти из этого положения.

Несколько секунд все молчали. Молчание нарушил Дэйн. Он однажды видел знаменитого торговца, но женщину никак не мог вспомнить.

— Не помню, чтобы видел её с Коуфортом на аукционе. Она была там?

Тан Я улыбнулся.

— Если бы была, ставлю все свои кредиты, что ты бы её запомнил.

Али шевельнулся.

— Красивая?

Торсон нахмурился, но сразу устыдился своей реакции. Сам помощник инженера поразительно красив, так что кажется даже карикатурой, стереотипом бесстрашного звёздного видеогероя. Почему его не должна интересовать красота других? А что касается остального, то Камил не виноват в своей наружности и манерах, которые постоянно раздражали помощника суперкарго. Никто не может усомниться в его компетентности и храбрости, когда в них возникает нужда.

Инженер-связист пожал плечами.

— Красота не в диковинку во вселенной. Да, она привлекательна, но в ней есть и что-то уникальное, необычное. На аукционе её не было. Разэль редко сопровождает брата, когда он занимается делами на планетах. Поэтому, дети, никто из вас её не видел.

— Но на рынки-то она ходит, — сообщил Джелико. Его обычно холодные глаза смеялись, когда он взглянул на Ван Райка. Это заслуженная расплата за сюрприз, который преподнёс им суперкарго.

Ван Райк что-то проворчал и вздохнул.

— Мне выпало несчастье заниматься делом в тот день, когда эта парочка что-то покупала, — сообщил он. — Мог бы и дома остаться. Перед запасами кредитов Коуфорта и глазами его сестры не устоит никто, и на рынке не остаётся ничего, буквально ничего ценного, когда там появляется этот торговый принц.

— Зачем им столько ценностей? — с любопытством спросил Рип.

Ван Райк взглянул на своего помощника.

— ...Ответь ему.

— Тиг Коуфорт имеет дело с влиятельными людьми на высокоразвитых планетах, а также на менее развитых, но с очень сложно устроенным обществом. Он должен везти товары высокого качества, не безделушки, иначе с ним не будут разговаривать.

— Совершенно верно.

Торсон про себя облегчённо вздохнул. Вопросы и испытания — участь помощников, часть процесса их обучения, который постепенно преобразует новичка, только что вышедшего из Школы, в опытного знающего мастера. Но ему не нравилось постоянное перемещение в классную аудиторию, тем более боялся он ответить неправильно, поставить в неловкое положение себя и своего шефа. Правда, чуть позже он с ноткой гордости сообразил, что публично адресованный ему вопрос — это комплимент. Ван Райк ожидал от своего помощника правильный ответ.

— Когда приземлилась «Блуждающая звезда»? — спросил Стин Вилкоккс.

— Не приземлялась ни она, ни другие корабли Коуфор-та, — ответил Ван Райк. — Наш разговор был коротким, и я не успел расспросить её об этой загадке. Может, сама объяснит, когда придёт на борт для переговоров.

— А когда это будет? — спросил капитан.

— Через несколько часов. Я хотел получить время для подготовки.

Ван Райк тяжело вздохнул. Да, это время им надо использовать лучше. Все преимущества на стороне покупателя. Им необходимо избавиться от этого грузовика, и Разэль Коуфорт знает об этом не хуже них.

Глава 2

Джелико настолько привык к своей коричневой торговой форме, что она не беспокоила его даже со всеми креплениями и жёстким воротником, натиравшим шею. Ему предстояла важная встреча, которая занимала всё его внимание.

Он внимательно, насколько позволяли приличия, изучал сидевшую напротив него и Ван Райка женщину. Тан

был прав, назвав Раэль Коуфорт привлекательной, и столь же справедливо его замечание, что в её внешности есть нечто необычное. Нелегко указать, из какой она торговой федерации, или назвать её родную планету. Так случилось, что родилась она в космосе.

Среднего роста, стройная, с гибким, прекрасно координированным телом ветерана космических линий. Впрочем, космического загара нет, хотя её бледность совсем не та, что у Джаспера Вика. Кожа не потемнела, но была живой и светилась собственным мягким теплом.

Черты лица тонкие, и поэтому глаза с густыми ресницами выглядят невероятно огромными. Они светло-фиолетовые, и кажется, что их оттенок меняется с каждым изменением её настроения или хода мыслей.

Волосы рыжеватые, золотистые, как шкура земного льва. Длинные, убранные в причёску типа короны — такие приняты у женщин-космонавтов.

Руки — он видел, как они перебирают содержимое небольшого портфеля, — прекрасной формы, с длинными пальцами. И очень маленькие. Ладонь уместится поперёк ладони Ван Райка.

Она выбрала документ и протянула им. «Доверенность о праве вести дела от имени Тига Коуфорта с «Блуждающей звезды».

Суперкарго взял документ и прочёл его, как принято у торговцев.

— Датирован сегодняшним утром?

Она кивнула.

— Он передал его по факсу, когда я рассказала о возможной сделке.

— Мы не сообщали о своём намерении продать «Месть космоса», — заметил Ван Райк.

Молодая женщина улыбнулась и слегка пожала плечами.

— Приземлившись, я побродила, порасспрашивала и пришла к некоторым выводам. Тиг велел мне заключить сделку, если условия окажутся разумными.

Ван Райк откинулся в кресле.

— Мисс Коуфорт, должен признаться, что нахожу затруднительным поверить, будто вы прилетели на Трюкс для поисков и покупки подобного корабля. Торговля здесь

идёт не так уж бойко, к тому же на границе можно отыскать корабль и получше, не говоря уже о внутренних линиях, которые вы часто посещаете. Особенно, когда располагаешь достаточным запасом кредитов.

— Разумеется, меня сюда не посылали. Я прилетела на «Русалке».

— «Русалка» улетела вчера утром.

Глаза её сверкнули гневом, который до сих пор она скрывала.

— Мне не понравилось, как Риф Слейт управляет кораблем.

Брови Ван Райка поднялись.

— Он просто отпустил вас, или вы формально уволились?

— Уволилась. Он не посмел меня удерживать. У него люди не задерживаются, — губы её сжались в тонкую холодную линию. — Большинство капитанов экономят, когда дела идут плохо, но никто не экономит на системах жизнеобеспечения. В пути погиб помощник. В обстоятельствах, которые никогда бы не сложились на любом другом корабле. По-моему, это было явное убийство.

— Вы можете это доказать? — резко спросил Джелико.

— Нет, и я не настолько глупа, чтобы всем сообщать своё мнение. Просто поговорила о рейсах, которые преследует несчастье, и Слейт разорвал со мной контракт, прежде чем я запугала весь экипаж. Они могли бы поинтересоваться, почему на корабле за последние годы погибло столько людей. И так у него достаточно обеспокоенных людей.

— И что вы собирались делать, освободившись? — спросил Ван Райк.

— Остаться живой. Очень привлекательная идея, даже если придётся на какое-то время застрять на планете и выпрашивать себе на еду. Рано или поздно что-нибудь подвернулось бы.

Разль расправила плечи.

— Если вы удовлетворены, может, займёмся «Местью космоса», вместо того, чтобы углубляться в мою неинтересную историю.

Суперкарго склонил голову.

— Каковы условия Коуфорта?

Рано или поздно до этого должно было прийти. Тиг Коуфорт может купить у них корабль на своих условиях. И им придётся согласиться или же отказаться от переговоров.

— Мы выплатим вам столько, сколько вы первоначально заплатили за него.

— Плюс десять процентов за ту работу, что мы с ним проделали.

Женщина покачала головой.

— Наша цена справедлива. Износ тоже нужно как-то оценивать, и сейчас корабль связывает вам руки. Больше вы всё равно не получите, а если будете ждать, одни портовые расходы и обслуживание обойдутся вам дороже.

— Мы много затратили. Нам нужно вернуть свои затраты, или сделка не состоится.

— Я говорю, что вы их уже вернули. Чартер у вас был не очень богатый, но надёжный и постоянный.

Ван Райк откинулся в кресле, как бы прерывая обсуждение.

— Очень жаль, мисс Коуфорт. Нам нельзя оставаться без прибыли. Если придётся немного подождать или взять ещё один почтовый рейс, что ж, пусть будет так. «Месть космоса» — хороший корабль, один из лучших в своём классе. Со временем и на него найдётся покупатель.

Она задумчиво смотрела на него.

— У меня есть разрешение брата поставить личное условие.

Ван Райк снова наклонился к столу.

— Будем счастливы помочь вам, если это соответствует интересам «Королевы». Что вы предлагаете?

— Десять процентов, которые вы упомянули, в обмен на полёт на Кануч, планету звезды Халио. Предпочтительно, чтобы я выполняла на корабле какие-то обязанности и получала за это плату. Несколько лишних кредитов мне не помешают, и не думаю, чтобы вы разочаровались в моей работе. Вы ведь всё равно туда направляетесь, — практически добавила она, — так что я вас не задержу.

— Почему вы считаете, что мы туда летим?

— Кануч — ближайшая планета, где вы можете рассчитывать на получение приличного чартера и пополнить ваш запас товаров для торговли.

Суперкарго взял жетон, который она ему протянула. Он пристально посмотрел на неё.

— Врач?

Разэль кивнула.

— Да. Со всеми правами.

Она протянула руку и взяла свой жетон.

— Я знаю, что вам не нужен помощник врача на борту. Ни один корабль класса «Королевы» не позволяет себе этого; разве что врач корабля собирается на пенсию и хочет подготовить своего преемника. Я буду работать у всех на подхвате.

— На «Королеве» полный штат, — вмешался Джелико.

— Никого из постоянных членов экипажа я не отпущу.

— Конечно, — согласилась она, — но в любой секции не откажут от помощи: мистер Ван Райк, когда поступают или размещаются грузы; инженерная секция во время профилактического обслуживания; даже стюард и врач будут рады освободиться от части своих обязанностей. Я не предлагаю свою помощь на мостике. Я не хуже многих разбираюсь в астрогации, может, даже лучше, но это дело разумнее предоставить специалистам.

Её улыбка обезоруживала. Разэль была уверена, что получит место, но ей этого было мало.

— Я хочу стать частью «Королевы Солнца», — откровенно сказала она, — хотя бы на один рейс.

— Почему? — резко спросил Джелико. — «Королеве» не сравниться с другими кораблями, особенно с «Блуждающей звездой», в удобствах. И вы можете поручиться своими кредитами, что мы не станем останавливаться в самых феешенебельных космопортах Федерации.

Женщина вздохнула.

— Вы говорите о нас, будто мы миниатюрная компания. Уверяю вас, ничего подобного. У нас было несколько удач, да, но мы всё же вольные торговцы, подобно всем остальным. Мы не живём мягкой жизнью.

Мой интерес к «Королеве Солнца» объясняется двумя причинами. Во-первых, ваш прежний помощник суперкарго, Мара Ингрэм, наш лучший суперкарго. Она получила превосходную подготовку, и хоть на «Звезде» ей хорошо, она всегда только с гордостью и любовью вспоминает то время, когда была членом вашего экипажа. Во-вторых, поведение ваших помощников и мистера Вика, когда вы были на зачумлённом корабле. Они оказались

способны к быстрому мышлению, сумели выработать план и осуществить его в труднейших условиях. В конце концов «Королева» вышла из этого испытания не только платёжеспособной, но и с неплохим контрактом, и сумела отомстить своим недругам. Я думаю, что за один-два рейса с вами я научусь большему, чем за десять лет блужданий на границе.

Фиолетовые глаза серьёзно смотрели на них.

— Никаких тайных мотивов у меня нет. Вы непосредственно не соперничаете с моим братом, и даже если бы соперничали, Тиг играет честно.

— Никто никогда не отрицал этого, доктор Коуфорт, — спокойно ответил капитан.

Она тщательно закрыла свой портфель.

— Предложение сделано. Подумайте, но подумайте хорошо. Предложение щедрое, потому что мы серьёзно заинтересованы в приобретении корабля, а вам, в обозримом будущем, не удастся обменять его или продать более выгодно.

Ван Райк помолчал.

— В этом нет необходимости. Мы принимаем предложение вашего брата. Хотите осмотреть «Месть»?

— Конечно, так же, как и наш инженер, когда прибудет экипаж. Но это всего лишь формальность. Вы летали на корабле, а никто из вас не кажется самоубийцей. А моя просьба?

— «Королева» возьмёт вас, но если хотите работать, то только неквалифицированная работа помощника без доли в прибыли. Придётся договориться об оплате. Только большие трансгалактические корабли и большинство пассажирских лайнеров на внутренних системах используют неквалифицированную рабочую силу. Здесь, на границе, ни один капитан не может позволить себе такую роскошь. У каждого члена экипажа есть свои обязанности, а в случае необходимости он может заменить других.

— Тогда всё, мистер Ван Райк, — она взглянула на Джелико. — Если согласен капитан. Наём члена экипажа выходит за рамки обязанностей торговой секции. Нужно спросить капитана.

— Я согласен, доктор.

— Прекрасно. Благодарю вас, капитан Джелико.

Разль встала.

— Я скоро. Прихвачу свои вещи и подготовлю формальный контракт. Можете проверить его, а подпишем, когда я вернусь.

Глава 3

Ван Райк опустил голову. Он сделал всё, что мог, а смог он в данном случае немного. Старшие члены экипажа оценят это, но он знал, что остальные ожидали от него чуда. Чёрт возьми, он сам почти ожидал его...

Джелико взглянул на него.

— Не так уж плохо, — довольно сказал он. — Первоначальную стоимость и затраты мы уже вернули, так что это чистая прибыль. Неплохой урожай для «Королевы».

Напряжение спало, все столпились вокруг суперкарга, поздравляя его.

— Единственный вопрос! Что нам теперь делать с новым членом экипажа? — заметил Стин.

— Об этом не беспокойтесь, — ответил Тау. — Я смогу занять её. Я проводил, вернее, пытался проводить, изучение межвидово-межрасовых передач вирусной или бактериальной инфекции на планетарном, межпланетном и межзвёздном уровнях. Один только ввод информации — галактическая работа. Если Раэль Коуфорт с ней справится, по-моему, она окупит свой рейс, а с её медицинской подготовкой она сможет и интерпретировать данные.

— Вы считаете, она ничего не задумала? — настаивал Рип, выражая общее сомнение. У всех были основания вспоминать некоторых недавних пассажиров.

— Насколько вообще в этом можно быть уверенным, — ответил Ван Райк. — Как указала доктор Коуфорт, мы не в том классе, чтобы конкурировать с её братом, и в данный момент у нас нет даже чартера или ещё чего-нибудь, что он захотел бы отобрать. Да если бы и захотел, то действовал бы в открытую. Не будет же он затевать торговую войну из-за почтового рейса. Конечно, нужно связаться с ним и получить подтверждение полномочий Раэли, но если всё подтвердится, можно без опасений принимать её на борт. Это нам не повредит, даже не учитывая её помощи Тау. Она доказала, что может торговаться.

— Верно, — капитан изумлённо покачал головой. — Тверда, как титан, хотя кажется хрупкой, как одна из призрачных лоренских лилий.

Крэйг Тау усмехнулся.

— Обычная ошибка нашего пола. Хрупкое телосложение ещё не эквивалент слабости или некомпетентности. Эта женщина родилась на борту вольного торговца. Удивительней было бы, если бы она не владела этим делом, особенно в ситуации, когда у неё в руках бластер.

— Совершенно верно, — согласился Джелико. Он встал. — Начну программировать навпьютер на Кануч. Когда наш новобранец появится, пришлите её ко мне в каюту.

Разль Коуфорт расправила плечи и резко постучала в дверь рабочего кабинета капитана. Получив приглашение, вошла.

По списанию Мары она знала, чего ожидать, поэтому не вскрикнула удивлённо, но глаза её восхищённо сверкнули, когда она увидела на стенах трёхмерные изображения некоторых редчайших представителей фауны Федерации. Снимки были сделаны с высочайшим профессиональным и художественным мастерством и заслуженно отвели капитану Джелико место в первом ряду наиболее известных ксенобиологов ультрасистемы.

Но здесь должно быть и нечто большее, чем просто изображение причудливых форм жизни. Она поискала и нашла то, что хотела увидеть. За столом капитана в маленькой раскачивающейся клетке сидело одно из самых странных существ, каких ей приходилось видеть, единственное встреченное ею во плоти. Похоже на помесь жабы с маленьким попугаем, с ярким голубым оперением, с воротником вокруг шеи, с шестью ногами, две из которых заканчиваются клешнями, размещёнными по-паучьи вокруг всего тела.

— Квикс! — восхищённо воскликнула она и быстро подошла к Хубату. — Ты замечательный!

Джелико уставился на неё. Обычно квикс вызывал совсем не такую реакцию. Для всех предыдущих посетителей и для большинства членов экипажа он — воплощение ужаса.

Он снова посмотрел, на этот раз на Хубата. Вместо обычного приветственного пронзительного вопля сирены, за которым следовал меткий плевок, существо перебирало

ногами прутья клетки, просовывая клешни и производя мягкий негромкий гул; конечно, не скрипичная соната, но всё же первый отчётливо музыкальный звук, какой приходилось услышать от него человеку.

С лицом, горящим от восторга, Коуфорт просунула тонкий палец и легко почесала существо по голове. Хубат принял это с выражением явного удовольствия.

Неожиданно, будто вспомнив, где и зачем она находится, женщина отступила, сильно покраснев.

— Простите, сэр, — извинилась она. — Мара рассказывала о нём, и все эти теленовости...

— Интересное существо, — грубовато согласился Джелико. — Похоже, вы умеете обращаться с животными, — добавил он, классически недооценивая то, что произошло с Хубатом.

— Да, со всеми формами, обладающими хоть зачатками интеллекта. Понимаете, они мне нравятся. И словно понимают это и отвечают тем же. И растения у меня хорошо развиваются. Я работала в оранжерее на «Блуждающей звезде» и на её предшественнике, сколько себя помню.

— Возможно, нам это окажется полезным.

Джелико взял её жетон, вставил в регистратор.

— Ваша служба начинается с этого момента и до того времени, как «Королева» готова будет покинуть Кануч, с правом договора на ещё один рейс или на более постоянный контракт, если это устроит нас обоих.

Раэль кивнула.

— Согласна, — она улыбнулась. — Рынок драгоценных камней?

— Да, мистер Ван Райк испытает ваши возможности в этом.

— Рада буду служить «Королеве», хотя в покупке камней всегда нужна удача.

— Мы понимаем это, доктор.

Капитан задумчиво взглянул на жетон в своей руке, потом снова перевёл взгляд на женщину.

— Присядьте ненадолго, доктор Коуфорт.

Он молчал, пока она не села, потом продолжил.

— Я связался с вашим братом.

— Это логичный ход с вашей стороны, особенно после того, как я рассказала, что разорвала контракт с «Русалкой», — она больше ничего не сказала, хотя его молчание

свидетельствовало, что он ждёт дальнейших комментариев.

Пришлось продолжать капитану.

— Коуфорт подтвердил вашу высокую квалификацию, особенно в области медицины.

— Однако? — она уловила интонацию его голоса. Тиг не стал бы ради неё лгать.

— Коуфорт сообщил, что вы не очень хорошо реагируете на зрелища страданий и серьёзных увечий.

Взгляд женщины мгновенно прояснился.

— Он тоже, — в следующее мгновение она снова стала серьёзной. — Правда, что я вовлекла его в несколько конфликтов, которых он предпочёл бы избежать.

— Я не могу допустить, чтобы то же самое произошло с моим экипажем, — резко сказал Джелико. — Капитан вольного торговца, капитан любого звёздного корабля отвечает не только за корабль и груз, но и за всё живое на борту. Он не может действовать, как не связанный ответственностью индивидуум. Иногда у него не бывает выбора. Приходится закрывать глаза. Это справедливо по отношению к вашему брату и ещё более по отношению к нам. У нас разные финансовые возможности.

— Я понимаю это, капитан Джелико. Слишком хорошо понимаю. Мне пришлось уйти с «Русалки», удовлетворившись спасением своей шкуры, вместо того, чтобы обвинить Слейта в преступной небрежности.

Опустив глаза, Раэль прикусила губу.

— Надеюсь, кто-нибудь сделает это, — она снова подняла голову, не скрывая своей ненависти. — И скоро.

— Не рассчитывайте на это, если экипаж не так доволен, как вы говорите, — он сунул жетон в рекордер и нажал кнопку, официально утвердив нового члена экипажа. Сделав это, он вернул ей жетон. — Добро пожаловать на борт, доктор. Торсон ждёт вас снаружи, чтобы показать вам корабль. Вам как раз хватит времени, чтобы осмотреться и уложить свои вещи до взлёта.

Глава 4

Дэйн взглянул на часы. Что держит там эту женщину? Его первый разговор с капитаном занял несколько секунд, необходимых для того, чтобы зарегистрировать жетон...

Он посмотрел на дверь, сердясь на женщину и на себя самого, потому что понимал: его гнев вызван собственной неуверенностью.

«Чёрт возьми!» — подумал он. Он, как и все, знал, что смешанный экипаж предпочтительней, но «Королева» прекрасно обходилась только мужчинами с того момента, как он на ней, и ему не хотелось никаких неприятностей. Достаточно их со стороны. Не хватало только иметь их в собственном обществе.

Несомненно, не возможное мастерство Разли Коуфорт или его отсутствие беспокоили его. И, разумеется, не её пол. На его курсе в Школе было мало женщин, но всё-же они составляли около трети всех курсантов. Все оказались вполне пригодны к работе и несли всю тяжесть индивидуальных и групповых обязанностей.

Он вздохнул про себя. Способности новичка его в данный момент не интересовали. Он просто боялся того, что она может сделать. Он любит «Королеву Солнца» такой, какая она есть. Всё устоялось, удобно, и ему совсем не нравится мысль о переменах, которые может принести новобранец.

Новобранец! Ведь Коуфорт даже не звали на корабль. Она сама ворвалась на него.

Торсон начал вспоминать, и раздражение его улеглось. Он не так давно на «Королеве», чтобы забыть о сомнениях и страхах своих первых дней. Эта женщина старше, она специалист, а не помощник, но он не верил, что она, хотя бы отчасти, не испытывает те же чувства, которые вначале так мучили его. И он будет настоящим подонком, если добавит к её испытанию свою враждебность.

«Нет, — решительно сказал он себе, — по всей справедливости ей нужно дать шанс, может быть, даже несколько, но если только она станет источником неприятностей, если только попробует разрушить, то...»

Дверь раскрылась, и в коридор вышла Разль Коуфорт. Она широко улыбнулась ему.

— Всё сделано, — сказала она. — Я полноправный член...

Крик, резкий, как сигнал тревоги, заглушил её слова. Даже отсюда было слышно, как Джелико ударил по дну клетки, но на этот раз обычное средство не подействовало. Сирена продолжала звучать.

Торсон сморщился.

— Интересно, долго старик будет это выносить? Или Квикс. Почему эти удары не вытрясают ему мозги?

Женщина рассмеялась.

— Ну, нет. Ему это нравится.

— Он должен быть ещё более необычным, чем выглядит, чтобы ему нравилось такое обращение.

Она странно взглянула на него.

— Вы не читали о хубатах?

— Боюсь, что нет. Слишком был занят, изучая торговое дело, — ответил он, стараясь не говорить слишком резко и смущаясь при этом. — А вы, наверное, читали?

Разэль не заметила его смущения.

— Меня заинтересовал рассказ Мары, и я провела небольшое исследование. Очень интересные маленькие создания. Могу понять, почему капитан приютил одно из них, особенно учитывая его интерес к внеземным формам жизни.

— Это больше, чем можем утверждать мы все, — заметил Торсон. Его любопытство было основательно возбуждено. — Не поделитесь ли своими открытиями?

Она рассмеялась.

— Конечно. Хубаты родом с Табора, и даже там они редки, заполняя очень специфическую нишу. Живут они в нескольких каньонах, туннелях, продуваемых ветром, и всю жизнь проводят, прицепившись к выступам камня и торчащим ветвям. Ждут, пока что-нибудь съедобное не окажется вблизи. Им не нужно часто есть, и они охотятся, конечно, как сделал Квикс, когда загнал этих ваших переносчиков болезни. Птенцы растут в свободно подвешенных гнездах, на тонких ветках, что спасает их от хищников. Оба родителя кормят их в короткий период зависимости, но в остальном хубаты — одиночные существа. Поэтому Квикс хорошо себя чувствует в изоляции от своих сородичей. Что касается ударов, то они его действительно успокаивают, это возврат к прежней жизни, когда он висел в гнезде. В сущности, хубату, чтобы оставаться здоровым, нужны резкие движения.

Дэйн улыбнулся. Капитан Джелико нежно раскачивает птенца хубата, чтобы успокоить его. Эту картину стоит запомнить, хотя рассказывать о ней в присутствии капитана он не станет.

— Вы ведь не думали, что он сознательно обижает животное или держит его в невыносимых условиях?

— Нет, — серьёзно ответил он после короткого молчания. — Вернее, не подумал бы, если бы это пришло мне в голову. Я читал кое-какие статьи Джелико, и в них слишком много любви и уважения к животным, чтобы я заподозрил его в жестоком обращении с ними.

Он взглянул на часы.

— Давайте пробежимся по «Королеве» и забросим ваш багаж. Скоро нужно будет пристёгиваться.

— Хорошая мысль, — она подняла свою сумку, которую во время раговора поставила на пол.

Торсон взглянул на неё. Обычного размера, достаточно лёгкая, но все же она в три раза больше, чем та, с которой он впервые поднялся на борт «Королевы».

Но тут ему на помощь пришёл здравый смысл. А чего ещё он ожидал? Раэль Коуфорт — не новичок только что из Школы. Она ветеран звёздных линий, она буквально родилась в торговле, и жила и росла в условиях относительного процветания. Естественно, у неё собрались кое-какие пожитки. У него, с другой стороны, нет родственников, которые поддержали бы его, и он принёс на корабль только самое необходимое и немногие жалкие личные вещи, которые смог приобрести.

Вначале помощник суперкарго провёл Раэль через мостик и показал каюты работающих тут. Потом они спустились по центральной лестнице на следующую палубу, где помещаются двигатели и управление ими, и где командует и живёт со своими помощниками Иоганн Штоц.

Ниже — каюты помощников. Здесь же кают-компания и камбуз, царство Фрэнка Муры, плюс небольшое помещение с приспособлениями для чтения и другими средствами, помогавшими развеять скуку долгих перелётов.

Ещё ниже, рядом с трюмами, ёмкостями для топлива и выходами двигателей, что составляет большую часть объёма «Королевы Солнца», находятся каюты суперкарго, самого Торсона, Фрэнка Муры и доктора Тау, а также две крошечные пассажирские каюты. Одна из них отведена Раэли на всё время её пребывания на корабле. И, наконец, комбинация санузла и освежителя — обязательная часть любой палубы, где живут люди.

Разль быстро осмотрела свою каюту и опустила сумку на пол у койки. Помещение маленькое, даже по космическим стандартам, так как не предназначается для постоянного поселения, но вполне удобное. Койка полного размера, достаточно стенных шкафов для одежды и других вещей. Можно откинуть металлическую панель, которая служит столом, а роль стула выполняет койка. Она заметила, что освещение расположено удобно и позволяет читать и работать.

Разль не стала распаковываться и сразу вышла, чтобы вслед за Торсоном спуститься на самую нижнюю палубу. Вряд ли у неё будет время осмотреть всё подробно, и она сомневалась, что её впустят в трюмы, хотя сейчас они почти пусты. Вольные торговцы обычно очень осторожно относятся к посетителям своих трюмов.

Уровень, на котором они оказались, наиболее интересовал Коуфорт. Здесь находятся: лазарет, операционная доктора Тау и лаборатория, а также оранжерея, большая комната, где размещаются растения, восстанавливающие запас кислорода на корабле, очищающие воздух от продуктов дыхания, а также поставляющие свежие фрукты и овощи, чтобы разнообразить монотонную диету из концентратов, обычную на дальних звёздных линиях.

Вход в оранжерею полупрозрачен, и они остановились, восхищаясь буйной зеленью.

— Как много! — воскликнула Разль. — И какое разнообразие! Мне казалось, вам пришлось всё здесь уничтожить, когда вы подцепили эту чуму с Саргола.

— Да. Мистер Мура много работал, чтобы восстановить оранжерею.

Открывая дверь, Дэйн глубоко вдохнул. Как всегда, он наслаждался свежим запахом растительности. Везде на корабле воздух безжизненный, многократно переработанный. Здесь же он живой.

Почувствовав, как что-то прикоснулось к его ногам, он посмотрел вниз. Большой кот в оранжевых полосках протиснулся между ними и традиционно приветствовал его, прежде чем обратить внимание на новичка.

Коуфорт легко опустилась на колени.

— Здравствуй, парень, — сказала она, протягивая ему руку, чтобы он принял. — Ты глава секции контроля, мне кажется?

— Да, — подтвердил Торсон. — Это Синдбад, почётный член нашего экипажа.

— По справедливости, — она вздрогнула. — Не решилась бы лететь на корабле, на котором нет хорошего кота.

— Вы и не найдёте таких, — согласился он.

Она взяла Синдбада на руки.

— Какой огромный! Наши котята по сравнению с ним...

— На «Блуждающей звезде» их несколько?

Она кивнула.

— Старший специалист и два помощника, которые находятся в его подчинении.

Разль потёрла кота под подбородком, получив в ответ одобрительное урчание.

Потом неохотно опустила его и встала. Одобрительно придохалась к насыщенному ароматами воздуху.

— Я поняла бы, что на борту есть настоящий повар, если бы Мара не рассказывала мне об этом. Тимьян, шалфей, базилик, медовое семя — все старые верные приправы. Но я чувствую ещё некоторые.

— Чувствуете? Мы далеко от них и...

— У меня обострённые чувства, включая обоняние, — она наморщила нос. — Не всегда это преимущество. К тому же я много работала в оранжерее «Звезды» и более или менее знаю, чего ждать от хорошей оранжереи.

Одного знакомого запаха не доставало.

— Вам следует развести лаванду, — сказала она. — Ничего лучше не освежает воздух, и она даже в маленькой каюте не подавляет.

В интеркоме прозвучали три свистка. «Приказ на подъём», — без особой необходимости заметил Дэйн, хотя этот сигнал универсален на всех звёздных линиях.

Они тщательно закрыли дверь оранжереи, предварительно выпустив Синдбада, потом с привычной лёгкостью поднялись по лестнице, чтобы пристегнуться в своих каютах. Очень скоро «Королева» окажется в космосе и начнёт прыжок в гиперпространство и долгий перелёт к планете Канучу звезды Халио.

Глава 5

Скука — настоящая чума межзвёздных перелётов, но Разль Коуфорт не страдала от неё в последующие дни. В основном она работала с Крэйгом Тау, но проводила

немало времени во всех секциях, в зависимости от их потребности и её подготовки.

Уже наступило время обеда, но она оставалась в терминале Тау, очевидно, глубоко поглощённая своим занятием. Она даже не заметила, как в помещение операционной вошли главный врач и Джелико. Не замечала она и неудобства своей позы, которую приняла по какой-то причине: сидела так далеко, что ей приходилось выгибать спину и вытягивать руки, чтобы дотянуться до клавиатуры.

При приближении мужчин поза Разль изменилась, и они получили ответ. Пушистая голова и лапа кота лежали на приподнятой правой руке женщины. Остальная часть тела большого кота находилась у нее на коленях.

При приближении мужчин Синдбад открыл глаза. Широко зевнул, потом грациозно спрыгнул на пол, где вытянулся во всю свою длину. По-прежнему удовлетворённо мурлыкая, он вышел, высоко задрав хвост, и возобновил обход звёздного корабля — своей вселенной и своего владения.

Коуфорт нежно улыбнулась, разминая затекшие руки.

— Я так люблю их, что иногда мне кажется, что я была одним из них.

— Реинкарнация? — спросил Тау, как всегда, интересующийся магией и верой в неё.

— Да, — ответила она, по-прежнему улыбаясь, — но в чисто поэтическом смысле. Я считаю, что нам, людям, даётся только один шанс, чтобы проявить себя. Но мне нравится думать, что племя Синдбада может возвращаться, когда и сколько хочет. Их продолжительность жизни настолько короче нашей, что мы можем встретиться с другом своей юности в последующие года.

Она некоторое время смотрела на них, словно ожидая ответа, потом снова согнула плечи и взглянула на экран.

— Пятая секция почти закончена. Работа медленная и, достаточно сложная, чтобы сделать ввод информации интересным.

— Трудная работа, — сказал Джелико. — Вы выглядите уставшей.

Врач рассматривал её.

— У вас есть успокоительное?

— Конечно, — успокоительные капли широко использовались по всей Федерации.

— Уходите отсюда и примите их. Это исследование рассчитано надолго, и даже если мы убьём себя на работе, до Кануча до конца не доберёмся.

— Знаю, доктор, — печально согласилась она. — Просто мне трудно остановиться, когда навпьютер запрограммирован на такую работу и она идёт хорошо.

Она встала.

— Не возражаете, если я сначала загляну к Квиксу, сэр? — спросила она Джелико. — Я сегодня ещё не видела его, и...

— Знаю. С самого утра ни минуты покоя. Обязательно повидайтесь с ним и отныне ежедневно проводите с ним не менее тридцати минут. Мне нужно спокойствие, по крайней мере, в своей каюте.

— Спасибо, капитан!

— Это вовсе не награда, доктор Коуфорт! — свирепо сказал он.

— Я знаю, сэр, но все равно.

И женщина вышла, взмахнув рукой.

Джелико смотрел, как она исчезает за дверью. Если она устала, на её походке это никак не отразилось, но он всё же бросил на своего товарища строгий взгляд.

— Я хочу полностью использовать её, Крэйг, но не убивать. У нас не рабовладельческий корабль.

Тау отвернулся к ящику, где держал свои инструменты и более сложные медикаменты.

— Не могу представить себе, что она покорно подчиняется угнетению. Закатайте рукав, капитан. Больно не будет.

— Вы это говорите каждый раз.

— Да, когда делаю иммунизационный укол. Такова медицинская традиция.

Он молчал, пока готовил лазерную иглу, потом продолжил:

— Традиция также, что никто на корабле не помнит своё расписание уколов.

— Могли бы и пропустить этот, — проворчал капитан.

— Сколько ни делаете уколов против квандонской лихорадки, неизбежно возникает новая мутация, и ты всё равно заболеваешь, несмотря на все уколы.

— Но не так тяжело. Мы надеемся. К тому же зачем

давать приют старым версиям? Все они нежелательные жильцы.

Когда Джелико почувствовал жар иглы, врач уже дезактивировал её. Капитан мельком взглянул на красное пятнышко и вернул рукав на место.

— Как дела у вашей помощницы?

— У Коуфорт? Если бы я передал заказ непосредственно правящему духу космоса, не мог бы получить ничего лучше. Во всяком случае для этого своего исследования.

— Ну, это более или менее по её части, не так ли? Она эпидемиолог.

— Вряд ли это слово даёт полное представление о ней. Разль Коуфорт знает все подробности обо всех эпидемиях со времён домеханической Земли. Да и о других больших катастрофах знает не меньше. Она мне даже больше помогает в сопоставлении и интерпретировании данных, чем во вводе информации.

— А как с практической медициной?

Врач пожал плечами.

— Пока нам везёт, и мне не пришлось испытывать её в этом отношении.

Крэйг опустил на стул, оставленный Разлью.

— Что докладывают остальные?

— По словам Иоганна, она компетентна. Не гений, может быть, но использовать её он может. Тан может посадить её за приборы в любой момент. Стин говорит, что она знает теорию, в том числе достаточно сложную, но реальные расчёты — совсем другое дело. Вероятно, если понадобится, она доведёт корабль до цели. Он просто не хотел бы лететь на этом корабле.

— Астрогация — очень специальное искусство, — заметил врач.

— Хирургия тоже. Никто из нас не хочет проверять её в этом.

— А мнение Фрэнка?

— Не нужно приставлять ему бластер к голове, чтобы он поел приготовленное ею, но он предпочёл бы, чтобы она занималась оранжереей. Клянётся, что она способна вырастить зелень в открытом космосе.

Тау кивнул.

— Она вообще любит иметь дело с живым, что естественно для врача. А что говорит Ван? У людей торговли самое широкое поле деятельности.

Джелико широко развёл руки.

— Она хорошо знает товары, особенно предметы роскоши, но может ли выторговать что-то, остаётся только догадываться. Её переговоры с нами — не доказательство. Мы её племени, да к тому же у неё были все преимущества.

Примерно это Тау и ожидал услышать.

— Сильна в биологических областях, достаточно компетентна с машинами и математикой. Обычный случай. Большинство людей склоняется в одну или другую сторону. Но уровень её достижений во всех этих областях выделяет её. По-моему, Тиг Коуфорт был не очень доволен, когда она покидала «Блуждающую звезду».

— Ставлю на это все кредиты, — согласился Джелико. Даже если брат и испытывал облегчение от её ухода.

— А как вы сами? Смогли что-нибудь узнать? — он знал, что большую часть своего свободного времени Разэль проводит в обществе капитана, хотя на мостике она мало чем может ему помочь.

— Не очень много. У неё любительские познания о животных, но широкие и подробные. Она их любит, поэтому я считаю, что она просто запоминает прочитанное. Со мной то же самое. Во всяком случае, я с ней ещё об этом не говорил.

Он нахмурился.

— Квикс стал совсем другим. Он всё время ищет её. Точнее, требует её присутствия.

— Может, ей почаще бывать с ним, — серьёзно предложил врач.

Товарищ недоверчиво взглянул на него.

— Мы не знаем об этой проклятой женщине почти ничего, кроме её имени.

— Будьте разумны, капитан, — невинно продолжал Крэйг. — Мы можем установить прецедент, создать новую должность. Смотритель хубата первого класса...

Слишком поздно Джелико заметил искру в тёмных глазах. Он красочно описал, что советует Крэйгу сделать со своим предложением.

Через несколько мгновений оба снова стали серьёзны.

— Она не очень много сообщает о себе, — согласился Тау. — Масса подробностей о самых разных вещах, но ничего о Разэли Коуфорт. У вас есть какие-то подозрения или догадки?

— Просто множество вопросов без ответов.

— Проверяли?

Капитан резко кивнул.

— И я, и Ван. Что могли. Легенда звёздных линий — её брат, не она. О ней не так много информации.

— Она хорошо адаптируется, — заметил врач.

— Может, да, а может, нет. Если только я правильно заметил, Коуфорт не очень ладит с младшими членами. Она старше них и давно уже не помощник, и она так хороша, что может показаться им угрозой.

— Дэйн?

Капитан кивнул.

— Он пытается сдержаться, но он не так давно из Школы и, когда мы только его взяли, был не самым весёлым новобранцем.

— Школа не доставляла ему радость. Бойтся за свою работу?

— Вероятно, нет. Врач вряд ли будет охотиться за ней, но ему ещё многому предстоит научиться, и потому он без всякого удовольствия слушает рассказы Вана об её успехах на рынке.

— Ну, Шэннона она не может расстроить. По вашим словам, она не звезда на мостике.

Джелико рассмеялся.

— Конечно. Рип Шэннон настолько уверен в себе и своём положении, что это даже пугает. К тому же ему нравится всё или почти всё на двух и большем количестве ног.

— А как Али? — спросил Тау. — Для него Разэль тоже не опасна. Машины — не её дело.

Капитан почувствовал неуверенность.

— Мы забираемся в вашу область, Крэйг, — извинился он.

Тау только улыбнулся.

— Пожалуйста, продолжайте. Пока вы держались верного направления.

— У Камила особый характер. Да, он знает, что Разэль Коуфорт не может занять его место в секции, но, мне кажется, ему перемены, даже временные, нравятся ещё меньше, чем Торсону. Ему нужна, отчаянно нужна стабильность, и любые перемены в персонале угрожают

этому. Он достаточно умён, чтобы понять, что ничем не может помешать Раэли и ее присутствию на корабле, но всё же не встречает с распростёртыми объятиями то, что кажется ему опасным.

— Подлинной вражды между ними нет, — заверил врач капитана. — Я в этом смысле слежу за всеми.

— Но даже сама возможность такой вражды заставляет меня нервничать, — сухо сказал Джелико.

Глаза врача сузились.

— Что это? Если у вас есть что-то определённое против Раэли Коуфорт, остальные должны об этом знать. Я не помню, чтобы ваши инстинкты подводили вас.

— Я уже сказал: целая галактика вопросов.

— И один из них: зачем ей место на таком корабле, как «Королева Солнца»?

— Этому действительно можно удивиться. Мысль о том, что сестра Тига Коуфорт бродит по далям космоса в поисках стоянки, хоть кого удивит.

— Конечно, если только она не говорит правду. Дух космоса видит, это довольно логично, и она никогда не утверждала, что намерена всю жизнь провести здесь. Набрав практического опыта, она сможет вернуться в организацию брата на своих собственных условиях или связаться с каким-нибудь кораблём на внутренних линиях. Нельзя винить её в том, что она не прошла психотест. После этого следуют долговременные договоры. А если она хочет вернуться к своим в ближайшем будущем, ей незачем связываться с другими.

— К тому же для неё пограничные районы очень удобны, — продолжал Тау. — Здесь она может применить свои знания, не опасаясь, что вяжется в торговую войну с Тигом. Мы никогда не работаем на одних и тех же рынках, по крайней мере, не угрожаем друг другу регулярно.

— Я вижу, вы тоже обдумывали эту проблему, несмотря на весь ваш энтузиазм относительно нашего нового работника.

— Естественно. Надеюсь, я ещё не совсем спятил. Просто хочу использовать её способности, пока гадаю о ней.

— Я тоже. Если принять, что она та, за кого выдаёт себя.

Но в этом мы убедиться не можем: почти всё, что мы о ней знаем, исходит от самой Раэли Коуфорт.

Некоторое время Джелико молчал, потом вздохнул.

— Она так хороша во всём, Крэйг. Почему Коуфорт отпустил её? Она утверждает, что хотела испытать себя, но у Тига есть несколько кораблей, и ещё несколькими он владеет частично. Все его помощники находят место в его же организации, когда заканчивают обучение. Просто не имеет смысла, что он не смог организовать того же для сестры.

Джелико резко взмахнул головой.

— Что с ней? Не могу понять, но Коуфорт явно хотел избавиться от этой женщины.

— Даже то, как она вписалась к нам, говорит против неё. Она слишком старается. Нужно всё время держать себя под контролем, чтобы всегда давать правильные ответы, — капитан нахмурился. — Что из того, что мы видим где подлинная Раэль Коуфорт, а где — тщательно сооружённая маска?

Лицо капитана застыло.

— Сейчас я жалею, что мы приняли её предложение. Возможно, я принял на борт «Королевы» потенциальную сверхновую звезду — или что-нибудь ещё похуже.

Глава 6

На следующий день у Джелико не было времени задумываться над этой загадкой. «Королева» должна была приземлиться на Кануче вечером, и все были заняты множеством дел, всегда сопровождающих приземление.

Все были возбуждены. На быстро приближающейся планете решится их непосредственное будущее.

Удастся ли им найти чартер, выгодных пассажиров или груз, чтобы оправдать расходы на следующий перелёт?

Какими товарами смогут они пополнить свои опустевшие трюмы? Драгоценные камни, ткани, предметы роскоши, огромное количество промышленных товаров, местные продукты — рынок планеты предлагает их все, а также множество других, более экзотических товаров, которые торговцы привозят в космопорт. Невозможно предсказать, что именно и в каком количестве и составе встретится им во время очередной стоянки.

Скоро они начнут получать ответы на эти вопросы. А тем временем можно только гадать и готовиться к тем возможностям, что обязательно появятся на планете Халио Кануче.

Дэйна Торсона разбудили рычание и рёв, словно из пасти легендарного оборотня.

Прохладный воздух подсказал ему, что на «Королеве» ещё ночное расписание, но он всего лишь отметил это краем сознания, осторожно пробираясь к двери почти в полной тьме. Он не собирался включать свет, пока не узнает, в чём дело. Что-то, несомненно, произошло. Всё, что на космическом корабле отличается от обычного распорядка, должно рассматриваться с подозрением, а шум среди ночи равнозначен объявлению тревоги, особенно на чужой планете.

Осторожно он чуть-чуть приоткрыл дверь. Шума больше не было, но, выглянув наружу, он застыл.

Значит, у них все-таки есть пассажир, пробрался за то короткое время, какое был открыт вчера люк. Синдбад выследил его и напал на чужака, но тот представлял реальную опасность. Крупный зверь, добрый фут в длину, не считая тонкого, как хлыст, безволосого хвоста. Тощее гибкое тело с мощными мышцами. Когти на лапах не опасны; они, очевидно, и не предназначались для защиты от противника размером с кота. Другое дело зубы в пасти на длинной усатой морде. Очень острые, и существо действует ими быстро и решительно. Оба уха Синдбада разорваны, и сбоку на челюсти глубокая рана.

Но кот всё же сильнее. Коричневая шерсть чужака покрыта кровью, силы его, очевидно, на исходе. Синдбад видел это. Он прижался к земле, внимательно наблюдая. Изредка только хвост его яростно дёргался, в остальном же он оставался неподвижен, скорее статуя, чем живое существо.

Неожиданно, без малейшего предупреждения — Дэйн во всяком случае ничего не заметил — Синдбад прыгнул. Мощный прыжок подбросил его высоко и круто опустил на спину противника. Сильные, острые как иглы, зубы сомкнулись на шее. Несколько секунд спустя он встяхнул зверя и бросил его на палубу, тот дважды дёрнулся и затих.

Дэйн посмотрел на него, потом снова на кота. Он осторожно поднял его на руки. Тот получил не просто царапины. Необходимо немедленно остановить кровотечение и оказать медицинскую помощь. Какие бы иммунизационные уколы ни делались, укус чужака — всегда самый потенциально опасный инцидент на звёздных линиях. Никакая профилактическая серия не может защитить от всего разнообразия микроорганизмов, которые могут проникнуть в тело таким способом. А многие из них способны размножаться с огромной скоростью и смертоносным результатом в организме, не подготовленном природой к сопротивлению.

Губы Дэйна сжались в жёсткую линию. Держа кота на руках и стараясь остановить кровотечение, пока животное не ослабло, он неожиданно понял, что не видит больше в Синдбаде просто полезное животное, которое должно служить своим хозяевам-людям. Нет, это друг, полноправный член экипажа «Королевы», в сущности, глава секции контроля, как его назвала Раэль Коуфорт. Да, в общении между членами экипажа и котом большие ограничения, но суперкарго и их помощники привыкают работать с совершенно чуждыми расами и умудряются устанавливать выгодные торговые отношения...

Остановив кровотечение, Торсон беспокойно нажал кнопку своего интеркома. Четвероногая жертва или двуногая, ситуация требует немедленного вмешательства врача. А его задача — вызвать помощь и помочь в дальнейшем.

Не успел Дэйн начать сжато пересказывать случившееся, как Раэль соскочила с койки и надела брюки. В следующий момент она сунула босые ноги в туфли, руки — в рукава рубашки, подхватила медицинскую сумку, лежавшую рядом, даже когда она спала, и вылетела из каюты.

Бегом добралась до каюты Торсона, на секунды опередив старшего врача.

Поискала взглядом и тут же нашла пациента.

— О, Синдбад! — негромко воскликнула она. — Что с тобой случилось, мой маленький храбрый воин?

Женщина поставила сумку в ногах кровати, при этом раскрыв её. Движения Раэли, хотя и быстрые, оставались

ровными и спокойными, чтобы не встревожить раненое животное.

— Подержите его, Дэйн, — попросила она. — Хочу осмотреть эти укусы, прежде чем заняться ими.

— Держу, — ответил он.

Разль работала быстро, всё её внимание было поглощено маленьким пациентом.

Дэйн с чем-то близким к благоговению следил, как её пальцы движутся будто по собственной воле, мягко и уверенно. Медицину часто определяют как искусство, и он понял, что присутствует при таком её проявлении, что действия женщины направлены не только на излечение тела, но и души. Синдбад спокойно лежал у него на руках, несмотря на возбуждение схватки, боль ран и необычность процедур.

Дэйн взглянул на Тау и уловил одобрителный кивок. Врач видел, что искусство женщины превосходит простое мастерство.

Наконец, всё было кончено. Коуфорт несколько раз провела рукой по спине и бокам Синдбада, получив в ответ довольное урчание. Коснувшись губами его головы, потом посмотрела на помощника суперкарго.

— Вы хорошо поступили, сразу остановив кровотечение. Иначе пришлось бы прибегнуть к переливанию, а для животных это всегда болезненно.

— Он выздоровеет? — с беспокойством спросил Дэйн.

— Да. Доктор Тау осмотрит его завтра...

— Для пациента вредно менять хорошего врача в процессе лечения, — вмешался Крэйг. — Естественно, я готов дать любое консультирование, но нынешний врач прекрасно справляется.

— Благодарю вас, доктор, — заявление Тау для всего экипажа — свидетельство её права быть первым врачом на сцене.

Разль взяла кота у Торсона.

— Сейчас парню нужна тёплая уютная кровать на ночь. Не возражаете, если он разделит с вами вашу, Дэйн?

— Нет. Синдбад часто спит со мной, — ему нравилось общество кота, ощущение мягкой тёплой шерсти рядом, но он про себя вздохнул, когда кот, словно поняв их разговор, прыгнул с рук женщины и улёгся головой на

подушку с математической точностью в центре постели. У него не хватит духа подвинуть своего ночного гостя, и если Синдбад сам не подвинется, придётся провести ночь, свернувшись калачиком вокруг их раненого защитника.

Эта возможность была очевидна и для его товарищей, которые столпились в тесной каюте, хотя, учитывая обстоятельства, они воздерживались от открытых шуток.

В глазах Разли всё ещё дрожал смех, когда она встрети-лась взглядом с капитаном и увидела, что он тоже смеётся.

Это продолжалось всего мгновение, затем холодное стальное выражение вернулось в его взгляд. Джелико вышел в коридор.

— Давайте взглянем на его противника.

— Портовая крыса, — сообщил им Рип Шэннон, — и, о космос, какая огромная! Синдбад легко отделался.

Капитан склонился к труп чужака, не касаясь его, но с интересом, преодолевая врождённое отвращение землянина к этим животным.

— Крысу нельзя винить в том, что она сражалась за свою жизнь.

Коуфорт одобрительно улыбнулась, но глаза её, устремлённые на животное, оставались тёмными.

— Да, — согласилась она. — Впрочем, когда Синдбад её загнал, настоящей схватки не было.

— Всё равно ему повезло. Она такая большая, что могла причинить немало вреда, не говоря уже об инфекции.

— На Кануче они очень большие, — сообщила Разль. — Они там по всему городу, в морском и космическом портах, на складах, в городе Веселья. Придётся всё время закрывать люк сеткой, и даже в этом случае нам повезёт, если на корабль не проникнет их несколько. В прошлый раз «Блуждающая звезда» прихватила с собой пару. Их прикончили наши коты, но это стоило им кусков шкуры.

Все без особого удовольствия выслушали эту информацию. Кошек человек сознательно захватил с собой в космос, а другие, менее желательные обитатели родной планеты последовали за ним по собственной воле. Мало кто из первых поселенцев, ещё до введения строгих федеративных правил ветеринарного контроля, сумели избежать нашествия этих крыс, невероятно способных к адаптации.

Странно, но крысы редко нарушали экологию, что обычно делали на Земле. Они жили вблизи поселений своего древнего хозяина и соперника. Некоторые вырастали крупнее прототипа, чаще становились меньше под давлением отличий среды, но всегда представляли собой проблему. Обычно с ними удавалось справиться; но в нескольких случаях, когда их обнаружили не сразу или проявили преступную беззаботность, они превратились в бич, угрожающий существованию самой колонии.

— Сделаем, что сможем, хотя бы чтобы избавить Синдбада от новой схватки, — пообещал капитан. — А теперь выбросьте это дерьмо, Торсон, и ляжем спать на остаток ночи. Завтра у нас много дел.

Глава 7

Выйдя из люка «Королевы» на трап, Разэль в отвращении сморщила нос. Кануч, планета звезды Халио, высокоиндустриализованный мир, в нём большую роль играют тяжёлая и химическая промышленность. И с каждым прилётом сюда ей всё труднее выносить тяжёлую атмосферу. К счастью, запах только неприятен и на здоровье не отражается, но чувства задевает очень сильно. К счастью также, ей никогда не приходилось надолго задерживаться здесь. Тиг всегда останавливался, только чтобы забрать несколько образцов, и как можно скорее снова улета.

— Куда сначала? — спросила она у своих спутников. Ей с тремя помощниками дали целый день на личные дела и знакомство с планетой. Но когда они вернутся вечером, офицеры ждут от них подробные доклады обо всём, связанном со специальностью каждого.

— На склад снаряжения, — ответил Али. — Впервые после почтового рейса мы можем позаботиться о себе, а у нас многое нуждается в замене.

Дэйн мысленно поддержал это предложение. Оказавшись на «Королеве» сразу после окончания школы, в физическом отношении он был мальчишкой. С тех пор он возмужал, плечи его стали шире, мышцы укрепились. Одежда плотно обтягивала тело и вообще не могла бы

служить ему, если бы не Фрэнк Мура с его иглой. Дэйн с радостью заменит её, хотя это и проделает большую брешь в его небольшом запасе кредитов.

Несколько часов спустя они вчетвером в хорошем настроении вышли со склада снаряжения. Мужчины кое-что из своих покупок надели, остальное несли с собой. Только Раэль не несла ничего. Она пришла на корабль с достаточным запасом одежды и сказала товарищам, что сохранит свои кредиты для рынка.

— Давайте оставим добычу и поищем настоящей приличной пищи, — предложил Шэннон. — Вы в этом эксперт, Раэль: никто из нас до сих пор не был на Кануче. Какие предложения? Может, где-нибудь в городе Веселья?

— Нет, — сразу ответила она. — В северной части города есть отличные рестораны, но нам не захочется платить за еду в них.

Это планета рабочих людей. Давайте поедem в любой промышленный район поближе к большим заводам на берегу. Там множество столовых, не роскошных, но с настоящей хорошей и относительно недорогой пищей.

— Ведите, дорогой доктор, — сказал Али с подчеркнuto изысканным жестом руки. — А позже мы вполне сможем отвести детишек в город Веселья и показать его достопримечательности.

Она нахмурилась.

— Это здешнее злачное место. Никакой гарантии безопасности. Вообще-то азартные игры запрещены для торговцев. Слишком часто космонавтов тут раздевали.

— Мы выглядим такими невинными? — ядовито спросил Камил. — К тому же никто не предлагает отправляться туда ночью. Сейчас все заведения, кроме больших ресторанов, будут закрыты. Нам не повредит, если мы бросим туда взгляд. Только нужно держаться вместе, — последнее он сказал вполне серьезно. В галактике много мест, где чужакам желательно не разъединяться, и район удовольствий на Кануче, его город Веселья, на самом верху списка. По крайней мере, постоянно ходили слухи о космонавтах, ушедших туда вечером повеселиться и так и не вернувшихся на корабль.

Город Веселья скоро надоел Дэйну. Возможно, по вечерам, когда горят все огни, когда его улицы заполнены

народом, жадным до увеселений, он полон возбуждения, но сейчас, как и предсказал Али, большинство заведений было закрыто, а их обитатели спали при свете местного солнца Халио. Всё выглядело грязным, закопчённым, кричащим и немного печальным, как надежда, которая начинает развеиваться.

На Кануче разрешается сводничество, азартные игры и продажа многих наркотиков, но районы, в которых можно заниматься этой деятельностью, строго ограничены. В результате возник ряд районов удовольствий, по одному на каждую провинцию, на которые делится большая планета.

Не было необходимости скрывать основной род занятий жителей города Веселья, и никаких попыток к этому не делалось. На каждом квартале встречался один или несколько эротических домов с ярко-алыми фасадами, с плакатами и рекламами, полными эротических символов и описаний того, что можно найти внутри. Между ними размещалось поразительное количество питейных заведений и курилен, и во всех рекламировались также азартные игры и другие развлечения. В некоторых имелись помещения для танцев и еды; в последних предлагались лёгкие блюда, предназначенные для людей, заинтересованных в других продуктах; но иногда им все же необходимо перекусить между посещением различных более привлекательных заведений города Веселья. В немногих заведениях предлагались помещения для более тайных занятий, которыми предавались в стороне от взглядов полиции и звёздного Патруля.

В остальных зданиях размещались обычные столовые; самые претенциозные из них громко именовали себя ресторанами. Они тоже были закрыты, и по их внешнему виду Дэйн решил, что они совершенно правильно поступили, удовлетворившись столовой на берегу. Он сомневался, чтобы в них могли дать что-нибудь равноценное по количеству и по качеству.

Конечно, в северной части города это было бы не так, там размещались театры и дорогие рестораны, но они не предназначались для помощников скромного корабля вольных торговцев.

Торсон покачал головой. Вряд ли стоило удивляться наличию заведений, подобных тем, что сейчас окружают

их. В каждом значительном космопорту можно получить аналогичные услуги, и за всеми там внимательно присматривали, чтобы обеспечить безопасность космонавтов. Просто его поразили размеры города Веселья и количество таких заведений в нём. Он не привык к такому, особенно после аскетических лет, проведённых в Школе. Подобное стремление к чисто физическим удовольствиям обескураживало его, тем более, что он знал: такие города веселья не единичны во вселенной. На многих планетах такое же отношение к развлечениям, везде есть злчные места, как правило, пользующиеся дурной славой. Там, где стремились побольше заработать, заставить космонавтов оставить свои деньги, всюду возникали такие районы.

Вскоре Дэйн перешёл от общих размышлений по поводу этого культурного феномена к наблюдениям над непосредственным окружением. И тут же насторожился. На улицах было мало народу, но все проявляли необычный интерес к пришельцам.

Точнее, их привлекала Разль Коуфорт. За время, проведённое ею на борту «Королевы Солнца», Дэйн привык к ней и перестал поражаться её красоте. Но к жителям Кануча это не относилось, а по их мнению, только одна причина могла вызвать появление красивой женщины в подобном районе.

То же относилось и к привлекательным мужчинам. И на Али поглядывали особенно внимательно.

Торсон почувствовал, как нарастает его гнев и озабоченность. Конечно, вчетвером они отобьются от любого, но у каждого из них поблизости обязательно есть друзья. А против толпы есть только одно оружие — бежать.

Немного погода он начал успокаиваться. То, что они привлекают внимание, совершенно неизбежно. Они явно чужаки и потому подозрительны. А внешность Разли и Али лишь усиливают эту подозрительность. Удивительно красивая пара по стандартам любой, хотя бы отдалённо гуманоидной расы, а там, где красота — товар, их естественно будут рассматривать особенно пристально.

Пока они ведут себя осторожно, неприятностей не будет, по крайней мере в это время суток. Город Веселья тих, его обитатели не возбуждены наркотиками и ночным оживлением. А они, в конце концов, не просто чудаки, они с других планет. И от них не ждут, что они будут соблюдать все условности этого места.

Ему пришлось откровенно признаться самому себе, что космонавты также не освобождены от подобной ошибки, как и жители планеты. Они обычно относятся к жителям планет терпимо. Это отношение почти универсально распространялось на все расы и виды: от чужаков менее строго требовали придерживаться местных законов и обычаев, и наказания за их нарушение обычно не так строги. И космонавты должны быть благодарны за это. Возможно, теоретически такое отношение унинительно, но оно позволяет эффективно вести дела на планетах с замкнутыми обществами, мораль и обычаи которых резко отличаются от тех, какие приняты на звёздных линиях.

Немного успокоившись, Дэйн снова занялся наблюдениями над молчаливым выжидающим городом. Они проходили мимо узкого переулка, разделяющего два ряда зданий, и он задержался, разглядывая его.

Длинный тёмный проход, похожий на множество других, виденных во время прогулки. На одну ступень ниже оснований зданий вымощенный гладким тёмным материалом, не пачкающимся и способным выдержать напряжённое утреннее движение, когда сюда приезжают тяжёлые грузовики с различными припасами и увозят отбросы и мусор.

Дэйн заметил, что каждое здание могло отгородить свою часть переулка при помощи тяжёлых изгородей из цепей и решёток. Сейчас все изгороди были сняты, и машины легко могли подходить к выходам. Он вслух удивился.

— К чему эти ограды?

Никакого реального объяснения интересу владельцев к грязным кусочкам земли он не видел.

Али бросил на него снисходительный взгляд, который по-прежнему раздражал Дэйна.

— Ну, мой мальчик, — возвестил он, — подумай, какое количество людей, обычно совершенно чужих, посещают эти достойные заведения. И многие хотят насладиться их удовольствиями незаметно и так же незаметно удалиться, сохранив свои деньги. Владельцам такие действия не нравятся, и потому они устраивают изгороди, чтобы нельзя было легко уйти.

— А к чему тогда эти цепи? — спросил Торсон, стараясь не поддаваться раздражению. — Сплошную металлическую изгородь труднее преодолеть, особенно тому, кто немного выпил.

— Пощадите нас, Али, — со смехом взмолилась Раэль.
— Ответ очень прост.

Помощник инженера нахмурился, но потом просто пожал плечами.

— На самом деле, ответа я не знаю, — признался он.

— Это делается для того, чтобы полиция и Патруль могли сразу всё увидеть. Они часто посещают эти места, причем не по регулярному расписанию, — сказала Раэль. — Поэтому же и требуется минимум освещения. Конечно, пьяных продолжают грабить, расправляются и с беспокойными клиентами или теми, кто не торопится платить, но всё же подобная практика ограничена.

Пока она говорила, Дэйн приблизился к стене, чтобы рассмотреть механизм изгороди. Товарищи попытались присоединиться к нему, но Раэль быстро отступила.

— Космос! Что за вонь!

Али откашлялся.

— Там, где много пьют и употребляют другие снадобья, — осторожно заметил он, — следует ожидать зловония у заднего выхода.

— Ну, ладно, Али, — вмешался Рип Шэннон. — Мы уже всё поняли.

Камил улыбнулся привередливости своего товарища, но с готовностью последовал за другими подальше от грязного двора. Он не чувствовал никакого неприятного запаха, пока Коуфорт не сказала о нём, но теперь и он уловил тяжёлую смесь мускуса с аммиаком.

Четверо задержались у фасада заведения, бара под названием «Красный гранат». Он был открыт. В нём не просто шла уборка и подготовка к вечеру, но он также и принимал посетителей.

— Не заглянем ли? — Дэйн сам удивился своему вопросу. Весь этот район вызывал отвращение, и чем дальше он здесь оставался, тем сильнее становилось отвращение, но он испытывал и любопытство. Чёрт возьми, он хочет посмотреть, что там внутри в таком заведении.

Помощник инженера колебался. Они, конечно, свободны, но он чувствовал, что вряд ли им стоит знакомиться с другими заведениями города Веселья, кроме ресторанов.

— Если зайдём, придётся что-то заказать...

— Но не всем, — резко сказала Раэль.

Брови Камил поднялись.

— Дайте мне время, доктор. Я как раз хотел сказать, что заказывать будут только двое. А остальные не будут. Это вы одобряете?

Она коротко кивнула.

— Да. Вероятно, это лишняя предосторожность, однако...

— Совершенно верно, доктор. Там, где торговля что-то запрещает, космонавты должны быть осторожны. Теперь стратегия наша выработана, и нужно только отобрать двух заказывающих. Я пас. Дэйн — один из них, ему принадлежит идея. Не хотите ли составить ему компанию, Коуфорт?

— Нет, благодарю вас, — холодно ответила женщина.

— Вы не пьёте, доктор? — спокойно спросил он.

— Не в таких притонах!

— Шэннон, придётся тебе.

Али довольно улыбнулся про себя: ему всё-таки удалось пробить броню Коуфорт и вывести её из себя. Никто лучше него не понимал право человека на изолированность, на создание защитной преграды и на право не объяснять причины этого, но Разэль Коуфорт делала это с таким успехом, что даже небольшая щель в её защите принесла ему чувство облегчения. Он как будто убедился, что она тоже человек.

Глава 8

Войдя в дверь, Дэйн сразу пожалел о своём предложении. «Красный гранат» оказался обычным баром, куда люди приходят выпить посильнее. Не очень привлекательный и совсем не интересный. Оживление и разговоры, которые позже заполнят эту единственную большую комнату, сейчас отсутствовали.

Процесс уборки подходил к концу, столы передвигали на свежeweымытый пол с полдюжины крепких мужчин. Стулья всё ещё были сложены грудой у стены один на другой.

Бармен поднял голову и заметил вольных торговцев.

— Открыто, космические псы. Что закажете?

— Пару пива для этих детишек, — небрежно ответил Али, видя, как подозрительно сузились глаза бармена, — после чего нам придётся кончить игру и возвращаться на

корабль, если мы не хотим провести остаток жизни, чистя местную канализацию.

Последнее было адресовано его товарищам. Рип понял, что Али старается снять напряжение, ответил соответственно, и они с Торсоном подошли к стойке, чтобы подтвердить заказ.

Обслужили их очень быстро. Шэннон прихлебнул золотистую жидкость.

— Очень неплохо, — заявил он.

Канучец саркастически поклонился, принимая этот удивлённый комплимент.

— Местного приготовления, — сообщил он. — Мы много его экспортируем. Можете упомянуть об этом приятелям в космопорту. Нам хотелось бы видеть побольше космонавтов в городе Веселья.

Он взял их кредиты и вернулся к прежнему занятию, расставляя стаканы, но космонавты видели, что он продолжает поглядывать на них своими маленькими подозрительными глазами.

То же делали и рабочие или каково там было их настоящее занятие.

— Если бы это была приключенческая лента, — прошептал Рип помощнику суперкарго, — нас уже к концу сцены споили бы и утащили на чужой корабль.

— Знаю, — мрачно ответил Дэйн. — Это была не лучшая моя мысль.

Споили и утащили на чужой корабль. Такое обыкновение из прошлого земного флота проникло в космос, оно такое древнее, что его происхождение забыто. Может, только Ван Райк его помнит. Суперкарго — настоящий кладёзь древних познаний.

Но всё же либо хозяева не думают об этом, либо не решаются осуществить, мрачно подумал Дэйн. Коуфорт и Камила продолжали рассматривать, как и на улицах, только откровеннее и внимательней. Вряд ли их посмеют открыто захватить и увести в эротический дом, но возможны и более законные предложения в этом районе. Может, вот эта широкая лестница справа ведёт не только в игорное заведение, но и в помещение, где предаются более тайным порокам.

Если это так и хозяева начнут действовать, они с Рипом могут оказаться на дне залива...

Он посмотрел на Камила. Если черноволосый помощник встревожился, то внешне никак этого не проявлял. Торсон старался как можно лучше подражать спокойствию помощника инженера. Он понимал, что, возможно, его подозрения ни на чём не основаны, но всё равно лучше никак не проявлять своего беспокойства и тревоги. Это само по себе может спровоцировать инцидент. Они уступают в числе, и им нелегко будет вырваться отсюда.

Разэль Коуфорт продолжала держаться рядом с Али. Она быстро утратила интерес к бару. «Красный гранат» ей не понравился, и ей хотелось как можно быстрее уйти отсюда. Когда наконец эти двое прикончат своё пиво?

Рукой она судорожно сжала горло. Почувствовала, что задыхается.

Чувствуя, как ускоряется пульс, она пыталась воспользоваться своей медицинской подготовкой. Дух космоса, что с ней? Её охватил ужас от какого-то подсознательного предупреждения. Но что вызвало эту панику?

Она пыталась овладеть собой, но не могла справиться с ужасом. Ей казалось, что комната превратилась в огромную пасть, готовую сожрать её.

Левой рукой она схватила товарища за руку.

— Али, пошли отсюда! Быстрее! Пожалуйста.

Тут её выдержка кончилась, и она выбежала из бара.

Её бегство возбудило канучцев. Они распрямились и принялись осторожно подходить к космонавтам.

Торсон инстинктивно приблизился к товарищам и собрался. Два к одному. Само по себе плохое соотношение, к тому же противники извлекли ножи, длинное острое оружие убийц, которое легко проходит между рёбрами жертвы или при ударе в спину перерубает позвоночник. А они безоружны...

Не совсем, неожиданно увидел он. Камил снял с пояса цепь. К одному её концу было прикреплено широкое кольцо, за которое удобно держаться и которое защищает руку владельца, а на другом конце три изогнутых зловещих когтя.

Али холодно улыбнулся, привычно взмахнув над собой цепью. Противники отступили. В тёмных переуках отлично знали это оружие ■ очень его опасались.

Дэйн с трудом сглотнул. Помощник инженера пережил

войну кратеров и её последствия. Он никогда не говорил об этих страшных годах, но теперь показал одно из средств, которое помогло ему выжить.

Космонавты быстро вышли на улицу, Камил при этом отходил последним, и двинулись назад, в том направлении, откуда пришли. На углу переулка их ждала Раэль Коуфорт, все трое сердито посмотрели на неё.

— Спокойней, — приказал Али. — Они не пойдут за нами на улицу.

— А что их остановит? — напряжённым шёпотом спросил Рип.

— Не пойдут, — заверил его Али. — Пока наше слово против их слова. Они нам словесно не угрожали, и обе стороны пользовались запрещённым оружием. К тому же в полуквартале отсюда полицейский участок. Мы поднимем шум, и полиция будет тут как тут.

— Они могут пройти переулками и ждать нас где-нибудь впереди.

— Именно поэтому мы не хотим, чтобы они видели, куда мы идём. Они ни за что не подумают, что мы задержались у их задней двери.

Говоря это, Камил небрежно прицепил свою смертоносную цепь к поясу. Дэйн незаметно вздрогнул. Помощник инженера носил оружие так естественно, что никто этого не заметил, хотя если бы кто-то из старших офицеров его увидел, цепь конфисковали бы. Вольные торговцы ходят вооружёнными, только когда им угрожает явная опасность и только по приказу своих офицеров, а Кануч у звезды Халио — вполне респектабельная планета.

Он обратил своё внимание на Раэль, но Али опередил товарищей.

— Что это, во имя всех дьяволов, вы сделали? — спросил он. — Вы знаете, что из этого едва не получилось?

— Простите, — сказала она тихо, еле слышно.

— Ну, это не ответ, — резко сказал Али.

Рот Коуфорт сжался. Али требует объяснения. Все трое требуют.

— Там что-то очень плохое. Не знаю, грозила ли нам непосредственная опасность, но что-то очень плохое окружало нас, — она закрыла глаза. — Клянусь, оно было там..

Дэйн произнёс любимое ругательство Ван Райна, но Али резким взмахом руки заставил его замолчать. Он странно взглянул на женщину.

— Если бы вы сказали об этом мне, доктор, я бы включил все двигатели и убрался бы ещё быстрее.

Рип удивлённо взглянул на него, но не стал участвовать в споре. Что бы ни вызвало страх Коуфорт, этот страх был подлинным. И она по-прежнему ощущала его. На первый взгляд она казалась обычной, но зрачки её глаз расширились, стали огромными и круглыми, как у кошки в смертельном ужасе. Почти вопреки своему желанию, он почувствовал к ней жалость.

Он посмотрел в переулок, чтобы чем-то отвлечь на время внимание товарищей.

— Тут действительно очень тщательно моют переулок, — заметил он, не зная, что ещё сказать. — Ступеньки и часть тротуара просто выскоблены!

Женщина поднесла руку ко рту.

— Дух космоса! — прошептала она. — Правящий дух космоса!

Остальные смотрели на неё, будто она начала разговор е шепчущими.

— А сейчас в чём дело? — резко спросил Торсон. Что-то явно неладно. Глаза Разль, и так большие, теперь казались невероятно огромными, а лицо её совершенно потеряло краску.

— Никто не моет ступеньки и три шага от них. Либо моют всё, либо совсем не моют.

Она слегка дрожала, но заставила себя внимательнее осмотреть это место.

Что-то белое торчало из щели, где единственная ступенька соединялась с тротуаром.

— Смотрите. Они, должно быть, это не заметили. — Спина её распрямилась. — Если я права, это нам понадобится.

Глаза Дэйна сузились. Несмотря на свой ужас и отвращение к этому месту, Коуфорт явно намеревалась достать этот белый предмет.

— Подождите. Я достану.

Он чувствовал себя глупцом, играющим роль героя в нелепой приключенческой ленте, но Разль очень испуга-

лась, она всё ещё боится, хотя и скрывает это сейчас. Нехорошо разрешать ей делать это, он сам не испытывает страха.

Она крепко сжала его руку.

— Нет. Мы даже не вооружены.

В голосе её звучала паника.

— Может, это просто ловушка шепчущих, но я думаю...

— Что здесь происходит?

Четверо комонавтов повернулись. Поглощенные своими разговорами, они не заметили неслышного приближения флаера, который теперь висел над тротуаром. Рядом с ним стояли двое в черно-серебряной форме звездного Патруля.

— Патруль! — с явным облегчением воскликнула Раэль.

— Слава богам, правящим Канучем! Лучше вы, ребята, чем местные полицейские. Не знаю, в каких они отношениях с владельцем этого заведения.

На патрульных эта пылкая речь не произвела никакого впечатления.

— Что вы тут делаете? — спросил тот, что уже обращался к ним. Сержант. На этот раз его вопрос прозвучал резко.

— Я считаю, что вон тот предмет — улика серьезного преступления. Мы хотели подобрать его и принести к вам, когда вы тут появились. До утра он явно исчезнет, если не раньше.

— Ну, хорошо, — ответил сержант хмуро. — А что за преступление?

— Убийство. Жестокое, ужасное убийство. И неоднократное.

Глава 9

Пятеро мужчин смотрели на врача.

— Убийство? — голос сержанта Патруля прозвучал по-новому резко.

Раэль покачала головой. Она полностью овладела собой. Теперь на ней лежала тяжёлая ответственность, и она не должна показывать свой страх; ей нужно убедить представителей власти серьёзно воспринять её странную и противоречивую теорию.

— Я хочу поговорить с вашим командиром. Возможно,

это большая операция, в которую вовлечены влиятельные люди.

Сержант кивнул.

— Мы поиграем в твою игру, но если это розыгрыш, ты не будешь смеяться, когда наша старуха до тебя доберётся.

— По-вашему, мне очень смешно, сержант?

— Нет, — согласился он. — Не смешно. Кейл, возьми эту «улику», и полетим в штабквартиру.

Дэйн видел, как напряглась Разль, у него самого стянуло мышцы живота, но патрульный через несколько секунд вернулся без всяких происшествий. Дэйн почувствовал себя глупо, он бросил быстрый вопросительный взгляд на женщину. О чём она думает? И в какую историю втравила их?

— Крысы! — сине-серые глаза полковника Патруля Урсулы Кон недружелюбно разглядывали более молодую женщину. — И вы хотите, чтобы мы в это поверили, доктор Коуфорт?

— Надеюсь, я ошибаюсь, полковник, ради тех многочисленных несчастных мужчин, а может, и женщин, которые, как я считаю, погибли в этом месте, — спокойно ответила Разль, — но всё же не думаю, что я ошибаюсь. Улика косвенная, но она есть.

— И вы единственная, кто её заметил и сразу догадался. А ведь вы чужая на Кануче и не знаете его обычаи.

— Мои спутники подтвердят, что у меня необыкновенно обострённые чувства. Я бывала вблизи большой массы портовых крыс и знаю этот запах, но на открытом воздухе мне никогда не приходилось так явно ощущать его. Другого объяснения этого запаха просто не может быть. Если бы крысы составляли большую стаю, их встречали бы по всему городу, и тогда они представляли бы собой серьёзную и близкую опасность для людей. Несомненно, предусмотрены были бы коммерческие космические корабли, принимались бы меры к истреблению крыс. Но ничего этого нет, и потому я сделала вывод, что большое количество грызунов кто-то сознательно держит под замком. Насколько мне известно, в городе Веселья нет ни лабораторий, ни промышленного производства, где требовались бы крысы, да я и не могу себе представить эксперименты

такого размера. Я была в совершенном замешательстве, — рот её затвердел. — Пока Рип не упомянул очистку.

— Очистку?

— Ваши агенты тоже видели это. Никто не станет мыть одну ступеньку и полосу около неё.

— Вы и я не стали бы, — поправила полковник. — Стандарты чистоты, принятые во флоте, не применимы в этих переулках. Там обычно убирают бросающуюся в глаза грязь, только чтобы удовлетворить санитарный контроль.

— После нормальной ночи будет не одно грязное место, верно? Но в переулке ничего этого не было. Если судить по отсутствию грязи и по следам машин, похоже, часть переулка основательно вымыли; причём в разное время мыли его разные части. И все это длится долгое время.

— И у вас есть объяснение всему этому?

Рыжеволосая женщина-космонавт кивнула.

— Мотив я не знаю, но довольно ясно представляю себе события. Какой-нибудь бедняга, соответствующий критериям жертвы, сильно напивается; может, его сознательно спаивают или окуривают наркотиками; беспомощного и больного, его вытягивают через задний вход в переулок. Крысы уже ждут его, или их тут же выпускают. Они, очевидно, приучены к этой работе. Их очень много, и им не требуется много времени, чтобы завершить её. Через несколько минут их отзывают; может быть, снова кормят, чтобы наградить за послушность и быстрое возвращение, а грязное пятно убирают. Крови остаётся немного, асфальт её не впитывает, если всё быстро замыть и затереть.

— Патрульный Робертс-отправился туда и вернулся без всякого труда, — заметила Кон.

— Естественно, хотя я тогда очень за него боялась. Эти крысы не могут всё время находиться на свободе. К тому же их должны хорошо кормить, чтобы держать под контролем и в необходимой концентрации. Им нет необходимости бродить при дневном свете.

— Странно, что никто из соседей ничего не заметил. Ведь вы считаете, что это происходит длительное время, верно?

Раэль взглянула на свои плотно сжатые руки.

— Один инцидент не займёт много времени. Падение жертвы, вероятно, служит сигналом грызунам. Им не

может служить открытая дверь: её открывают всё время. Должно быть, бедняга, если он в сознании, слабо вскрикнет, немного побьётся, но не больше. Они действуют быстро.

Глаза её холодно сверкнули; в них блеснул гнев, глубокий, как межзвёздный космос.

— Однако я согласна, что долго скрывать это невозможно. Должны быть вовлечены хозяева питейного заведения напротив и, вероятно, работники ещё и соседних заведений. Третье и четвертое здания по обе стороны, возможно, ни при чем. Там эротические дома. Из них через задний ход выходят редко, а окна у них покрашены или закрыты ставнями. А что касается прохожих и клиентов внутри, то в общем шуме вряд ли кто-нибудь заметит и станет расспрашивать. Чтобы привлечь внимание, звук должен быть громким и продолжительным.

— У вас на всё есть ответы, верно? — лицо полковника оставалось невыразительным, глаза смотрели жёстко, не мигая.

— К несчастью, нет. Как я уже сказала, я не понимаю мотив, хотя, вероятно, это алчность. Вовлечено несколько заведений; значит, причина не безумие и не месть, разве только все заведения принадлежат одному владельцу. Но даже в этом случае он ничего не добился бы без ведома и соучастия многих помощников.

— А кто, по-вашему, жертвы?

Разль покачала головой.

— Трудно сказать, не зная точно мотива. Вероятно, одиночки, люди, отсутствие которых не скоро будет замечено. У них нет друзей, по крайней мере влиятельных, которые подняли бы шум по поводу их исчезновения. Но может быть верно и прямо противоположное. Я просто не знаю!

Её охватило сильное чувство, которое она до сих пор сдерживала, но в следующее мгновение женщина вновь овладела собой.

— Это всё, полковник. Я рассказала вам о всех своих предположениях, которые могут оказаться полезны.

Стук в дверь заставил её оглянуться через плечо. Сержант взял у вошедшего патрульного записку и передал своему командиру. Кон взглянула на неё и разрешила войти.

В уже заполненную комнату вошло ещё двое. При виде вошедших настроение Раэли улучшилось. Джелико и Ван Райк! Она понятия не имела, зачем они сюда пришли, но теперь ей стало гораздо легче. Команда в составе капитана и суперкарго вольного торговца на любом уровне заставит считаться с собой, даже если перед ними высокопоставленные офицеры звёздного Патруля. Хотя она и недолго прослужила на «Королеве Солнца», но успела понять, что эти двое из числа лучших на звёздных линиях. На их поддержку можно рассчитывать ... если только они поверят в её историю.

Капитан остановился перед столом командира Патруля.

— Джелико, капитан «Королевы Солнца», — сказал он.
— Это Ван Райк, мой суперкарго.

— Полковник Патруля — Урсула Кон.

Джелико холодно взглянул на своих подчинённых.

— Что умудрились на этот раз натворить эти четыре блуждающие звезды? Ваш агент сообщил мне, что они у вас, но неприятности им не угрожают.

— Конечно, нет, если только они не устроили сложный розыгрыш. Но я в это не верю, — торопливо добавила она, видя, как вспыхнули глаза Раэли. — Но, с другой стороны, они могли и ошибиться. Доктор Коуфорт, пожалуйста, повторите то, что только что рассказали мне. У меня всё записано, но я хотела бы послушать вторично в живом виде.

Женщина-врач повиновалась. Хотя она очень устала и нервы её были напряжены, эта просьба подбодрила её. Она означала, что Кон серьёзно отнеслась к её рассуждениям.

На этот раз Коуфорт потребовалось гораздо меньше времени. Её не прерывали, и рассказ получился гораздо более стройным.

Когда она закончила, все некоторое время молчали, потом полковник сжала руки, словно отбрасывая от себя что-то.

— При втором прослушивании звучит не менее дико.

Джелико подошёл к стулу, на котором сидела Раэль, и положил руки ей на плечи. От него, казалось, исходит сила, вливается в неё, и Раэль слегка расправила плечи.

— Права она или сбилась с навигационной карты, —

спокойно объявил капитан, — у доктора Коуфорт не было ни морального, ни законного права умолчать о своих подозрениях.

Старшая женщина вздохнула.

— Так же как у меня нет другого выбора, кроме проверки её обвинений. Предположение, конечно, безумное и нелепое, и офицер местной полиции скорее всего отмахнулся бы от него, как от вздора, но Патруль знает и не о таких злодеяниях. Это не самое страшное из них. Если вспомнить, что люди делали в прошлом с другими людьми — и не в таком уж далеком прошлом, — это предположение вполне в рамках возможного.

— Тогда почему вы нас задерживаете? — спросил Али. Он понял это по замечанию капитана и слишком хорошо помнил, как обращался с ними Патруль, когда они были на зачумленном корабле. Ему происходящее вовсе не казалось забавным.

— Вас четверых не должны видеть, пока я не проведу некоторую предварительную подготовку. Не хочу, чтобы доказательства были уничтожены, прежде чем попадут к нам в руки. Если кто-то видел, как мои парни подобрали вас в переулке, скоро станет известно, что вы задержаны по обвинению в контрабанде, и все о вас забудут. Хотя вероятность невелика, я не хочу, чтобы кто-нибудь из участников заговора увидел вас на свободе, сделал необходимые выводы и начал уничтожать доказательства.

— Зачем в таком случае было вызывать капитана?

— Потому что звёздный Патруль не держит невинных людей без связи бесконечно долго.

Зажужжал передатчик на столе, требуя внимания. Полковник несколько минут слушала, потом поблагодарила говорившего на другом конце.

Старательно отключила передатчик и повернулась к собравшимся в комнате.

— Звонили из лаборатории, — серьёзно сказала она. — Похоже, ваша улика верна, доктор Коуфорт.

— Кость?

Кон кивнула.

— Человеческая. Человек умер совсем недавно. И кость вся изгрызена, будто огромным количеством мелких зубов.

Глава 10

— Я не собираюсь вмешиваться в ваши дела, полковник, — сказал после нескольких мгновений общего мрачного молчания Ван Райк, — но, по-моему, нужно как можно скорее еще раз посетить этот переулок.

— Сегодня же вечером, мистер Ван Райк. Мы все там будем, — она кивнула, когда он изумлённо поднял брови. — Я временно мобилизую вас шестерых. У меня не хватает людей, и вы мне понадобится. Кейл, раздобудьте ногу быка, большую и с хорошей костью.

Торсон нахмурился.

— А подействует ли это, полковник Кон? Они убили, очевидно, недавно. Хотя жертвы их безымянны, они выдадут себя, если будут убивать слишком часто. Если грызуны заперты в клетке...

— Всё равно попробуем. Ставлю кредиты, что падение относительно тяжёлого тела вблизи ступени вызовет их. Если они выйдут в достаточно большом количестве, у нас будет доказательство. Если же нет, потеряем кусок мяса. Мы всё равно проверим эти питейные заведения и эротические дома. Если там есть портовые крысы, мы их найдём. А если повезёт, найдём и документы, но на это я не рассчитываю.

— Вы можете так быстро получить ордер? — удивлённо спросила Разль. — И с такими немногими доказательствами?

— Нам не нужен ордер. Такие тонкости к городу Веселья и аналогичным местам не применяются.

Она увидела, как нахмурились космонавты, и пожалала плечами.

— Правительство Кануча не одобряет того, что происходит в этих районах. Законодатели были достаточно умны, чтобы понять: запрет такой деятельности только загонит её в подполье и откроет путь к ещё более тяжким преступлениям. Отведя этой сомнительной деятельности строго определённые районы, они могут держать её под контролем.

— Те, кто работает в районах удовольствий, могут сорвать большую прибыль. Часто так и бывает. Но они подписывают документ об отказе от претензий при постоянных и тщательных проверках всего их дела и жилищ,

которые обычно размещаются в этих же районах.

— Немногие жалуются. Большинство действуют несколько лет, забирают прибыль и уходят, и такая политика заставляет даже самых недобросовестных оставаться относительно честными. Продажа рэклика, крэкса и с полдесятка других сильнодействующих наркотиков, растление несовершеннолетних, азартные игры на большие суммы плюс всё то насилие, которое обычно их сопровождает, приняли бы угрожающие размеры без постоянного неослабного контроля, так что даже большая часть нынешней постоянной клиентуры была бы отпугнута. Нет необходимости говорить, что это всё равно происходит, но в незначительных размерах и под угрозой очень серьёзных наказаний.

— Но ведь это не работа Патруля, — заметил Ван Райк. Межзвёздные силы размещены на Кануче, одной из наиболее развитых планет системы, для предотвращения контрабанды и оказания помощи попавшим в беду на соседних звёздных линиях кораблям. Они не должны особенно вмешиваться во внутренние дела планеты.

— Да, — согласилась Кон, — мы в основном предотвращаем ввоз незаконных материалов. Делами города Веселья обычно занимается местная полиция, хотя по закону мы имеем на это все права. Мы следим, чтобы космонавты не попадали в неприятности и не вызывали их, но обычно этим и ограничивается наша деятельность на планете. Когда нас просят, мы, конечно, вмешиваемся. Или если замечаем, что что-нибудь не так. А в остальном мы предоставляем дела Кануча канучцам.

Халио уже сел, когда флаер покинул штаб-квартиру. Разль Коуфорт сидела на заднем сидении, зажата между Джелико и Торсоном. Полковник Кон и патрульный Кейл Робертс сидели впереди, Робертс вел машину. Их товарищи вылетели на несколько минут раньше под командой сержанта, тоже в гражданской машине, чтобы подойти с другого направления. Те, кто должен был обыскать питейные заведения и эротические дома, либо уже на месте, либо вскоре подойдут. Космонавты никого из них не видели.

Когда несколько минут спустя флаер долетел до цели,

их уже ждали патрульные, укрывшись в глубокой тени. Машина высадила их в нескольких кварталах от «Красного граната» и вернулась в штаб.

Кейл нахмурился. Переулок за четырьмя подозреваемыми зданиями был погружён в абсолютную темноту.

— Мы их можем привлечь за нарушение приказа об освещении, — почти беззвучным шёпотом сказал он командиру.

Кон с отсутствующим видом кивнула, выбираясь из флаера. Благодаря слабому освещению от эротических домов кое-что она видела. Вдоль всего переулка были натянуты изгороди, все, кроме тех, что должны были отделять подозреваемые здания друг от друга. Вот как. Что бы здесь ни происходило — а теперь она не сомневалась, что происходит нечто необычное, — все эти четыре заведения сотрудничают или, по крайней мере активно помогают друг другу.

Музыка заполняла воздух, она звучала от всех домов, заглушая гул голосов.

Здесь ничего не двигалось. Слишком рано, чтобы выносить первые порции мусора, которые увезут утром грузовики; слишком рано, чтобы пьяницы начали выходить на воздух и облегчать свои желудки. Никаких маленьких движущихся существ не видно...

— Ну, хорошо, мистер Торсон, — сказала Кон, протягивая ему двадцатидвухфунтовую бычью ногу. — Похоже, среди ваших младших офицеров вы самый сильный. К тому же и самый высокий. Взбирайтесь на изгородь и швырните эту штуку туда.

— Нет!

Кон пристально взглянула на суперкарго.

— В чём дело, мистер Ван Райк?

— Посмотрите на изгородь!

Рот офицера Патруля отвердел: Кон поняла, что имеет в виду Ван Райк.

— Спасибо, мистер Ван Райк, — негромко сказала она.

— Простите, мистер Торсон. Не знаю, какой заряд у этой изгороди, но если бы вы были ранены или ещё что похуже, виновата была бы я. Что бы ни говорили о теории доктора Коуфорт, эти сыновья скифийских обезьян заняты странным делом. И дело их грязное и большое.

Она посмотрела на свою машину.

— Кейл, приведите сюда машину. Торсон сможет бросить ногу с её кузова.

— Я могу просто перелететь и уронить её, — предложил патрульный.

— Нет. Нас смогут заметить. Держитесь подальше от изгороди. Не будем рисковать. Ничто не исчезает быстрее, чем улики преступления.

Внешне корпус машины ничем не отличался от множества гражданских флаеров, но внутри всё соответствовало военным образцам. Флаер поднялся совершенно беззвучно. Как ни старались космонавты, они ничего не услышали. Шум их не выдаст. Только если кто-нибудь выйдет случайно, но тогда их всё равно увидят.

Дэйн вскарабкался на закругленный купол. Джелико напрягся, как для схватки. Флаер гладко поднимался, пока не оказался на одном уровне с верхом изгороди. Здесь он повис. Торсон осторожно встал, привычка к космическим перелётам помогла ему удерживать равновесие. Он приготовился метнуть мясо.

Джелико оглянулся на стоявшую рядом с ним женщину. Разль Коуфорт выпрямилась и стояла совершенно неподвижно. В этот момент испытания она казалась совершенно одинокой, и, как и в кабинете полковника Патруля, он положил ей руку на плечо, на этот раз одну.

Он чувствовал, как она напряжена. В следующие несколько секунд её теория будет подтверждена или опровергнута. Само по себе это заставляло нервничать, а если Разль права, они могут оказаться перед той же опасностью, о которой свидетельствовали жалкие остатки изгрызенной кости. Должно быть, она, сумевшая предвидеть всё это, просто боится. Остальные тоже явно побаиваются.

«Нет, — подумал он, — он ошибается относительно Коуфорт. К этому времени он уже кое-что знает о ней. Разль не сомневалась в точности своих рассуждений; у неё достаточно воображения, чтобы представить себе исход стычки. Но она думает о жертвах, попавших в ловушку, тщётно старавшихся освободиться; думает о тех, кто ещё попадёт сюда, если они потерпят неудачу».

Дэйн сделал бросок. Послышался резкий треск: торчавшая из ноги большая кость ударилась о поверхность тротуара рядом со ступенькой.

Джелико медленно извлёк оружие. Как и у остальных, оно было настроено на широкий луч, чтобы создать как можно лучшую защиту. Он снова оглянулся на Разль и удовлетворённо кивнул. Она тоже держала оружие наготове.

Он почувствовал жёсткую решимость. Если случится худшее, если им придётся сражаться с ордой и они не смогут вырваться, он позаботится, чтобы эта женщина встретила чистую смерть; он окажет эту милость и своим товарищам, прежде чем упадет сам. Это тоже на ответственности капитана звёздного корабля...

Несколько секунд никакой реакции не было, потом у основания здания появилась более темная полоска. Она двинулась вперед. Это наступление сопровождалось писком, исходящим из сотен маленьких глоток. В следующее мгновение приманка скрылась.

— Включите свет, — приказала Кон приглушённо. В её голосе слышался ужас.

Прожекторы флаера способны пробить тьму худшего ада Федерации. Они осветили серо-коричневое море борющихся, волнующихся тел; звери сражались друг с другом за право ухватить добычу.

Мириады зверьков на краю оглянулись, смотря злобыми кровавыми глазами, обнажая жестокие клыки.

Крайние грызуны направились к людям, но остановились в нескольких дюймах от изгороди. И стояли в затруднении. К мясу им мешала подобраться сплошная масса других крыс, а на людей не давала накинуться заряженная изгородь.

— Вот почему она заряжена, — прошептала Кон.

Она поднесла к губам зажатый в руке передатчик.

— Крысы здесь, — напряжённо сказала она ожидавшим приказа патрульным. — Идите, но ради всего святого будьте осторожны при очистке подвалов. Эти звери пришли оттуда. Они могут вернуться, или там может оказаться их ещё много.

Глава 11

На следующее утро экипаж «Королевы Солнца» собрался в кают-компанию. Слушали, как капитан Джелико пересказывает только что полученное сообщение Урсулы Кон.

— ...Патруль получил всё необходимое: документы, крысы, и четвероногие, и двуногие. Последние как раз начинают петь, чтобы спасти шкуру. Впрочем, всё равно остаток дней им придётся провести в галактической тюрьме.

Отвратительное дело. На Кануче, очевидно, добывают много драгоценных камней, в основном аметистов среднего качества и гранатов, иногда попадаются небольшие солнечные камни. Они бродят год-два, ищут, потом приходят с находками. Крупномасштабная добыча экономически невыгодна, но в целом добывают немало камней, обогащая местный рынок. Камни обрабатывают, стоят они сравнительно недорого, и их покупают рабочие. Они постоянно имеются в продаже.

— Возможно, это стоит запомнить и привезти с собой запас полудрагоценных камней, если мы собираемся сюда вернуться, — сказал будто про себя Ван Райк. — Но продолжайте, капитан. Какое отношение имеет несколько не очень ценных камней к убийству при помощи крыс?

— Камни нельзя съесть, — мрачно ответил Джелико. — Старатели в целом делятся на два типа. Большинство работает несколько лет, потом получает деньги и использует их для завершения образования, или начинает какое-то свое дело, или финансирует торговлю, или исполняет какое-то свое затаённое желание. Другая часть — постоянные бродяги, не очень отличающиеся от бродяг по всей Федерации, маргиналы, многие средних лет или старше; они постоянно говорят, что вот-вот найдут большое гнездо солнечных камней и будут жить в роскоши, но это так и остаётся разговорами. Им не хватает честолюбия и решимости. Некоторым действительно везёт, они находят достаточно, чтобы оставить работу и жить в роскоши, но большинство продолжает раскопки на своих участках, пока те не истощатся; тогда они их продают и покупают новые, а остаток денег прокучивают в городе Веселья или в другом районе удовольствий за несколько вечеров.

— Значит, целью были старатели? — спросил Джаспер Викс.

Капитан кивнул.

— Да, в основном бродяги. У других есть планы на свою добычу, они не способны потратить всё в кутежах. Если и

показываются в городе Веселья, то с тощим кошельком.

И они не глупы. Не хотят, чтобы их подстерегли в тёмном переулке, после того как они оплатили крупный счёт за местные удовольствия. Вначале они приобретают права на новый участок или помещают кредиты для безопасности в банк, прежде чем начать веселиться.

Но есть и такие, кто сразу, получив хоть немного кредитов, начинает выпивать и кутить, к радости недобросовестных владельцев. Какими бы ни были их первоначальные намерения, кончается это тем, что их очищают от всего.

Лет двенадцать назад владелец «Красного граната» решил упорядочить этот источник поступления доходов. Прежде всего он нанял людей, которые выслеживали старателей в конторе по распределению заявок или в других увеселительных заведениях и заманивали их в «Красный гранат».

Вторая проблема заключалась в том, чтобы удержать их, пока они не потратят все кредиты. По словам полковника Кон, большинство канучцев предпочитают попробовать всё и переходят от одного заведения в другое, стараясь извлечь как можно больше удовольствий. Чтобы противостоять этому, он привлёк соседей. Он понимал, что ему всё равно придётся это сделать, если он хочет довести свой план до конца. Они и так сотрудничали уже в контрабандной доставке товаров и шулерстве, и он знал, что ему нетрудно будет их убедить. С самого начала он сохранял контроль за всей операцией, постепенно вводя всё новые её аспекты.

Он, конечно, с самого начала понимал, что, несмотря на азартные игры и прочее, у него нет или почти нет законных способов отнять у жертв камни, если те у них есть. А ведь обычно богатство старателей заключено именно в камнях. Но их не разрешено принимать в качестве платы за услуги города Веселья, и полиция строго следит за соблюдением этого правила.

— Можно ограбить пьяных в тёмном переулке, — заметил Шэннон.

— Но очень немногих, и власти сразу поймут, в чём дело. Но если жертва исчезнет — быстро, беззвучно и окончательно, операция может продолжаться неопреде-

лѐнно долго, пока преступники не пожадничают или не потеряют осторожность.

— Двенадцать лет? — прошептал Дэйн.

— Примерно.

— Крысы?

— Их завели почти с самого начала, — сказал капитан. — Им был отдан весь подвал «Красного граната». Содержали их в клетках, но по рампе у них был доступ в переулок. Их приучили избегать изгороди. Такие же изгороди мешали им проникнуть в здание и в дома остальных заговорщиков. Их всегда хорошо кормили, чтобы они оставались в клетках и не пытались убежать. Но дважды в год, когда распределяются права на участки и в городе в большом количестве появляются старатели, их переставали кормить.

Крэйг нахмурился.

— Но в таком заговоре должно участвовать множество людей. Я понимаю — хозяева. Но все подчинѐнные? И такое долгое время?

— Да, контроль за операцией не представлял для них проблемы, — мрачно сказал Желико. — В их распоряжении был рэклик и другие наркотики, а если кто-то проявлял недовольство, в этот вечер крысы наедались.

Кстати, все четыре питейных заведения были вовлечены в операцию. А эротические дома по обе стороны не участвовали.

Желико серьёзно посмотрел на Разль.

— Патруль объявляет вам благодарность за это дело. Возможно, ещё одну получите от Торговли, а последние несколько часов слухи о старателях, бесследно исчезнувших в городе Веселья, приобрели совсем новый смысл, — особенно для Ван Райка, мрачно подумал Желико. Его старый товарищ по Школе, одинокий неудачник, был среди исчезнувших в этом проклятом месте.

Разль вздрогнула.

— Я была бы довольна, если бы это всё кончилось.

— Всё кончено. Остаётся только суд и наказание, — заверил он её.

— Один вопрос, Разль, — вмешался Рип Шэннон. — Если бы эти два агента нас не накрыли, вы тоже отправились бы сразу в Патруль?

Врач удивилась.

— Естественно. Мне нужно было доложить о своих подозрениях. Обычно с местной полицией всё в порядке, но пришелец с другой планеты никогда в этом не уверен. С другой стороны, в звёздном Патруле коррупции почти нет, и многие его агенты умеют думать. К тому же, — практично добавила она, — Тиг всегда говорит, что любому кораблю не помешает дружба Патруля и сотрудничество с ним. Конечно, если он этим не злоупотребляет.

— Вряд ли вы так говорили бы о парнях в чёрном и серебряном, если бы разделили наш недавний опыт знакомства с ними, — лениво заметил Али.

— Они только выполняли свою работу! Этих работников компании, которые подставили вас, следовало бы сослать в лунные рудники за попытку преднамеренного убийства, но для Патруля вы были потенциальные носители чумы. У него не было выбора.

— Очень великодушно с вашей стороны, — с тем же ленивым сарказмом сказал Али, — особенно если судить с безопасного расстояния.

Раэль положила руки на стол. Посмотрела на них.

— Да, правда, я не проходила через такие испытания. Но мне приходилось испытывать нечто подобное.

Она подняла взгляд и тут же снова опустила его. У неё было серьёзное выражение, она вспоминала.

— Я тогда была ещё маленькой. Отец приземлился на планете с домеханической цивилизацией и вёл переговоры с её жителями в одном из торговых центров, когда мы обнаружили какую-то странную болезнь в посёлке, именно в том районе, где мы действовали. Эпидемия началась медленно, но потом её ход всё убыстрялся. К этому времени мы уже несколько дней находились на планете, ежедневно контактировали с обитателями заражённого района, и наш врач смог бороться с болезнью не успешней, чем его примитивные собратья с планеты. Для нас возможен был только один способ действий, и мы поступили так же, как поступали до нас в подобной ситуации космонавты. Мы не могли рисковать, разнеся неизвестную, неизлечимую, высокозаразную болезнь по космосу, и потому остались на месте. Мы даже не могли уйти из заражённого района, опасаясь перенести эпидемию в другие районы планеты.

Пальцы её побелели.

— Наши страхи поблекли перед последовавшей реальностью. В этом районе жило и работало около трёхсот тысяч человек. Десять месяцев спустя сто тысяч из них умерло, причём восемь тысяч — за одну ужасную неделю. Среди них были семь членов нашего экипажа, включая моего отца. Наш врач тоже был среди них, но ему удалось определить источник болезни, и перед смертью он создал вакцину, которая, как прочной стеной, остановила распространение эпидемии. Жители планеты понимали, что мы для них сделали. Они сознавали, что мы, несмотря на опасность, предпочли остаться с ними и разделить их участь. Они были благодарны, и когда Тиг наконец увёл наш корабль, у нас было достаточно средств, чтобы купить хороший новый корабль, пополнить экипаж и заполнить трюмы первоклассными товарами.

Она неожиданно пристально взглянула в глаза Камилу, потом по очереди посмотрела на всех остальных.

— Но это никак не смягчает ужас десяти месяцев, не помогает забыть о них. Болезнь и смерть — только часть этого ужаса. Человеческие несчастья, страх, растущее отчаяние и наряду с этим отвратительное поведение многих. Я тогда была слишком молодой и чужой на этой планете, но понимала, какая это грязь и зло. Нельзя позволять, чтобы такое несчастье постигало планету, если только его можно предотвратить. Это справедливо, какая бы опасность ни угрожала при этом отдельным людям или кораблям.

— Не думаю, чтобы кто-то из нас стал возражать, доктор, — после нескольких секунд мрачного молчания негромко сказал Джелико. — Если бы мои парни на самом деле поверили, что «Королева Солнца» заражена чумой, она бы встретила свой конец в сердце звезды. Дух космоса! Если бы я подумал, что они способны поступить по-другому, я сам направил бы «Королеву» туда, прежде чем потерял сознание.

Разль улыбнулась.

— Знаю. Если бы я в этом сомневалась, то никогда бы не поднялась на борт.

Джелико покачал головой, глядя через несколько минут на выходящую женщину. Какой она тогда была молодой, подумал он, должно быть, не старше одиннадцати лет,

когда прошла через эту эпидемию. В любом возрасте это тяжёлое испытание. Можно понять её постоянную серьёзность и увлечённость массовыми заболеваниями и другими катастрофами.

Её нельзя в этом винить. У каждого взрослого есть своя защита и свой способ глядеть на окружающую вселенную. Те, кто испытал серьёзные травмы, физические и душевные, должны были к ним приспособиться, особенно если это произошло в ранние годы, когда характер ещё не сформировался. Массовые убийства, войны кратеров разбили детство Али. Он сумел выжить в этой бойне, но превратился в наблюдателя жизни. И не позволяет ничему пройти через тщательно сооружённую броню. Разэль Коуфорт прошла через испытания в более старшем возрасте, и сами испытания длились меньше, но и у неё есть своя броня и свои шрамы...

Капитан увидел, что суперкарго собирается выйти.

— Ван, подожди.

Тот подождал капитана и пошёл рядом.

— Ну и история! — заметил он.

— Да.

— Ты в неё веришь? — спросил Ван Райк. — Она так и не назвала ни корабль, ни планету.

— Ну, это легко проверить. Время и остальные обстоятельства совпадают. Коуфорт возник неожиданно и в очень молодом возрасте; происходит он из торгового клана, который в обычных обстоятельствах не способен купить совершенно новый корабль и оснастить его. Основная часть его истории, конечно, результат удачи и тяжёлой работы, но начало его пути вызвало немало разговоров среди вольных торговцев.

Джелико пожал плечами, на время отказавшись от размышлений по этому поводу.

— В данный момент меня интересует сама Разэль. Вы с Торсоном скоро отправитесь на рынок. Возьмите её с собой и дайте ей возможность свободно действовать — в рамках благоразумия, конечно. Хочу посмотреть, на что она способна.

— Брат никогда не использовал её для этого, — с сомнением заметил Ван Райк. — Насколько я знаю, она выбирала товары, но торговался сам Коуфорт.

— Ну, во всяком случае проверьте это.

Ван с любопытством взглянул на него.

— К чему нам это?

Капитан пожал плечами.

— Может, как ксенобиолог, я ищу новые данные. Как на неё ни взглянуть, эта Коуфорт — сплошная загадка, — глаза его сузились. — Мы с тобой старые лисы, но даже если бы у нас была та информация, что у неё, смогли бы мы так быстро прийти к заключению?

— Ни за что, — согласился суперкарго.

— Такая способность к дедукции может быть очень выгодна вольным торговцам. Конечно, если её использовать в более земных целях, а не для раскрытия преступных заговоров.

— Да, на этом карьере не построишь, — сухо согласился его собеседник.

— Конечно, если не хочешь стать добычей шепчущих или связать себя навсегда с Патрулём — что одно и то же.

— Ты не думаешь, что Разэль планирует это? — спросил суперкарго.

— Кто может понять, о чём думает женщина? — устало ответил капитан.

Ван Райк внимательно взглянул на него.

— Крэйг упомянул, что у тебя есть серьёзные подозрения на её счёт.

Джелико улыбнулся.

— Да, но теперь я по крайней мере понимаю, почему Коуфорт выпроводил её.

Светлые брови Вана поднялись.

— Я этого не могу сказать о себе.

— Некоторые особо способные люди вызывают неприязни. Мне кажется, доктор Коуфорт — пример такого человека.

— Приносит несчастья?

Джелико коротко рассмеялся.

— Разве в организации Коуфорта есть какие-нибудь признаки несчастий? Нет, но у Разэли, по-видимому, преувеличенное представление о справедливости; а может, вид несчастных провоцирует у неё сильную защитную реакцию. Какой бы ни была причина, результат вызывает постоянную головную боль у капитана и других членов экипажа, если даже не связан с катастрофами.

Посмотри, как она вела себя в переулке, Ван. Она очень испугалась, но всё равно намерена была достать эту проклятую кость, а потом на всех парах нестись к Патрулю. У неё совершенно нет инстинктивного стремления любого торговца убраться как можно дальше от неприятностей и осложнений. Вспомни, она сама говорила, что вовлекла брата в несколько конфликтов, которых он хотел бы избежать. И ты поймёшь, какая это проблема.

— Но к чему нам тогда неприятности? Нужно от неё побыстрее избавиться.

— Может быть, простое любопытство, — возразил капитан. — К тому же до старта она связана с нами. Хочу посмотреть, какова она в торговле. Возможно, «Королева» извлечёт из этого какую-нибудь прибыль.

— Ну, хорошо, дам ей попробовать себя на рынке, — пообещал суперкарго. — Ты тоже иди с нами. Она понимает, что находится под наблюдением. На рынке могут появиться крупные промышленники. Они так обычно делают, когда прилетают новые корабли, а за последнюю неделю их прилетело несколько. Возможно, нам удастся найти чартер.

Джелико кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Я хотел ещё немного подождать, но небольшая прогулка мне не повредит.

Глава 12

Али Камил ускорил шаг и догнал Раэль.

— Простите, — негромко сказал он, — похоже, я сбился с курса.

— Я тоже, — с горечью ответила она. — Непростительно так отвечать. Я знаю, через что вы прошли в детстве.

— Не больше, чем вы.

Он нахмурился и сделал шаг в сторону, давая возможность пройти Дэйну и Рипу. Найти на корабле место для разговора наедине, кисло подумал он, так же легко, как заарканить астероид из чистой платины. По крайней мере для помощника, у которого нет роскошного рабочего кабинета.

Женщина чувствовала, что его что-то угнетает, но Камил не собирался говорить об этом в набитом людьми коридоре.

- Я хочу проверить кое-какие ростки, — сказала она.
— А вы поможете. Будете снимать подносы с ростками, если у вас есть время.
— С удовольствием, доктор.

Разэль глубоко вдохнула свежий воздух оранжереи. На корабле это её любимое место. То же самое было и на «Блуждающей звезде», где она служила под началом брата. Не хватает только лаванды...

Помощник инженера подошёл к стойке с подносами.

— Который? — спросил он.

— Два верхних. У вас хватает роста, чтобы не пользоваться лестницей.

Потребовалось всего несколько секунд, чтобы снять подносы и осторожно поставить их на рабочий стол.

Али всмотрелся в тесные аккуратные ряды крошечных растений; каждый росток имел два листочка.

— Что это? — с любопытством спросил он. — Вероятно, тут разные растения, но трудно сказать с уверенностью. Они такие маленькие.

— Большинство проросло только сегодня утром, остальные вчера вечером. Ещё какое-то время их будет трудно распознать. На одном подносе эстрагон, на другом серый перец. Они нужны мистеру Мура для камбуза. Он хочет попробовать новые специи.

— Ну, это всегда хорошо.

Оба молчали, пока Разэль проверяла наличие воды и азотистых удобрений в почве и осматривала сами ростки. Надо как можно раньше рассмотреть болезнь, иначе она погубит всю поросль.

Наконец она распрямилась.

— Все дети хорошо себя чувствуют, — объявила она. — Можете вернуть их на стойку, мистер Камил.

Он подчинился. Закончив работу, Али опёрся об стойку и задумчиво взглянул на женщину.

— Как это у вас всё так хорошо получается, доктор? В таких разных делах? — его собственный шеф не пел ей хвалы, как Тау и Мура, но Иоганн Штоц вообще редко хвалил кого-нибудь. Если он за день ни разу тебя не ругнул, это уже комплимент.

— Ну, просто я многому научилась. Мне всё было интересно, я хотела приносить пользу, а не быть бесполезным грузом, пока официально не смогу занять какое-нибудь положение.

— Ах, да. Вы выросли в комфортных условиях своего клана.

— Мне повезло, — серьёзно согласилась она, — особенно потому, что я люблю торговлю, — лицо её неожиданно омрачилось. — Но, Али, я никогда не была предоставлена самой себе, у меня не было возможности убедиться, что я в состоянии справиться одна. В Школе я не училась. Все мои курсы, даже медицинские, я изучала по лентам, а клинический опыт приобретала в больницах, когда мы приземлялись.

Помощник резко взглянул на неё.

— А это разрешается?

— Конечно. Экзамены очень строгие; для успешной сдачи нужно набрать на десять процентов больше баллов, чем в Школе.

— Вероятно, для вас это никогда не было проблемой.

— Да. Не забудьте, у меня на корабле был полный набор учителей.

— А психологические тесты?

— Я никогда не просила назначения на корабль, так как всё время оставалась в своем клане. Но общая классификация ясна — вольный торговец.

— Никогда не пытались работать на большие компании?

Разль рассмеялась.

— Да на корабле компании я бы и двадцати четырёх часов не выдержала!

Выражение её лица снова стало мрачным.

— Впрочем, и на «Русалке» у меня не очень хорошо получилось.

— Вы всё оставили и ушли. В данных обстоятельствах это самое разумное, — голос Али смягчился. Она не скрывает своих неудач. — Вы справитесь. Торговое дело вы знаете и не возражаете против занятий им.

Для Камила это нечто новое — утешать и поддерживать. Он смолк, не зная, что ещё сказать.

Разве что... Коуфорт распутала это невероятное преступление.

— Доктор, — неожиданно сказал он, не давая себе возможности отступить, — вы можете держать рот на замке?

— Я врач. Это одно из условий нашей работы. И не думаю, чтобы вы сообщили о нашем разговоре всей вселенной.

— Не буду, — он серьёзно смотрел на неё. — Что вы думаете о Кануче?

— Я испытываю к нему отвращение, — удивлённо ответила она. — Мне нравятся великолепные дикие планеты или красивые цивилизованные, где существуют строгие законы по защите живой природы, полные пушистых пернатых и чешуйчатых существ, а не зловонного химического варева.

— Возможно, это не самое плохое на Кануче.

Глаза Раэли Коуфорт сузились.

— Что вы хотите сказать, Али? — негромко спросила она. Никогда раньше не видела она его таким серьёзным.

Целую минуту помощник инженера молчал.

— Может быть, я и сам не знаю, — сказал он наконец.

— Не хочу попадать в объятия психомедиков, как жертва шепчущих.

— Я не психомедик и достаточно времени провела на звёздных линиях, чтобы знать: случаются очень странные происшествия, оправдывающие самые дикие теории.

Камил отвернулся от неё.

— Многие удивляются, как мне удалось выжить в войне кратеров. Я ведь только начинал ходить в школу, когда мы попали под удар.

Она не ответила, а он, успокаиваясь, продолжал:

— В ту ночь я проснулся сразу после полуночи, проснулся в ужасе, в холодном поту. Если бы я был постарше, поумнее, я бы разбудил родителей, но тогда мне пришёл бы конец. Меня бы успокоили, снова уложили в постель, и я погиб бы с остальными. А так я просто убежал. Пожарная лестница проходила рядом с моим окном. Я спустился по ней и побежал. Страх мой был так велик, что я, не останавливаясь, пробежал через весь город и вышел за его пределы, когда от усталости не мог двигаться дальше. Но в это время начали падать бомбы. Из тридцати с лишним тысяч жителей я единственный выжил.

Какое-то время об этом никто не знал. Обычно я голодал, мне всегда было холодно, но я выдержал несколько лет. Что-то внутри меня заставляло держаться подальше от людей. Они, конечно, помогут, но они же помешают мне убежать, если снова придётся.

И пришлось: дважды от бомбардировки и дважды от массовых убийств... Когда враг проходил через нашу местность, и когда его прогоняли назад.

После этого дела пошла спокойнее. Конечно, опасности были, но не такие большие, и я научился избегать их. Больше таких предупреждений у меня не было.

Али начал рассказывать, будто это движение помогало ему чётче формулировать мысли.

— Когда я достиг зрелости, началось нечто другое, и оно продолжается до сих пор. Если я оказываюсь на месте большой трагедии, как бы давно она ни произошла, я испытываю страшную тяжесть, печаль ложится мне не только на плечи и тело, но на душу, на дух. В переулке я этого не испытывал — вероятно, трагедия должна быть большего масштаба, — но я испытал это на месте крушения «Небесной надежды», когда она погибла со всем экипажем и пассажирами. Я испытывал это в развалинах Лимбо и в Большом Ожоге на Земле, хотя никому не говорил. К тому же, у нас тогда хватало неприятностей, чтобы беспокоиться о бедах прошлого.

Он рискнул взглянуть на врача. Та стояла прямо, внимательно слушая его излияния.

Женщина глубоко вздохнула.

— Вы чувствуете то же самое на Кануче?

Камил мрачно улыбнулся в ответ.

— Доктор, мне нужно находиться непосредственно на месте, чтобы почувствовать. Да, чувствую. Почувствовал сразу, как только мы вошли в атмосферу этой проклятой планеты. Хуже того, впервые с дней войны кратеров меня охватила паника. И она все время со мной. Иногда я с трудом удерживаюсь, чтобы не ворваться на мостик и не направить «Королеву» как можно дальше отсюда.

Он овладел собой.

— Кануч, планета звезды Халио, одна сплошная трагедия, какая-то огромная катастрофа. От её прошлого несёт бедой, и будущее её тоже темно. Это подлинно зловещий

мир, и, доктор Разль Коуфорт, мы ничего с этим можем сделать, потому что ни одна душа в мире мне не поверит. Дела будут совершаться, как обычно, с обычными затратами времени, и я молюсь всем богам Федерации, чтобы неизбежное произошло после нашего отлёта.

Глава 13

Потребовалось немало времени, чтобы развеять холодок от мрачных предчувствий Али, но огромный открытый рынок города Кануча послужил отличным противоядием. Глаза Разли Коуфорт сверкали, когда она осматривала длинные ряды киосков, стоек и столов, заполненных предметами, предназначенными для продажи или обмена. В столице были, конечно, и крытые рынки, но они не предназначались для независимых вольных торговцев, которые искали товары для примитивных планет на краю мира.

Их здесь было вполне достаточно. Разли нравилось бродить по большому рынку, а теперь ей разрешалось кое-что закупить для корабля, конечно, под незаметным, но бдительным контролем.

Она сосредоточится на драгоценностях, сразу решила Разль, но вокруг так много всего, что вначале она захотела осмотреть, что предлагает рынок. В прошлые посещения Кануча товары никогда не бывали одинаковы. Она снова улыбнулась. Интересно будет посмотреть.

Кануч — высокоразвитая цивилизованная индустриальная планета, и потому здесь не хватало гула, загадочных, не всегда приятных запахов, необычности чужого и примитивного рынка, но всё равно это интересное место.

В длинном ряду торговали необработанными камнями, а рядом располагались стойки с готовыми драгоценностями. Материалы и оправы, инструменты, приспособления для обработки камней — всё это размещалось в районе, где продавалась и одежда. Продукты и средства для их приготовления образовали особый участок, а главную часть комплекса занимала торговля промышленными образцами. Там стояло множество людей, вооружённых моделями, каталогами, лентами с записями и образцами. Такое единообразие нарушали только палатки с готовой пищей.

Они были рассыпаны по всему огромному полю, чтобы клиенты, желая подкрепиться, не покидали того района, который их больше интересовал.

Разэль вдохнула воздух и задержала дыхание. Повсюду ароматы готовой пищи, искушающие, хотя она ела всего полчаса назад. Интересно, как реагирует на эти запахи Дэйн Торсон.

— Давайте пройдем мимо рядов с одеждой, — предложила она, так как ей разрешили выбирать маршрут. Готовая одежда её не интересовала: у Ван Райка её большой запас. Другое дело ткани. Вышивка, кружева, золотые и серебряные ткани всегда привлекают внимание и богачей, и примитивных племён; ткани хорошего качества и привлекательной расцветки вызовут интерес на большинстве планет Федерации, особенно если они ещё и импортные. У «Королевы» неплохой запас таких тканей, но во всех её прошлых посещениях Кануча тут бывал особенно богатый рынок текстиля, и они и сегодня могут наткнуться на что-нибудь. В порту немало торговцев; некоторые из них могут продавать свой товар.

— Разэль! Разэль Коуфорт!

Женщина быстро повернулась.

— Дик! — понизив голос, она объяснила своим спутникам: — Дик Татаркофф с «Чёрной дыры». Давний друг и соперник Тига. Если не возражаете...

— Конечно, нет, — ответил Джелико. — Вольный торговец не забывает друзей и никогда не преминет познакомиться с возможным будущим союзником, — и с потенциальным конкурентом тоже. Но этого он говорить не стал.

Группа с «Королева Солнца» подошла к крытому столу, на котором торговец разложил свои товары.

Джелико разглядывал торговца. Татаркофф — невысокий плотный человек с широкой грудью, явно говорящей о его марсианском происхождении. У него карие глаза, острые и пронизательные. Черты лица приятные, но выражение сдержанное; такое лицо никогда не выдаст мысли своего владельца.

По дороговому, прекрасно сшитому мундиру, по количеству и качеству украшений, по толстому, трёхдюймовой ширины, золотому браслету на левом запястье видно было,

что дела торговца идут неплохо. Уже тот факт, что он снял просторный киоск, свидетельствовал об его процветании.

— Что делает ярчайшая звезда торговли на Кануче? — спросил Татаркофф, когда они подошли ближе.

Раэль рассмеялась.

— Спокойней, Дик, — сказала она. — Я сама по себе. «Блуждающей звезды» здесь нет. Я теперь служу на «Королеве Солнца». Это Джелико, Ван Райк и Торсон, капитан, суперкарго и его помощник соответственно.

Когда представления были окончены, Раэль принялась рассматривать запасы торговца. В основном шерсть, заметила она, но хорошего качества и расцветок, ткань исключительной лёгкости.

— Вы, ребята, интересуетесь? — спросил Дик. — Можем заключить сделку.

Раэль покачала головой.

— Прости, Дик. У нас есть всё необходимое. Но вещи хорошие. Они здесь неплохо пойдут.

Хорошо и быстро, решила она. Ткань с Амона пропускает воздух, как вторая кожа, а вес её вообще не чувствуется. Прекрасные, очень ценные характеристики для такой планеты, как Кануч, которая задыхается от жары. Эти штуки, несомненно, привлекут внимание крупных производителей одежды. Кстати, некоторые их представители уже незаметно прицениваются к товарам Дика.

Она перевела взгляд на тщательно уложенные свёртки в тылу киоска и увидела ослепительно голубую ткань.

— Ох! — невольно в восторге выдохнула она.

Татаркофф посмотрел на то, что привлекло её внимание, и улыбнулся.

— Специально там спрятал, чтобы ты заметила. Ткань достойна тебя, — добавил он и развернул свёрток. — Тебе подходит больше, чем тому, кто как-нибудь её купит.

Она кивнула в знак благодарности. Это просто комплимент и подтверждение ценности ткани, а не торговая уловка. Татаркофф знал, что ни один вольный торговец не может позволить купить такую ткань для личного использования. Даже её брат не оправдал бы такой покупки.

Раэль смотрела на бесконечное переплетение голубых и фиолетовых оттенков, сверкающее, как волшебное облако в сновидении.

— Торненский шёлк?

— Да. У меня был повреждён двигатель, и я вынужден был садиться там. Этот кусок я обменял на лучший солнечный камень, какой только появлялся на рынке, — в голосе его не было сожаления. Продав ткань, он вдвойне оправдывает свои расходы. Удивительно прекрасная ткань и очень редкая.

На Торне, планете звезды Брандин, существовало высокоразвитое общество, по своему происхождению не зависящее от Земли. Когда планету обнаружили, цивилизация там была ещё на докосмическом уровне, да и сейчас оставалась домеханической, но общество там сложно устроенное, высокоразвитое и ориентированное на торговлю. Правят планетой наследственные торговые принцы, подчиняющиеся верховному владыке, который зовётся дожем.

Чужаков там не любят и стараются не иметь с ними дела. Разрешили лишь строительство полностью оборудованного космопорта, чтобы выручать попавшие в беду на соседних звёздных линиях корабли, но с космонавтами почти не общаются — ни с прилетевшими, ни с теми, кто работает в порту. Планета совершенно независима от внешнего мира и собирается такой и оставаться.

Тем не менее её правители умеют заниматься бизнесом и высоко ценят производимые у них предметы роскоши, особенно ткани. Постоянную торговлю в больших размерах они не разрешают, но отдельные сделки заключают, чтобы на рынках Федерации знали об их продуктах и ценили их. Они предпочитают иметь дело с вольными торговцами, а не с большими компаниями и отказываются от любых соглашений, которые могут ограничить их выбор рынка. И так как они свободно решают, продать ли товар чужакам или сохранить у себя, так как их товары пользуются огромным спросом, они всегда могут настоять на своей цене.

Ни Дик, ни любой другой вольный торговец никогда на это не жаловался, хотя местные торговцы буквально приставляли им бластер к виску. Без такой свободы выбора ни один вольный торговец не был бы подпущен к ценным товарам. Большие компании захватили бы рынок Торна и никого туда не пускали бы.

Разэль с сожалением вздохнула, когда Татаркофф начал сворачивать ткань. Она бросила взгляд на Ван Райка и увидела у него то же голодное выражение. Ему тоже хотелось иметь эту прекрасную ткань, хотя «Королева Солнца» не могла позволить себе вложить все средства в этот один-единственный предмет.

— Удачи, Дик, — искренне сказала она, — хотя я думаю, тебе будет жаль отдавать эту вещь. Мне было бы жаль.

— Мне тоже, — признался он. — Но это случится не скоро. Продам только на Гедоне. Не собираюсь отдавать дешевле, чем она того стоит.

Брови Ван Райка поднялись.

— Здесь тоже достаточно кредитов. Любой крупный промышленник может купить эту ткань.

— Может, но не станет. Вы никогда раньше не бывали на Кануче?

— Нет. «Королева» вообще новичок в этом секторе. Мы только осуществляли почтовые рейсы Трьюс — Ригиния.

— Ну, здесь состояния не наследственные, тут никто не обращает внимание на школьный престиж или знания из вторых рук. Почти все поднялись с самых низов в промышленности или начинали старателями. Суровые жёсткие люди, они нелегко нажили свои богатства и потому высоко их ценят. Конечно, они могут купить что-нибудь роскошное, прихвастнуть, но обычно ими правит разум, и нужно не меньше вспышки сверхновой у них на столе, чтобы они позволили себе такую экстравагантную покупку.

Разэль погладила шелк. Оглянулась через плечо. За короткое время, проведённое ими у стойки, на рынке стало гораздо многолюднее, но большинство из тех, что раньше толпились поблизости, по-прежнему здесь. В основном рабочие и мелкие бизнесмены, способные купить лишь немного. Но у некоторых внешность, которую привыкает распознавать любой торговец, будь ли то вождь племени, высокопоставленный правительственный чиновник, старший офицер или промышленник и крупный менеджер. Люди, которые могут купить и покупают по-крупному.

— Дик, — негромко сказала Разэль, — согласишься мне это?

— Да, — удивлённо ответил он.

— Позволь мне немного поиграть им.

— Давай.
— Какой он длины?
— Три ярда.
— Отлично, — размер большой вуали. Её план сработает, если она хоть немного разбирается в человеческой природе.

Женщина распрямилась. Её грудная клетка медленно изогнулась, каждая мышца тела полностью подчинялась её воле и двигалась с совершенным изяществом. Движения легки, как будто даже не существуют, совершенно невозможно их разделить на части, но тесно прилегающий мундир на её теле, казалось, растворился, превратился в чувственную рябь, как будто повинуюсь лёгкому ветерку.

Всё тело подчинялось странному ритму движений, пальцы Раэли сомкнулись по оба конца куска шёлка, и в следующее мгновение он взлетел в воздух.

Поднялся высоко, сверкая в ярком свете Халио, на какое-то мгновение повис там и опустился на женщину, медленно обвивая её

Снова взвилась вверх торпенская вуаль. Казалось, это не отдельная вещь, а часть женщины, продолжение света и воздуха, в котором она плывёт.

Джелико с трудом оторвал от неё взгляд и осмотрелся. Ван Райк тоже вспомнил, что находится на рынке, но остальные были совершенно околдованы. Танец Раэли был так неожидан в этом месте, исполнялся с таким совершенством, материал сам по себе был таким великолепным, что взгляды всех стоявших поблизости, как по команде, устремились в эту сторону.

Трижды, четырежды вздымалась вуаль в воздух, потом опускалась на голову женщины. Наконец Раэль со вздохом свернула ткань и вернула владельцу.

Чары прервались. Татаркофф пришёл в себя так же быстро, как старшие офицеры «Королевы», и схватил ткань с гордостью собственника. Он смотрел на нескольких человек, целенаправленно пробиравшихся к стойке.

— Я знал, что она тебе понравится, Раэль, — сказал он громко, ради потенциальных покупателей.

— Она удивительная. Завидую тем, у кого достаточно духа и кредитов, чтобы купить её, — ответила она, как

будто негромко, но все подходившие это расслышали. — Удачного полёта, Дик. Надеюсь, мы ещё увидимся до старта.

Группа с «Королевы Солнца» ушла на некоторое расстояние, и капитан Джелико пристально взглянул на временного члена своего экипажа.

Разль негромко рассмеялась, но, почувствовав его взгляд, остановилась.

— Мне нравится это делать, — объяснила она, — хотя удаётся редко. Тиг этого не одобрял.

— Не одобрял танцы Ибиса?

Она не удивилась, что капитан вольного торговца узнал её занятие.

— Или использование аналогичной техники для привлечения внимания к товарам. Он считал, что это не лучший способ делать дела.

— Но он эффективен, — возразил капитан, — и вы не расхваливали товар зря. Торненский шёлк прекрасен. Вы просто... — он немного помолчал. — Просто сплели из него мечту.

— Теперь Татаркоффу предстоит продать эту мечту, — вмешался суперкарго, — и если он этого не сделает, то у него вместо мозга кратер. Все на рынке хотят купить этот шёлк.

— Дик справится, — заверила она их. — Он продаст шёлк и, вероятно, все остальные товары вместе с ним.

— Вы сделали это для него, — сказал Дэйн, пытаясь говорить естественно. Его смутило то, как зачаровал его танец Разли. Торговец, особенно суперкарго, должен постоянно думать об окружении и деле.

Если ему сделают выговор, сейчас или потом, он его заслуживает после такого упущения. А пока что нужно прийти в себя. Его интересовала магия, применённая Разлью. Это торговая магия, а не та, что интересуется Тау. Ван Райк лучший суперкарго, но даже он никогда ничего подобного не использовал...

— Нет, — спокойно возразила женщина, — торненский шёлк не нуждается в рекламе. Лучшего просто не существует. Но здесь этот шёлк — проявление экстравагантности, квинтэссенция роскоши, он превосходит всё принятое

на такой планете, как Кануч. Им будут восхищаться, но мысль о покупке сочтут безумием. И мне пришлось разбудить стремление к красоте, к идеалу прекрасного, который заключён в душе любого человека.

— И вам это удалось, — заметил Джелико. Уже сейчас у оставленного ими киоска толпилось множество покупателей.

Раэль взглянула на капитана.

— Надеюсь, вы не возражаете?

— Нет. Мы не конкуренты, во всяком случае не в этом случае, а если у вольных торговцев сейчас что-нибудь купят, в дальнейшем их будут принимать охотнее. — Он задумчиво смотрел на неё. — Вы продали больше, чем просто шёлк Дика Татаркоффа.

— Но ведь такова цель нашей прогулки, — спокойно возразила она. — Я должна проявить свои способности к разным аспектам торговли.

— Да. Вы демонстрируете необычные способности, Раэль Коуфорт. И мне любопытно испытать их все.

— Испытайте, капитан Джелико, — легко ответила она. — Но они не все так легко обнаруживаются, как, возможно, вы считаете.

Глава 14

Они осмотрели ещё несколько киосков, но покупать ничего не стали и готовы были уже покинуть эту часть рынка. Но тут внимание Ван Райка привлёк металлический блеск на переднем столе одного из больших киосков. Даже на расстоянии в несколько футов он видел, что это синтетическая ткань серебристого цвета, очень тонкая и исключительно высокого качества.

Он коснулся руки Дэйна.

— Посмотри. Если покажется достойным, попробуй поторговаться.

Помощник суперкарга кивнул и решительно направился к киоску, стараясь скрыть и от торговца канучца и от своих товарищей волнение. Правда, шеф всё больше и больше доверяет ему, но до сих пор ему приходилось совершать лишь незначительные сделки, и все для самого корабля. Теперь же сделка могла получиться более значи-

тельной и предназначалась непосредственно для торговли. Потребуется и настоящие переговоры, если, конечно, он не сорвёт сделку, как только откроет рот.

Канучец картинно демонстрировал ткань, превознося её красоту и достоинства, как будто она сделана на знаменитых фабриках Сирены.

Закончив похвалы, он, однако, искоса взглянул на коричневый мундир Торсона.

— Мы здесь расплачиваемся только кредитами Кануча, — с сомнением сказал он.

Дэйн сообщил, что «Королева Солнца» только так и намерена рассчитываться. Он видел жадный блеск в глазах торговца и приготовился к схватке. Металлические монеты или кредиты предпочитают на всех планетах Федерации, и торговец собирался получить их как можно больше.

Но, с другой стороны, задача помощника — как можно больше сократить затраты «Королевы». Расплачиваться кредитами лучше, чем обмениваться товарами или услугами, но они же и больше ценятся. С их помощью легче добиться результата, и Торсон был намерен добиться от вверенных ему кредитов наибольшей пользы. Он придерживался своей роли возможного покупателя, заинтересованного в покупке, но не слишком. В конце концов, ему удалось добиться уменьшения платы на восемь процентов, а потом ещё на два, когда он предложил купить сразу все двенадцать штук ткани.

— Совсем неплохо, — рассмеялся Ван Райк, когда они достаточно отошли от киоска. — Ученик начинает оправдывать наши ожидания. Не знаю, решился бы я потребовать скидку за покупку всей ткани.

— Хороший ход, — согласился капитан, — но нужны ли нам эти двенадцать штук?

— Мы их продадим, — заверил его Ван Райк. — Ткань прекрасного качества, и в каком-нибудь примитивном обществе за неё дадут многое. Если бы ткань была из настоящего серебра, мы могли бы продать её во внутренних системах.

— И так можем, — вмешался Дэйн. — Конечно, внутренние планеты богаче внешних и пограничных миров, но и там есть множество обычных людей. Они не могут позволить себе покупать ткани из драгоценных металлов,

но хорошую синтетику купят. А если мы в ближайшем будущем не собираемся туда, то встретим множество кораблей типа «Чёрной дыры». И на них ткань у нас заберут в обмен на более нужные нам товары.

— Я согласна, — заметила Раэль, — но не думаю, что вам придётся меняться. Продадите, и даже не нужно покидать для этого внешние системы. Для крупного промышленника двенадцать штук — это мелочь. А в большом городе их даже лучше продать по отдельности. В голову приходит Афродита. И Султана. Это даже лучше, если вы до них доберётесь. Тамошние учителя ухватятся за эту ткань. Она нужна им для тренировок, хотя, конечно, в храмы они допускают только натуральные ткани.

— Гера даже ближе, — предложил Дэйн. — По записям Мары, жрицы там любят блеск. Они нашивают себе на платья зеркальца, разные бусы и кусочки металла. На эту ткань они набросятся, как тонущий на воздух.

— Это верно, и, как ты разумно заметил, Гера гораздо ближе.

Торсон благодарно поднял голову в ответ на похвалу шефа. Он не видел, какое гордое выражение сопровождало эту похвалу. Исключительно тайная информация, всего лишь замечание на полях старого отчёта. Ван Райк сам его не помнил, и он был очень доволен, что ученик, изучавший записи, опередил его.

Теперь, когда вопрос о торговой ценности покупки был решён, суперкарго решил обратиться к другой интересовавшей его теме. Его голубые глаза устремились в сторону Коуфорт.

— Говоря о Султане, доктор, я хотел бы узнать, где вы научились этому так высоко ценимому там искусству.

Она улыбнулась.

— Я впервые увидела танцовщиц Ибиса в восьмилетнем возрасте. Спорт я всегда презирала, и даже необходимые для поддержания формы в космосе упражнения мне были скучны. Но этот прекрасный сложный танец — совсем другое дело. Я решила научиться ему.

— Я покупала все ленты и книги, насколько позволяли мои кредиты, уговаривала отца купить ещё, я втайне работала с ними, расшифровывала и, как могла, копиро-

вала движения. И когда отец наконец застал меня за этим занятием, я достигла такого мастерства, что он решил организовать мне регулярные уроки, когда мы в следующий раз оказались на Султане. А эту планету мы посещали часто, она была на одном из наших главных торговых маршрутов. И я показала себя так хорошо, что его просьбу удовлетворили.

— Ему повезло, что вы просто не исчезли, — резко заявил Джелико. — Жители этой планеты преклоняются перед красотой. Вы, наверное, и тогда уже были красивы, к тому же танцовщица.

Она покачала головой.

— Для них это была настоящая трагедия. У меня были способности к танцам, но они не могли по-настоящему развиваться. Слишком поздно я этим занялась. Султаниты начинают предварительные тренировки в возрасте шести месяцев. В этом возрасте родители начинают делать с девочками упражнения по координации движений. Всё равно они побуждали меня заниматься этими танцами, потому что видели мою искреннюю любовь к ним.

Я вполне понимаю свою ограниченность. Меня никогда не допустят танцевать в храме, тем более на алтаре. Но я этого и не ожидаю. Я танцую для собственного удовольствия и хорошего самочувствия.

— Как-нибудь потанцуете для нас, — пообещал Ван Райк.

Разэль покраснела.

— Вы не самая скромная аудитория. И я вас всех знаю...

Джелико рассмеялся, но успокаивающе положил ей руку на плечо.

— Спокойней, доктор. Наш добрый суперкарго шутит. Танцы Ибиса — слишком мощное средство, чтобы допустить его на борт космического корабля. Вам разрешается продолжать свои упражнения в уединении вашей каюты.

Космонавты перешли в ту часть рынка, где продавали драгоценные камни и украшения.

Здесь становилась ясна разница между кредитами, находящимися в распоряжении каждого корабля, между «Королевой Солнца» и «Блуждающей звездой». По-настоящему хорошие камни, обработанные и нет, предлагались

в закрытых помещениях, но даже на то, что продавалось снаружи, пришельцы могли только смотреть.

Выражение лица Джелико стало мрачным. Он продолжал наблюдать за врачом. Та, конечно, в первую очередь замечала лучшее, самое дорогое. Она понимала, что они не могут этого купить, и потому ничего не говорила, но достаточно было и взглядов. Нетрудно представить себе её разочарование. Тиг Коуфорт мог бы купить камни по её выбору. Космос, даже Дик Татаркофф теперь может купить два или три из них. «Королева» тоже, — с горечью подумал Джелико. — Но тогда у них в трюмах ничего не останется...»

Он мысленно выругался. Что он делает? Неужели эта проклятая женщина заставит его стыдиться собственного корабля?

Но когда они оставили позади дорогие камни и подошли к прилавкам, где товары были им по карману, настроение Джелико снова улучшилось.

Тут особенно некогда размышлять. На «Королеве» почти не осталось украшений, и эти сравнительно дешёвые товары, особенно многочисленные бусы, представляют несомненный интерес для её капитана.

Теперь, получив свободу действий, Разль Коуфорт развернулась. Она безошибочно выбрала самые красивые агаты, нитку содалитов необычной окраски — возможно, их тёмно-лавандовый оттенок можно счесть недостатком, но они необычайно привлекательны. Она отыскала три безупречных нитки в связке довольно плохих гранатов и добавила к растущей коллекции хороших, хотя и относительно дешёвых украшений «Королевы» несколько цепочек бус уникальной формы.

Ван Райк сиял от удовольствия. Коуфорт работала великолепно, он видел её работу на других рынках. Но в данном случае отличие, и огромное, заключалось в том, что она работала для «Королевы», а не против неё.

Но он позволил ей только выбирать. Хотя каждый предмет в отдельности стоит немного, общая сумма будет довольно значительной. Это дело «Королевы», и он не собирался отдавать его в руки временного члена экипажа.

Дэйн следил за его работой с благоговением и удоволь-

ствием, как начинающий за действиями мастера. Когда-нибудь он займёт такой же пост. Он надеялся, что тогда будет действовать не хуже своего учителя.

Выражение лиц Джелико и Ван Райка прочесть было не так легко, но и они восхищались. Оба ветераны космической торговли, они понимали, что у них на глазах профессиональное мастерство превращается в искусство.

Когда суперкарго убедился, что всё необходимое закуплено, он предложил вернуться с сокровищами на корабль. К этому времени все четверо были обременены множеством пакетов. Конечно, одежду и так доставят на корабль, но когда покупаешь драгоценные камни и минералы, лучше унести их с собой.

— Можно ещё раз взглянуть на камни? — тоскливо спросила Раэль.

— Если хотите, — ответил Джелико. — Я думал, вы согласны с Ван Райком, что мы не можем себе позволить их покупать.

— Да. Но это для меня. Я только хочу взглянуть.

— «Блуждающая звезда» часто торговала камнями, — припомнил Ван Райк.

Она кивнула.

— Мы сами делали оправы. Наш стюард прекрасный ювелир. Он получал призы в самых крупных гильдиях ультрасистемы. Он обрабатывал то, что мы приносили, и для торговли, и для нас лично. Нам нужно было поставлять материалы, а он создавал произведения искусства. И у меня выработалась привычка проверять всё, что могло бы нам пригодиться.

— Ну, это не повредит, — заметил суперкарго. Он коснулся одного из своих пакетов. — Эти местные камни совсем неплохи. Я не возражал бы против покупки нескольких.

В этой части большого рынка продавались недорогие камни и металлы для их отделки, и большого разнообразия камней тут не было. Девяносто процентов товаров составляли канучские аметисты и красные рубины. А остальное — рубины другой расцветки, почти все с пороками, к разочарованию женщины. Продавались также мелкие полудрагоценные камни, обычные для всей ультрасистемы. Солнечных камней в этот день совсем не было.

Вольные торговцы купили несколько камней; могли бы больше, если бы нашли подходящего качества. Всё покупали поодиночке. Груды в два-три десятка они обходили стороной. Там были все камни низкого качества, а у них было из чего выбрать и без этого.

Но одна стойка привлекла внимание Коуфорт. На ней продавались как местные, так и импортные камни, а также различные минералы. Цвета удивительные и подчёркнуты искусным расположением.

Разэль выбрала несколько пакетов с камнями и высоко подняла их, чтобы лучи Халио осветили их содержимое, потом положила на место. Казалось, один набор розовых турмалинов заинтересовал её, и канучец тут же заметил этот интерес.

— У этих расцветка лучше средней. Они идут по пятьдесят за карат.

Изогнутые брови женщины поднялись ещё выше.

— Гильдия ювелиров на Гедоне не дала бы этим камням звёздного качества, даже как синтетике.

Продавец выпрямился во весь свой значительный рост.

— Если бы они приближались к звёздному качеству, то продавались бы не в наборе. Впрочем, это не синтетика, турмалины настоящие...

— Приберегите их для туземцев, — ответила Разэль. — Предпочтительно для тех, у кого нелады со зрением. Совершенно очевидно, что почти каждый камень на этом столе искусственный. Если хотите спорить, на Кануче есть оценщики, специально подготовленные для таких случаев. Одна такая будочка поблизости. Кто-нибудь из моих товарищей может сходить...

— Спокойней. Я ведь только продавец, не геолог. Меня нетрудно обмануть. Мне показались они хороши, и я принял на веру, вот и всё.

— Конечно, — сухо ответила она. Она так и рассчитывала, что он спасует перед угрозой. Официальные оценщики хорошо выполняли свою работу, а обманщиков ждало суровое наказание. Может, продавцу и удалось бы выкрутиться, но отныне за ним наблюдали бы, и это помешало бы ему в делах.

— Послушайте, я продам себе в убыток, чтобы доказать свои добрые намерения. Берите по десятке за карат.

— По десятке? Мы ведь зарабатываем себе на жизнь, не забывайте. Вы их покупаете по четверти за карат, может, по половине за лучшие. И при цене в один кредит получаете хорошую прибыль.

— Один кредит! Да я тогда и за столик не заплачу!

— Ну, тогда берегите свой мусор, друг мой. По справедливости я не должна бы давать больше трех четвертей за карат. К тому же мы берём всего несколько, как сувениры, один для меня, другие для моих товарищей. Такую синтетику не перепродашь, и мне кажется, ваш деловой стиль не заслуживает большего.

Она просмотрела несколько наборов и выбрала два, один с розовыми камнями, другой из смеси розового и зеленого. Камни в обоих наборах обработаны — в форме кабошонов.

Тщательно проследив за тем, как разочарованный торговец взвешивает её приобретение, она заплатила ему и, к его облегчению, вместе с товарищами ушла.

Коуфорт заметила, как смотрит на неё Дэйн, и рассмеялась.

— Вы не думали, что во мне это есть, Викинг?

Он вздрогнул. Этим прозвищем его дразнили однокурсники в Школе. Впрочем, сейчас он насмешки не почувствовал. Прозвище ему скорее понравилось...

— Ну, обычно вы ведёте себя спокойнее.

Её глаза сверкнули.

— Я и там не очень шумела, — усмехнулась она.

— Лазеры Патруля тоже не шумят, — заверил её Джелико. — Но тоже умеют постоять за себя.

Она снова стала серьёзной.

— Не думаю, чтобы мистер Ван Райк возражал, что я занялась его делом. Сумма потрачена незначительная, и один из камней для меня. Могу взять и остальные, если никто не захочет.

— Вовсе нет, — ответил суперкарго. — Как вы сказали, это сувенир.

— Посмотрим, что это за сувенир, когда вернёмся на «Королеву».

В том, как сузились её глаза, чувствовалось превосходство и загадочность.

— Мы туда и идём, доктор Коуфорт. На всех двигателях.

Глава 15

Ван Райк провёл спутников в свой кабинет. Не успела закрыться за ним дверь, как он повернулся к Разли.

— Ну, хорошо. Что за сокровище вы отыскиали в мусоре?

— Может, ничего не отыскала, — ответила она, беря у него ножницы и разрезая пакеты. Содержимое она высыпала двумя кучками. — Которую хочет «Королева»? Стоят они одинаково.

— Двухцветную.

— Хороший выбор, — сказала она и выбрала из кучки два розовых камня. — Кажется, только они, — заметила она, несколько секунд рассматривая остальные. Из другой кучки выбрала только один камень, но больше двух первых.

Разль внимательно рассматривала эти три камня, держа их так, чтобы на них падал свет настольной лампы. Голова её торжествующе поднялась.

— Звёздные рубины, — провозгласила она. — Очень старые и, несомненно, подлинные. Конечно, нужно будет проверить их качество, но я подозреваю первый класс.

— Так вот почему вы выбрали кабошоны, а не обработанные камни, — негромко сказал Джелико.

Она кивнула.

— Я их сразу заметила. Конечно, без тщательного осмотра у меня не было уверенности, но я поняла, что это что-то необычное. Просто мне нужно было не вызывать подозрения, интересуясь только этими наборами, — она сухо усмехнулась. — Я могла бы и сказать ему, если бы этот парень не попытался обмануть нас. Требовать пятьдесят кредитов за карат этих игрушек массового производства!

— А что если бы мы отказались от пакета, который вы для нас выбрали? — спросил суперкарго.

Разль отвечала Ван Райку, но смотрела прямо в глаза Джелико.

— Я часть корабля, хоть и временный член экипажа, и потому должна пользоваться вашим доверием. Я доказала, что разбираюсь в камнях. Если бы мне не стали доверять, когда сумма так незначительна, значит вы заслужили бы свою потерю.

— Вы забрали бы себе оба пакета и умолчали о рубинах? — спросил Ван Райк.

— Естественно. А чего вы ещё ожидали от меня?

— Справедливо, — сказал капитан. — Мы вас испытываем. Вы имеете право ответить нам тем же.

Дэйн потрогал рубины, но не стал брать их в руки. Не хватало только уронить один из них — может быть, рубин Коуфорт, — чтобы он закатился в щель и его нельзя было бы достать, не размонтировав предварительно корабль.

— А сколько они стоят?

— Точно сказать не могу, пока они не проверены, — ответила она, — но если они так же хороши, как выглядят, стоят они многого. Лучше пусть оценит их мистер Ван Райк, когда у него будет необходимая информация.

— Судя по обработке, они старые, возможно, ещё земного происхождения... — суперкарго смолк. У него перехватило дыхание. — Дух космоса!

— В чём дело? — спросил Джелико.

— Большинство звёздных рубинов земного происхождения давно погибли, лучшие из них — много столетий назад, и в Федерации никогда не было найдено ничего подобного. Если эти рубины действительно происходят из старых шахт, мы смотрим на легендарные камни. Они стоят столько, сколько вынесет рынок.

— Неужели мы столько получим? — спросила Раэль.

— Очень возможно, доктор, судя по их внешности. Ни такой блеск, ни этот цвет не встречались на рынке уже очень давно.

— А что если они не так стары, как мы думаем, и происходят не из земной шахты? — спросил Торсон, стараясь сохранить скептицизм перед лицом всеобщего энтузиазма. Им уже приходилось разочаровываться, и ему не хотелось снова радоваться тому, что впоследствии окажется пустым полётом через всю галактику. Полёт на Гедон, планету Эроса, дорогое удовольствие, и у них нет больше ничего, что можно было бы там продать. — Они даже не очень велики.

— Примерно с карат каждый из наших. Камень доктора в полтора раза тяжелее. Не так плохо для драгоценного камня. К тому же они совершенно одинаковы по цвету и обработке, а два камня «Королевы» — ещё и по размеру. Это означает, что мы можем продавать их в наборе. Нет, если они подлинные, в наших руках сокровище. Конечно,

если они не краденые, — Разэль позаботилась оформить документы о покупке, но если камни «горячие», никакой выгоды от них они не получают, одни затраты.

Дэйн кивнул, надеясь, что их «сокровище» по крайней мере оправдает затраты по оценке и дальнейшей продаже.

Ответ на это в будущем, а сейчас нужно разрешить и другие загадки. Он снова повернулся к женщине.

— Как вы их заметили, Разэль? И кстати, откуда вы знаете, что остальные — синтетика?

— По цвету. Искусственные камни слегка отличаются от природных. Обычно цвет у них более интенсивный, — она предупредила следующий вопрос. — Не могу сказать, как они оказались в этих наборах. Вероятно, давно переходили из рук в руки, и никто не подозревал их истинную стоимость. Похоже, все эти камни когда-то были вставлены в оправу. Вероятно, это часть большой партии, собранной по всей ультрасистеме и разбитой на наборы, чтобы продать их с небольшой прибылью.

— Примерно то же подумал и я, — согласился суперкарго.

Голос его звучал странно. Подняв голову, Разэль увидела, что он внимательно смотрит на неё.

— Что-нибудь случилось? — удивлённо спросила она.

— Мне не хочется произносить слово «сверхъестественный», доктор. Оно звучит слишком мелодраматично, когда его произносит не Крэйг Тау. Однако камни на этой стойке — не работа любителя. То, что они синтетические, не стало сразу ясно всем нам, включая меня самого. А ведь я не новичок в покупке и продаже драгоценных камней. Добавьте к этому, что никто не смог бы так учуять крысиное гнездо. Я удивляюсь вам.

— Только потому, что вы мыслите исключительно земными стандартами, — спокойно ответила она. — Представляясь в качестве сестры Тига Коуфорта, мне следовало кое-что добавить. Он мой сводный брат. У нас разные матери. Очень разные. В сущности, я генетическая невозможность.

Она вздёрнула подбородок.

— Не знаю ни расы матери, ни её родной планеты. Отец однажды вернулся с ней на корабль после короткого пребывания на какой-то планете, но ни он, ни члены

экипажа никогда не называли её названия. Она явно не земного происхождения, вообще не гуманоид, хотя по человеческим стандартам была очень красива. Были некоторые существенные психологические и генетические отличия, несовместимости. Но брак между ними оказался возможен. Зачатия же не должно было случиться, тем более рождения ребёнка. Тем не менее я была зачата, рождена и умудрилась выжить.

— Подобно большинству разумных существ, у меня свой набор способностей и талантов. Большинство я унаследовала от отца, но кое-что и от матери. Ничто из них не делает меня особенно отличной от большинства граждан Федерации. Если я кое-что умею, то это результат целенаправленных усилий и практики. Если бы я не выросла в космосе, где идеальные условия для сосредоточенности, где отсутствуют отвращения, вероятно, я бы немногого достигла. Но даже и при этом условии я совсем не сверхчеловек. Да, у меня очень обострены чувства, но ничего сверхъестественного в этом нет. Я хорошо ощущаю цвет, легко различаю оттенки и определяю качество камня, но этому я научилась у нашего прежнего суперкарга, предшественника Мары. В остальном у меня обычное зрение. Я не могу увидеть точку на расстоянии в десять миль или смотреть через титановую плиту...

То же самое со слухом. У меня обострённое ощущение запахов. Обычно это мучение, а не преимущество. Я научилась различать отдельные запахи, даже когда они сливаются друг с другом. Вероятно, это не совсем обычно, но если вы считаете, что я могу действовать, как охотничья собака, то будете разочарованы.

Чувствительность к запахам и обострение вкуса совпадают. Можете не сомневаться, что я высоко ценю приправы мистера Муры и никогда не пройду мимо вкусной пищи.

На лицах её товарищей появились улыбки. Очень характерно для неё. Когда космонавт оказывается на земноподобной планете, первым делом он отправляется туда, где можно поесть, а не в местную разновидность города Веселья.

Но Разль не улыбалась.

— Последнее — это осознание. И здесь ничего особен-

ного, хотя признаюсь, трогать торненский шёлк приятнее, чем ткань наших мундиров.

И больше ничего, — резко и устало продолжала она, — никакого шестого чувства. Я не читаю мысли, не вижу прошлое или будущее, не могу одной только волей передвигать предметы.

— А с животными можете общаться? — быстро спросил Джелико.

— Нет, — твёрдо ответила она. — Я бы хотела. Они часто гораздо лучше людей. Они меня любят, потому что чувствуют, что и я их люблю. Может, это немного необычно, — согласилась она, — но ничего особого тут нет. И растения у меня развиваются хорошо, как и у других садовников, которые их хорошо знают и понимают. Никакого волшебства в этом нет.

Капитан слегка покачал головой.

— Не пойдёт, Коуфорт. Многие любят животных, но никто так не действует на Квикса, как вы.

Глаза её стали жёстче, голос резко хлестнул.

— Многие любят животных и делают трёхмерные снимки их, но ни у кого не получается так, как у вас. Вы используете какое-то принуждение, чтобы ваши герои появились и позировали вам?

Джелико вспыхнул так, что шрам белой полосой выделился на щеке, но ничего не сказал. Очень точный отпор. И хорошо рассчитанный. Если бы она была постоянным членом экипажа, возможно, было бы по-другому. Тогда между ними существовали бы крепкие узы доверия и уверенности друг в друге, хотя он по-прежнему не имел бы права слишком вторгаться в ее внутренний мир. А так любое проявление экстраспособностей могло оказаться опасным для Раэли Коуфорт.

Ван Райк прочистил горло.

— Я полагаю, что мне ответили, — сказал он, чтобы нарушить последовавшее неловкое молчание. — Ну, что ж, каковы бы ни были ваши способности, доктор, мы должны быть им благодарны. Они хорошо нам послужили и напоследок преподнесли ценное приобретение.

Врач благодарно склонила голову.

— Благодарю вас, мистер Ван Райк.

— Ну, с этим мы покончили, — сказал он. — Ещё не

вечер, и мы не осмотрели ещё большую часть рынка. Торсон, тебе лучше остаться здесь и заняться нашими покупками. Запиши всё в журнал и отнеси в трюм.

— Есть, — оживлённо ответил Дэйн. Он предвкушал эти минуты.

— Доктор Коуфорт позже сможет тебе помочь, — предложил Джелико.

Он посмотрел на женщину.

— Напишите отчёт об этих рубинах, пока все подробности ещё свежи в памяти. Опишите покупку, отметьте все наши предположения и догадки. На случай, если камни «горячие», я хочу иметь как можно больше доказательств нашей невиновности.

— Есть, капитан. Но, если не возражаете, я напишу, что мы купили эти наборы случайно. Подлинное объяснение только вызовет дополнительные вопросы.

— Делайте, как сочтёте лучше. Если мне понадобится что-то ещё, я скажу вам, когда прочту отчёт.

Четверо разошлись. Ван Райк и Дэйн занялись своими обязанностями. Разль тоже хотела уйти, но капитан остановил её в дверях.

— Не хотите ли джейкека?

— Прекрасно. Никогда не отказываюсь от чашечки, — ответила она, умолчав о своих требованиях насчёт качества. Джелико никогда не сравнится с мастерством мистера Муры.

Разль Коуфорт первой вошла в каюту капитана, автоматически включив при этом освещение. Квикс при виде её обрадованно засвистел, но не забыл свои обязанности. Он подозрительно смотрел на дверь. Кто ещё вторгается на его территорию?

Поскольку последовал только законный обитатель, Хубат удовлетворился единственным абсолютно немusыкальным криком и ухватился за прутья решётки своими четырьмя ногами, готовый выпрыгнуть, как только откроют дверцу.

Женщина не разочаровала его. Она негромко рассмеялась и села в кресло Джелико, чтобы удобнее было дотянуться до клетки Хубата. Как только она открыла дверцу, Квикс взлетел и опустился ей на руку. А оттуда перебрался на плечо.

Коуфорт упёрлась рукой в стол капитана. Как по сигналу, Квикс переместился ей на предплечье. Она начала почёсывать его меж глаз, и он расслабленно повис в экстазе.

Капитан некоторое время смотрел, покачивая головой.

— Вы уверены, что не околдовали его?

— А вам никогда не делали хороший массаж? — возразила она. — К тому же он такой милый. Ему так легко доставить удовольствие. Не правда ли, малышка?

В ответ странное существо испустило негромкий урчащий свист.

Джелико ничего не сказал. Любой его ответ — на нескольких языках — был допустим только в совершенно другом обществе. Он сам любит Квикса, значительно сильнее, чем признаётся, но Разль Коуфорт — единственный человек, способный назвать Хубата милым и малышкой.

Он откатил кресло с его двумя обитателями в сторону и открыл нижний ящик стола. Достал оттуда большой термос. Поднёс к уху и резко потряс. Определив, что он наполовину полон, капитан расчистил место на столе, поставил термос между двумя грудками бумаг и включил подогрев. Потом из того же ящика достал две чашки, одну поставил перед врачом, другую перед собой и опустился в кресло для посетителей.

— Будет готово через несколько минут.

Когда звонок сообщил, что джейкек согрелся, Джелико наполнил чашки.

Разль, скрывая гримасу, отпила тёмную жидкость. Джейкек широко распространился на звёздных линиях, угрожая совсем вытеснить кофе земного происхождения и другие напитки, известные в Федерации. Но экипаж «Королевы Солнца», за исключением капитана, оставался верен традиционному напитку, хотя на краю космоса кофе можно найти только синтетический и в концентрированной форме. Джелико понимал, как трудно стюарду угодить на всех. И потому обычно сам готовил себе напиток, хоть получалось у него и похуже. Разль в сотый раз пообещала себе, что встанет как-нибудь пораньше и лестью или силой проберётся в камбуз — царство Фрэнка Муры. На «Блуждаю-

щей звезде» все пили джейкек, и она может приготовить его...

Она почувствовала на себе взгляд капитана. Лицо его было серьёзно.

— Вы сомневаетесь в моём рассказе?

— Просто сочувствую вам. Мы вас допрашивали с пристрастием.

— Но вам нужно было расспросить.

— Да, но похоже, мы привыкаем растравлять ваши раны. Мне не нравится вас мучить.

Она взглянула на дымящуюся жидкость.

— В моём происхождении нет ничего позорного, и я не возражаю против расспросов о моей матери. Её на корабле уважали и любили. Все члены экипажа, знавшие её, говорили мне об этом. Только отец никогда не говорил со мной о ней.

— Он винил вас? — негромко спросил Джелико.

— Нет, самого себя. Думаю, он всё время чувствовал свою вину. Видите ли, он любил её, — она вздохнула. — Никто из нас не понимал, насколько он её любил, до самой его смерти. Перед смертью он не звал ни меня, ни Тига, ни мать Тига. Только её. Мне кажется, он был рад присоединиться к ней.

Капитан медленно кивнул. Его младшие товарищи вряд ли поймут это, но он прожил достаточно долго и приобрёл немалый опыт. Он понимал.

Неожиданно ему в голову пришла другая мысль.

— Ваша мать тоже была врачом? — спросил он.

— Да — среди своего народа. Так мы считали. Сама она не признавалась в этом и вообще не говорила о своём прошлом. Уйдя с моим отцом, она, очевидно, полностью порвала с прошлым. Вероятно, это одна из причин, почему я выбрала профессию медика. Мать сражалась за меня, она прожила достаточно долго, чтобы я могла выжить без неё. Я чувствовала, что обязана ей, что должна отплатить ей за её борьбу.

— Но это не принесло вам счастья?

Разэль пристально взглянула на него.

— Точно в цель я не попала, но медицина — одно из моих любимых занятий. И не менее ценное, чем остальные.

— Не сомневаюсь, — он улыбнулся. — У вас сильная воля, Разэль Коуфорт, при спокойных манерах. Мне трудно представить себе, что вас могут заставить действовать, когда вы этого не хотите.

Они допили джейкек, Джелико встал и убрал пустые чашки. На обратном пути отнесёт их в камбуз.

— Если хотите, можете составить компанию Квиксу и поработать здесь. Не торопитесь, но когда закончите, помогите Торсону. Но имейте в виду, что в отсутствие Вана он отвечает за груз.

— Я родилась вольным торговцем, — раздражённо ответила женщина. — Мне кажется, я знаю протокол.

— Да, но вы проявили себя специалистом в тех товарах, которые он сейчас заносит в каталог. Дэйн хороший работник. Я не хочу, чтобы он потерял уверенность в себе или передал кому-то свои обязанности.

— Этого не случится, — пообещала она.

Джелико серьёзно рассматривал её. Он был не вполне уверен, что верит ей. Эта история о смешанном происхождении — старый приём, чтобы вызвать сочувствие, но в данном случае у неё достаточно доказательств. Пока он не может добиваться от неё большего. Её откровенность — или кажущаяся откровенность — связала его. Никаких фактов, подкрепляющих подозрение, у него нет, и если он сейчас будет слишком нажимать на неё, кончится это прекращением её службы на «Королеве». Но к этому он не готов. И не хочет этого.

И морального права у него на это нет. Город Кануч не Трьус, это не место, где можно бросить женщину. На рынке она превосходно действовала, помогая Дику Татаркоффу, но метод, который она при этом использовала, может привести её к катастрофе.

Джелико колебался. От него требуется нечто большее, чем просто предотвратить столкновение между ними. Пока Коуфорт остаётся членом экипажа «Королевы», в его обязанность входит заботиться о её безопасности. Но капитан межзвёздного корабля, если только это не корабль военного флота или Патруля, не может следить за деятельностью своих подчиненных на планете.

Чёрт возьми, это опасно! Опасность потенциальная, но она вполне реальна.

— Не знаю, каковы ваши планы на вечер, но мне не хотелось бы, чтобы вы в одиночку бродили по Канучу. Или даже вдвоём. Выходите только вчетвером, а лучше совсем не выходите.

Он сдержался. Ни один вольный торговец не примет такого повелительного тона, особенно после долгого перелёта.

Тем не менее женщина сохранила хладнокровие. Глаза её сузились, она резко взглянула на него.

— В чём дело, капитан? — негромко спросила она.

Он вздохнул.

— Красота — это товар в городе Веселья. Если кто-то из его обитателей видел ваше представление с торненским шёлком, они высоко вас оценят — в своих особых интересах. Каждый подонки ультрасистемы постарается сорвать этот приз, если надеется уйти с ним, — капитан ощутил прилив гнева. — Что бы вы ни сделали со своей жизнью, не хочу, чтобы вы стали рабыней этих животных.

Разэль опустила голову.

— Я сознаю такую возможность, — сказала она. — И не стану рисковать. А после приключения с крысами мне совсем не хочется бродить по Канучу в темноте. После закрытия рынка и магазинов меня ничего не отвлекает от «Королевы». Лучше поработаю в кабинете доктора Тау.

Гнев капитана стал сильнее. Да, с горечью пордумал он, конечно, она сознает опасность. Красота в торговле — общно преимущество, особенно когда имеешь дело с гуманоидами. Они всегда расположены к тем, кто кажется им привлекательным. Но слишком большая красота — совсем другое дело. Бросающаяся в глаза внешность может во многих обстоятельствах оказаться недостатком, и Разэль Коуфорт с самого юного возраста должна была служить потенциальной целью всевозможных подонков.

Его охватило сочувствие к ней. Он хотел взять её на руки, защитить...

Джелико подавил этот импульс, но не хотел уходить, оставив её в подавленном настроении. Заставил себя улыбнуться.

— Я напрасно тратил силы на это предупреждение, — сказал он. — Вы знаете обо всём этом не хуже меня. Конечно, я старше вас, но вы столько времени провели в полётах меж звёздами, что опыт у вас богатый.

Глаза её сверкнули.

— Ну, вы использовали время гораздо лучше. Стали капитаном, а я всё ещё перехожу с одного крабля на другой.

Она подняла руку, так что Квикс был вынужден снова перебраться ей на плечо. Теперь рука её свободна, и она может писать.

— Лучше поведите с мистером Ван Райком и подумайте о дополнительных покупках. Несколько камней и свёртков ткани много вам не дадут.

— Доктор Коуфорт, — строго обратился к ней Джелико, — то, что вы сидите за моим столом, не делает вас капитаном корабля, — с этими словами он отдал ей флотский салют и вышел из каюты. Её мягкий смех ещё долго звучал в его ушах.

Глава 16

Дэйн остановил ленту, которую изучал, потом совсем выключил её, вспоминая прочитанное.

Некоторые синтетические камни очень хороши. По составу они ничем не отличаются от подлинных. Единственное отличие в том, что они созданы при тщательно подобранных людскими условиями.

Они могут составить основу неплохого дела. Мало кто из торговцев и даже компаний имеет дело с синтетическими камнями; он не может припомнить ни одного случая таких регулярных занятий; но лишь небольшой процент населения галактики может позволить себе покупать натуральные камни. Синтетика невероятно расширяет число потенциальных клиентов «Королевы». В сущности искусственные камни на некоторых рынках даже предпочтительней. Для начала потребуется совсем немного кредитов, и для пробной продажи достаточно того запаса, что есть на корабле.

Помощник суперкарга удовлетворённо кивнул. Нужно ещё кое-что почитать. Потом он сведёт вместе цифры, определит возможные рынки и торговую стратегию и сможет выступить с предложениями перед шефом.

Ван Райк примет его предложение. Цель «Королевы» — получать прибыль, а вовсе не раскрывать убийства, а тут предоставляется возможность открыть новое поле дея-

тельности и монополизировать его, по крайней мере в этом секторе. Лишь через несколько лет другие торговцы спохватятся.

— Дэйн! Я думал, ты всё ещё в трюме.

Дэйн поднял голову. В каюту вошёл Рип Шэннон. Он с лёгким удивлением смотрел на помощника суперкарго.

— Кончил там двадцать минут назад, — сказал Дэйн.

Лицо Шэннона затуманилось.

— Я видел, как примерно в это время туда спустилась Разэль, и люк до сих пор не закрыт.

Торсон выпрямился.

— Нужно проверить.

— Спокойней, друг, — торопливо сказал Шэннон. — У неё, вероятно, есть причина...

— Она не имеет права находиться там без разрешения суперкарго — или моего в отсутствие Ван Райка.

— Тебе нужна помощь?

Дэйн остановился.

— Нет, — медленно ответил он. — Я её ни в чём не обвиняю, — но выражение лица у него стало жёстким. — Но ты оставайся здесь. Если я вскоре не вернусь, поищи меня. И тогда будь осторожен.

Дэйн сморщился, подумав, как мелодраматично он реагировал на слова товарища. Чёрт бы побрал эту Разэль Коуфорт, раздражённо сказал он про себя. Почему это с ней всегда попадаешь в неприятные ситуации? С точки зрения Али Камила, это, возможно, и хорошо. Но он, с другой стороны, нелеп в роли героя.

Он не останавливался. Груз и товары для торговли — его ответственность. У него нет выбора: нужно проверить. Саботаж в трюме однажды уже доставил «Королеве» большие неприятности, и он не хочет рисковать повторением. Нет ни выгоды, ни удовольствия в приближении к чрезвычайно неприятной смерти.

Когда несколько мгновений спустя помощник суперкарго появился в трюме, Коуфорт всё ещё была там. Всё выглядело как обычно, и ничто не показывало, чем она здесь занималась до его прихода. А сейчас она развернула купленную ткань и рассматривала её.

Торсон откашлялся. Женщина взглянула на него, потом снова посмотрела на серебристую ткань.

— У меня не было возможности раньше внимательно рассмотреть наши приобретения. Очень красивая ткань. Вы хорошо с ней справились.

Разль вздохнула, возвращая ткань на место.

— На борту «Блуждающей звезды», — горько сказала она, — я слушалась Тига и не покупала предметы роскоши. А теперь не могу себе этого позволить. И пока остаюсь добродетельным и старательным вольным торговцем, не смогу их покупать.

Она смолкла, видя откровенно подозрительное выражение его лица.

— Спокойней, парень, — сказала она. — Ни один из Коуфтортов не становился пиратом. И я не собираюсь начинать новую традицию в нашей семье.

— Вы бы не признались, если бы и хотели начать, — ответил он, стараясь говорить небрежно. Но это ему не совсем удалось.

Разль слегка пожала плечами.

— Мы имеем дело с красивыми вещами. Я ведь не могу оставаться равнодушной к ним. Вы и сами тоже неравнодушны.

Дэйн вздрогнул, а её губы скривились в усмешке.

— Я видела, как вы смотрели на пояс натуральной кожи, прежде чем купили тот, что на вас. Если вы сами хотите владеть множеством вещей, которых не можете себе позволить, почему отказываете мне в таком же праве?

— Но вы как раз можете себе позволить, — быстро возразил он. Ему показалось, что он нашёл брешь в её рассуждениях. — Ничто не мешает члену экипажа покупать товары для личного использования. Это подделка, не натуральная ткань. И небольшой кусок её вас бы не разорил.

Она покачала головой.

— Тут ткани не очень много. Двенадцать штук недостаточно для настоящей сделки. А если ещё меньше, то нет надежды на прибыль.

— Вы так заботитесь о прибылях «Королевы Солнца»? — саркастически спросил Дэйн.

Разль вздёрнула подбородок.

— Я верна кораблю, на котором служу, даже если эта служба временная.

— Такова традиция, — ответил он. — Я ещё недостаточно давно кончил Школу, чтобы быть уверенным, что она всегда соблюдается.

— Соблюдается. Обычно. Корабли, на которых она не соблюдается, часто исчезают вместе со всем экипажем. К тому же суперкарго Ван Райк вряд ли на этой стадии согласится разделить свой товар, — ответ её звучал холодно. Дэйн Торсон слишком остро ощущал свою молодость и отсутствие опыта, чтобы привлекать к ним внимание. — Пока я на «Королеве», я думаю об её интересах.

— А потом?

— Потом, если придётся, буду конкурировать с ней. И вы тоже, когда закончите своё обучение.

Некоторое время оба молчали.

Разль первой отвела взгляд.

— Это был удар ниже пояса. Простите. И простите за то, что оказалась здесь, не предупредив вас. Я искала вас по приказу Джелико, но не нашла. Вероятно, просто подействовала старая привычка. На «Блуждающей звезде» у меня был свободный доступ в трюм.

— Вы умеете обращаться с грузами? — спросил он. Почему бы и нет. Похоже, она умеет всё.

— Да. Тиг хотел, чтобы я стала суперкарго. И очень рассердился, когда я выбрала медицину, — она распрямила спину. — Может, я ошиблась. Мне нравится работа с товарами, нравится торговля в неизведанных областях, и, несомненно, в роли суперкарго я была бы ему очень полезна, но медицина привлекала меня больше. Я выбрала её и осталась верна своему решению.

— Поэтому вы покинули «Звезду»?

— Нет, — устало сказала она. Рот её отвердел. — Я ушла, Торсон. Меня не выгнали. Я уже объясняла причину. Если вы в неё не верите, мне нечего сказать.

Дэйн решил попробовать ещё один подход, хотя сомневался, что добьётся чего-нибудь. Если Разль обманывает, то она тщательно продумала свою роль. У неё нашлись ответы на все вопросы. Даже Джелико и Ван Райк не смогли поймать её.

— Похоже, на «Блуждающей звезде» в вашем распоряжении было немало кредитов. Неужели с тех пор всё истратили? — он чувствовал неловкость, задавая этот

вопрос. Не его дело. Он проявляет большую невежливость. Коуфорт вправе отправить его подальше.

Женщина нахмурилась, но сдержалась.

— Нет, я не тратила кредиты. Всё, что я заработала, а также наследство от отца на счету «Звезды». Тиг не отдаёт эти деньги.

— Что?

Впервые женщина искренне улыбнулась.

— Тиг не разбойник со звёздных путей. Всё оговорено в условиях. Брат не может потратить мои деньги. Он просто сохраняет их, пока я не устроюсь на постоянную стоянку.

— Вы ведь уже совершеннолетняя.

— Да, но таковы условия завещания. К тому же, там не так уж много кредитов. Мы, Коуфорты, всё заработанное вкладываем в корабль, — она подняла голову. — Ведь вы не думаете, что мы добились своего без труда и самопожертвования

— Не думаю. Коуфорт и его экипаж хорошо известны, но...

— Но ничего. Я просто хотела быть самостоятельной, а если бы отправилась бродить с большим количеством денег, нарвалась бы на засаду в каком-нибудь тёмном переулке. Но всё получилось неплохо. Я не умерла с голоду, хотя и не стала лучшим торговцем столетия.

Женщина негромко печально рассмеялась.

— Кажется, такая надежда у меня была, но можете представить себе, как быстро мне пришлось от неё отказаться.

Дэйн, вопреки своему желанию, усмехнулся.

— Но вы ещё можете этого добиться, — сказал он и вздохнул. Опять у неё это получилось, подумал он. Она увела разговор в сторону от неприятных для себя вопросов. Но на этот раз он не удивился. С самого своего появления на «Королеве Сорлнца» Разэль Коуфорт доказывала, что умеет делать это. Только время покажет, скрывает ли она за этим какой-то неприятный сюрприз для них.

Глава 17

Три помощника, Джаспер и Разэль сидели за столом в кают-компании, когда на следующее утро туда торопливо вошли Джелико и Ван Райн. Синдбад лежал на коленях

женщины, прижавшись к её руке. Он аккуратно ел из другой её руки, которую она держала перед ним.

— Мне кажется, он толстеет, — заметил Джелико.

Раэль подняла голову.

— Он снова герой, хотя, к счастью, на этот раз обошлось без ран. Кто-то недостаточно тщательно закрыл сеть на люке, возвращаясь прошлым вечером.

— Ну и ну! — пробормотал суперкарго.

Викс положил вилку.

— Есть что-нибудь хорошее? — он много лет провёл на борту «Королевы» и понимал, что эти двое отлучались рано утром не для того, чтобы испытать удовольствия города Веселья.

Глаза Ван Райка плясали, как земное небо в солнечный день.

— Чартер, друзья мои, отличный выгодный чартер и возможность полностью загрузить наши торговые трюмы.

— Что мы повезём и в какой порт? — оживлённо спросил Дэйн.

— Оборудование и химикалии для купольных шахт на Ригинию.

Он поднял руки, когда лица сидевших за столом помрачнели.

— Мне тоже не нравится такое быстрое возвращение на Ригинию, но чартер выгодный, и если мы будем действовать быстро, за ним последует еще немало таких же.

Он опустил своё крупное тело на ближайший стул.

— Мы встретились с неким Эдру Мактрегором, основателем, президентом, председателем совета директоров и по существу верховным владыкой «Каледонии, Инк.» Это самый большой производственный конгломерат на Кануче. Он уже понял, какой прекрасный рынок представляют для него новые купольные разработки и лично по передатчику договорился о продаже большой партии самых различных товаров, от разнообразных машин и механизмов до строительных материалов и химикалиев. Он хочет действовать быстро, прежде чем возникнет конкуренция. У него нет времени для заключения долгосрочного договора или покупки корабля, поэтому для первоначальных рейсов он хочет использовать те корабли, что оказались в порту. Но увидев представление Раэли вчера на

рынке, Мактрегор решил весь фрахт отдать «Королеве», если мы согласимся стартовать в ближайшие дни. И потом будем продолжать эту работу, сколько захотим.

Он криво усмехнулся Раэли.

— Договор заключён только на словах. Подписывать он не захотел, прежде чем не поговорит с доктором Коуфорт.

Она почувствовала озорство в его голосе и изогнула брови.

— Какое проявление истинной демократии! — заявила она. — Только представьте себе! Не только старшие офицеры, но и неопытные помощники должны присутствовать при заключении договора!

Джелико усмехнулся.

— На самом деле Мактрегор хочет изменить ваш рабочий статус. Он предлагает вам место в торговом отделе своей фирмы.

— Что? — воскликнула она, безуспешно стараясь заставить товарищей прекратить смех.

— Совершенно верно, — подтвердил суперкарго. — Он утверждает, что тот, кто сумел довести двух его сильнейших конкурентов чуть ли не до кулачного боя простым размахиванием ткани, заслуживает самой высокой должности в «Каледонии, Инк.»

Серьёзно, Раэль. Он прекрасно понимает, что вы сделали, и обещает вам — при известных способностях и старании — большое будущее в своей компании.

— А зачем тогда он говорит с моим начальником, что собирается переманить меня? — прямо спросила она.

— Он не хочет пользоваться репутацией недобросовестного человека и отпугивать возможных покупателей. К тому же, — добавил Джелико, — он, вероятно, считает, что у него нет особых шансов переманить вас. Космонавты обычно не уходят со звёздных путей, чем бы их ни прельщали.

— И уж, конечно, не на такую планету, как Кануч, — согласилась она с чувством. — Когда мы с ним встречаемся?

— В полдень. Он угощает нас ланчем в самом дорогом ресторане Кануча — «Двадцать два». Это у самого берега, так что не очень налегайте на эти синтояйца и сосиски.

— Не бойтесь. Я заказала для Синдбада, не для себя.

Али откинулся на мягкую обивку скамьи, с трёх сторон огибавшую стол.

— Теперь, когда это решено, — протянул он, — можно послушать интересный рассказ. Вчера, кажется, никто не упоминал о кулачных боях.

— Мы к тому времени уже ушли, — сказал капитан. — На обратном пути к «Королеве» встретили Дика Татаркоффа, и он подтвердил, что чуть не состоялось несколько драк из-за его шёлка.

— Он был совершенно счастлив, — продолжил рассказ Ван Райк. — Продал шёлк по самой высокой цене, потом почти за такую же сумму продал небольшой кусок, который давал осматривать. И всё остальное тоже продал, хотя по более умеренным ценам. Он клянётся, что в трюме у него только несколько обрывков ткани, и если бы он нашёл их вовремя, то и их продал бы с выгодой.

Джелико осторожно поставил на стол небольшой ящичек и достал из него две бутылки.

— Из личных запасов Татаркоффа. Вы это заработали, Разль. Вам и решать их судьбу.

Женщина взглянула на этикетки. Вино. Гедонского разлива, золотисто-белое, сухое. Виноградник настолько хорош, что она помнила его название. Если захотят, они легко продадут это вино.

Она покачала головой. Нет. Дик — известный ценитель вин. Его личный погреб стал легендой, и он хранил его исключительно для своего удовольствия, не для торговли или обмена. Именно для этого подарены эти бутылки, и она считала, что так их и нужно использовать.

— Мы заслужили небольшую роскошь. Отдадим их Фрэнку и посмотрим, что он даст им в сопровождение. Ему это понравится. Ведь здесь есть доступ к свежим продуктам.

Глава 18

Разль пригладила несуществующую складку на своём мундире. Форма действует на неё угнетающе, подумала она. С её высоким воротником, с её строгим стилем она всё время заставляет чувствовать своё несовершенство. Может, в этом отчасти цель мундира. Небольшая неуверенность в себе постоянно заставляет быть настороже...

Она взглянула на своих спутников. Джелико тоже в

мундире, но если он и чувствует какую-нибудь неуверенность или неудобство, то никак этого не проявляет.

Ван Райк, шедший в нескольких шагах впереди, вероятно, самая поразительная фигура, с его большим ростом и могучей фигурой, состоящей из подвижных мышц, но она находила Джелико более впечатляющим. Стройный, сухошавый, с кошачьей грацией, выработанной долгими годами в космосе, с ореолом власти и ответственности не только за благополучие, но и за саму жизнь подчинённых, он выглядел как настоящий хозяин межзвёздного корабля с опасных пограничных линий. Жёсткие черты лица, изуродованная бластером щека, стальные глаза только усиливали это впечатление.

Разэль разглядывала подвижную толпу. Хозяин попросил их явиться в вестибюль этого самого высокого здания в Кануче, пообещал встретить там и провести наверх, в дорогой ресторан.

Мужчины приветственно подняли руки, и она принялась разглядывать шедшего им навстречу человека.

Эдру Мактрегори похож на Джелико, сразу решила Разэль. Он старше, в волосах его больше седины. Глаза голубые, лицо круглое и полное, но эти двое одной породы. И в космонавте, и в жителе планеты безошибочно чувствовались сила и независимость духа. У этого нелегко выторговать душу или прибыль.

Канучец двигался им навстречу сквозь толпу. Он сразу протянул старшему землянину руку в универсальном приветствии.

— Вы вовремя. Приятно снова встретиться с вами, капитан Джелико, мистер Ван Райк.

— Нам тоже приятно, мистер Мактрегори, — ответил капитан. Он сделал знак Разэли. — Это доктор Разэль Коуфорт.

Мужчина склонил голову в старомодном поклоне. Глаза его сверкнули, казалось, они проникают ей в самую душу.

— Вы прекрасны, доктор Коуфорт, но я рад видеть, что вы смертны, подобно всем нам. Мне было бы не очень приятно иметь дело с призраком.

Её улыбка стала шире.

— Ну, вы всё равно справились бы, если бы это обещало хорошую прибыль.

Мактрегори рассмеялся.

— Вы правы, доктор.

Хозяин провёл их к огражденной канатами платформе лифта. Подходя к женщине-лифтёру, он сказал:

— У нас заказан столик на четверых, — сказал без всякой необходимости, потому что при его приближении женщина сразу начала поднимать преграду.

На платформу поднимались и другие пассажиры, в основном пары, иногда тройки. Ступив на платформу, все смолкли, даже Эдру. Все пришли сюда не для удовольствий, а в такой тесноте деловые разговоры вести нельзя.

Заполнившись, лифт начал подниматься. Разль прислонилась к столбу ограждения и смотрела на быстро удаляющийся заполненный людьми вестибюль. Вскоре люди внизу стали похожи на живые игрушки.

Лифт-экспресс не останавливался в пути, поэтому он поднимался с большой скоростью, но двигался он абсолютно гладко, а нужно нечто большее, чем простой подъём, чтобы вывести из равновесия космонавтов.

Через несколько секунд платформа замедлила движение и мягко остановилась на двадцать втором этаже. Космонавты вышли и обнаружили, что находятся на ступице широкого медленно вращающегося колеса, на котором было расставлено множество столиков, некоторые у самого края. Такое расположение их не удивило: оно очень старое, но остаётся популярным. Людям нравится обедать в таких условиях, когда перед ними открывается прекрасный, всё время меняющийся, вид.

Джелико вынужден был согласиться, что ресторан прекрасен использует этот обычай. Вместо обычной плоской крыши и высоких широких окон, весь ресторан был накрыт большим куполом из стеклостали, толщиной в несколько дюймов, но таким прозрачным, как будто его вообще не было. Вечером, когда над головой сияют звёзды и две маленькие луны Кануча, а внизу горят огни многолюдного города, отражаясь в воде гавани, это, должно быть, особенно великолепное зрелище, подумал капитан. Днём большая часть этого великолепия отсутствует, потому что высокие крутые берега залива по обе стороны открывают вид только на невыразительный индустриальный пояс, скрывая находящиеся за ним жилые районы. Но

гавань несколько скрашивала картину. Здание не настолько высоко, чтобы не видны были подробности сцены под ним, и полный активной деятельности порт захватывал внимание наблюдателя.

К их группе приблизился человек в форме.

— Мой обычный столик с краю, — прошептал Эдру, — но если это вас беспокоит, мы его сменим. Вы здесь для того, чтобы наслаждаться хорошей пищей, и я не хочу, чтобы из-за необычности места ваше небо потеряло чувствительность.

При этих его словах гости увидели, что он имеет в виду. Ресторан уходил за стены здания, и нависающая часть пола была сооружена из того же материала, что и купол. Столики, казалось, подвешены в воздухе.

Джелико мог есть в любых условиях, но когда речь идёт о хорошей пище, он предпочёл бы наслаждаться ею, не отвлекаясь на драматичное окружение. Но, с другой стороны, на лице Раэли было открытое восхищение, и он не стал возражать.

— Вряд ли у нас вскоре представится ещё одна возможность поесть на «Двадцать втором», — сказал он. — Давайте испытаем всё.

Вскоре они сидели в удобных креслах перед накрытым белой скатертью столом. Перед ними сразу появился официант, и им дали горячие влажные полотенца для рук.

Новички вначале испытывали не беспокойство, а какое-то чувство потери ориентации. Под ногами ощущался прочный пол, но стеклосталь так прозрачна, что взгляд вниз заставлял усомниться в показаниях осязания. Какое-то время трое космонавтов не поднимали взглядов от тарелок, но вскоре привыкли и начали наслаждаться необычностью обстановки и зрелищем деловой активности внизу.

Именно такое любопытство заставляет людей впервые прийти в «Двадцать два», и их оставляют в покое и не мешают привыкать. Официант тактично ждал, пока они не начали оглядываться в поисках его. В этот момент он подошёл к столу.

— Будут ли изменения в обычном меню? Мы предлагаем также дичь, рыбу и овощи, — добавил он ради космонав-

тов, которые сразу заявили, что удовлетворятся обычным меню.

— А что Макс приготовил для нас сегодня, Чарлз? — спросил Эдру, сделав заказ.

Официант широко улыбнулся.

— Запечённая говядина, мистер Мактрегори, овощи в белом соусе, сладкие булочки. Торт в четырнадцать слоёв, — на Кануче не подавали ничего до основных блюд и предлагали только воду, чтобы ничто не искажало вкус еды. К десерту полагались джейкек и кофе.

— Звучит неплохо, Чарлз. Спасибо.

Когда официант отошёл, Мактрегори достал из портфеля официально выглядящий документ в нескольких экземплярах.

— Это подготовили вчера вечером мои юристы. Я уже подписал и приложил печать, так что нужны только ваши подписи.

Ван Райк взял документ и внимательно прочёл его. Кивнул в знак согласия.

— Вошло всё, что мы обсуждали, — сказал он, подписывая документ. Потом передал его Джелико, который тоже подписал. Капитан взял один экземпляр договора, свернул и спрятал в сумку у себя на поясе; остальные вернул промышленнику.

— Спасибо, мистер Мактрегори.

— Вам спасибо, — довольно ответил Мактрегори. Он перенёс своё внимание на Разль. — Теперь, когда меня нельзя обвинить в давлении из-за неподписанного контракта, мне кажется, у нас есть о чём поговорить, доктор Коуфорт. Капитан, вероятно, рассказал вам о моём предложении?

— Да, — ответила она, — вернее, рассказал об его сути. Подробностей он мне не сообщал.

— Ну, если вы заинтересуетесь, мы обсудим их с вами. Для вас это означает большие перемены, и вам, вероятно, следует хорошо подумать.

Разль улыбнулась.

— Перемены более резкие, чем вы себе представляете, мистер Мактрегори. Видите ли, я не поступала на службу, не избирала себе карьеру в космосе. Я родилась вольным торговцем. Звёзды у меня в крови. Если я попытаюсь

осесть на какой-нибудь планете, это будет противоречить всему моему существу.

— Но вы всё равно подумайте. Я не требую от вас немедленного ответа, да и не доверял бы быстрому согласию в таких обстоятельствах. Но решительные перемены могут быть благотворными для человека. В юности я сам испытал страсть к путешествиям, но потом никогда не жалел, что осел на одном месте и занялся делом.

Женщина медленно кивнула.

— Хорошо, мистер Макгрегори. Я серьёзно обдумываю ваше предложение, но, честно говоря, не могу себе представить, что приму его. Даже если захочу отказаться от звёздных линий, я ведь врач. Не хочу всю жизнь заниматься торговлей, что бы ни приходилось продавать, — Разэль задумчиво взглянула на него. — Не ответите ли на вопрос, мистер Макгрегори?

— Отвечу. Если не захочу отвечать, то так вам и скажу.

— Вы могли купить торненский шёлк, если бы захотели. Почему вы его не купили?

Он усмехнулся.

— Не из-за отсутствия интереса, уверяю вас. Но каждый человек должен знать себя и понимать, что ему подходит. Я рабочий муравей и должен удовлетворяться чёрными, серыми и коричневыми тонами. А крылья бабочек для других людей. Этот материал выглядел бы нелепо на мне или в моём доме, особенно теперь, после смерти моей жены. У меня была мысль купить материал для сыновей и разделить между ними, но я никогда не баловал их экстравагантными подарками и решил, что лучше и дальше придерживаться такого курса, — он рассмеялся. — К тому же мне доставило удовольствие следить за глупым поведением своих коллег. Не хотел уменьшить это удовольствие своим участием в торге.

Услышав это, Джелико улыбнулся, но глаза его не отрывались от женщины. Макгрегори прав, пытаюсь заманить её в свою торговую компанию, подумал он. Разэль может уговорить кого угодно, и для этого ей не нужно обращаться к специальной технике или ярким цветам. Талант её заключается в полном внимании к собеседнику, как будто она на самом деле искренне увлечена и находит

его бесконечно интересным. Люди откликаются на это, и мало кто не ответит ей тем же.

В этот момент принесли еду, и космонавты быстро поняли, что не только великолепный вид привлекает посетителей в «Двадцать два». Все свежее и исключительно хорошо приготовленное. Канучцы не используют острые приправы, и их блюда отличаются тонким естественным вкусом. В распоряжении шеф-повара лучшие продукты, и он, несомненно, большой мастер.

За едой хозяин рассказывал им об истории Кануча и его нынешнем состоянии, как в ответ на вопросы Ван Райна, так и из простой вежливости, которая требовала, чтобы за едой деловые вопросы не обсуждались.

— ...Наша планета старая и довольно необычная. Туземной жизни очень мало на всех трёх континентах северного полушария, кроме узкого участка побережья.

— Всё выгорело? — спросил Ван Райк.

— Мы не знаем. Если и так, то это произошло очень давно, и все прямые свидетельства исчезли. Не предтечи, а скорее предтечи предтеч. Многие наши ученые считают, что произошла природная катастрофа или даже целая серия их. Меньшинство заявляет, что на севере никогда не было иной жизни, кроме той, что есть и сейчас.

— Маловероятно, — сказал Джелико.

— Да. Не похоже на обычный вариант по всей галактике, когда есть вода и подходящая атмосфера. Выветривание производит почву, и постепенно, рассуждая эволюционно, появляются разные формы жизни.

— Но ведь на Кануче есть туземная жизнь.

— Да. Но мало и на низком уровне на севере, как я уже сказал. Юг располагает относительно богатой флорой. Фауна по числу видов бедна, но существующие виды представлены многочисленными организмами. Например, туземные быки и несколько видов дичи, которую у нас стали разводить на фермах.

— А что в море?

— Та же общая картина во всех четырёх океанах. Небольшое число видов, но очень многочисленные популяции. А в небольших водоёмах на севере и юге жизнь очень бедна или вообще отсутствует.

— Что-то здесь всё-таки произошло, — заявил капитан.

— Когда-нибудь учёные Федерации или самого Кануча узнают, что именно.

— Мы тоже надеемся, — ответил Эдру.

Разэль уставилась в тарелку. Ей не нужно было слышать больше или читать какие-нибудь документы, чтобы душой и сердцем убедиться, что Али Камил прав. Холодок от осознания этого заполнил её. В прошлом Кануч, планета звезды Халио, подвергся страшным и, может быть, неоднократным ударам. Они уничтожили почти всю фауну и флору, которыми должна была располагать такая планета, предоставив выжившим видам развиваться в больших количествах.

Она подняла голову и посмотрела на промышленника, который продолжал излагать историю своей планеты.

— Наши предки из Первого Корабля поняли, что это не природный рай, — говорил он, — и решили обратить недостатки планеты в преимущества и всю промышленность сосредоточить здесь, на севере. Юг они отвели сельскому хозяйству. Канучцы с самого начала хотели полной независимости и самообеспечения, и так как заселение совершила одна тесно сплочённая группа, наши предки имели возможность выработать точные планы ещё до того, как корабль опустился на поверхность. Кануч оказался способен снабдить нас всем необходимым, и основатели колонии сделали это главным принципом нашей жизни. Ни одно общество не может считать себя в безопасности от чужого влияния, от уничтожения и голода, если оно в чём-то существенном зависит от привозных продуктов и товаров. Не всегда получалось легко, бывали периоды сильных искушений, но мы до сих пор ценим мудрость наших основателей и придерживаемся их идеалов и правил.

Макгрегори сам происходил из города Кануча и гордился им, что стало ясно через несколько минут.

— Кануч — большой город, — сказал он. — Может быть, не мегаполис, но в нём не менее двух миллионов жителей и столько же ещё в пригородах.

Подобно другим канучским городам, Кануч состоит из множества независимых общин. Когда наши будущие основатели ещё разрабатывали свои планы, было решено поселить рабочих рядом с местом их работы, идеально на

расстоянии пешеходной прогулки, в крайнем случае — на небольшом расстоянии, которое можно преодолеть с помощью общественного транспорта. Каждая община считается независимым образованием внутри города со своими школами, больницами, торговыми центрами, другими службами, образовательными и увеселительными организациями, что часто одно и то же. Все общины соединяет превосходно развитый общественный транспорт, а гражданское правительство невелико и остаётся незаметным и эффективным. Вся система даёт хорошие результаты, и всё поддерживается на достойном человека уровне.

Отсюда вы как раз видите худшее, — сказал Мактрегори. — Дома в других местах расположены не так тесно, они разделены парками. Здесь же, в доках, очень большая потребность в рабочей силе. Как я уже упоминал, рабочие живут как можно ближе к месту своей работы. Здесь трущобы, канучская их версия. Но подлинной бедности и всех связанных с нею проблем у нас нет.

— А зачем вам вообще доки? — спросил Ван Райк. — Воздушный транспорт дешевле, чище и эффективнее.

— Наши корабли тоже. К тому же они, взрываясь, не уносят с собой половину общины. Так происходило с большими воздушными транспортом в ранние годы освоения Кануча. Но с нас хватило первых случаев. К тому же корабли дают гораздо больше рабочих мест. Большинству инопланетян это не понятно, но на Кануче главная забота — предоставить всем работу. А вы, когда не находите работы, эмигрируете.

— А к чему тогда космопорт? — торопливо спросила Раэль, услышав раздражённые нотки в голосе хозяина. Федерация в целом не ободряла такую политику, когда ненужных жителей просто выбрасывают с планеты. — Конечно, он даёт хорошую работу, но крушение космических кораблей относится к числу самых страшных катастроф в истории Федерации.

— Космопорт за пределами города, — мрачно ответил хозяин, — и мы требуем, чтобы корабли приближались и улетали со стороны суши.

— Больше потребовать нечего, — заметил Джелико, — а процедуры проверки в порту строги, как нигде.

Капитан некоторое время смотрел сквозь прозрачную стену.

— Что мы видим здесь внизу? Например, что это за большое белое здание справа?

— Это вклад «Каледонии, Инк.» в процветание Кануча, — промышленник слегка сморщился. — Если бы я слушался своих инстинктов, а не глупых финансовых советников, в этом здании было бы на два этажа больше, но и так оно самое большое фабричное здание в городе. В нём работает около тридцати тысяч человек, не считая работающих на берегу и на кораблях и транспортах, а также поддерживающих линии снабжения.

— Фабрика? — переспросил Ван Райк.

Мактрегори кивнул.

— В основном. Мы называем это смешанным производством. Кое-что мы производим сами, но в основном собираем из частей, которые доставляются отовсюду. К тому же тут ведутся большие исследовательские работы.

— Так обычно поступают все местные крупные промышленники?

— Иногда да, иногда нет. «Каледония» производит оборудование для строительства и шахт, включая самое тяжёлое, а также химикалии. Большая часть подготовительных работ ведётся в глубине суши — по экономическим соображениям и ради безопасности. Небольшие машины целиком производятся здесь, а вот химикалии все без исключения поступают сюда по трубопроводам, здесь соединяются и как можно скорее увозятся. Мы не хотим держать их здесь. Большинство из них обладают свойствами, которые не позволяют держать их в больших количествах в населённых районах.

— А что производят другие фабрики?

— Всё что угодно. Каждая большая компания имеет свою контору в городе, а большинство и производством занимаются здесь. Мало кто может устоять перед возможностями, открываемыми близостью гавани. Всё производимое в городе Кануче можно увозить непосредственно отсюда, и транспортировка обходится значительно дешевле. А близость космопорта создаёт дополнительные возможности для привлечения импортёров и экспортёров.

Ван Райк рассматривал водоём внизу — залив длиной в шесть миль и шириной примерно в милю; его тёмно-синяя вода свидетельствовала о значительной глубине.

— Могло быть и хуже, — заключил он. — Именно поэтому ваши предки остановились на этом месте?

— Естественно. Это одна из лучших гаваней на планете. Вы только взгляните. Двенадцать миль, по шесть на каждом берегу, с пологими берегами, удобными для сооружения заводов. Здесь охотно селятся люди. Залив — мы его называем Стрейт или Нарроу — достаточно широк, чтобы пропустить любое судно, и настолько глубок, что в прежние времена его называли бы бездонным.

— К тому же мы тут защищены от последствий дурной погоды Кануча. Преобладающие ветры дуют вдоль этой части берега, и только при редчайшем совпадении обстоятельств тут бывает сильная буря. Но даже в этом случае она не страшна. Берега с обеих сторон защищают нас от ветров, а по Стрейту они проходят по диагонали. Ярость морского шторма сюда просто не доходит. С самого первого поселения в гавани всего четыре или пять раз были настоящие бури.

— Но опасность всё же существует, — заметила женщина, — если не от природы, то от результатов вашей собственной деятельности. Продукты вашего производства могут быть легковоспламеняемыми или нестабильными. Склоны достаточно круты, чтобы отразить внезапный огненный шквал. Остальная часть города не пострадает, но этот район будет уничтожен.

Мактрегори с новым уважением взглянул на неё.

— У вас острый взгляд, доктор, и к нему ещё хорошая голова. Основатели города сознавали этот риск. Во время войны кратеров мы разыгрывали возможные сценарии. Тогда Кануч производил много военного оборудования. Буквально в каждом порту имелось множество взрывчатых материалов и их составляющих, и все понимали потенциальную опасность этого. Мы твёрдо решили сохранить и свою прибыль, и жизнь.

— Город Кануч ответил тем, что держал военное производство как можно дальше от жилых районов и гавани, — Мактрегори повернулся и бросил взгляд через плечо. — Видите эти красные доки на возвышении у устья Стрейта?

— Да.

— Они продолжают на некоторое расстояние вдоль морского берега. Все военные материалы грузились там.

Ничего не произошло, хвала богу света и тьмы, но если бы корабль или док взорвались, большую часть ударной волны задержит возвышение, как оно задерживает бури. Мы пострадали бы от ударов волн, но не очень сильно.

Но сейчас военное производство сократилось, говорю об этом с радостью, оно сосредоточено целиком на западном берегу, где населения значительно меньше. Красные доки мы используем для заправки кораблей, там горючее для космопорта, составляющие для его производства и другие вещества с капризным характером.

— А разве это не топливные танки? — спросил Ван Райк, указывая на три больших цилиндра у них под столом. Вдоль всего берега он видел примерно пятьдесят аналогичных сооружений. В некоторых местах они были сосредоточены гуще, но ни один район без них не обходился.

— Да, — голос промышленника звучал холодно. — Я стал очень непопулярен, когда пытался добиться их устранения.

— Один хороший пожар научил бы вас всех, — мрачно сказала Разль.

— Несомненно, но больше всего за обучение заплатили бы бедняги, живущие и работающие поблизости.

Джелико вздохнул про себя. В конце концов, они в результате этого разговора превратятся в специалистов по катастрофам. Если начнут сравнивать самые мрачные эпизоды истории, это уничтожит впечатление от прекрасной еды. Он хочет полностью насладиться великолепным тортом, который подал официант Чарлз.

Суперкарго придерживался того же мнения.

— Жители Кануча как будто делают всё возможное для своей безопасности. Это и постоянная бдительность — больше никто не может что-то сделать, — замолчав, он попробовал торт. — Великолепно! А какие другие грузы перевозят ваши корабли? В порту нет ни одного свободно-го дока.

Промышленник улыбнулся.

— Подробный рассказ о людях, которых взрывом разбрасывает по всей галактике, не способствует пищеварению, — согласился он. — Отвечая на ваш вопрос — скажу: почти всё, что растёт или изготавливается на планете, всё, что ввозится с других планет, можно найти в этих доках в тот или иной момент.

— Большая часть компаний владеет портовыми сооружениями перед своей территорией. У «Каледонии» есть четыре обычных дока плюс два красных для химикалий. Остальные доки арендуются у города меньшими компаниями, независимыми торговцами и пассажирскими линиями.

Независимые производители стремятся сосредоточить в одном месте аналогичные продукты. Это вполне разумно. У «Каледонии» есть собственные специалисты и оборудование, но большинство использует специалистов и оборудование сообща. Например, всё, что производится на юге, сосредоточено в том месте, где кончается залив и встречаются берега, примерно под нами. Три крупные корпорации получают большую выгоду от производства химических удобрений, хотя фермеры предпочитают свои собственные отходы. Но некоторые растения хорошо растут при подкормке нитратом аммония, и с их помощью в субтропиках собирают три урожая в год, а в умеренном климате — два.

— Нитрат аммония? — спросила Раэль, слегка нахмурившись.

— Обычная природная соль. На Кануче её большие залежи.

— Что-то знакомое, — сказала она, — хотя не помню, чтобы она была на «Блуждающей звезде». Должно быть, её перевозил один из других кораблей моего брата.

— Сомневаюсь, — сказал ей Ван Райк. — Ни межзвёздной, ни межпланетной торговли ею нет. Это вещество в изобилии встречается по всей галактике. Если какой-то планете оно понадобится, тут же находятся залежи, или всегда можно изготовить из составляющих, либо найти замену. Кстати, не могу припомнить, чтобы на других планетах эта соль производилась в промышленных масштабах. Впрочем, память может меня подвести. Синтетика или животные продукты заменили это вещество повсюду.

Эдру кивнул.

— Верно. Но у нас её очень много, и растения на неё хорошо реагируют.

Он указал на рабочих и машины, которые грузили среднего размера ящики на приземистый корабль.

— Этот грузовик довольно интересен. У него претенци-

озное название «Морская королева». Принадлежит независимой компании и перевозит всё, что вмещается в трюмы. Для Кануча это необычно. Большинство капитанов не любят разнообразие. Обычно предпочитают один-два типа грузов. Но не этот. Вчера утром он забрал у одного из моих конкурентов груз буров и обсадных труб, у другого — большое количество разнообразных мелких предметов: гвоздей, гаек, болтов — из металла и синтетики. Хороший товар, — неохотно добавил он, — хотя с тем, что производит «Каледония», сравнения не выдерживает.

Промышленник улыбнулся при этом проявлении шовинизма.

— Ну, жалок тот, кто не гордится своей собственностью.

— А сейчас что на неё грузят? — спросил Джелико, вглядываясь в лихорадочную суматоху, которая на самом деле, как он знал, была хорошо организованной операцией. — Имеете ли представление?

— Учитывая место швартовки, я бы предположил груз верёвок и канатов. Вчера вечером в этот док их привезли в большом количестве.

— Вы знаете всё, что происходит в доках? — сухо спросил суперкарго.

Магрегори рассмеялся.

— Вряд ли, мистер Ван Райк. Я уже говорил. Большинство доков принадлежат крупным организациям, и в них находятся аналогичные продукты и импорт; одинаковые продукты сосредотачиваются в одном и том же месте. Не знаю, что происходит в небольших независимых компаниях; некоторые из них пытаются сохранить в тайне свои дела. И я не мог бы узнать о них, — глаза его сверкнули. — Конечно, если бы не решил, что это дело стоит некоторых усилий, — гости понимали, что его положение и влияние позволяют ему добиваться своего если не официально, то другими путями. — Подобно большинству независимых компаний, у «Морской королевы» есть свои постоянные клиенты. И груз обычно постоянный, примерно тот, что я описал; вместе с ним какое-то количество нитрата аммония или бензола. Корабль три-четыре дня проведёт в порту за погрузкой и заправкой, уйдёт, потом вернётся и повторит весь цикл. Никакой тайны в этом нет.

Заметив, что четверо кончили есть торт, Чарлз подошёл к столу.

— Не хотите ли джейкек или кофе?

— Джейкек, — сразу ответил Джелико. Про себя он пожалел, что местный этикет не позволяет попросить вторую порцию торта. Давно уже он не наслаждался таким совершенным кулинарным мастерством.

— Джейкек, — с отсутствующим видом сказала Разль.

Ван Райк неодобрительно взглянул на товарищей. «Мне кофе, пожалуйста. Старое всегда лучше после такого обеда».

— Я тоже старомоден, — согласился Эдру. — Итак, две чашки джейкека и две кофе, Чарлз.

— Очень хорошо, сэр, — официант ловко убрал грязные тарелки и приборы, и незаметно, как и появился, исчез.

Несколько минут спустя он вернулся с подносом и поставил перед посетителями четыре чашки.

Джелико прихлебнул из своей.

— Не хуже, чем на Гедоне, — сказал он.

— Кофе тоже, — заметил Ван Райк. — Особый сорт, мистер Мактрегори?

Тот кивнул.

— Да. Секрет Макса. Мы легко можем установить ингредиенты, но пропорции остаются его тайной.

— Ну, это испортило бы очарование.

— Совершенно верно.

Разль Коуфорт поднесла чашку к губам, но остановилась, глядя, по-видимому, куда-то в пространство. Неожиданно она со стуком поставила чашку, и остальные трое повернулись к ней.

— Мистер Мактрегори, — напряжённо спросила она, — вы говорите, что нитрат аммония часто грузят в этом месте?

— Да, — удивлённо ответил он. — Почти еженедельно. А в это время года и ежедневно. А что?

— Значит, город Кануч в смертельной опасности.

Глава 19

Лицо суперкарга потемнело, но Джелико резким взмахом головы заставил его промолчать. У самого Джелико сердце было охвачено холодом. И вызвали его не слова

женщины, а та спокойная холодная уверенность, с какой она произнесла их. Такой тон требует внимания, тем более если знаешь эту женщину.

Эдру Мактрегори был недоволен, но его внимание тоже было привлечено к тону гостя. Беспочвенно или нет, но она опасается за судьбу его города.

— Это старый безопасный груз, доктор. Можно его толкнуть, сбросить на него контейнеры, переехать транспортом — ничего не случится.

— Да, но если неожиданно резко повысится температура, у вас в руках окажется атомная бомба. Я не преувеличиваю, мистер Мактрегори. Нитрат аммония показался мне знаком не потому что я слышала о нём в связи с торговлей, а из-за моих собственных исследований. История ясно и громко говорит, что он может сделать. Это вещество уже вызывало смятение в галактическом масштабе, и здесь его столько, что при возможности оно буквально уничтожит всё и всех на берегах, а может, и весь город впридачу.

— Вы уверены? — негромко спросил капитан «Королевы Солнца».

— Да. Случай, о котором я читала, произошёл в далеком прошлом. Как сказал мистер Ван Райк, нитрат аммония сейчас не часто встречается в торговле, но в прошлом он причинял несчастья и может причинить ещё. А город Кануч может послужить примером этого.

— Она права, если это проклятое вещество так опасно, как она утверждает. Это место в конце залива — мы его называем Чаша — худшее для несчастных случаев со взрывчаткой. Я займусь этим, доктор Коуфорт. Если ваши слова подтвердятся, то ещё до того, как вы вылетите с моим charterом, нитратом аммония будут заниматься в красных доках. И всё будет рассчитано так, чтобы рядом не оказалось летучих и легковоспламеняющихся веществ, которые могут усилить катастрофу.

— А найдёте ли вы для этого место? — с сомнением спросил Ван Райк. — На пристани всё забито.

— Найду, в самом конце. Там слишком далеко, неудобно для погрузки, и потому многие причалы пустуют.

— За доказательствами вам придётся обращаться в далёкое прошлое, — предупредила Раэль, — к первым

марсианским поселениям и к Земле докосмического периода.

— У меня для этого есть специалисты, доктор. Об этом не беспокойтесь. Есть также возможность собрать доказательства более непосредственные. Прошу меня извинить. Я вернусь через несколько минут. Тут есть защищённые от подслушивания будки. Мне нужно сделать несколько звонков.

Разль посмотрела ему вслед, потом опустила глаза, избегая взглядов товарищей.

— Простите, — негромко сказала она.

— Он говорит, что в городе Кануче живёт два миллиона человек, — произнёс Джелико.

Он отхлебнул из своей чашки и сморщился.

— Космос, женщина, почему вы хотя бы не подождали, пока мы кончим джейкек?

— Кофе хуже не стал, — заметил Ван Райк, хотя при этом нервно оглянулся. Вращение ресторана уже уводило Чашу из поля их зрения. Если произойдёт что-то ужасное, конечно, эффект от этого перемещения будет иллюзорный, но всё равно приятно больше не видеть её под собой.

Ван Райк нахмурился, что-то припоминая.

— Я думаю, она права, капитан. В первый год в Школе у нас был инструктором помешавшийся суперкарго. Я помню, он упоминал, что нитрат аммония опасный груз, потом, правда, его перестали перевозить. Мне кажется, он говорил также, что в древности его использовали как взрывчатку. Чёрт возьми, я должен был это вспомнить, как только...

— Спокойней, Ван, — сказал Джелико. — Даже ты не компьютер. А вот и наш хозяин.

Макгрегори не стал садиться.

— Идёмте. Мы с вами будем свидетелями эксперимента.

Одним из звонков канучский промышленник заказал машину для своих гостей, и у входа в здание, откуда они вышли через несколько минут, их уже ждал большой четырёхколёсный пассажирский экипаж.

Он быстро пронёс их по переполненным улицам и доставил к главному зданию гигантской фабрики «Каледония, Инк.»

Эдру кивнул стоявшему у входа охраннику и провёл гостей внутрь.

— Здесь наш исследовательский отдел.

Они проходили через административные помещения, а не там, где собирают разнообразную продукцию. Здесь не было рабочих в комбинезонах с их минитракторами, подъёмниками, манипуляторами, стадами роботов; строго и со вкусом одетые мужчины и женщины сидели за столами или торопливо проходили по, по-видимому, бесконечным коридорам.

Разль снова поразилась удобству их торговых мундиров. Они не привлекали внимание; на них смотрели только из-за того, что их сопровождал хозяин.

Она сухо улыбнулась. Это справедливо только для парадных мундиров. Они вовсе не так респектабельно выглядели бы после нескольких часов работы с грузом на низкомеханизированных космопортах планеты Квикса Таборе или на Амазоне, планете звезды Индра.

— Вот и исследовательский центр, — сказал наконец Мактрегори, указывая на знак на большой двойной вращающейся двери, которую он открыл перед ними.

По другую сторону их ждал ещё один лабиринт коридоров, внешне такой же, как и только что оставленный, только проходившие по ним люди были в белом. У большинства волосы убраны в сетки, а на руках — лёгкие лабораторные перчатки, стандартное «оборудование» на таких предприятиях по всей Федерации.

К ним подошла женщина-техник, примерно ровесница Дэйна Торсона, как рассудила Разль.

— Мы готовы, мистер Мактрегори.

— Ведите.

В ответ она открыла дверь слева; когда они прошли, дверь неслышно, но плотно закрылась за ними.

Они оказались в большом коридоре или проходе, примерно в пять футов шириной. Он полностью окружал просторную комнату, отделяясь от неё стеной из бесцветного прозрачного материала. Потолок комнаты покрывало множество огоньков и самых разнообразных инструментов, приборный щит, не менее сложный, чем на мостике «Королевы». Пол состоял из сплошного листа тусклого металла без всяких швов.

Комната была совершенно пуста, только в самом её центре стоял металлический шар примерно с фут в диаметре.

— Контрольная панель здесь, — сказала женщина.

Они прошли по периметру комнаты и оказались у квадратной двухфутовой доски со шкалами и кнопками, вполне соответствовавшей потолку внутри.

— Этот шар — миниатюрная лаборатория, — объяснил Эдру. — Мы помещаем внутрь вещество, которое нужно испытать, закрываем верх и прикладываем нужную силу или средство. Чувствительные сенсоры измеряют результаты. Управлять этим устройством легко, но оно очень прочное и снабжено специальными клапанами, которые выпускают газы, если давление становится опасным.

Джелико постучал по стене, отделявшей их от лаборатории.

— Стеклосталь?

— Конечно. Мы не рискуем, имея дело с потенциально опасными материалами. Эти шары прочны, но и они уязвимы; мои работники, имеющие с ними дело, тоже.

— А что сейчас?

— Мы более или менее моделируем трюм грузовика. В лаборатории находится некоторое количество нитрата аммония, и мы хотим применить к нему различные раздражители.

— Вначале электричество, сэр? — спросила одетая в белое женщина. — Или искру?

— Мне кажется, доктор Коуфорт упоминала внезапное резкое повышение температуры. Попробуйте прямой контакт с огнём.

— Хорошо, сэр.

Она склонилась к приборам управления. Пальцы её осторожно коснулись одной кнопки, потом переместились на тонко калиброванную шкалу. И сразу с потолка спустился провод. Он на мгновение повис над шаром, потом отыскал небольшое отверстие сверху и проник в него.

— Мы начнём с относительно невысокой температуры — с обычного огня, — сказала женщина-техник, — и каждые несколько миллисекунд будем её увеличивать, пока реакция...

Закрытую комнату осветила мгновенная вспышка, за

нею послышался приглушенный стенами грохот. Раэль инстинктивно закрыла лицо руками: прямо к ним от шара устремился горящий осколок.

В то же мгновение всё кончилось. Придя в себя, зрители со страхом посмотрели на то место, где стояла миниатюрная лаборатория. От неё осталось только почерневшее место на полу и несколько изогнутых обломков, разбросанных по всему помещению.

— Боже света и тьмы! — прошептала женщина. — А ведь клапаны действовали...

— Они просто не успели справиться, — резко ответил Джелико. Он коснулся пальцами места на стене, где с противоположной стороны осколок оставил вмятину. Если бы стена не выдержала, осколок перерезал бы ему горло. — Ваша маленькая лаборатория не была создана для такой старомодной грубой силы, — продолжал он. — В ней должны были проводиться эксперименты, а не взрываться бомбы.

— Что? — резко спросил Мактрегори.

Ван Райк пожал плечами.

— А как ещё это назвать? Даже внешне похоже: круглый металлический шар, наполненный взрывчаткой, с торчащим из него фитилем.

— Во всяком случае она вела себя как бомба, — согласился Эдру. Он повернулся к своей служащей. — Вы, конечно, всё записали?

— Естественно, — в её ответе не было вызова. Это её работа; она знает, как с ней справиться. — От лаборатории тоже поступили некоторые сигналы. Но что именно, не узнаю, пока не расшифрую.

— Займитесь этим, потом повторите испытание в разных условиях. Используйте недорогие корпуса. Мы можем включить эти расходы в счёт общественной необходимости, но скорой выплаты нам не дожидаться.

Она улыбнулась.

— Да, сэр.

— И ради бога света, не подвергайте себя и других опасности. Возможно, это помещение безопасно, но бомбу, способную взорвать планету, оно не выдержит.

— Я буду осторожна. Что же нам делать, мистер Мактрегори? Если взорвётся груз, взрыв будет бесконечно

сильнее нашего хлопка. И он не будет заключён в стерильной, пустой, защищённой комнате; к тому же начнут рваться другие трюмы. Как только начнётся цепная реакция взрывов, тут разверзнется настоящий ад.

— Прежде всего не паникуйте. Мы должны собрать все доказательства, и я с ними обращусь в городской совет. К счастью, все члены совета так или иначе заинтересованы в гавани. Это поможет загнать иглу им под ногти. Доктор Коуфорт, для подкрепления доказательств мне понадобится ваша историческая информация.

— Я на «Королеве» временно, и у меня ничего с собой нет. Однако я сообщу вашим исследователям, в каком направлении искать.

— Хорошо. Передайте подробности мне, как только окажетесь на корабле. У мистера Ван Райка есть мой код.

Промышленник резко взмахнул головой.

— Я проявил невнимательность. Пора провести ещё одно эвакуационное учение.

— Эвакуационное? — переспросил Ван Райк.

— Война кратеров пощадила Кануч. Но многие другие планеты — нет. Я видел записи. И те где происходили боевые действия, и те — это ещё страшнее, — где общей неразберихой воспользовались пираты. Я видел также, что происходит с людьми, которые не умеют вовремя принять меры против природных катастроф — бурь, землетрясений и тому подобного.

Все мои работники должны держать под рукой недельный запас концентратов, воды, медикаментов первой помощи, все необходимые дополнительные лекарства, одеяла на всех членов семьи и животных плюс палатку или другое легко собираемое укрытие, а также передатчик. Практически я приказываю закрыть фабрику, остановить производство и линии подачи материалов, взять с собой запасы, оставить город и уйти на плоскогорье за ним. Единственное исключение делается для больных, калек и работников непрерывных производств. Я намерен спасти жизнь своих подчинённых, а не подвергать их опасности.

— И они согласны? — спросила Разэль.

Мактрегори улыбнулся. Космонавты вынуждены признавать дисциплину, но такое слепое повиновение чуждо сознанию вольного торговца.

— Ну, у меня всегда есть возможность убедить колеблющихся. А кто не соглашается, обнаруживают извещение об увольнении. К тому же один из немногих случаев, когда город Кануч серьёзно пострадал от морской бури, произошёл всего несколько лет назад. Метеорологи предсказали эту бурю, и так как мои люди были сосредоточены в самых опасных местах, я приказал провести полную эвакуацию. Конечно, они провели ужасную ночь, но когда пришла вода, никто не пострадал, а те, у кого пострадали дома и имущество, получили финансовую помощь для восстановления.

Остальное население получило указания эвакуироваться гораздо позже. Конечно, началась спешка, смятение, а в конце и лёгкая паника. В результате несколько человек погибли, многие были ранены — в основном те глупцы, которые вообще отказались эвакуироваться.

Моя политика прошла испытание, и с тех пор, когда я требую провести учебную эвакуацию, никто не сопротивляется.

Губы его сжались.

— Теперь я вижу, что это даже важнее, чем я сам признавал. Опасность гораздо ближе к нам, чем случайное нападение со звёзд или необыкновенное стечение плохой погоды с геофизическими изменениями.

Эдру расправил плечи.

— Это дело моё и города Кануча. Спасибо вам троим, вы очень помогли. Мне понадобятся также ваши показания, всего лишь отчёт о нашем сегодняшнем разговоре плюс все ваши сведения о нитрате аммония.

— Это не составит труда, — за всех ответил Джелико. — К несчастью, подробностей я не знаю, но мы поднимем все торговые записи и, может, что-нибудь найдём. Ван и Разль, конечно, сделают всё, что смогут.

— Ещё раз спасибо. А сейчас мне нужно уйти. Возвращаясь к первоначальной цели нашей встречи, капитан, как скоро можете вы принимать груз?

— Немедленно.

— Тогда начнём завтра утром, — он повернулся к Разли. — Вот моя карточка, доктор. На ней мой личный код. Я не забыл о своём предложении. Дьявол, в конце концов вам совсем не обязательно заниматься торговлей. Назовите

сами, и если у нас такой должности нет, я создам её для вас.

Она серьёзно кивнула.

— Я подумаю об этом, мистер Мактрегори. И если откажусь, то не из неблагодарности.

Глава 20

Джелико следил, как погрузчик-манипулятор космопорта подаёт в широко раскрытый грузовой трюм «Королевы» огромный, обвязанный металлическими лентами ящик. Разлёв ловко управляла универсальным погрузочным устройством в трюме. Она сделала знак Ван Райку, сидевшему за контролем. Потом махнула рукой, и портовой погрузчик отсоединился.

Ящик исчез в люке, а там его принял Дэйв и окончательно установил на место.

Джелико подошёл к суперкаргу.

— Последний большой груз?

— Да, — ответил тот, выключая мотор и вставая. — Остались только эти ящики, — он указал на груды контейнеров различного размера и формы. Все они были герметически закрыты. — С этими мы можем справиться вручную, если понадобится. Но никакой шепчущий не заставит этим заниматься, если есть помощь. А совсем мелкий груз начнёт поступать только завтра утром.

— Вы с Торсоном справитесь без помощницы?

— Мы справлялись и до её появления, — он повернул голову. — Коуфорт! Спускайтесь! Капитан предъявляет на вас права.

Спустя несколько секунд женщина присоединилась к ним.

— Что теперь? — спросила она с улыбкой. Говоря, она вытирала руки о ткань рабочего костюма. Даже с помощью машин погрузочно-разгрузочные работы — тяжёлый труд.

— Как сказал Ван, я хочу на несколько часов воспользоваться вашей помощью.

— Конечно, — она заметила, что он арендовал флаер, и оглянулась на корабль. — Мне нужно несколько минут, чтобы умыться и переодеться...

— Не нужно. Возьмите только шапку и очки для защиты от лучей Халио.

— Слушаюсь, — ответила она.

Очень скоро она вернулась.

— Готово.

— Прекрасно, — Джелико указал на пассажирское сидение флаера. — Садитесь.

— Удачи с вашими ящерицами, — крикнул ему вслед Ван Райк.

Капитан нахмурился, но в прощальном жесте поднял руку.

— Только проследи, чтобы ни один из этих ценных грузов не остался тут на ночь.

С этими словами он включил двигатель, и машина, лёгкий четырёхместный пассажирский флаер, начала удаляться от «Королевы».

Джелико негромко рассмеялся.

— Он прав насчёт ящериц. Я украл вас для осуществления личных планов.

— Я так и подумала, — ответила Раэль. — На заднем сидении камера для трёхмерной съемки, если не ошибаюсь. А что с ящерицами? — с любопытством спросила она. — Мне казалось, на Кануче, особенно здесь, на севере, нет ничего достойного из фауны.

— Ничего в смысле разнообразия, размеров или интеллектуального развития, — поправил он её. — Но то, что есть, интересно и важно просто потому, что оно здесь.

Хороший пример — ящерицы, которые меня интересуют. Маленькие, трёх дюймов, не считая такой же длины хвоста, крылатые, великолепного зелёного цвета. В естественной среде встречаются довольно часто, но в неволе не живут — законы сохранения природной среды на Кануче запрещают дальнейшие попытки их содержания в неволе. И до сих пор никто не сумел изучить их и заснять. Как только человек показывается, даже вдаль, все ящерицы тут же прячутся в листве. Если их находят, они сворачиваются в тугой комок и не разворачиваются, пока чужак не уйдёт. Рассчитывают на защитную окраску и яд в коже.

Было предложено несколько объяснений остроты их чувств, особенно с учётом того, что они так же реагируют на установленные человеком приборы долговременного

действия. У меня есть своя теория, но я не стал бы о ней упоминать перед другими людьми, иначе решат, что я наслушался шепчущих.

— Я польщена. И каково же ваше объяснение?

— Всё объясняется каким-то типом телепатии, — он поднял руку, увидев её недоверчивое выражение. — Я не говорю о том, что показывают в видеолентах и о чём пишут романисты. Нечто более примитивное. Например, способность ощущать интерес к ним. В диких условиях это может означать немного: либо потенциальный партнёр, либо потенциальный хищник. Возбуждённый ксенобиолог вполне сойдёт за хищника.

— Возможно, вы правы, — медленно сказала она. — Биологически у них нет причин развивать более дифференцированное восприятие, а люди появились на сцене слишком недавно, чтобы внести какие-то изменения в этот механизм.

— Я тоже так решил.

— А какова моя роль?

— Я хочу поставить эксперимент. Возможно, ваше присутствие позволит мне сделать несколько хороших снимков.

— Но я не могу привлекать их. Я вам говорила, что я не...

— Не прямо, может быть, но я видел, как реагируют на вас Синдбад и квикс. Кошки давно знакомы с людьми и способны привязываться к ним. Но о Хубате этого не скажешь. Вы очаровали моего шестиногого товарища, и я надеюсь, что нечто подобное произойдёт и с зелёными ящерицами Кануча. Во всяком случае попытка не повредит.

— Вероятно, вы правы.

Женщина замолчала, и капитан вопросительно взглянул на неё. Она сидела неподвижно, с серьёзным выражением, опустив глаза.

Джелико вздохнул.

— Это не испытание, Разэль. Если не хотите, можете просто смотреть, или вообще мы можем вернуться.

Она подняла голову.

— Я знаю, что для вас это значило бы, если бы нам удалось. Просто не хочу разочаровать вас.

— Это невозможно. Если не получится, значит так тому и быть.

Конечно, это дело для него очень важно, но Джелико постарался сдержать своё возбуждение. Способности Разль — конечно, если они у неё есть, — не проявятся, если она будет слишком возбуждена. Космос, он вовсе не хочет её расстраивать.

— Вы не успели поесть, — сказал он. — Пошарьте сзади. Там сэндвичи, приготовленные для нас Фрэнком. Вероятно, считает, что мы отправляемся на настоящий пикник. Но если у нас получится, мы будем слишком заняты для еды, а если нет — успеем вернуться на корабль к обеду. В любом случае у вас в ближайшее время не будет возможности поесть.

Женщина не противилась. Она с удовольствием съела сэндвичи стюарда и из-за голода, и потому, что они оказались исключительно вкусны.

— Обращайтесь хорошо с мистером Мурой, — посоветовала она. — Его нельзя недооценивать.

— Не думаю, чтобы кто-нибудь из экипажа «Королевы» совершил такую ошибку, друг мой.

Не успел флаер покинуть территорию космопорта и удалиться от города, как характер местности под ними резко изменился, по мнению Разли, в худшую сторону. Желтоватая поверхность стала такой жёсткой, что её скорее можно было рассматривать как камень, а не как почву. И сухой. Только кое-где её разрезали глубокие русла речек и ручьёв. Растительность редкая и чахлая даже у воды. И нигде она не росла в значительном количестве, даже там, где от выветривания образовался слой почвы.

— Всё плоскогорье вокруг города такое, — сообщил Джелико.

— Кажется, оно тянется бесконечно, — с отвращением ответила женщина.

— Это полоса примерно в двадцать миль шириной и около трехсот длиной. Но за ней увидим более типичную внутреннюю местность. Тоже, конечно, не очень богатую, но там есть кое-какое разнообразие.

Когда они достигли конца плоскогорья, переход оказался очень резок. Местность стала более влажной. Появилась настоящая почва, на которой рос довольно густой покров растительности, в основном травы по колено высотой.

Общий цвет — зелёный, с чередующимися более светлыми и тёмными пятнами, и Джелико сообщил своей спутнице, что там, среди стеблей и листвы живет почти всё разнообразие дикой фауны северного полушария. Большинство животных небольшие и довольно низко стоят на шкале разума.

Капитан опустил флаер на землю.

— Посмотрим, сумеем ли найти фотогеничных зелёных ящериц, доктор.

Забрав своё съёмочное оборудование и пару биноклей, он медленно двинулся в сторону от машины, шёл осторожно, будто хотел стать частью окружающей местности. Взяв свою часть груза, Разэль постаралась как можно лучше подражать ему.

Они прошли несколько сотен ярдов, когда капитан предупреждающе поднял руку.

— Достаточно. Тут их должно быть несколько поблизости. Другое дело, сумеем ли мы их снять.

Джелико направил бинокль на полоску растительности и начал внимательно её рассматривать, но признака маленьких животных он не увидел и перешёл к следующей полоске.

Прошло не менее четверти часа, прежде чем он удовлетворённо распрямился.

— Вот! Я вижу их несколько. Смотрите. Похоже на клубки мха.

Женщина тоже увидела их. Видны были места, где конечности соединяются с телом, где находится голова. Но никакого признака жизни.

Должно быть, очень красивые малышки, подумала она, с их зелёным цветом и крыльями. Хорошо бы посмотреть на их полёт или просто получше рассмотреть.

Если таков их типичный ответ на интерес со стороны других форм жизни, эти зелёные ящерицы — безвредные мирные медлительные существа. Но это вовсе не так, потому что в коже у них есть железы, выделяющие яд. Тот, кто укусит их, никогда больше не повторит такой опыт. К несчастью, людей таким способом не отпугнешь, и она была рада, что власти Кануча принимают меры для сохранения этих маленьких существ.

Разэль вспомнила, с какой целью участвует в этой

экспедиции. Она не знала, с чего начать, и решила просто доброжелательно думать о ящерицах. Если Джелико прав и они способны уловить проявленный к ним интерес, может, поймут и её настроенность.

Особого напряжения не требовалось. Она расположена к этим существам, сочувствует их положению, считает, что с их стороны очень разумно избегать людей, но хотела бы, чтобы в данном случае они сделали исключение. Ни она, ни Джелико не хотят им зла. Хотят только немного понаблюдать за ними и сделать несколько снимков для позднейшего изучения и наслаждения...

В течение нескольких минут казалось, что эксперимент потерпит неудачу; потом из живого шара высунулась крошечная заострённая мордочка и робко осмотрелась. Несколько секунд спустя развернулось всё тело, и сразу вслед за этим развернулась и вторая ящерица.

Животные начали по стеблям травы подниматься к нижним листьям. Добравшись до больших листьев — они уже начали прогибаться под тяжестью, — ящерицы освободили передние лапы, продолжая цепляться задними, и повисли; раскрылись бледно-зелёные крылья и медленно забились, поддерживая тела животных на весу.

Несколько раз головы ящериц касались поверхности листа. Кормятся? Ловят насекомых или поедают какие-то выделения растений? В бинокль этого не видно, но съёмочная аппаратура капитана позволяет добиться очень большого увеличения, и позже они получают ответ и на этот вопрос, и на много других.

Примерно с час две зелёные ящерицы перелетали с листа на лист. Наконец обе спустились на землю и исчезли среди стеблей. Через несколько мгновений густая растительность совершенно скрыла их от взгляда наблюдателей.

Женщина с трудом перевела дыхание.

— Какие они удивительные! — сказала Раэль.

Джелико взглянул на неё, как не раз уже делал в течение этого часа. Она была полностью поглощена наблюдением за маленькими существами, больше, чем он сам, и явно наслаждалась. Была счастлива и открыта. Он понял, что впервые с того времени, как он её знает, она убрала свою защиту.

Глаза её ярко сверкали, но теперь прочесть, что таилось в них, было уже невозможно.

— Как вы думаете, получилось? — спросила она.

Он уложил камеру в футляр.

— Если получится хотя бы несколько снимков, мы вполне достигли своей цели. Спасибо, Раэль Коуфорт.

— Пожалуйста, — ответила она, радуясь за себя и за него, — хотя не могу сказать, что я сделала очень много. Я вообще ничего особенного не чувствовала.

— И всё же вы, вероятно, помогли, — сухо ответил он.

— Учтите, что никому с самого момента открытия не удавалось наблюдать за этими существами.

Женщина нахмурилась.

— Капитан, а как вы это объясните? Мы ведь сами этого не понимаем.

— Я и не пытаюсь объяснять, — кратко ответил он. — Тут не обойтись без телепатии.

— Не может быть! — резко ответила она. — Вы ведь учёный.

— Конечно, — согласился он. — Могу только сказать, что мы полны были надежды, у нас не было того возбуждения, что сопровождает охотничий инстинкт. Больше ничего не скажу, потому что в сущности сам не понимаю, что произошло. Вероятно, вы не хотели бы участвовать в исследовании экстрасенсорных способностей?

— Космос, конечно, нет! Я предпочту улететь на хвосте кометы, — она вздрогнула. — Помимо того что могут начаться неприятности, связанные с моим происхождением, я слишком хорошо знаю медицинскую информацию. Никакого экстрасенсорного восприятия нет и не будет по крайней мере в ближайшие десятилетия — или даже столетия. Сейчас во время таких экспериментов просто разводят людей на недели и месяцы и иногда забывают вернуть их назад.

— Я так и думал, — согласился капитан. — Мы не можем опубликовать рассказ о нашей попытке. Могут прочесть не те люди и заинтересоваться. И ни я, ни Тиг не сможем защитить вас. Экстрасенсорные исследования — правительственный проект, и если бы вы им действительно понадобились, они бы вас получили.

— От меня они ничего не услышат! — яростно ответила

она. Разэль искоса взглянула на капитана. — Вы очень обеспокоены, — заметила она. — Во всём умеете находить плохую сторону.

Джелико негромко рассмеялся.

— Таковы требования моей работы. Капитан звёздного корабля, у которого отсутствует эта способность, протянет недолго. К несчастью, вместе с ним обычно гибнет и его корабль со всем содержимым.

Он постучал пальцами по приборам флаера. Решительно посмотрел на неё.

— Разэль, я хотел бы получить несколько ответов. От меня никто ничего не узнает, и я понимаю, что превышаю свои полномочия, но...

Она вздохнула.

— Мне хотелось бы больше помочь вам с животными. Вероятно, это возможно, и я займусь этим, но сейчас я просто ничего не могу добавить. Не знаю, что тут случилось и случилось ли вообще что-нибудь. И, конечно, никакого объяснения у меня нет.

— Я его и не требую.

— А что же вам нужно?

— Ничего. Просто хочу задать несколько вопросов, — он внимательно смотрел на неё. — Что случилось с вами в «Красном гранате»?

У неё перехватило дыхание, она начала хмуриться, но справилась с собой. Али и остальные — товарищи и подчинённые этого человека. Они должны были подробно описать ему этот инцидент, даже если умолчали о нём в присутствии патрульных.

— Меня охватила паника.

— Да. Но почему?

Глаза её дрогнули.

— Я почувствовала... что-то. Не знаю, что именно, хотя попыталась сформулировать. Может, коллективный голод крыс, может, последствия страданий и ужаса жертв. Что-то грязное. Вероятно, крысы всякого входящего в перулок, рассматривали как свою потенциальную жертву, и я это ощутила, — она вздрогнула. — Меня просто там душило, зло разлилось по всему месту. Мне... мне нужно было уйти оттуда!

Она овладела собой.

— Я подумала также — всё-таки способность думать я сохранила, — что если убегу, остальные последуют за мной. Конечно, в результате чуть не последовала драка...

Губы её сжались в тонкую линию.

— У меня нет оправданий. Я сорвалась, и у вас есть полное право выбросить меня с корабля.

— Ни один из моих парней не говорил об этом, — спокойно возразил он.

Она оторвала взгляд от сжатых рук.

— Вы бы сделали это?

— Нет. Я бы выполнил ваш контракт. Срок вашей службы почти кончился, и с нами в космос вы не полетите.

Она кивнула. Джелико некоторое время смотрел на неё. Если он хочет услышать остальное, нужно спрашивать сейчас, пока она деморализована.

— Как вы можете работать врачом? — прямо спросил он. Ответ может дать ему возможность поглубже узнать её.

— Тут у меня нет никаких проблем, — без колебаний ответила женщина.

Она свела брови, пытаясь получше выразить свою мысль.

— Я определённо не то, что обычно называют эмфатом. Я не испытываю боль или эмоции другого человека, но чувствую... тревогу, когда рядом кто-то болен или ранен. Не очень приятное чувство. В сущности, это ужасно, но меня оно не расслабляет.

На мгновение её охватил гнев.

— Так я нашла беднягу помощника с «Русалки». Я знала, что что-то не так, принялась искать и нашла его. Если бы не я, он, вероятно, умер бы на месте. Слейт и не подумал искать его. Этот подонок даже не зашёл к нему, когда он умирал, — голос её дрогнул. — Чёрт возьми... — пробормотала она и смолкла.

Джелико коснулся пальцами её руки.

— Вы были в своём репертуаре, — мягко сказал он. — Вы ведь врач. Вы должны заботиться о людях.

Коуфорт отняла свою руку.

— Этот эффект не кумулятивен, — продолжала она, снова ровным и безличным тоном. — Я этого опасалась, но оказалось, что это не так. Мне удалось забыть о тревоге и

обращаться с ним, как с обычным пациентом. Я смогла спокойно работать.

— Значит, ваш дар не производит на вас особого воздействия? — задумчиво спросил он.

— Ну, в некотором смысле производит. Я сразу распознаю наиболее серьёзные случаи, от сердечных приступов до физических ран.

— А что было во время эпидемии?

Она покачала головой.

— Тогда я не испытывала ничего, кроме постоянного страха и горя, но я ведь тогда была ребёнком, и мы все очень испугались. С тех пор я выработала умение справляться с тревогой. Всё остальное появилось, когда я подросла. Именно поэтому, прежде всего, я и выбрала медицину в качестве специальности.

Разэль, казалось, погрузилась в свои мысли и в течение некоторого времени молчала. Потом неожиданно встала и посмотрела ему в глаза.

— А что теперь, капитан?

— Летим на «Королеву», — он положил руки на прибор, но не стал сразу включать двигатель. — Не знаю, как живётся в организации Коуфорта, но «Королева Солнца» приветствует на своём борту все полезные способности. Это распространяется на пассажиров и временных членов экипажа. Подумайте об этом.

Не долетая пригородов Кануча, Джелико снова остановил машину.

Разэль удивилась. Взглянув на капитана в поисках объяснения, она увидела, что он смотрит куда-то далеко вперёд.

— Что-то случилось? — беспокойно спросила она.

— Да, «Королева» завтра улетает.

— Правда. К полудню доставят последние грузы из «Каледонии».

— Вы примете предложение Мактрегори?

— Нет.

— Подумайте, Разэль. Он обещает не зря. Такого шанса у вас больше не будет.

— Вы хотите, чтобы я приняла это предложение? — осторожно спросила она.

— Что я хочу, неважно. Это ваша жизнь, и решение предстоит принять вам.

Женщина покачала головой.

— Нет, я не собираюсь его принимать. Мне не нравится Кануч. Это родина Эдру Мактрегори, и он, естественно, его любит. Не хочу говорить ему что я чувствую, но из всех планет Федерации, на которых я могла бы поселиться постоянно, эта на последнем месте. К тому же я вообще не хочу покидать звёздные линии. Здесь я родилась, и здесь моё место.

Джелико опустил глаза. Он увидел, что так крепко сжимает ручки управления, что пальцы его побелели, и торопливо разжал руки.

— Вероятно, это разумный выбор, хотя и не самый выгодный с материальной точки зрения, — сказал он.

Она серьёзно смотрела на него.

— Я ответила на ваш вопрос. Теперь ответьте на мой. Вы хотите, чтобы я приняла предложение мистера Мактрегори?

— Нет. Не хочу. Мактрегори автократ, может быть, желающий добра, но тем не менее деспот. А вольный торговец слишком независим, чтобы долго оставаться у кого-то под контролем.

— И вы бы отпустили меня, несмотря на это?

— У меня нет права задерживать вас, Разэль, хотя я высказал бы свои соображения и постарался бы вас переубедить, если бы вы дали противоположный ответ.

Его взгляд оставался серьёзным.

— Значит, вы остаётесь ни с чем. Есть у вас какие-нибудь конкретные планы?

Коуфорт кивнула.

— Я собираюсь поговорить с Диком Татаркоффом. У него всегда не хватает людей, и теперь у него есть повод уважать мои способности. Если не получится, проживу здесь какое-то время. Порт оживлённый, и рано или поздно я найду себе место, даже если снова придётся наняться на один рейс.

Она видела, что он нахмурился, и слегка пожала плечами.

— Если же придётся задержаться дольше, могу здесь найти работу и скопить немного кредитов. В больницах

Кануча найдётся место для врача на часть ставки. Ну а в самом плохом случае поступлю на работу к Эдру Мактрегори.

— Звучит разумно, — сказал он, не глядя на неё. — Должен признаться, что мне не хотелось оставлять вас просто так.

— Ну, я не из тех, кто умирает с голоду.

— Да, я вижу.

Голос её стал мягче.

— Спасибо, капитан Джелико, — сказала она. Села прямее. — Давайте вернёмся и проявим эти снимки. Умираю от желании поскорее увидеть их.

Глава 21

Джелико вздрогнул. Даже так далеко от берега морской бриз резкий и холодный и останется таким, пока Халио не прогреет поверхность настолько, что термальные потоки повернутся и город будет затоплен горячим сухим воздухом с суши.

Перемена направления бриза, независимая от постоянных параллельных берегам залива ветров, настоящее благословение для жителей города в жаркие летние месяцы. Днём над улицами нависает горячая дымка, но ночью люди укрываются лёгкими одеялами.

Разэль присоединилась к Джелико у люка, и они спустились вместе. У обоих были дела в городе. Капитан намерен был вернуть флаер в прокатный пункт, чтобы не платить за второй день, а Разэль попросилась с ним, потому что он будет проходить недалеко от фабрики «Каледонии». Она хотела ответить Мактрегори лично или по крайней мере принести в его контору письмо, если его там не окажется, а не говорить через передатчик «Королевы», когда они подготовятся к старту. Он заслуживает такой вежливости с её стороны.

Она улыбнулась, занимая своё место на пассажирском сидении. Накануне флаер хорошо послужил им, перевезя весь экипаж в ресторан, выбранный для последнего ужина на планете. Ужин удался. И хоть ели они не в «Двадцать втором», еда оказалась хорошей, и все наслаждались ею. Али Камил не меньше других. Казалось, он совсем упо-

коился. Мрачное прошлое планеты и нависшая над ней угроза подтверждали истинность его дара. Само по себе это было облегчением, тем более что они скоро оставят опасную планету.

— Пролетим через Чашу, — сказал ей Джелико. — Так немного длиннее, но я хочу взглянуть на корабли.

— Вы капитан. К тому же я и сама не прочь посмотреть на них, — она сдержала зевок. — Мне пришлось очень рано встать, чтобы увидаться с мистером Мактрегори. Надеюсь, он тоже встаёт рано.

— Он? Готов поставить все свои кредиты за это. Он не стал бы тратить ценные дневные часы в постели.

— И вы не должны их тратить, — сказала она, — ожидая меня. Высадите меня, верните флаер и возвращайтесь на «Королеву». Я доберусь сама.

— Нет. Ван спросит, не спятил ли я, упустив возможность нанести визит вежливости такому важному клиенту.

Вскоре они увидели океан. В доках Чаши стояли только два больших корабля: низая прямоугольная «Морская королева» и другой корабль, «Салли Сью», несколько большего размера. Их обслуживало некоторое количество катеров.

Оба больших корабля служили центром активной деятельности. Джелико опустил флаер, чтобы лучше рассмотреть сцену.

— Смотрите, Разль, — негромко сказал он. — Словно застывший во времени момент. Несколько столетий назад мы бы тоже занимались этим.

Она кивнула. Торговля у них в крови, и никто из них не удовлетворился бы ролью малоподвижного владельца магазина.

Разль недовольно нахмурилась, наблюдая за деятельностью вокруг «Морской королевы». Внимательное наблюдение показывало тому, кто знаком с наукой перемещения грузов, что особого совершенства тут нет.

— Слишком суетятся, — заметила она. — Когда грузят товары в космический корабль, нет и половины этой суматохи.

Джелико готов был согласиться, но нахмурился. Суета — одно дело, бездействие — совсем другое. А тут множес-

тво рабочих доков просто стоит, оставив свой груз на месте. Ведь у них почасовая оплата. Ни на одной планете ни один капитан морского и космического корабля не потрепит такой пустой траты своих средств.

— Что-то случилось, — резко сказал он, стремительно посылая флаер вперёд.

Ещё через несколько мгновений они опустились у группы рабочих.

— В чём дело? — спросил Джелико.

— А тебе-то что, пёс космоса? — спросил один из них. В его вопросе не было враждебности, просто чувство превосходства над космонавтом и гордость своей гораздо более интересной жизнью.

— Любой капитан сочувствует, когда чужой корабль в беде, — спокойно ответил Джелико.

— Небольшой пожар на «Королеве», — сказал рабочий. На лице Джелико появилось встревоженное выражение, и рабочий быстро добавил: — Ну, это не то же самое, что у вас в космосе. Экипаж всегда может сойти на берег. Ничего страшного. Вероятно, через несколько минут погасят.

— Может быть, — вмешался стоявший рядом старик.

Джелико с любопытством взглянул на него.

— Вы сомневаетесь?

— Я почувствовал запах дыма и поднял тревогу. Помоему, капитан должен был бы забыть о сохранности груза и начать заливать огонь водой и пеной. Игра с паром не раз приводила к гибели кораблей.

— А при чём тут пар? — спросила Раэль.

Тот кивнул.

— Пар замещает кислород в воздухе, гасит огонь, при этом грузы сохраняются относительно нетронутыми. Но так можно действовать только на ранних стадиях пожара и в закрытом помещении. А если пламя получит возможность прорвать переборку между трюмами, тогда жди беды.

— Вы думаете, здесь так и случилось?

— Ну, точно не могу сказать, но пожар большой, если я его почуял, просто проходя мимо люка. Готов поставить несколько кредитов, что его ещё не загасили.

— А давно гасят?

— Минут десять. Ого! Тревога. Вызывают пожарных. Это значит, что они сказали своему грузу «прощай». Смотрите, экипаж сходит на берег.

— Ну, особого ущерба не будет, — сказала Раэль, пытаясь вспомнить, что говорил Мактрегори о грузах этого корабля. — Всего лишь верёвка. Страховка всё покрое.

— Конечно, но экспортёры не любят корабли, которые слишком легко жертвуют грузами. К тому же скоро сезон использования нитрата...

Раэль Коуфорт побледнела.

— Что?

— Нитрат аммония. Удобрение. Мои парни погрузили четырнадцать тонн в трюм номер два и двадцать в четвёртый трюм только вчера вечером. А пожар между ними, в третьем трюме, где лежат верёвки. Вероятно, во всех трюмах груз попорчен.

— Дух космоса... — прошептала женщина.

— Ну, это ведь самое обычное вещество, — удивлённо сказал старик.

— Пока не поднесёшь к нему пламя, — напряжённо сказал Джелико. — Тогда это бомба.

— Бомба? Что за...

— Мы недавно видели опыт, показавший это. Если корабль взорвётся, будет планетарная катастрофа небольшого масштаба. Вы поступили бы умно, забрав свои семьи и уйдя отсюда подальше.

— Ну да, — сказала одна из стоявших поблизости женщин. — И много ли нам заплатят, когда мы вернёмся?

— Лучше потерять плату за несколько часов работы, чем совсем не получить её, потому что вы будете мертвы.

— Я принимаю ответственность на себя, — сказал старик, подтверждая впечатление космонавтов, что он старший у рабочих. — У меня ребёнок в школе в районе Чаши. Заберу его, возьму жену и уйду на плоскогорье. И вы делайте то же самое.

Он взглянул на пару у флаера.

— А вы двое?

— Нам тоже хочется жить, — ответил капитан.

Канучцы не стали тратить времени. Раэль не смотрела им вслед. Её взгляд был устремлен на Джелико.

— Капитан, мы не можем...

Он нетерпеливо покачал головой.

— В той столовой должен быть общественный передатчик. Там пусто, потому что все посетители вышли посмот-

реть пожар. Хочу предупредить «Королеву» и космопорт. А вы позвоните Мактрегори и в звёздный Патруль.

Как и предсказывал Джелико, в первой же столовой они нашли свободные будки связи и оба заторопились передать предупреждение.

У передатчика «Королевы» дежурил Тан Я. Он, как и все остальные члены экипажа, слышал рассказ об эксперименте на «Каледонии», и потому ему особых разъяснений не потребовалось.

— Мы готовы стартовать, — сообщил он. — Все остальные на борту, хвала духу космоса. Сколько времени ждать вас? — ему не хотелось спрашивать об этом, но ради безопасности корабля и экипажа нужно было установить пределы ожидания.

— Стартуйте немедленно и направляйтесь к плоскогорью за городом. Садитесь в миле от его края и южнее, чтобы не оказаться на прямой линии взрывной волны и огня. Ждите нас там. Мы сообщим, когда погасят пожар и кончится суматоха. Если корабль взорвётся, населению понадобится помощь. Мы с Раэлью либо доберёмся до вас, либо будем участвовать в работе спасателей.

Вероятнее, им самим тогда понадобится помощь, но капитан не стал об этом говорить.

— Выполним. Я передам предупреждение другим кораблям.

— Спасибо, Тан.

Повесив голову, Джелико вышел из будки. Он любил «Королеву Солнца» и всегда надеялся, что встретит смерть на её борту.

Он расправил плечи и осмотрелся. Конечно, смерть на Кануче для них вполне вероятна, но он не собирался сдаваться. Никаких причин не верить в то, что он и Раэль вернутся на корабль и улетят в холодные тёмные межзвёздные пространства, где их подлинное место.

Ему пришлось несколько минут ждать женщину. Присоединившись к нему, она серьёзно кивнула.

— Дозвонилась до обоих, — сказала она. — Мистер Мактрегори немедленно начинает полную эвакуацию. Он также свяжется с пожарными, чтобы сообщить им, что может нас ожидать, и предупредит больницы, чтобы

перевезли оборудование, особенно для оказания экстренной помощи, за город и были готовы к немедленному приёму раненых. Полковник Кон передаёт просьбу о помощи в другие города по всему побережью. А как наши?

— Сделают, что смогут.

Вернувшись, они обнаружили, что на борту битва с огнём в полном разгаре. Пожарные корабли и флаеры заливали трюмы «Морской королевы» потоками пены и морской воды, их поддерживали машины, стоявшие в доке. На палубе виднелись ведущие борьбу с огнём пожарные.

Зрелище этой борьбы становилось всё великолепнее, и толпы зрителей на берегу увеличивались. Рабочие задерживались после окончания смены или не торопились по своим заданиям; чиновники оставили свои столы и вышли из зданий или стояли у окон, откуда открывался прекрасный вид; многочисленные прохожие протискивались в док, чтобы занять место поудобнее. Разль решила, что в Чаше только на берегу собралось не меньше четырёх тысяч человек, да ещё столько же рассеялось дальше и на противоположном берегу. Подошло много торговых и прогулочных катеров, держась так, чтобы не мешать работе пожарных.

— Идет белый пар, — заметил её товарищ. — Похоже, им удаётся справиться.

— Искренне надеюсь на это. Не возражаю, если после всего буду выглядеть спятившей, — рот её отвердел. Но пожар ещё не кончился. — Если что-то случится, большинство этих людей будет убито.

И прежде чем Джелико понял, что она собирается делать, она начала проталкиваться между зрителями, проявляя немалое искусство в применении локтей и втискиваясь в промежутки, которых только что не существовало. Ему нелегко было успевать за ней.

Разль не останавливалась, пока не достигла своей цели — пожарной машины. Её команда, занятая своими делами, не замечала её, пока она не поднялась на борт.

— Есть здесь громкоговоритель? — спросила она, прежде чем пожарные опомнились и выпроводили Разль.

— Конечно...

— Включите его!

Пожарный подчинился её властному и настойчивому тону. К тому же огонь находился под контролем, а ему было любопытно.

— Люди, — сказала Разль в поданный ей микрофон, — зрелище почти кончилось, но опасность остаётся. До последней искры, до того, как не будет залито последнее горячее место, сохраняется опасность большого взрыва. И здесь вы окажетесь в самом уязвимом месте.

Джелико мысленно одобрительно кивнул. Даже сейчас, когда пожар почти погашен, сообщение об истинных размерах опасности вызвало бы панику, и тогда погибло бы немало людей, которых они хотят спасти.

Дальше на берегу прозвучала сирена. Разль глянула в том направлении, потом снова вернулась к микрофону.

— Перед приходом сюда я разговаривала с Эдру Макгрегори из «Каледонии, Инк». Смотрите, он уже начал эвакуацию фабрики и выводит своих людей из города.

Кто-то поблизости рассмеялся.

— Это детский сад! И идут они парами, взявшись за ручки.

Разль яростно взглянула в сторону говорящего, которого не смогла разглядеть.

— Это настоящая эвакуация, не тренировка, назначенная заранее. Как вы думаете, сколько это ему стоит? Люди типа Мактрегори не выбрасывают горы кредитов, если не верят в серьёзную опасность. В последний раз, отдав подобный же приказ, он попал в цель, если мне рассказали правильно.

Аудитория встретила её слова молчанием. Многие начали с тревогой оглядываться. Буря, на которую она намекала, произошла совсем недавно, и все о ней помнили.

Глаза Джелико холодно блеснули. Большинство зрителей склонны были разойтись, но требовались большие усилия, чтобы протиснуться назад, преодолеть общее давление толпы, и люди не настолько встревожились, чтобы попытаться это сделать.

Неожиданно Джелико схватил брандспойт и развернул его, поворачивая при этом головку. Мощная струя ударила в асфальт у самых ног зрителей, и ближайшие отпрыгнули с руганью, начали разбегаться в разных направлениях.

— Уходите, или, клянусь всеми богами Федерации, я полосну вас прямо по ногам. Если хотите остаться и умереть, у вас должна быть для этого основательная причина. Я вам её предоставляю.

Ближайший пожарный попытался оттолкнуть его, но тот, что дал передатчик, вмешался.

— Оставь его. Они правы. — Голос его упал. — Если «Королева» взорвётся, дело не обойдётся только кораблём и доком. Захватит всю Чашу, а может, и большую часть города.

Он взял микрофон у Раэль и громко сказал:

— Ну, ладно, ребята, расходитесь. Уходите из Чаши. Нас только что предупредили, что опасность детонации сохраняется. Если что-то случится, потребуется немедленная медицинская помощь. Расходитесь побыстрее. Вы задерживаете транспорт и мешаете доступу воздуха.

Зрители медленно начали расходиться. Многие из них испугались разговоров о взрывах и рады были уйти из опасной зоны, не выглядя трусами.

— Быстрота соображения, — сказал пожарный космонавтам. Он содрогнулся. — Всё почти кончено, но я не был бы счастлив, работая тут, если бы знал, что нам действительно угрожало, — он взглянул на уходящих горожан. — Вам лучше присоединиться к ним.

— Так мы и собираемся сделать, — заверил его капитан и легко спрыгнул на землю. Потом подал руку Раэли, помогая ей сойти.

Толпа почти разошлась, и потому им нетрудно было вернуться к своей машине.

Раэль раскрыла дверцу, но задержалась. Глаза её были тёмными и тревожными.

— Если что-то случится, здесь потребуется врач.

— Но только живой! Садитесь!

Она не стала больше ждать и села в машину, как и Джелико.

Флаер поднялся на несколько футов над головами пешеходов и двинулся к узкой боковой улице, ведущей в район открытых доков.

— Разве не быстрее будет подняться выше? — спросила женщина.

— Если ударит взрывная волна, придётся падать с большей высоты.

Разэль ничего не сказала. Она внимательно смотрела на улицу, вдоль которой они летели.

Все здания на ней казались старыми. Построены из канучского камня, а не из металла и синтетики, как более поздние сооружения. И все выстроены по единому плану. Одно здание — точная копия всех остальных.

В каждом — подвальный этаж, а может, и несколько, отведённых для складов и служебных помещений. По крайней мере, во всех зданиях видны уходящие вниз ramпы.

К удивлению Разэли, Джелико не свернул на эту улицу, когда они достигли её.

— Почему мы придерживаемся боковых дорог? — с любопытством спросила она, зная, что у него, несомненно, есть причина для более медленного обходного маршрута.

— Возможно, это и не нужно, — мрачно ответил он. — Я во всяком случае на это надеюсь, — рот его сжался в тонкую линию. — Меня следует сослать в лунные шахты за преступную небрежность. Как только достигнем «Королевы», позвоните вашей подруге полковнику Кон и посоветуйте перетащить «Морскую королеву» подальше в море для окончательной очистки. Если бы я подумал об этом раньше, не было бы опасности для города.

Женщина нахмурилась.

— Я тоже не подумала. Спокойней. Мы не можем предвидеть всего. Мы всего лишь вольные торговцы, а не профессиональные спасатели планет.

Она озорно взглянула на него и негромко рассмеялась.

— Из вас получился бы отличный тиран, капитан Джелико. Вы нанесли мастерский удар пожарным рукавом.

— В торговле нужны самые разные способности...

Но закончить он не смог. Сзади вспыхнул яркий свет. Затем последовал громовой удар такой силы, будто бы с ним сопровождалась гибель всей планеты.

Глава 22

Дэйн рассматривал мрачный горизонт, будто мог через все эти мили разглядеть, что творится в городе Кануче.

Передав сигнал тревоги другим кораблям, «Королева»

тут же покинула космопорт, а остальные, к раздражению контролёров движения, сразу последовали за ней. Вольные торговцы соревнуются за выгодные чартеры и товары, но обычно, за немногими редкими исключениями, больше доверяют друг другу, чем властям планет. Да и другие корабли придерживались того же мнения. Они все решили воспользоваться советом. Теперь все они находились на плоскогорье, достаточно далеко друг от друга, чтобы не причинять вред, но достаточно близко, чтобы оказать помощь и поддержку. Большинство космонавтов собралось у своих кораблей; все, как Дэйн, напряжённо смотрели на восток.

— Могу попробовать уговорить портовых ребят привести сюда флаер, — предложил Рип. — Им тоже хочется узнать новости. Я смог бы пролететь над городом...

— Твои жалкие стабилизаторы останутся на месте!

Не один Шэннон удивлённо посмотрел на Али. Помощник инженера овладел собой. Он снова заговорил в привычной небрежной манере, но в голосе его звучали смертельно серьёзные нотки.

— Лучше полетай на комете, мой мальчик. Я видел, как большие боевые корабли падали с неба от удара взрывной волны. Не говоря уже о слабых гражданских пузырях. Не хотел бы я находиться в воздухе. Тем более над городом Канучем, если этот проклятый корабль взорвётся.

— В безопасности ли «Королева»? — озабоченно спросил Джаспер. — И все остальные, следовавшие за нами?

— Здесь да, — помощнику ответил Иоганн Штоц. Он и суперкарга только что вышли из корабля. — Мы с Ваном пропустили через компьютер несколько возможных сценариев. Если даже взорвутся два грузовика, мы не пострадаём и осколки нас не достигнут. А в космопорте они — главная опасность.

— Здесь мы почти в пяти милях от берега! — воскликнул Вискс.

— Для большого взрыва это опасное удаление, — напряжённо сказал Камил. — И нам много не нужно. Достаточно небольшому куску раскалённого металла пробить резервуары с жидким топливом, и нам больше ни о чём не придётся беспокоиться, — он повернулся к своему шефу. — Огненный шторм может добраться до нас. И газ тоже.

— Поэтому Джелико приказал нам лететь не просто вглубь, а на юг. Мы в стороне от прямой линии, и ветер дует от нас к городу. Он усиливает термальный бриз, пока стоит день и держится жара.

Торсон снова посмотрел на восток, потом снова на своих товарищей. Ему в голову пришла мысль.

— Нельзя ли нацелить на город смотровую аппаратуру корабля?

— Вероятно, — оживлённо согласился Тан. — Приборы для наблюдений в космосе не очень хорошо работают в атмосфере, придётся использовать увеличение, но чего-нибудь мы добьёмся. Во всяком случае, это лучше, чем ничего.

Мостик «Королевы» ещё меньше кают-компаний, но никто не жаловался на тесноту, когда все собрались там вокруг связиста, отлаживавшего аппаратуру.

Постепенно перед ними возникло изображение города Кануча, вначале смутное, потом такое чёткое, словно они смотрели через невероятно мощные увеличительные линзы. Тан Я искусно перемещал фокус, пока не остановился на восточной части горизонта.

— Доки не видны, — разочарованно сказал Карл Кости.

— Да, — согласился Тан. — Приморский район расположен ниже остальной части города. Приборы не могут пробить камень или изогнуть луч света. Мы поймём, если произойдёт взрыв, но его самого не увидим. И не увидим, что он сделал с ближайшим окружением. Пески Марса! Вы только посмотрите на этих людей! Их тысячи, и они все движутся сюда.

— Это работники Мактрегори со своими семьями, — заключил Ван Райк. — Он приказал провести эвакуацию. Должно быть, капитан или Раэль предупредили его.

— Я могу проверить, прослушать гражданские каналы или волну Патруля...

Говоря это, Я покачал головой. В случае взрыва плохо придётся аппаратуре, если она будет настроена на приём. В качестве дополнительной предосторожности он увеличил световую и радиационную защиту своих приборов.

Несколько минут на экране виднелись ряды идущих людей. Убедившись, что они действительно идут на плос-

когорье, связист опять переключился на бесконечно спокойное небо на горизонте.

Проходили минуты. Спокойствие неизменной сцены постепенно снимало напряжение.

И тут голубое поле разорвала вспышка света. За ней последовал резкий звук, громкий и пронзительный, хотя и смягчённый расстоянием.

При этом яркость экрана померкла, на шестьсот футов в воздух поднялся столб дыма. В нем на несколько мгновений повисли какие-то чёрные точки, затем упали вниз.

— Люки, — сказал кто-то, может быть, Шэннон.

Почти тут же вверх взлетели ещё обломки, некоторые чёрные, другие раскалённо-красные. Большинство из них можно было ясно разглядеть, что свидетельствовало о большом размере. Торсон смотрел, разинув рот. Они не просто большие. Огромные. Куски того, что только что было «Морской королевой».

Одно зрелище, внешне очень красивое, поразило его, как и его товарищей. Часть неба заполнили горящие шары, сопровождаемые не менее яркими искрами и полосами дыма. Они повисали на мгновение, потом взрывались дьявольским фейерверком.

Объяснение дал суперкарго.

— Верёвка. На «Королеве» был большой груз её. Свёртки горят и при этом разбрасывают части. Да поможет дух космоса тому месту, куда они упадут. Они так горячи, что воспламят всё способное гореть.

Недолго пришлось ждать осуществления этого предсказания. За первым взрывом последовали другие. Космонавты не видели поражённый район и точно не знали, что там происходит, но компьютерные сценарии давали достаточно пищи воображению.

Многие здания упали под ударом взрывной волны и загорелись, когда от высокой температуры взрыва вспыхнули их горючие составляющие. Другие начинали гореть, когда на них обрушивались пылающие осколки. Они пробивали крыши, стены, проникали через окна и добивались до легковоспламеняемых материалов. Почти сразу же взорвались все баки с горючим. Высвобождённые

химикалии, соединявшись, выпускали смертоносные газы. Другие образовывали разъедающие лужи и добавляли топлива в адский котёл, в который превратился приморский район города.

Топография района усиливала последствия и без того страшной катастрофы. Но, обрекая себя на гибель, этот район заслонил большую часть города Кануч; высокие крутые склоны приняли на себя удар и отразили его назад, и уже разбитые дома подверглись новому сотрясению, груды развалин тряслись и разлетались.

Высоко вверх взлетали обломки; падая, они приносили с собой огонь, разрушение и ужас.

Ван Райк, старший офицер в отсутствие Джелико, наконец отвернулся от экрана, бессознательно расправив при этом могучие плечи.

— Возможны новые пожары или один-два взрыва, но, мне кажется, худшее позади. Людям нужна помощь, и немедленная. Многие и так умрут, не дождавшись её. Стин, Иоганн, Тан, вы остаётесь на «Королеве». Держите корабль готовым к быстрому старту и включите все приёмники. Остальные должны помочь населению.

Беглецы из Кануча устроили лагерь, по существу маленький город, в полумиле к северу от стоянки кораблей.

Там космонавты не увидели никакого смятения, и Дэйн Торсон почувствовал гордость за этих людей.

Он видел дух, который разнёс потомков землян по всему космосу, завоевал им там место, подчинил планету за планетой. Благодаря предусмотрительности Эдру Мактрегори у беглецов было всё необходимое; они были хорошо подготовлены на тренировках; люди Мактрегори составляли большую часть этих беглецов. Те, что попали непосредственно под удар, ещё не появлялись. Все испытывали горе и страх, но канучцы готовы были к борьбе и не позволяли себе предаваться отчаянию. Самые маленькие и больные собирались вместе вокруг специально назначенных воспитателей и санитаров. Остальные уже возвращались к поражённому городу и морскому порту.

Видна была деятельность звёздного Патруля. Предупреждение Раэли пришло вовремя. Патруль в свою очередь поднял по тревоге городскую полицию и медицинские

службы, и теперь они имели в своём распоряжении достаточно персонала и оборудования.

Экипаж «Королевы» застал Урсулу Кон на временном командном пункте в окружении приборов связи; вокруг толпилось множество мужчин и женщин с мрачными лицами, гражданских и военных. Они приносили новые донесения или ждали распоряжений.

Кон напряжённо осматривала собравшихся. Взгляд её упал на Ван Райка и Торсона.

— Вы, парни, вероятно, спасли город. И, несомненно, во много раз сократили количество пострадавших. Из городов со всего побережья уже поступает помощь. К ночи у нас будет всё необходимое: припасы, оборудование, люди.

— К ночи многие пока ещё живые люди умрут, если не получат помощи, — мрачно возразил суперкарго. — Мы пришли помочь. Остальные экипажи, наверное, последуют нашему примеру.

— Мы могли бы вас использовать, — выражение её лица омрачилось. — Есть какие-нибудь сведения о капитане и докторе Коуфорт?

— Нет.

— Мы реквизировали все пригодные флаеры и наземные машины. Я даю вашим людям старшинство над своими и медицинским персоналом. Не могу послать вас в город на одной машине, но уже через полчаса вы все будете работать.

— Это всё, чего мы хотим.

— Вон та машина направляется для поездки назад. Вы с мистером Торсоном можете отправиться на ней.

— Мы высоко оцениваем ваше доверие, полковник. Спасибо.

Двое вольных торговцев заторопились к машине, на борт которой уже и так втиснулось множество людей.

Дэйн опустил глаза, не желая встретиться взглядом со своим шефом. Ван Райк и Джелико всегда работали вместе...

Неожиданно ему в голову пришла другая мысль. Бедный квикс! Только два человека во всей ультрасистеме любили его, и он утратил их обоих в один разрушительный момент.

Глава 23

Джелико резко развернул флаер поперёк их нынешнего курса и бросил его вниз. При этом наклонил его так, что к морю и предстоящему удару было обращено дно.

И в тот момент, как невидимый кулак ударил по машине, он выпрыгнул из неё, увлекая за собой Коуфорт.

Машина дернулась, как будто её действительно тяжело ударили чем-то твёрдым, но Джелико лишь краем глаза видел, как её бросило на стену ближайшего здания. Флаер на долю секунды защитил их, и прыгая, устремился не навстречу удару, а по ходу его. Они выиграли ещё несколько мгновений свободы действия. Конечно, длилось это недолго, но они действуют быстро, и удача будет на их стороне, у них есть шансы остаться относительно невредимыми — если его мгновенно принято решение верно.

Джелико пошатнулся, приземлившись на тротуаре, но остался стоять. Толкая перед собой женщину, он бросился в ближайший подвал и бросил Разэль на землю.

Она пронзительно крикнула, ударившись об острый камень, и обмякла.

Капитан понял, что она ранена, но не мог тратить ни секунды на заботу о ней. Хотя он действовал почти инстинктивно и мгновенно в ответ на вспышку, время их кончалось. В отчаянии он подтащил неподвижное тело к прочной арке у выходящей на сторону моря стены.

Только сверхчеловеческое усилие помогло ему сделать это. Мир вокруг превратился в хаос, в безумный водоворот звуков, летящих обломков и огня. Капитан вольного торговца чувствовал себя так, будто специально подготовленные мелкиты* превращают его тело в месиво.

Приходилось терпеть. Они находятся в трёх кварталах от непосредственного места взрыва, достаточно далеко, чтобы сила удара несколько ослабла, и торопливо выбранное убежище предоставило дополнительную защиту. Если судьба не обернётся против них, они уцелеют.

Но об окружающих зданиях этого не скажешь. Они неподвижны и целиком подвержены удару. И вот одно за другим они падали, как в запланированном механическом уничтожении, под неотразимым натиском.

* Христианская секта в средневековой Византии. (Прим. перев.)

Живот у Джелико свело от ужаса, когда громкий грохот и треск рассказал ему о судьбе здания, в котором они нашли убежище. Дух космоса! Неужели они избежали гибели от взрыва и осколков, только чтобы окончить свои дни в крысиной норе?

Он скорчился над Раэлью, стараясь защитить её своим телом.

Всё началось мгновенно и закончилось в несколько секунд. Физические мучения прекратились, грохот замер, приглушённый расстоянием. Даже крики выживших и раненых стали меньше слышны.

С самого начала взрыва женщина не двигалась, и Джелико торопливо нагнулся к ней. Страх его вернулся, горло сжалось, он почти не мог дышать. Она лежала совершенно неподвижно, глаза закрыты, густые ресницы зловеще темнеют на фоне необыкновенно бледной кожи. Она мертва? Неужели и в смерти можно оставаться такой прекрасной или смерть просто ещё не имела времени наложить на неё свой отпечаток?

Он протянул руку к её щеке, чтобы потрогать пульс, но в этот момент Раэль негромко застонала и открыла глаза.

Как приятно и успокоительно увидеть склонившегося капитана, живого и, очевидно, невредимого.

Явное, хотя и быстро исчезающее выражение ужаса на его лице быстро рассеяло нарождающееся ощущение хорошего самочувствия. Раэль попыталась сесть, но тут же снова опустилась с резким криком боли, который не сумела сдержать.

Джелико просунул ей руку под плечи.

— Что с вами, Раэль? — напряжённо спросил он. — Как серьёзно вы ранены? — то, что он сам благополучно избежал последствий удара взрывной волны, совсем не гарантия, что его спутница отделалась так же легко. Внутренние повреждения тоже могут убить...

— У спасения жизни есть свои недостатки, — ответила она. — Мне кажется, я превратилась в сплошной синяк. Теперь, услышав шум двигателя, я всякий раз буду до смерти пугаться. Помогите мне встать. После этого я смогу передвигаться сама.

Он послушался. Женщина сморщилась, вставая, но тут же выпрямилась.

— Выживу, — заверила она капитана, сделав несколько мелких пробных вдохов.

Она с любопытством посмотрела на него.

— Что заставило вас броситься сюда?

— Я вспомнил, что арка — одна из самых прочных архитектурных структур и что здесь арки массивные и из природных материалов. Они шире основной части здания и потому не обязательно упадут вместе с ним, особенно если главный удар взрывной волны пройдёт выше. А это возможно, потому что арки низко над землёй. Просто понадеялся, что рассуждаю правильно и этого будет достаточно.

Джелико с трудом сдерживался, чтобы откровенно не задрожать. Стоило фортуне чуть отвернуться от них, и они оба были бы уже мертвы.

— А как другие? — неожиданно резко спросила Раэль.

— Те, что бежали вместе с нами?

Говоря это, она уже направлялась к выходу. Она не думала, что увидит большие внешние раны, которые неизбежны ближе к доку. Там их вызвало неожиданное резкое изменение в давлении воздуха. Взрывная волна и горячий ветер на этом расстоянии должны достаточно ослабеть, иначе они сами бы не выжили. Но здесь должно быть множество вторичных ран, вызванных обломками и осколками стекла от падающих зданий. Часто будут встречаться и раны третичного порядка. Их флаер сильно швырнуло и ударило. Людей тоже, несомненно, бросало, и когда с такой скоростью ударяешься о стены или металл, неизбежны серьёзные повреждения тканей и костей. Выйдя отсюда, она увидит ужасное зрелище.

Пытаясь подготовиться к этому, Раэль вышла на узкую улицу.

Большую улицу. Теперь она представляла собой море развалин. Здания по обе её стороны рухнули. Осталось стоять только несколько арок, обозначая вход в подвалы.

С внутренней дрожью она увидела, что уцелели лишь немногие подвалы. Им с Джелико действительно повезло в выборе убежища.

В воздухе стояла гарь. Ещё не успев выйти, она ощутила это зловоние. Повсюду запах горящего дерева и синтетики, одежды и химикалий, вонь горелого мяса. Много людей

работало в рухнувших зданиях, ставших их могилами, и очень многие развалины горели.

Повсюду лежали трупы, не рядами, как она опасалась, потому что предупреждение всё-таки поступило вовремя, но всё же очень много. Большинство погибших было убито камнями и обломками падавших зданий.

Раэль быстро осматривала тела и, не находя признаков жизни, больше не обращала на них внимание. Но некоторые оказались живы — немногие, — и они отчаянно нуждались в помощи.

Она с горечью сознавала, что может сделать немного. И у живых и у мёртвых раны ужасные, выдавленные глаза, срезанные носы, у некоторых совершенно исчезли лица. Множество отрезанных и раздавленных конечностей, у других разорваны тела, свидетельствующие о страшной силе удара. Один бедняга разрублен надвое огромным куском металла, частью бурильной установки с борта «Морской королевы».

Почти все выжившие, помимо лицевых ран, имели и другие очень серьёзные повреждения. Те, кто мог передвигаться самостоятельно или с помощью друзей, уже уходили отсюда в поисках помощи, пытаясь добраться до менее поражённых районов города.

Капитан, хорошо владевший приёмами первой помощи, тоже был занят. Он склонился к телу женщины. Её изрезало осколками стекла, но она сразу не умерла.

Он со вздохом встал.

— Я видел войны, всякие, от первобытных до межзвёздных, но не думаю, чтобы когда-нибудь мне приходилось встречать такой ужас.

И они ещё видели не самое худшее. Те, что оказались ближе к взрыву, должны были получить ещё более тяжёлые повреждения. К тому же это торговый район. Все пострадавшие тут — взрослые. Но капитан видел, что в жилых районах разрушения не меньше. А там будут дети, и много.

Космонавты работали молча. Они мало что могли сделать. Они сами выжили в этой катастрофе, и у них нет никаких средств и оборудования. Они могут предоставить только первую помощь, используя в качестве повязок одежду жертв и любые материалы, которые сумеют раздобыть в развалинах. Но они делали, что могли, и перетас-

кивали пострадавших на середину улицы, как можно дальше от рухнувших зданий с обеих сторон. После этого им приходилось оставлять раненых. Они уверяли всех — и надеялись, что говорят правду, — что вскоре в поражённом районе появятся отряды спасателей и подберут раненых.

Последним они занялись рослым мужчиной. Он был без сознания от сильного удара в голову. Джелико и Коуфорт подняли его и перенесли на середину улицы, положив рядом с другими жертвами, хотя они не верили, что он выживет.

Когда они укладывали его, Раэль поскользнулась на обломках. Она тяжело упала, ободрав оба колена, но почти не почувствовала этого из-за острой боли в груди и в боку.

Она невольно вскрикнула, и прошло несколько мучительных секунд, прежде чем она смогла встать.

Джелико поддержал её. Он озабоченно смотрел ей в лицо.

— Этот последний, — хрипло сказал он. — Давайте убираться отсюда. Вы сами нуждаетесь в враче, да и я буду работать лучше с оборудованием...

Женщина высвободилась. В ярости повернулась к нему.

— Я врач, и я на ногах. Можете помочь мне или возвращайтесь на корабль, но, чёрт побери, не вмешивайтесь в мою работу!

Джелико попытался возразить, но смолк.

— Я с вами, — негромко сказал он.

Она некоторое время смотрела на него, будто не могла поверить, потом коротко кивнула.

— Спасибо, капитан.

— Куда теперь, доктор? Вы ведь врач. Это ваша работа. Приказывайте.

— К докам, — без колебаний ответила она. — Там будут самые тяжёлые, и они могут не дожждаться помощи.

— Большинство там уже мертвы, — заметил он.

Раэль кивнула.

— Двинемся от берега в глубь и поможем тем, кого найдём. Или утешим, если ничего не сможем сделать.

— Хорошо. План не хуже других.

Они не взглянули на обломки своего флаера. По милости богов этой проклятой планеты он никого не убил и не ранил, но они тут ни при чём. Да и не могли бы они ничего

сделать, оставаясь в машине. Только погибли бы вместе с нею.

Космонавты спустились по улице до её пересечения с авеню.

Тут ближе к взрыву и место более открытое, поэтому мёртвых было гораздо больше, чем у их убежища. Но тут оказалось захвачено гораздо больше людей, и выжившие из них ранены тяжелее. Повсюду виднелись жертвы, требовавшие немедленной помощи.

Пришлось сортировать выживших, оказывая помощь вначале тем, у кого больше шансов на жизнь, а самых безнадёжных оставлять без внимания.

Выбор приходилось делать Разли Коуфорт. Трудная задача, особенно если безнадёжно раненные были в сознании, но таким образом ей удастся спасти больше жизней, и она с мрачной сосредоточенностью держалась этой политики. И её уверенность в правильности выбранного способа передавалась Джелико.

Разль говорила ему, что оказалась способной к работе по первоначальной сортировке и оказанию первой помощи раненым во время практики в больницах, но капитан вскоре понял, что она работает не просто хорошо. Она как будто прочитывала тела своих пациентов, сразу определяя, в ком наиболее сильна искра жизни.

Мастерство её превосходно. Даже в трудных условиях это было ясно такому дилетанту, как он. Разль Коуфорт с теми немногими средствами, что были в её распоряжении, творила чудеса.

Бок у неё сильно болел, но она старалась не показывать этого, перебираясь через очередную грудку развалин. Ей было бы стыдно этого, даже если бы она не решила скрывать свою боль от Джелико. Какое право она имеет обращать внимание на свою боль, когда вокруг такой океан страданий?

Но у неё не было времени думать об этом. С каждым шагом состояние раненых ухудшалось. Выживших стало совсем немного, и их трудно было находить среди развалин и разорванных на части трупов. Разль опиралась на свои способности, прислушивалась к болезненному тревожному ощущению, которое всегда возникало у неё вблизи ране-

ных или больных. Трудно определить точное местонахождение раненого, когда вокруг такое море страданий, но она заставляла себя сосредоточиться, как делала на борту «Русалки». Обычно это действовало. Обычно, но не всегда.

Иногда они определяли жертву, но не могли добраться до неё. Иногда не могли даже освободить пациента и оставляли его придавленным или частично погребённым, нагромодив поблизости груды обломков, чтобы привлечь внимание спасателей. Они сообщают об этих своих знаках, как только представится возможность.

Джелико сжал кулаки. Он испытывал раздражение от сознания беспомощности их усилий. Сам он очень немногим мог помочь жертвам, найденным на улице, и совсем не мог — погребённым в развалинах. Даже не мог помочь Разли Коуфорт, когда ей предстояло принять очередное роковое решение. Мог только быть рядом с ней, делать, что она говорит, молчать и пытаться разделить тяжесть, которую она возложила на себя.

Они прошли уже почти треть разрушенной улицы, когда оба вольных торговца резко остановились. Они внимательно прислушались, повернув головы к ближайшей арке, единственному уцелевшему сооружению.

Они быстро нашли его. Человек сидел у дальней стены и громко всхлипывал. Именно этот звук и привлѣк их внимание.

Они заторопились к нему. Разль на мгновение закрыла глаза. Мужчина прижимал к груди оторванную ногу. Она была отрезана на высоте колена, и к ней плотно прилип материал брюк.

— Я врач, — сказала она, склоняясь к нему. — Что случилось?

Он тупо смотрел на неё несколько мгновений, но ответил достаточно связно.

— Я быстро шѣл по улице, когда произошёл взрыв. Он сбил меня с ног, но я тут же встал и побежал. Потом какой-то металлический предмет ударил меня по ноге. Он был горячий, раскалённый... Очень больно... — он плотнее прижал к себе ногу. — Я упал и первое время ничего не видел...

Пока он говорил, женщина осматривала обе части его раны.

— Вам повезло, — заявила она, заставляя себя говорить бесстрастно, как будто рассуждает о небольшом вывихе. — Разрез чистый и гладкий, горячий металл прижёт рану и остановил кровотечение.

— Повезло...

— Ногу держите. Вам пришьют её.

— Слишком поздно! — впервые сквозь оцепенение прорвались эмоции и страх. — Будет слишком поздно. Слишком много раненых. Сначала должны будут всем оказать первую помощь, прежде чем займутся такими случаями. Нога к тому времени умрёт...

— Вздор! — резко ответила она. — Ультрагипербарическое воздействие восстанавливает ткани, отделённые две недели, а может, и дольше.

Раэль окончила осмотр.

— Вы не потеряли много крови. Вы в неплохом состоянии, мы поможем вам добраться до середины улицы, там вас быстрее заметят спасатели. Просто лежите и не волнуйтесь. Скоро вы получите настоящую медицинскую помощь.

— Космос, — произнёс Джелико, когда они отошли от канучца. — Надеюсь, мы немного ещё встретим таких.

— Ну, этот выживет и восстановит способность передвигаться, — мрачно ответила Раэль.

Трудно было оставлять этого человека, но ему не угрожает серьёзная опасность. Они ничем больше не могли ему помочь. Разве что соорудят носилки из подручных материалов и попытаются унести с собой. Но и этого они не могут сделать. Слишком много других раненых, для которых получение первой помощи означает разницу между жизнью и смертью.

И эвакуировать его они не могут. Она сама ранена и не сможет нести носилки. У неё сильная воля, но сломанные рёбра болят.

Раэль вздохнула.

— Не думаю, чтобы мы смогли помочь тем, кого сейчас отыщем.

Глава 24

Космонавты продолжали приближаться к берегу, откуда непосредственно видно место взрыва. Сердца у них бились часто и болезненно. Если здесь дела обстоят так плохо, какой ад увидят они в центре этого хаоса? Найдут ли они вообще хоть кого-нибудь, живого или мёртвого?

Мрачное предсказание Разли оказалось точным: на коротком отрезке улицы им попадались только трупы.

Наконец они добрались до конца. Остановились, внутренне готовясь к страшному зрелищу, потом прошли между последними большими горами обломков.

И застыли. Перед ними открылся Стрейт и то, что осталось от кишевших народом доков. Трудно было узнать, что находилось здесь раньше.

«Морская Королева» и причал, у которого она стояла, просто исчезли. Их место заняла усеянная обломками вода. Ни следа тех, кто сражался с огнём. Они сгорели в двойном ударе — взрывной волны и высокой температуры. Скорость волны в этом месте достигала 2400 миль в час и больше.

Но между тем местом, где стояли космонавты, и бывшим причалом виднелось множество тел. Все страшно изуродованы взрывом и огнем, их с большой силой ударило о жёсткую поверхность. Все они погибли ещё до того, как на них обрушились обломки. Их всё равно будут осматривать, но просто из человечности, без всякой надежды на спасение.

Разль содрогнулась. Погибло бы неизмеримо больше людей, если бы им не удалось разогнать толпу зрителей на причале. И всё же то, что они видели, сплошной кошмар.

Она оторвала взгляд от убитых. Удар не пощадил и море. Вода и береговая линия усеяны обломками лодок и катеров, которые в своём интересе к пожару подошли слишком близко. Большинство оказалось разбито, но некоторые выброшены на берег или плавали на воде, без экипажа, но внешне невредимые. «Салли Сью», единственный большой корабль, помимо «Морской королевы», отделался сравнительно легко. В носу у него виднелась огромная дыра, сам корабль наполовину выбросило на берег, но в остальном повреждений не видно. Корабль можно отремонтировать и снова спустить на воду.

Впервые космонавты получили возможность увидеть склоны — и над собой, и на противоположном берегу залива. Оба берега пострадали, хотя ближний несравненно сильнее.

Как и в порту и в торговом районе, ни одно здание не уцелело, только тут и там виднелись остатки стен, и из тысяч очагов пожара поднимались столбы дыма. Во всей видимой части города Кануча катастрофа была полной.

Но в этот момент наибольшее значение имел вид людей, двигавшихся среди развалин, кто осторожно, кто быстро и суматошно. Смерть здесь была не такой всеобщей, как в более близких к морю районах. Удаление от взрыва спасло часть жителей.

Ещё большую уверенность вселяло зрелище множества людей, переваливавших через вершину и организованными рядами спускавшихся вниз. Остальная часть города уцелела, и помощь приближается.

— Пройдёт немало времени, прежде чем они доберутся сюда, — заметила Разэль, стараясь не поддаваться надежде. Пока всё кончится и отойдёт в историю, многие уже умрут.

Она нахмурилась, снова оглядывая окружающую сцену бойни.

— Могло быть хуже, — мрачно сказала она. — Взрыв погасил огонь во многих местах.

— Всё вокруг мокрое. Взрыв вызвал всплеск воды. К счастью, она поднялась вверх, а потом ушла назад в залив, а не обрушилась на город, иначе мы бы утонули в своей крысиной норе. Вода спасла жертвы от высокой температуры, — тех, кто лежал вокруг. Те же, что находились на самом корабле и в доке поблизости, просто испарились.

Вокруг всё было покрыто свидетельствами мощного взрыва. Слева от Джелико стопятидесятифутовый плавучий док был отброшен на берег на двести футов выше уровня воды. Джелико старался не думать о тех, кто лежит под ним. Поблизости виднелись почти неузнаваемо искорверканные остатки трёх пожарных машин. Рядом на боку валялся флаер, повреждённый меньше. На нём виднелись серебристо-черные полосы звёздного Патруля.

Разэль заметила, куда смотрит Джелико, и направилась к выброшенному на берег доку. Собственные раны заставляли её с благодарностью принимать помощь Джелико, но

она отказывалась заниматься ими. Если бы Джелико заподозрил, насколько серьёзно она ранена, он заставил бы её прекратить помощь другим. Она не хотела этого. К тому же пока ей не грозит непосредственная опасность.

Она взглянула на ближайшую пожарную машину, затем невольно перевела взгляд на Джелико.

Капитан покачал головой.

— Забудьте об этом, Раэль, — мягко сказал он ей. — Здесь никто не выжил. Это совершенно невозможно.

Но они тем не менее осмотрели все машины, убедившись, что в них нет никого живого. Мёртвых, впрочем, тоже не было. Взрыв разметал тела пожарных. На доке виднелся только один труп. Мужчина в рабочем комбинезоне.

Джелико подумал, что это моряк с одного из кораблей или портовый рабочий. По его позе они заключили, что у него в нескольких местах сломана спина.

— Здесь нам нечего делать, — сказала врач. Её снова охватило гнетущее беспокойство, требующее действий, несмотря на усталость и боль. — Здесь поблизости есть раненый. Проверим вначале флаер Патруля, а потом поищем вокруг. Чёрт возьми, хоть бы побыстрее появились спасатели! Судя по этому зрелищу, тут могут быть только тяжелораненые.

— Вы сами не в лучшей форме, — резко сказал Джелико, заметив, как она поморщилась, собираясь перелезть через борт дока.

— Я не такая крепкая, как вы, капитан, — раздражённо ответила она. — Мои мышцы ещё дадут о себе знать. Можете помочь мне, если хотите быть полезны.

— Сюда! На помощь!

Они оба застыли. Крик исходил, казалось, из перевёрнутого флаера.

Они видели в нём двоих. Один лежал на заднем сидении, другой на переднем, причем этот последний был придавлен большим металлическим обломком. Если бы они не смотрели очень внимательно, то могли его и не заметить.

Космонавты торопливо спустились вниз. Раэль заторопилась к жертве на заднем сидении, к которой легче было добраться.

Через несколько мгновений с искривленным ртом она откинулась назад. Это женщина, и кто-то пытался уже

оказать ей помощь, но с такими ранами она бесполезна. У неё торчат наружу внутренности, а ущерб, причиненный лёгким, хотя и менее заметен, должен быть ещё более серьёзным. Как бедняга могла дожидаться даже первой помощи?

— Раэль! Сюда! Он жив!

Раэль торопливо выбралась из флаера и побежала ко второму его обитателю, рядом с которым стоял Джелико.

У женщины от ужаса перехватило горло.

— Кейл!

Патрульный казался совсем другим человеком. На много лет старше, лицо искажено от боли, страха, покрыто кровью и грязью, но сомневаться не приходилось. Это он. И как бы в подтверждение он повернул голову на звук её голоса. Только эта часть его тела сохраняла способность двигаться.

— Доктор Коуфорт?

— Да, мой друг.

— А Гейл? Патрульная Аргайл? Она мертва? — это прозвучало как утверждение, а не как вопрос.

Раэль кивнула.

— Да. Это было неизбежно. У неё разорваны лёгкие.

В усталости и поражении он закрыл глаза.

— Знаю. Я пытался ей помочь. Я был подальше, и меня только бросило на землю, и флаер каким-то образом оказался неповреждённым, поэтому я вернулся в порт. Гейл была здесь. Ещё живая. Но больше никого не было.

Он помолчал, потом продолжал.

— Я сделал для неё, что мог, потом попытался улететь. Но тут меня ударила эта штука и прикончила. Мне кажется, это часть опоры одного из баков с горючим...

— Пока ещё ничего не кончено! — Раэль скорчилась рядом с ним, пытаясь нащупать пульс и заглядывая ему в глаза. Зрачки в порядке... — сейчас я протиснусь и посмотрю лучше.

— Мне конец, — спокойно и уверенно сказал патрульный. — И вам двоим тоже, если задержитесь здесь надолго. Может, и так уже конец, даже если вы попытаетесь убежать.

— О чём это ты? — резко спросил Джелико. Что бы ни говорили об агентах Патруля, они ни при каких условиях не впадают в истерику.

— Видите тот корабль? — спросил он, указывая кивком головы на «Салли Сью». — У неё несколько трюмов полны этим проклятым нитратом аммония, девять тысяч девятьсот тонн, плюс несколько тысяч тонн серы и не знаю уж сколько бочек с бензолом на палубе и внизу. Корабль, наверно, уже горит. А если не горит он, то точно горит причал. Скоро огонь доберётся до него, и будет такой взрыв, что взрыв «Морской королевы» покажется лёгким хлопком.

Глава 25

Доктор Тау был зажат между Джаспером Виксом и Карлом Кости. Вместе с ещё четырьмя рабочими-канучцами они находились в машине, слишком тесной для такого количества.

Но он почти не чувствовал неудобств пути. Всё его внимание занимали окружающие. Большинство шло от города. Это были толпы ошеломлённых испуганных беженцев. Высокий процент среди них составляли физические и моральные жертвы катастрофы; с помощью спутников они пытались добраться до ближайшего полевого госпиталя; когда опасность минует, эти временные больницы смогут вернуться в город.

Конечно, самых серьёзных случаев Тау не видел. Тяжелораненых привозили во флаерах и наземных транспортах, но увиденного было достаточно, чтобы понять размер катастрофы, обрушившейся на город. Опытным взглядом врач оценивал каждую группу, молча качая головой. В других условиях многие из тех, что передвигаются самостоятельно, сами считались бы тяжелоранеными.

Все окна в городе разбились, и осколки стекла были повсюду. Именно они послужили причиной большинства ран и порезов. Но есть ещё много таких — особенно в районах вблизи моря, — что ранены упавшими стенами, пострадали от огня и газа. У некоторых виднелась засохшая кровь в ушах и в носу, это жертвы резкого изменения давления при взрыве.

Тау снова покачал головой. Уже сейчас зрелище кошмарное, но оно станет ещё страшнее, когда они приблизятся в центр взрыва. Он понимал, что клятва врача обяза-

вает его выполнить работу, но тем не менее без всякого желания смотрел на предстоящее.

Когда они добрались до космопорта, он был полон лихорадочной деятельностью. Сюда должны поступать транспорты с помощью; некоторые уже прибыли.

Сам космопорт почти не пострадал. Он расположен относительно далеко от берега, и его достигли только небольшие осколки, к тому же утратившие почти всю силу. Но от полковника Кон Тау узнал, что двое были убиты, когда кусок металла пролетел над транспортом, обезглавив их. Серьёзная опасность тут была вполне возможна, и корабли правильно поступили, перелетев на плоскогорье.

Вскоре после космопорта начался сам город Кануч, а потом они добрались до места, куда сносили тяжело раненных, чтобы транспортировать их дальше.

Тау подошёл к носилкам с ранеными, чтобы посмотреть, чем может помочь он и его товарищи.

То, что он увидел, подтвердило его ожидания, но зрелище множества искалеченных людей ещё яснее показывало весь ужас происшедшего, и доктор мрачно вернулся к остальным.

Инструкции у них простые: обыскивать густонаселённые районы рядом с гаванью. Встретив группу спасателей, они должны помочь им. Если сами найдут застрявших в развалинах или раненых, помогут им.

У трио с «Королевы» был с собой запас необходимых медикаментов и оборудования, поэтому они не стали ждать остальных. Отделились от приехавших с ними канучцев и быстро пошли вперёд.

Перевалив через вершину подъёма, все трое застыли.

Невероятное зрелище открылось их взглядам. Тут и там из развалин поднималась часть стены, без окон, без крыши, более патетичная, чем море руин вокруг. Больше ничего не осталось. Даже залив представлял собой картину опустошения и разрушений.

Но хоть разрушения были страшными, город Кануч уже начал приходить в себя. Повсюду виднелись дым и огонь, но группы людей боролись с ними. Пожарные бригады, размещённые в менее поражённых районах, прибывали на флаерах и уже начали изолировать большое количество отдельных пожаров.

То, что они так быстро сумели добиться успеха, то, что вообще они сумели действовать, объяснялось главным образом тщательной подготовкой людей Мактрегори к эвакуации. Сама фабрика «Каледонии» исчезла, став жертвой находившихся в ней горючих и летучих материалов, но все трубопроводы, подававшие химикалии, были вовремя перекрыты, и новые материалы, которые могли бы поддержать огонь, не поступали. Если бы это не было сделано, то, учитывая центральное расположение фабрики и количество поступавших туда материалов, можно было бы считать, что к порту удастся подобраться, только когда там уже никого в живых не будет.

Космонавты были избавлены от ужасного зрелища, когда окровавленные взрослые и дети отчаянно искали друг друга среди развалин. Большинство жертв уже эвакуировали вначале к медикам, а затем в лагери беженцев, где начались попытки объединения семей.

Трагедия могла быть гораздо более страшной, если бы опять не предусмотрительность Мактрегори. Рабочие «Каледонии, Инк.» и члены их семей составляли основной процент населения наиболее поражённых районов, и многие их соседи, помня о буре, которой предшествовала такая же эвакуация, ушли вместе с ними. Те, что остались, ещё не обнаруженные, живые или мёртвые, лежали под развалинами своих домов и рабочих помещений.

Вольные торговцы миновали несколько групп, пытавшихся высвободить заваленных. Спасатели начали свои усилия с вершины склонов. К этому времени ситуация по периметру поражённого района была уже под контролем. И хоть спасатели нуждались в дополнительной помощи, они не останавливали космонавтов, понимая, что дальше помощь нужна ещё отчаяннее.

Наконец они увидели группу, занятую лихорадочной деятельностью. Старшая группы, женщина, искусно действовала топором и подгоняла своих чернорабочих языком, от которого пришёл бы в благоговейный страх любой флотский боцман.

Она увидела троих и сразу подозвала их.

— Хватить глазеть, псы космоса. За работу! У нас очень много работы.

Они торопливо повиновались.

— А в чём дело? — спросил Тау у мрачной женщины, подходя к ней.

Она указала вниз, и у него в ужасе перехватило дыхание. Там, далеко внизу, ребёнок, девочка, только что научившаяся ходить. Очевидно, её удерживала одежда; девочка вертелась и громко плакала. Конечно, её можно вытянуть — для этого пришлось бы много и тяжело поработать, но времени на это не было. Огонь медленно подбирался к девочке, и даже с первого взгляда становилось ясно, что он достигнет её раньше людей.

— Мы и на двадцать футов не доберёмся до неё, — сказал Тау. — Огонь совсем близко.

— Вы предлагаете перестать работать и просто наслаждаться зрелищем? — рявкнула женщина.

— Нет! — гнев и боль смешались в ответе Карла Кости.

Джаспер Викс ничего не говорил. Он стоял, молча глядя на ребёнка и огонь.

— Похоже на каминную трубу, — негромко, словно про себя сказал он наконец. — Она, очевидно, упала туда или была сброшена, но её не ударило сильно.

— Очень наблюдательно, — выпалила женщина. — А теперь начинай копать, ты, сын...

— Нет, послушайте! У вас достаточно верёвки. Кто-то маленький может спуститься туда и достать её.

У женщины перехватило дыхание. Она внимательно взглянула на него, потом на остальных.

— Я или ты. Больше ни у кого нет ни малейших шансов.

— Идея моя. К тому же вы здесь старшая. Здесь вы нужны больше. — нет необходимости скрывать от себя серьёзную опасность. Он может застрять и разделить участь ребёнка, вместо того, чтобы спасти его.

Женщина кивнула.

— Ну, давай, космический пёс.

Рабочие не стали терять времени. Ещё пока продолжался разговор их старшей с космонавтами, они принесли нужную верёвку.

Связали её петлей. К груди Викса прикрепили меньший кусок, чтобы можно было привязать для дополнительной надёжности девочку, — если он доберётся до неё вовремя.

Джаспер снял инструментальный пояс, чтобы ни за что не зацепиться, но остальную одежду оставил. Мундир тесно облегает тело, и его защита понадобится.

Кости, самый рослый и сильный из присутствующих, обвязался верёвкой. Он будет страховать, а большой каменный блок послужит якорем.

Викс пропустил верёвку через плечи и начал опускать её, пока не оказался сидящим в петле. Тогда он медленно перегнулся через край.

Сразу стало ясно, что задача у него трудная. То, что он назвал каминной трубой, на самом деле было узкой щелью в руинах, открытой больше для зрения, чем для физического доступа. Он совсем не был уверен, что сумеет миновать все препятствия. К тому же отсюда огонь казался гораздо ближе, чем сверху.

Спуск составлял не менее пятидесяти футов, и торопиться нельзя, если он не хочет сломать ногу или безнадежно застрять. Каждые несколько дюймов приходилось корчиться и изгибаться, чтобы избежать столкновения, и у него не было возможности считать, сколько раз он ударился, несмотря на все старания. Если ему повезёт выбраться из этой дыры, у него останется немало синяков.

Викс с трудом глотнул. Он спустился уже на двадцать пять футов, и теперь не только страх заставлял его потеть. Становилось всё жарче, и едкий дым отравил воздух.

Хуже всего, что щель становится уже, и новый страх заполнил мысли Вика. Если станет ещё уже, он не сможет подняться с девочкой на руках, если и сумеет до неё добраться. Придётся вначале послать вверх её, и он очень сомневался, чтобы верёвку сумели спустить к нему вторично. Делать это нужно будет очень медленно и осторожно, иначе она зацепится и застрянет...

Казалось, он опускается не на футы, а на дюймы, но в конце концов Вика сумел дотянуться до девочки, ненамного опередив языки пламени.

Джаспер старался держаться между огнем и девочкой. Пламя ещё не касалось её, но жар стало почти невозможно переносить.

Викс никак не мог поравняться с ней, а она в таком возрасте, что ничем не может ему помочь. Он наклонился под опасным углом, чтобы увидеть, что её держит, и облегчённо вздохнул. Кусок трубы порвал платье, и девочка повисла. Он сможет разрезать платье, не повредив ребёнку.

Левой рукой космонавт схватил девочку и крепко сжал, несмотря на её протестующие вопли. Он не может освободить её иначе: она тогда просто упадет вниз.

Наконец он разрезал платье, но время их почти кончилось. Ткань мундира у него на бедрах начала дымиться и тлеть.

— Карл, тащи! Я её достал!

Спуск был тяжёл, но подъём оказался гораздо хуже. Дважды Викс начинал серьёзно опасаться, что они вообще не пройдут, и ещё несколько раз приходилось пробираться через почти такие же тесные места. Действовать приходилось осторожно, а на это уходило время, что никак не уменьшало огонь, жадно лизавший стены вниз. И Викс, и рабочие понимали, что если пламя внезапно пойдёт вверх, чтобы получить свежий кислород из воздуха, они окажутся испечёнными. Но руины пронизаны множеством щелей, и пока огонь получал из них достаточный приток воздуха.

Они миновали самый узкий участок. Теперь можно подниматься с большей скоростью, не опасаясь порвать верёвку или слишком сильно ударить поднимающихся.

Но спастись от толчков невозможно. Викс сделал из своего тела живой щит для маленького груза, но тем самым почти лишился возможности защищаться самому. Время от времени он сильно ударялся о выступы, и в нескольких случаях с трудом удержал свою ношу и верёвку.

Неожиданно, невероятно, вокруг них оказался только свежий воздух. К ним протянулись руки, вытащили на землю.

Джаспер видел широко улыбающиеся лица. Он сам улыбался, протягивая девочку Крэйгу Тау, но тут мир как будто скользнул набок, и долгожданная тьма окутала Вика.

Глава 26

Ван Райк задержался на верху склона.

— Нам не потребовалось очень многое делать для себя.

— Как могло случиться, что все забыли, насколько опасен нитрат аммония? — спросил Дэйн. Столько горя, а ведь всё это можно было предотвратить, если бы с солью обращались как нужно.

— Никто не использовал её в больших количествах уже очень давно, и у неё не было возможности причинять неприятности. Много другое заменило её в нашей коллективной памяти, — он сморщился. Кто бы мог подумать, что старое привычное удобрение способно вызвать столько смертей и разрушений?

Торсон не пытался сдержать охватившую его дрожь. Все эти бедняги...

— Откуда начнём, сэр?

Катастрофа так велика, что их помощь может понадобиться повсюду.

— У воды. Кажется, туда ещё никто не добрался, так что там потребность самая большая. Конечно, будем останавливаться по пути, если увидим раненых.

Младший кивнул в знак согласия, но вслух ничего не сказал. Невысказанная надежда была очень слабой. Товарищи находились вблизи «Морской королевы», может, на самом исчезнувшем доке. Очень малы шансы, что они выжили.

Суперкарго быстро двигался по покрытым обломками улицам, и Дэйну пришлось прилагать усилия, чтобы не отстать от него.

Вначале видны были только развалины домов и заводов, но ближе к воде всё чаще и чаще стали попадаться трупы. Пока остаются живые, заваленные обломками, нуждающиеся в помощи, ничего нельзя сделать для мёртвых, и тела лежали там, где упали или куда были вытащены из руин.

Помощник пытался не смотреть, но ничего не получалось. Ужас таков, что он не мог оторваться от мрачных останков, просто не мог сопротивляться.

Он взглянул на застывшее лицо мёртвой девушки и остановился на полушаге.

— Мистер Ван Райк!

Его шеф обернулся. Пристально взглянул на женщину и двинулся дальше.

— Она мертва. И была мертва с самого начала.

Суперкарго расстроился. Девушка моложе, чем был Торсон, когда впервые явился на борт «Королевы».

— Но её застрелили!

Ван Райк снова взглянул на труп. Она лежала так, как

её отбросил смертельный удар, некогда блестящие глаза теперь раскрылись широко и застыли; в них всё ещё виднелось удивление от мгновенной, совершенно неожиданной смерти. В самом центре лба большая круглая дыра с обожжёнными краями.

Ван Райк в течение нескольких минут осматривал землю. Наконец он подобрал маленький чуть сплюснутый металлический шарик и протянул его для осмотра Дэйну.

— Вот твоя пуля. То, что она ударила девушку так высоко, чистая случайность, но внизу груз «Морской королевы», все эти болты, шайбы, винты и гвозди, должен был вызвать настоящее опустошение. Там мы увидим ещё немало следов его работы.

Фрэнк Мура, Шэннон и Камил проходили через жилой район, направляясь в торговую часть города. Пока сюда добралось только несколько групп, и они решили, что здесь их помощь нужнее, чем наверху, где она была уже достаточно организована.

Все трое молчали. Если не считать более тяжёлых материалов построек, ничто здесь не отличалось от картины вверху. Разрушения так велики, что на взгляд нельзя сказать, что здесь помещалось: жилой дом, контора или фабрика.

Тут было больше мёртвых, и тела заметнее бросались в глаза. Это объяснялось как близостью взрыва, так и тем, что здесь тела ещё никто не убирал.

Встречались и живые жертвы. Многим они сумели помочь. Для других ничего нельзя было сделать. Вольные торговцы поступали, как их инструктировали, раненых переносили на середину улицы, где их легче заметить. Вскоре в этот район явятся флаеры.

Их остановил крик, просьба о помощи. Крик продолжался, они обшаривали ближайшие развалины, но прошло несколько минут, прежде чем они обнаружили его источник — отверстие в полфута шириной в гряде обломков. В нём виднелось человеческое лицо. Работая с предельной осторожностью, они разобрали обломки, превратив отверстие в узкий проход, потом расширили дыру и смогли вытащить человека.

Удивительно, но этот канучец отделался только несколькими синяками и царапинами. Он казался ошеломлённым, но это был шок от случившегося. Никаких следов ранений или серьёзных ушибов.

Он сам прошёл на середину улицы и сел, глядя на склон вверх, который с этого места был хорошо виден.

— Мне, должно быть, повезло, — сказал он своим спасителям. — Я сидел за своим компьютером, когда услышал громкий взрыв и инстинктивно нырнул под стол. Не было времени даже повернуться, когда обрушился потолок. Меня, должно быть, спас стол.

Когда всё стихло, я выполз из-под стола и двинулся дальше, пока не застрял здесь. Я не хотел возвращаться в темноту, и потому стал ждать. Кто-то должен был прийти.

Он глубоко вздохнул.

— Там был мой дом, рядом со школой.

— Многие успели уйти, — мягко сказал Ван Райк, — а других уже спасли. Там наверху не так плохо, как здесь.

Голос Али прозвучал резче.

— Вы говорите, обрушился потолок. Мог ещё кто-нибудь уцелеть?

— Не знаю. Темно, как в неосвещённой шахте, и я ничего не слышал. Там нас за компьютерами работало шестеро, а ещё десять находились в соседней комнате, в канцелярии...

Рип начал браниться, но Мура поднял руку и заставил его замолчать. Рип овладел собой. Не вина этого канучца. Он всё ещё ошеломлён, и мозг его просто не ухватывает ничего, кроме него самого и его собственного положения. Он дал им след. Остальное придётся делать самим. Нужно надеяться, что помощь успеет вовремя.

Космонавты быстро в обратном направлении повторили путь, проделанный канучцем, и вскоре они обнаружили, что сведения человека оказались точными. Каким-то чудом относительно большая комната, в которой они оказались, пострадала сравнительно немного, и они без труда нашли остальных пятерых её обитателей. Один мёртвый, со сломанной шеей, другой тяжело ранен, но остальные трое пострадали не больше первого.

Этих они вывели наружу, потом вынесли тяжелораненого, оставив мертвеца внутри.

Прежде чем снова идти внутрь, Мура торопливо сообщил о находке через свой переносной передатчик. Если случайно сохранилась одна комната или этаж, то же может случиться ещё где-нибудь, возможно, неоднократно по всему городу. Если это станет известно, будут спасены многие жизни, а Мура сомневался, что вскоре сможет непосредственно сообщить эту информацию. Им придётся снова углубляться в развалины, и любая подвижка, в ещё не устоявшихся грудах, может похоронить людей навечно.

Фрэнк рукавом вытер с лица пот, стерев заодно грязь, сажу и кровь, превратившиеся в равномерную плёнку.

Второе помещение, канцелярия, сохранилось не так хорошо, а те, что за ним, ещё хуже. После третьей комнаты они вынуждены были прекратить поиски, иначе всё полуразрушенное здание грозило обрушиться на головы возможных жертв, заключённых в нём. Когда по вызову Муры прибудет отряд, вооружённый тяжёлой техникой, работы возобновятся.

Мура решил, что тут их обязанности кончены. Похоже, они обнаружили всех выживших. Во всяком случае, в течение последних поисков они находили только тела или их части.

Он закрыл глаза в бесконечной усталости. Неужели Япония испытала такое же, подумал он, прежде чем вулканы и цунами скрыли её острова, население и древнюю культуру под бушующей поверхностью Тихого океана? Между ними прошло два дня и две ночи. И там отряды спасателей работали день, ночь и часть следующего дня, пока неумолимая природа не оставила ничего живого.

Стюард покачал головой и посмотрел на тех, кого они только что вытащили из руин. Это не его история. Но история его родителей и предков. А для Али Камилы это возвращённое детство. Если не считать, что происшедшее случайность, а не результат человеческой жестокости, он видел всё это, прожил его и выжил. Неужели он способен пройти через это вторично?

Фрэнк смотрел, как помощник инженера распрямился и расслабил напряжённые мышцы. Лицо его было лишено выражения, просто маска, но глаза жили и сверкали, блестели, как две молодых звезды в глубинах космоса.

Камил не знал усталости в своих усилиях. Больше того.

Все работали изо всех сил, но Камил оказался полезнее всех остальных. Казалось, он не боится предательских развалин и постоянно без всяких колебаний, в полном спокойствии уходит внутрь. И всегда благополучно возвращается. У него почти сверхъестественная чувствительность на выживших, и он всегда может рассчитать, как кратчайшим путем до них добраться. Когда кончится день, именно этому красивому смуглому космонавту большинство спасённых будет обязано жизнью.

Глава 27

Джелико повернулся. С разбитого патрульного флаера хорошо видел был корпус «Салли Сью», а также облака дыма и блеск пламени на доке за кораблём. Капитан не мог определить, горит ли сам грузовик.

Он вскочил на ноги.

— Корабль — моё дело, — сказал он Коуфорт и раненому патрульному. — А врач нужен здесь.

Разль посмотрела на него.

— Капитан...

Он покачал головой.

— Вы ранены, — негромко сказал он, — а Кейл ещё тяжелее, — голос его стал еле слышен. — Он слишком долго пробыл один.

Это был приказ, хотя и сформулированный мягко. Женщина опустила голову, чтобы скрыть своё горе. Она боялась, что иначе выдаст себя.

Джелико больше ничего им не сказал. Отвернулся от пары и побежал к опасному кораблю. Может быть, у него нет никаких шансов, но он не собирался сдаваться Мрачному Командующему без хорошей драки за жизнь. Не отдавать безропотно Разль, патрульного, весь свой экипаж, который теперь работает в развалинах, не подозревая о нависшей опасности.

Губы его сжались. Если бы передатчик патрульного не разбился при падении флаера, он смог бы поднять тревогу, но одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что обычным путём послать сообщение невозможно, а если он попытается это сделать пешком, то опоздает. Нужно не пустить огонь на корабль, иначе второй, гораздо более сильный взрыв разнесёт их на клочки.

На мгновение он почувствовал сожаление, острое и болезненное, как физический удар. Может, не стоило отказываться от помощи Раэли Коуфорт, подумал он. По крайней мере вместе встретили бы смерть.

Он гневно отбросил эту мысль. У врача есть своё дело. Со сломанными рёбрами она не выдержит предстоящей трудной работы. Судьба каждому из них отвела своё. Ни у кого из них нет выбора, нужно признать это и выполнять свой долг.

Необходимость торопиться подстёгивала его как кнутом. Может, всего минуты или секунды отделяют его от забвения, но бежать по прямой он не мог. Дорогу ему преграждали груды обломков. Некоторые он перепрыгивал. Но другие, большие, приходилось обходить.

Каждый раз, когда он поворачивал, сердце начинало биться сильнее. Если он рассчитал неверно, если торопливо выбранный маршрут приведёт в тупик и ему придётся возвращаться, он может просто сесть и ждать смерти...

«Салли Сью» прямо перед ним. К своему облегчению, он заметил, что корабль ещё не тронут огнем. Только расположенный рядом док охвачен пламенем. Но, слава правящему духу космоса, и тут пожар не большой, вернее несколько небольших очагов, два из них опасно близки к грузовику и горят независимо друг от друга.

Ему продолжало везти. Доступ к доку не закрыт, а палуба корабля близка к поверхности дока. Вольный торговец побежал к ней, огибая пламя и места, где поверхность раскололась, приподнялась или вообще отсутствовала.

Только добежав до «Салли Сью», он наконец остановился. Борт корабля рядом, но всё же до него не дотянутся.

Опасный прыжок даже для свежего человека, но, судя по этим огням, у него нет выбора. Он должен одолеть промежуток с первой же попытки.

Джелико напрягся, проверил равновесие своего положения и прыгнул.

Руки его сомкнулись вокруг перил, ноги ударились о борт. Опираясь ими, он подтянулся и перевалился через перила на палубу корабля.

Капитан не стал задерживаться. Морское дело всегда

ему нравилось, и он старался как можно больше узнать о кораблях, а когда было возможно, приобретать и практический опыт. Теперь это должно ему помочь. Кануч — типичная индустриальная планета, и жители её не очень склонны к новшествам. Им незачем изменять старым обычаям. Информация о кораблях, которую он приобрёл на других планетах, послужит и здесь.

Трюмы грузовика открыты, люки сорваны силой взрыва. Капитан побежал к тому, что расположен на корме, и прыгнул вниз. К его облегчению, кингстоны оказались там, где он и ожидал. Он открыл их, выпуская холодные воды океана в трюмы.

Сделав это, он вернулся на палубу и побежал на нос.

Он пришёл вовремя, огонь уже лизал борт «Салли Сью».

Джелико провёл языком по пересохшим губам. Металлические плиты корпуса не загорятся, но палуба вскоре вспыхнет.

Неважно. Насколько он знает, нитрату аммония в трюме вовсе не нужно непосредственное соприкосновение с огнём. Значительный подъём температуры тоже вызовет взрыв.

Пожарные рукава также оказались там, где подсказывал здравый смысл и знание кораблей. Он высвободил один, самый близкий к огню. Если он только работает. Подобное оборудование рассчитано на работу в самых сложных условиях, но взрыв такой силы и такой близкий...

Показалась пена. Джелико направил её на ближний очаг, отгоняя огонь подальше от корабля, потом нацелил струю на второй очаг, который быстро приближался.

Впервые почувствовал он некоторое облегчение. Пока всё идёт неплохо, ему удастся отстоять корабль, если рукав начнёт подавать морскую воду, когда кончится пена. Конечно, есть и другие рукава, но они расположены не так удобно, и он не уверен, что они сработают.

Прошло двадцать минут. Третий очаг пожара начал угрожать «Салли Сью», больше и жарче остальных.

В его авангарде двигались густые черные облака горячего дыма. Дым зловонный, и Джелико попытался определить, что является его источником. Горло и грудь у него при каждом вдохе жгло.

Поток пены неожиданно прекратился. На какое-то бесконечное мгновение Джелико стоял с провисшим рукавом в левой руке, потом рукав снова наполнился, и из брандспойта вылетела сильная холодная серебряная струя.

Выглядела она прекрасно, но капитан смотрел на неё с тревогой. Конечно, запасы воды неограниченны, но она не так эффективна, как пена, и все очаги быстро набирали силу, угрожая слиться в большой пожар.

Теперь они атаковали вдоль всего широкого фронта. Редко случались моменты, когда ему не нужно было отражать нападение, обычно сразу два, и постепенно он начал ощущать безнадёжность своего положения.

Увидев бочки на палубе, Джелико смирился со своей судьбой. Примерно двадцать их лежало на дальней стороне, там их от его взгляда скрывала дымовая завеса. Неожиданный порыв ветра открыл их, длинные прочные металлические цилиндры с надписью «бензол». Он не знал, какую температуру способно выдержать это вещество, но думал, что она не очень высока. После этого бочки взорвутся. Когда это произойдет, последует взрыв нитрата аммония на «Салли Сью», и они все умрут, Разэль, он сам, все в Кануче и всё, что осталось от города Кануча. На корабле настолько больше нитрата, чем на «Морской королеве», что всеобщее уничтожение неизбежно.

Глава 28

Разэль Коуфорт сидела, опустив голову. Она должна быть с капитаном «Королевы», сражаться рядом с ним, умереть вместе, если понадобится.

Она сжала кулаки. Он прав, приказав ей оставаться здесь. У неё тут есть дело, пациент, нуждающийся в помощи, к тому же она сейчас не способна к тяжёлой работе. Усилия при осмотре ран Кейла настолько утомили её, что потребовалась вся её сила воли, чтобы не сдаваться, не сесть и отдаться боли.

Но об этом нельзя даже думать. Она врач, и пока кто-то в ней нуждается, пока она жива, она будет выполнять свою работу даже перед лицом смерти.

Кейл Робертс очень серьёзно ранен. Если ему не сдела-

ют операцию, он умрёт от ран, но она поможет ему продержаться, пока его не увезут.

Снаряд, пробивший его, нельзя убрать. Она побоялась бы сделать это, даже если бы у неё хватило сил. Слишком это опасно. Ей может не удастся остановить кровотечение. Он и так потерял слишком много крови, и дальнейшая потеря представляет серьёзную опасность.

Ей нужен материал для перевязки. Раэль пробралась на заднее сидение флаера и достала свой нож. Быстро работая, она отрезала часть платья умершей женщины, разрезала ее на полосы и вернулась к своему пациенту.

К счастью, вес большого куска металла пришелся на него не прямо. Правая нога зажата и изувечена, но в то же время тяжесть помешала большой потере крови. Поэтому патрульный ещё жив, но передышка только временная. Медленная постоянная потеря крови уже сильно ослабила его и, если её не остановить, скоро совсем убьёт.

Женщина поползла, скорчившись, по полу транспорта, пока не оказалась рядом с Робертсом и смогла заняться его ранами. Неудобно, но работать можно. Это самое главное, а всё остальное неважно. Она сосредоточилась на своём занятии, не обращая внимания на боль в теле. К счастью, Кейл не мог видеть её лица, да и был слишком занят собственной болью, чтобы заметить её состояние.

Работа шла медленно, но наконец Раэль смогла отползти к двери транспорта и распрямиться. Несколько мгновений она отдыхала, опираясь на металлический корпус. Закрыла глаза, старалась дышать ровно, боясь, что резкое движение усилит боль в груди настолько, что она не сможет выдержать.

Скоро ей стало легче. Раэль встала и принялась осматривать пациента.

Она осталась довольна. Он смертельно побледнел, конечно, и испытывает сильную боль, но, казалось, перенёс процедуры достаточно хорошо. Больше до прибытия помощи она ничего не может сделать, только подбадривать и утешать. Если кто-нибудь сможет эту помощь оказать.

Впервые Раэль позволила себе взглянуть в сторону «Салли Сью». Сердце её сильно взрогнуло. Ужасное зрелище, но и величественное. Теперь ясно виден огонь. Мелкие очаги почти погасли, но крупные слились и

представляли собой страшную угрозу. Три таких очага приблизились непосредственно к кораблю, и Джелико старался удержать их на удалении.

Гордость охватила женщину, хотя слёзы затуманили ей зрение. Храбрость — необходимое качество капитана звёздного корабля, но, по её мнению, одно дело смотреть в лицо опасностям, известным и неизвестным, на звёздных путях, даже перед бластерами и лазерами волчьей своры пиратов, и совсем другое — в одиночку противостоять первобытной свирепости огня.

Она так сжала руки, что они побелели. Обречённые усилия! Палуба даёт огню слишком много пищи. Огонь будет расти, пока его никто не остановит.

— Ему нужна помощь, — негромко сказал Кейл.

Она взглянула на него, потом кивнула и вскочила на ноги, сдержав возглас боли. Её работа здесь кончена, и теперь она нужнее на палубе «Салли Сью».

— Раэль!

Она быстро обернулась. Ван Райк и Дэйн Торсон!

— Джелико! — закричала она, указывая на корабль. — Капитан! Он пытается спасти грузовик. Корабль нагружён нитратом аммония!

Глава 29

Дэйн бросил один взгляд на борьбу, которую вёл его капитан, и побежал.

Его молодое тело было выносливо и несколько не устало от броска, который совершили они с Ван Райком к берегу. Препятствия на пути почти не замедлили его бега, даже когда он огибал самые большие груды или перепрыгивал через них, и он добежал до причала быстрее Джелико.

Добежав, он остановился. Нахмурился. Почему капитан отворачивает рукав от дока, действует им почти на пределе дальности? Огонь гораздо ближе...

Но тут он увидел бочки, должно быть, остатки большого груза, сброшенного взрывом в воду. Они были разбросаны, но оставались лежать вблизи друг от друга. Пламя начинало лизать самые близкие из них.

Глаза Дэйна потемнели. Как и Джелико, он сразу понял,

какую опасность они представляют. Контейнеры, очевидно, хорошо изолированы, но они сконструированы для предотвращения случайности, а не длительного прямого контакта с открытым огнём. Их содержимое, должно быть, совсем близко к точке взрыва.

Если взорвётся хотя бы один из них, это конец. Остальные сдетонируют почти в тот же момент, а грузовик — мгновение спустя. Если даже каким-то чудом корабль не взорвётся, он весь будет охвачен пламенем. И через несколько минут результат будет тот же.

Помощник суперкарго перепрыгнул через ближайшую полосу огня. Он двигался так быстро, что пламя не смогло притронуться к нему. И бросился к ближайшему бочонку, схватил его и потащил к концу палубы.

И почти тут же выпустил в резким криком. Металл горячий, не докрасна, конечно, но всё же ужасно горячий. Тело под одеждой словно обожгло.

Собравшись, он снова схватил цилиндр. Слёзы наполнили глаза. Перчатки давали рукам хоть какую-то защиту, но лёгкая ткань почти не защищала грудь и руки. Они горели.

С проклятиями он дотащил ношу до края палубы и сбросил.

Не останавливаясь, чтобы послушать свист, с каким горячий металл погрузился в холодную воду, увидеть столб пара и всплеск. Другие контейнеры в такой же опасности, они представляют такую же угрозу.

Следующий бочонок лежал на боку. Его легче катить, но придётся использовать не только руки, но и колени.

Он оказался таким же горячим, как и первый. Как и предвидел Дэйв, брюки предохраняли тело не лучше рубашки, и на этот раз боль в руках была такой же, как во всём теле. Перчатки должны были предохранить от повреждений при обычной ручной работе, а не защищать от огня и раскалённого металла. Он не может ожидать, что они будут защищать его вечно.

С каждым прикосновением к металлу боль становилась всё сильнее. Помощник гадал, выдержит ли он достаточно долго, чтобы избавиться от этого бочонка, и сердце его упало, когда он подумал о восемнадцати оставшихся. Их нужно убрать все, или его усилия бессмысленны.

Не со всеми будет так плохо, решительно сказал он себе. Третий контейнер, да, принесёт такие же муки, но остальные дальше от огня, вне прямого контакта с пламенем. Они не должны быть такими горячими.

Он направился к следующему контейнеру, но отшатнулся. Джелико видел помощника суперкарго и пытался дать ему максимально возможную защиту, но теперь к кораблю подобрался новый очаг пожара, и капитан вынужден был перенести внимание на него, оставив прежний фронт.

Торсон погрузился прямо в сияние огня. Какая разница, мрачно подумал он. Поджарится ли он, как бифштекс, или превратится в живой факел? И в том и в другом случае он умрёт в страшной боли.

На мгновение ему показалось, что он сгорит, но хоть его обнажённая кожа покрылась волдырями, ему удалось откатить бочонок от прямого контакта с огнём. Этот не такой горячий, решил он, перекачивая его к борту. Не так долго пролежал у огня, как первые два. Надежда ожила в сердце. Если это справедливо для остальных, если этот эффект усиливается с дальностью, он может выиграть эту немислимую гонку. Даже если огонь будет приближаться беспрепятственно, а он сам обгорит, ему удастся достаточно быстро откатить относительно прохладные бочонки подальше от опасности. Сами по себе они не тяжёлые, а он привык перемещать грузы. Что произойдёт с ним потом, другое дело, но пока это его не заботило, он отказывался об этом думать. Ближайшая задача требовала всего внимания.

Джеви вздрогнул, увидев на противоположной стороне палубы человека. Вначале он решил, что это иллюзия, результат отравления дымом, продукт его собственного воображения, подстёгнутого ядовитым дымом и усталостью. Но потом узнал Торсона и прежде чем смог крикнуть ему, передать приказ, молодой человек осознал опасность и сам двинулся к бочонкам.

Капитан поёжился при мысли о горячем металле, но тут он ничем помочь не может. Контейнеры нужно убрать.

Возможно ли это? Помощник не раз доказывал свою смелость и решительность, но такого испытания он ещё не выдерживал. Прикосновение к горячим контейнерам,

постоянный и всё усиливающийся ужас огня сами по себе могут сломить и более опытного, закалённого человека. Джелико не мог сказать, долго ли он выдержал бы сам.

Но он почти ничем не может помочь. Бочонки лежат на пределе досягаемости пожарного рукава. Он может только постараться помешать огню добраться до Дэйна, и даже эти попытки вскоре придётся прекратить. Слишком много огня угрожает самой «Салли Сью»...

Джелико повернул брандспойт, направив его на палубу непосредственно перед собой. Полоска огня подобралась по причалу и лизала борт корабля у его ног.

Небольшая полоска, и он довольно быстро отогнал её, но теперь три больших очага слились в один. Джелико почувствовал отчаяние. Все страдания Торсона, его самопожертвование бесцельны. Он не сможет сдержать огонь со своей стороны. Продержится ещё несколько минут, пять или десять, но небольшие очаги превратились в огромный пожар, который скоро охватит весь корабль. Он погибнет, сражаясь, но это слабое утешение для тех, кого он не сумел спасти. Слишком трудная задача для одного человека...

Послышался стук. Кто-то ещё прыгнул на палубу.

Капитан резко повернул голву. Ван Райк!

Суперкарго улыбнулся, но ничего не сказал. Он подбежал к ближайшему пожарному рукаву и пустил его в ход.

Действует, хвала правящему духу космоса, и мощная струя пены залила ближайший участок огня.

Три минуты спустя ударила ещё одна пенная струя в середине грузовика. Разэль!

Настроение Джелико поднялось. Оборудование предназначено для самых трудных ситуаций — доказательством он сам, способный до сих пор бороться с таким большим пожаром. Теперь их трое, у каждого рукав, и у них есть шанс — не уверенность, но впервые он подумал, что всё же возможно победить противостоящую им первобытную силу.

Глава 30

Они победили. Отбросили огонь, подавили его холодной водой и удушающей пеной задолго до того, как над головой у них появилось огромное количество пожарных флаеров, выбросивших целый океан пены.

Джелико улыбнулся этому воспоминанию, устало откидываясь на подушку. Четверо космонавтов чуть не утонули вместе с пламенем, но он не помнит, чтобы слышал чьи-то протесты. Сам он определённо не собирался возражать.

Стук в дверь вернул его к настоящему. Негромкий и робкий и повторился не сразу. Раэль Коуфорт!

Он быстро сел и привёл в порядок рубашку.

— Входите! — сказал он, закончив.

Женщина немедленно повиновалась. С ней был квикс, он сидел у неё на руке, но почти не раздумывая она посадила его на стол Джелико. Глаза её были устремлены на лицо капитана, внимательно его разглядывали. Голос у него хриплый, но это пустяки, результат воздействия дыма на горло и лёгкие. Скоро пройдёт.

— Мистер Вилкокс говорил, что вы потеряли сознание, — сказала она.

— Мистеру Вилкоксу следовало бы держать рот на замке, — проворчал он.

— Не со мной. Как дела, капитан?

— Всё в порядке. Просто горючее подошло к концу. Но так как сейчас нет нужды изображать сверхчеловека, я решил сделать передышку.

— Разумно. Невесело, когда тебе выскабливают лёгкое, — она придвинулась ближе и коснулась пальцами его лба. — Жара как будто нет.

— Я вам сказал, что со мной всё в порядке, — раздражённо повторил он.

— Знаю, но я ведь врач. Трудно отказаться от привычки. Она повернулась к столу.

— Вероятно, нам следует уйти и дать вам отдохнуть.

— Нет. Задержитесь ненадолго.

В отличие от её каморки, у Джелико какота полного размера, и в ней постоянные стол и стул.

Она отсоединила стул от креплений и придвинула к койке.

Джелико видел, как она сморщилась, садясь, и теперь наступила его очередь внимательно присмотреться к ней.

— Восемь сломанных рёбер. Я знал, что вы ранены, но не думал, что настолько тяжело.

— Ну, плохо стало только в самом конце, во всяком случае болело не сильно. Я ухудшила своё состояние, когда

занималась Кейлом. Пришлось поворочаться, чтобы добраться до него.

— Начал-то я. Это я бросил вас на каменный блок.

— Учитывая состояние тех, кто находился поблизости, не думаю, чтобы мне было на что жаловаться, — сухо ответила она.

— Всё равно, простите.

Разэль улыбнулась, но глаза её оставались серьёзными.

— Спасибо за то, что не велели мне оставить Кейла и убежать.

— Об этом я не подумал, — признался он, — но я понимал, что в вас слишком много титанона, чтобы вы меня послушались, и потому избавил вас от оскорбления.

Она недоверчиво взглянула на него и рассмеялась.

— Я была в ужасе, друг мой. В сущности, я легко пугаюсь. Просто...

Капитан улыбнулся.

— Совершенно верно, Разэль Коуфорт.

Он занял более удобное положение.

— После того, как мы погасили огонь, я почти утратил контакт со вселенной. Что произошло? Я знаю, вы заверяли меня, что всё в порядке, но у врачей есть обыкновение не беспокоить раненых.

— Вам было очень плохо, — серьёзно ответила она. — Вы ведь дышали чистым ядом. Будь концентрация немного больше, и...

— Ну, сейчас всё в порядке. Это вы вызвали пожарных? Они кивнула.

— По передатчику мистера Ван Райка, а когда я присоединилась к битве, Кейл продолжал вызывать их. Кстати, он тоже поправляется, — торжествующе сказала она, — хотя без нас вряд ли продержался бы.

— Без вас.

Она пожала плечами.

— Хуже всех обгорел Дэйн. В данный момент он лежит, весь укутанный повязками и мазью от ожогов, и ещё много недель ему не придётся передвигать грузы, но, хвала духу космоса, неизлечимого ущерба нет. Мы так быстро смазали его, что даже шрамов не останется, — она улыбнулась.

— С ним Синдбад, предлагает своё общество и утешение.

Небольшие ожоги и многочисленные ушибы у Джаспе-

ра. Некоторое время у него будет болеть тело, в остальном он не пострадал.

— А как Али? — негромко спросил капитан.

— Здоров. И доктор Тау, и я уверена в этом. Какие бы воспоминания у него ни возникли, он с ними справился и отправил их на место. Он сильный человек, капитан, сильнее, чем я думала вначале.

— Его обычно недооценивают, — Джелико сел. — А что будет с самим городом Канучем? И ещё остаётся вопрос о нашем чартере. Теперь, когда кончилось это проклятое дело жизни и смерти, я хотел бы знать, как обстоят дела с контрактом.

Женщина улыбнулась.

— Будете жить! Естественно, мистер Мактрегори ужасно занят, но он в течение нескольких минут разговаривал с мистером Ван Райком. Причалы восстановят, остальной ущерб устранят как можно скорее. Фабрику «Каледонии» не только восстановят, но и расширят. Нет необходимости говорить, — мрачно добавила она, — что отныне с нитратом аммония будут обращаться со всем подобающим уважением.

Что касается «Королевы», то она стартует с грузом, как только сможет. К её возвращению в порту уже будет ждать новый груз. Эдру Мактрегори не собирается упускать хорошую деловую возможность только из-за небольшой задержки. Это его слова.

Джелико рассмеялся.

— Вот это по-моему! Улетим, как только заправимся, — он слегка нахмурился. — Если сможем получить топливо. Здесь какое-то время всего будет не хватать.

— Друг, нет ничего такого, что «Королева Солнца» не могла бы получить на Кануче, планете Халио. Да и другие корабли тоже, — добавила она. — Их экипажи последовали за нашим, оказали помощь припасами и людьми, и теперь на всё обозримое будущее у них право на контракты, уступающее только нам. Это единственное место, где у больших компаний нет ни одного шанса и ещё долго не будет.

— Всё получилось очень хорошо, — медленно сказал капитан. — Для нас. Канчуцы потеряли много домов и добра.

Разэль медленно кивнула.

— Жаль, что мы не могли действовать быстрее.

Она пошевелилась на стуле. Капитан выглядел уставшим, да и она сама устала.

Она подобрала Хубата, который молча следил за ними со своего насеста на столе.

— Оставить квика? Он беспокоится о вас.

Джелико вздрогнул в ответ на вопль животного.

— Доктор Коуфорт, вы никогда не станете ксенобиологом, если будете по-прежнему антропоморфизировать реакции неземных существ...

— Квикс мой товарищ по кораблю, и теперь я его достаточно знаю, чтобы понять, когда он расстроен. А он расстроен всё время с того момента, как вы, хромая, поднялись на борт, — высокомерно сообщила она.

— Благодарю за поправку, доктор. Дайте его сюда.

Квикс посидел на руке капитана, потом спрыгнул на койку и с довольным свистом устроился в тёплой вмятине, оставленной её прежним обитателем.

— Надеюсь, он не будет возражать, когда я его передвину. Это моё место, и я не собираюсь отдавать его Хубату.

— Я принесу его клетку, — пообещала женщина. — Здесь ему будет лучше.

— Слава духу космоса за эти маленькие радости, — пробормотал Джелико.

Он провёл пальцами по удивительно мягким перьям.

— Пока ему хорошо и здесь. Кто-нибудь другой принесёт попозже клетку. Вы не будете поднимать ничего тяжелее ложки и чашки, пока не срастутся ваши рёбра.

— Слушаюсь, капитан, — покорно ответила она, уловив командные нотки в его голосе.

Чувство удовлетворения неожиданно оставило Джелико. Он беспокойно взглянул на врача, вспоминая, что она сказала — и не сказала — во время этого посещения. Она упомянула, что Торсон не способен будет работать, но не сказала, что готова выполнять лёгкую часть его работы; и она говорила о том, что «Королева Солнца» улетит с грузом, но не пользовалась словами «мы» и «наш».

Он опустил глаза и сделал вид, что разглядывает квика, чью голову начал старательно гладить.

— Вы по-прежнему собираетесь оставить «Королеву»?

— Хотя вы и капитан, но только попробуйте меня выкинуть!

Он широко улыбнулся, частично в облегчении, частично чтобы скрыть его.

— Вы приблизились к границам неподчинения, — заметил он.

Но Разль охватил страх, и она не ответила, как он ожидал. С тех пор как она появилась на борту, на «Королеве Солнца» произошла целая небольшая галактика неприятностей. Космонавты часто суеверны, даже самые храбрые и умные. Если Джелико верит, что она приносит неприятности...

Она опустила взгляд. Вначале она хотела использовать пребывание на «Королеве», чтобы подождать возможности забрать свои средства с «Блуждающей звезды». Она наберётся опыта, приобретёт авторитет, а потом вернётся в организацию брата на своих условиях. Но теперь она поняла, что цели её изменились, и несмотря на врождённую дисциплину и сдержанность вольного торговца, ей трудно смотреть в лицо этому человеку, ожидая его отказа. Неужели он опасается её?

— Серьёзно, — негромко сказала она, — вы капитан, и если вы почему-то считаете, что я опасна для корабля, я уйду без всяких вопросов.

— Нет!

Она подняла голову и улыбнулась. Невозможно было усомниться в этом ответе.

— В конце концов я не была уверена, что на корабле меня хотят...

— Я хочу, чтобы вы были на корабле, чёрт возьми! — Джелико овладел собой. Он был раздражён резкостью своей реакции. И продолжал — быстро, без колебаний, необычным тоном: — Доктор! Жизнь стала интересней с вашим появлением на борту, но вы не понимаете, что с самого первого старта «Королевы Солнца» она интересна. Это не изменится, и я не собираюсь покидать звёздные линии, особенно когда дела идут неплохо.

Разль снова улыбнулась, на этот раз застенчиво. Она была несколько ошеломлена его бурной реакцией, но одновременно и довольна.

— Может, отныне у нас будет больше мира и спокойствия, — с надеждой сказала она. — Мы заслужили это.

— Может быть, — согласился Джелико. Сам он в этом сомневался, но что бы ни принесло будущее, он прямо смотрел ему в лицо. «Королева» немало испытала в прошлом и получила достаточную прибыль, а теперь её будущее безоблачно и многообещающе.

**КОРОНА
ИЗ
СПЛЕТЁННЫХ
РОГОВ**

Глава первая

Дождь лил с надоедливym постоянством и дорожные плащи висели на плечах путников таким же тяжёлым грузом, каким страх давил на сердца и умы людей. Те из них, что были необразованными, кто никогда не удалялся от полей и пастбищ, принадлежащих господам, молились Глом Випер и смотрели на серое небо, как бы ожидая, что увидят над собой её наполненные слезами глаза, почувствуют её жалость, такую же тяжкую, как проклятие.

И даже те, кто получил образование, тревожились при мысли о проклятии, об осуждении, об изгнании, которое обрушилось на них.

Мой народ, клан за кланом, прошёл через Небесные Ворота, которые открыли наши барды, и оставил за собой не только родину, но и память. И теперь мы и сами могли бы спросить, почему мы едем по этой заливаемой водой ужасной стране. Однако чем дальше мы продвигались на север, тем меньше хотелось задать этот вопрос. Мы были твёрдо уверены в необходимости переселения. Братья с Мечами, готовые вступить в бой при первых признаках опасности, ехали впереди нас по этой странной, чужой, незнакомой земле, а у Ворот остался в качестве арьергарда другой отряд. С ними остались также Лаудат и Оуз, чьё волшебное пение открыло проход между мирами, и теперь они закрывали Ворота, так что путь к отступлению был закрыт, зато снималась возможность преследования.

Тот отряд, что ехал сейчас впереди, встретил нас по эту сторону Ворот. Братья провели здесь почти целый месяц, изучая то, с чем нам придётся столкнуться. Их рассказы оказались весьма странными и неожиданными. Они рассказывали о высоких холмах и широких долинах, о том, что тут когда-то жили люди — или какие-то разумные существа, подобные людям. Но теперь страна была пуста, покинута и остались только следы жизни её прежних обитателей.

И всё же эта земля не была полностью безопасной. Тут и там встречались места, где проснулись враждебные силы, и нужно было быть очень осторожным, чтобы избежать таких мест. Однако здесь расстилалось множество полей, ожидавших плуга, склоны холмов заросли богатой травой,

на которой можно было пасти овец, коров, лошадей, тянувших сейчас тяжело груженные телеги.

Каждый лорд, предводитель клана, ехал со своими людьми. Весь скарб был уложен на повозки. Старики и дети ехали в фургонах, а вооружённые молодые люди охраняли караван.

Двигались мы довольно медленно. Овцы и коровы не могли идти быстрее. А кроме того, я полагаю, что эта чужая страна давила на нас. По пути мы изредка встречали одинокие колонны, здания странной архитектуры... Да и само солнце казалось нам менее тёплым и давало меньше света, чем на нашей покинутой родине.

Моим лордом был Гарн и наш клан не мог сравниться с остальными ни по богатству, ни по снаряжению, ни по военной силе. наших овец было легко пересчитать по пальцам, у нас был всего один бык и пять коров, за которыми мы должны были присматривать. Наш скарб занимал только три фургона и в клане имелось лишь несколько молодых женщин, которые ехали, держа при себе маленьких детей.

Сам я тоже из благородных, хотя и не наследных лордов. Я был последним сыном дяди Гарна. И тем не менее я обладал родовым щитом и под моей командой находились четыре арбалетчика — весьма небольшой отряд, чтобы обеспечить полную безопасность клана.

Я был молод и не мог относиться серьёзно к своим обязанностям. Вместе со своими людьми, которые ехали за мной с небольшими интервалами, я охранял правый фланг нашего каравана. На ходу я внимательно оглядывал окрестности, высматривая среди холмов любое, что двигалось и могло представлять опасность.

Едва мы прошли через Ворота, среди нас, вернее среди лордов, возник спор о разумности пути по этой дороге. И только Братья с Мечами сумели убедить нас, что дорога ведёт через покинутую страну и никаких следов других людей поблизости нет.

Это была и в самом деле настоящая дорога — она вела прямо, а между каменными плитами тут и там пробивалась трава и деревца. Нашим фургонам здесь было гораздо легче ехать, чем по целине.

Но не только дождь скрывал от нас эту новую-древнюю

землю. Над холмами по сторонам дороги висели шапки тумана, местами этот туман имел какой-то зловещий тёмно-голубой оттенок, и это тоже вселяло в нас чувство беспокойства.

Один из Братьев проскакал мимо меня, направляясь в передовой отряд. Я с завистью смотрел вслед ему. Это были полностью независимые люди. У них не было ни лордов, ни родовых связей после того, как они принимали Клятву Меча. Их искусство во владении мечом, луком, коротким копьём было настолько хорошо известно, что они всегда могли настоять на своём, даже не притрагиваясь к оружию. Однако они всем снабжали себя сами. У них даже были свои стада, которые пасли пешие Братья.

Быть принятым в их ряды составляло заветную мечту юношей всех кланов. Но для большинства эта мечта никогда не осуществлялась, так как количество Братьев всегда было неизменным, и они принимали в свои ряды новичка только тогда, когда погибал один из них.

После того, как всадник проскакал мимо, в сопровождении двух спутников подъехал мой лорд — Гарн, решивший проверить тех, кто охранял фланги каравана. Этот человек своей угрюмостью был под стать окружавшей нас стране и небу над головой. Говорил он мало, но замечал малейшие упущения по службе. Молчание — это была высшая похвала, какую мог заслужить человек у Гарна. Я стиснул поводья в руках, когда ястребиное лицо Гарна повернулось в нашу сторону, туда, где курсировал мой маленький отряд.

Я ожидал, что он отругает меня за что-нибудь, или пошлёт проверить замыкающий отряд, которым командовал его сын Иверад. Однако он молча поравнялся со мной и поехал рядом. Его эскорт немного отстал.

Я не ждал от него комментариев по поводу этой страны, или отвратительной погоды, или разговоров о прошлой жизни. Я просто ждал, торопливо припоминая всё, что могло вызвать его неудовольствие. Его голова медленно поворачивалась, когда он осматривал окрестности, хотя я не думаю, что он пытался разглядеть замыкающий отряд клана Рараста, который ехал впереди нас.

— Здесь хорошая трава, — я был безмерно удивлён его словами, хотя знал, что лорд Гарн был из тех, кто мог верно

оценить богатства страны и хорошо знал, как их использовать. Я знал людей, которые меня окружали, знал их достоинства и недостатки, знал, что они любят, а что не любят, знал, как они относятся друг к другу. Я знал своё место в клане, знал, зачем меня обучали владению оружием, знал всё — кроме того, зачем мы пришли в этот мир, каких опасностей мы старались избежать своим переселением.

— Этой ночью состоится совет, — продолжил Гарн. — На нём будет решено, где мы поселимся. Братья с Мечами хорошо провели разведку территории. Страна большая. Фортуна может улыбнуться даже тем из нас, кто не приобрёл большого богатства в прошлом.

Я всё ещё пытался понять причину такой доверительности и теплоты. Это было также невероятно, как если бы заговорила моя лошадь. Но после того, как прошло удивление тем, что Гарн заговорил, его слова начали проникать в мой разум.

Огромная страна — открытая для поселения. Наш народ насчитывал почти сотню кланов, и большинство из них превосходили нас по числу людей, по богатству, по всему тому, что делало лорда клана могущественным и влиятельным. А здесь открывалась хорошая возможность даже для такого маленького клана, как наш, разбогатеть.

Гарн продолжал: «Уже решено, что выбрать можно только одно — либо прибрежные земли, либо внутренние. Сивен, Урик, Фаркон, Давуан уже высказались за побережье. Остальные из нас должны сделать выбор. Я думаю... — тут он заколебался. — Я должен поговорить с тобой, Хевлином, Эверадом и также со Стигом, когда мы остановимся на отдых».

Моего согласия он не услышал, так как резко развернул лошадь и поехал туда, где со своим отрядом находился Эверад. Он оставил меня в изумлении. Гарн всегда решал всё сам и не нуждался в консультациях даже со своим наследником. И вдвойне удивительно, что он спросит совета у Стига, который был главой полевых рабочих и даже не его родственником.

Что у него в голове? Почему он упомянул о прибрежных землях? Мы никогда раньше не селились у моря. Неужели мы забудем наши старые обычаи? А может, их нужно

бросить — ведь мы пришли в иной мир, и жить здесь нужно по новому.

Я попытался припомнить, далеко ли мы сейчас от моря. Братья с Мечами разведали только небольшую часть побережья. Они рассказывали об утрюмых утёсах, о которые бились бешеные волны. Мы не были морским народом, хотя те четыре клана, о которых сказал Гарн, занимались рыбной ловлей.

Утренний туман постепенно рассеивался. К полудню сквозь водяную пыль проглянуло бледное немогущее солнце. Оно прогнало зловещие тени, которые делали эту страну такой чужой нам. Мы разбили лагерь для отдыха и обеда прямо на дороге. Наши кланы расположились по всей её длине, как узелки на туго натянутой нити.

Тут же достали небольшие очаги, которые бережно хранились в переднем фургоне. В них подбросили угля — ровно столько, сколько требовалось, чтобы приготовить настой из трав, поддерживающий силы путника. Пища состояла из сухарей, которые размачивали в этом настое. Я быстро расправился со своей порцией, чтобы не заставлять ждать лорда Гарна.

Он сидел чуть поодаль на стуле, который специально для него достали из фургона. У ног его была разостлана грубая ткань, на которую он и приказал нам сесть. Я увидел, что рядом с Эверадом и Стигом сидел Хевлин — самый старший из охраны лорда. Лицо воина было таким же суровым, как и у его хозяина.

— Нам нужно сделать выбор, — объявил Гарн как только мы сели. — Я говорил с Квеном, который проехал по берегу дальше всех, — он вытащил из-за пояса тоненькую трубочку, раскатал её, и оказалось, что это полоска кожи. Мы склонились над ней и увидели переплетение множества тоненьких линий.

Толстая чёрная линия извивалась вдоль всей полоски, и с ней соединялись с одной стороны три тонкие извилистые линии. В двух местах у толстой линии уже стояли чёрные кресты, на них и показал Гарн.

— Это карта побережья, которую сделал Квен. Здесь и здесь — две бухты, которые выбрали для поселения два клана, пожелавшие жить у моря, — палец Гарна двинулся дальше вдоль чёрной линии, изображающей побережье,

пока не дошёл до ещё одной небольшой бухты. — Здесь в море впадает река. Она не такая большая, как другие, но вполне судоходная. Река — хорошее средство для перевозки товаров, например шерсти, на рынок...

Шерсть! Я подумал о нашем жалком стаде овец. Что мы повезём на рынок? Всё, что мы состригали с них, шло на наши собственные нужды, и каждый из нас мог ожидать не больше одной новой куртки или пары нижнего белья в три или четыре года.

Вопрос, который у всех был готов слететь с языка, осмелился задать Эверад: «И ты решил выбрать это место, лорд, когда очередь дойдёт до тебя, и если оно ещё останется свободным?»

— Да, — коротко ответил Гарн. — Там есть и другое... — но он замолчал, и никто из нас не рискнул спросить, что же ещё есть там.

Я смотрел на линии, нарисованные на коже, и пытался представить, что они означают: море и землю, реку и широкие поля, готовые принять наши плуги, наше небольшое стадо. Но они упрямо оставались только линиями, и я ничего не мог увидеть за ними.

Гарн не просил от нас ни совета, ни обсуждения. Я ничего другого и не ожидал. Он созвал нас только для того, чтобы сообщить своё решение, чтобы мы приготовились к тому, что выберет он, если судьба при дележе будет благосклонна к нашему клану.

Река, на которую указывал Гарн, лежала на севере, далеко за теми бухтами, которые уже выбрали первые лорды. Я подумал, сколько же времени займёт это путешествие? Была весна, скоро нужно будет сеять, если мы хотим получить пищу на следующий год.

Никто не мог сказать, насколько суровы здесь зимы, как скоро они наступают, сколько времени длится сезон выращивания хлебов. Слишком долгое путешествие могло привести нас прямо в зиму — зиму без всяких запасов пищи. Этого боялись люди любого клана. Но всё же выбор делал Гарн, а ни один лорд не поведёт своих людей на гибель, если у него есть возможность избежать этого.

Вечерний совет состоялся в самом центре каравана, вблизи того места, где расположились многочисленные повозки и фургоны лорда Фаркона. Костёр был уже готов,

вокруг него расположились лорды. Сзади их окружали родственники. Лаудат и Оуз, оба кутающиеся в свои серые плащи, как будто они страдали от промозглой сырости больше, чем все остальные, а также Вавент — уже десятый год капитан Братьев с Мечом, сидели в центре этого круга.

Оба барда выглядели усталыми, измождёнными, лица их были почти серыми. Открывание и закрывание Небесных Ворот отняло у них много сил и чуть не привело к смерти, но они выполнили свою задачу. Первым заговорил Вавент:

Он снова описал страну, в которую мы пришли. В ней нет широких полей и степей. Она вся пересечена холмами, между которыми лежат долины — одни богаты растительностью и плодородны, другие, напротив, голы и пустынные. Он также рассказал о реках, которые я видел на карте Гарна, о двух великолепно расположенных бухтах.

Он не успел закончить, как его прервал лорд Фаркон.

— Ты совсем ничего не сказал, капитан Вавент, о тех странных местах, которые были оставлены Старым Народом, да и о самом «Народе». Может они ещё остались, и тогда не возьмут ли эти люди мечи, чтобы защитить свою землю так, как это сделал бы любой из нас?

Послышался шёпот. Я увидел, как Оуз выпрямился, как будто он хотел встать и ответить, но он не встал и предоставил право ответа Вавенту.

— Да, когда-то в этой стране жили люди, — с готовностью признал капитан. — Но те, кто жил здесь, ушли. Они многое оставили после себя, но всё это безвредно. В основном это земля мира и покоя, но есть здесь и такие места, в этом я не хочу вас обманывать, лорды, которые являются сосредоточием зла. Их вы легко узнаете по ужасному зловонию. А также будет лучше, если вы не будете иметь дел со зданиями и развалинами, оставшимися от старых дней. Мы проехали эту страну вдоль и поперёк, но не нашли ничего, кроме диких зверей, не нашли никаких следов прежних обитателей этой земли. Теперь эта страна пуста, и мы не знаем — почему.

Лорд Рольфин покачал головой. Пламя костра отразилось от трёх красных камней, украшавших его шлем.

— Значит, вы не знаете, почему те, кто жил здесь, оставили эту землю, — проговорил он, — следовательно,

мы можем столкнуться здесь с каким-то неизвестным невидимым врагом.

Опять послышалось перешёптывание. На этот раз поднялся Оуз. Он откинул капюшон плаща со своей головы так, что все могли видеть его серые волосы и тонкое, изборождённое морщинами лицо.

— Эта страна, — сказал он спокойно, — пуста. С тех пор, как мы вошли сюда, мы не смогли почувствовать ничего, что могло бы считаться враждебным. Прошлым вечером, лорды, я и Лаудат пели песню предупреждения и зажигали Пламя. Оно горело ровно и спокойно. Ничто не воздействовало, ничто не противится нашему переселению. Да, здесь есть следы старых сил, — мы не знаем, что они из себя представляют, — но Пламя не может гореть там, где присутствует зло, где готовится война.

Я видел ухмылку лорда Рольфина. Все знали, что он всегда ищет угрозу в новом месте, однако он никак не ответил на заверения Оуза. Ведь действительно, Вечно Живое Пламя не может гореть, если Зло окружает его. Я услышал вздохи облегчения со всех сторон.

И после этого Вавент вытолкнул ногой вперёд медный таз, который Лаудат поставил перед ним. Капитан наклонился и поднял его обеими руками.

— Лорды Халлака, — голос его звучал торжественно, как будто он произносил ритуальные слова. — Здесь лежит ваш жребий. В свете Вечно Живого Пламени все лорды равны. Так было раньше, так будет всегда. Пусть каждый из вас испытает судьбу, и утром, когда мы дойдём до первой из долин, кто-то из вас закончит путешествие и обретёт новый дом.

Держа сосуд на уровне глаз лордов он обошёл круг, останавливаясь перед каждым из них. При этом тот или иной лорд протягивал руку и вытаскивал полоску кожи, где был обозначен надел земли, который фортуна послала ему. Но все знали, что когда делёж закончится, желающие могут обменяться полосками по взаимному согласию сторон.

После того, как Вавент всех обошёл, встал Оуз и пошёл по кругу с маленьким серебряным сосудом, предлагая его тем лордам, которые отказались от первой жеребьевки. Все знали, что он предлагает попытать счастья тем, кто выбрал

побережье. Гарн тоже протянул руку к сосуду Оуза, вызвав удивлённые взгляды соседей — лордов. В протянутой руке Гарна чувствовалось напряжённое ожидание, но никаких эмоций не отразилось на его бесстрастном лице.

Никто из лордов не смотрел, что он вытащил, пока жеребьёвка не окончилась. В сосуде Вавента осталось несколько бумажек, а в сосуде Оуза было пусто. Он перевернул его вверх дном перед лордами, а затем вернулся на своё место.

Но только когда Вавент вернулся и встал у огня, лорды начали разворачивать бумажки, которые достали их пальцы, и смотреть письма, начертанные на них. Братья с Мечами и барды, ещё до того, как кланы прошли через Ворота, разметили все земли, и теперь каждый знал, куда идти, где селиться, и что там его ждёт.

Нам всем не терпелось узнать, что же вытащил Гарн, но он, как и все остальные лорды, не торопился показывать нам бумажку. Вокруг начались разговоры, слышались предложения по обмену. Одним нужно было побольше полей, другим — пастбищ для скота. А мы всё ждали, еле сдерживая себя, пока наконец Гарн не объявил: «Пламя было милостиво к нам. Мы получили земли при реке».

Это был подарок судьбы, который люди редко получают. То, что он получил по жребию именно ту землю, которую выбрал для себя сам, казалось подстроеным заранее, или же на этот раз фортуна получила могущественного союзника.

Я увидел одного из Братьев с Мечами, который вышел из тени за внутренним кругом, где костёр давал свет. Это был Квен, тот самый, который первым рассказал нашему лорду о землях по побережью. Теперь он подошёл к Гарну и спросил: «Ну как, повезло, лорд?»

Гарн поднялся, полоска кожи свисала из крепко сжатого кулака. Он одарил Квена одним из своих проницательных, почти обвиняющих взглядов, которые заставляли любого подчиняться его приказам. Но Квен не был его подданным или родственником, и потому стоял спокойно, как будто беседовал с Гарном о погоде.

Квен был того же возраста, что и Вавент. Он был капитаном до него. Я решил, что ему столько же лет, сколько и Гарну, но в волосах его не мелькало седины, а

тело было по-юношески стройным. Он обладал грацией хорошо тренированного воина и передвигался легко и бесшумно.

— Я вытащил, что хотел, — ответил Гарн на вопрос. — Но туда нужно долго идти, — он смотрел на Брата с Мечом, как бы ожидая от него каких-то других и очень важных слов.

Квен ничего не сказал, и Гарн отвёл от него глаза и стал смотреть в огонь. Он был человеком, чьи мысли невозможно прочесть, но мне почему-то казалось, что он не так уж доволен результатами жеребьёвки, как старается показать нам. Во мне шевелился червячок сомнения в том, что жребий пришёл к нему только из рук фортуны, одной лишь фортуны. Хотя я был уверен, что ни Вавент, ни Оуз не будут вмешиваться в жеребьёвку даже для самых влиятельных лордов среди нас, а Гарн был весьма малозначительным по богатству и положению.

— Будет лучше, — наконец сказал Квен, — если те, кто решил селиться у моря, поедут вместе. Есть ещё одна дорога, которая ведёт сначала на восток, а потом поворачивает на север, но она гораздо древнее и находится в очень плохом состоянии. Если вы поедете вместе, то сможете помогать друг другу в случае необходимости.

Гарн кивнул, заткнув полоску кожи за пояс. Затем он произнёс четыре имени с вопросительной интонацией:

— Сивен? Урик? Фаркон? Давуан?

— И ещё Милос и Тугнес, — добавил Квен.

Гарн бросил на него взгляд, а моя рука автоматически потянулась к мечу, и я понял это только тогда, когда пальцы стиснули рукоять. Память должна была остаться за Воротами, исчезнуть, когда мы вошли в этот мир, но кое-что осталось. Тугнес всегда был врагом клану Гарна. Эта вражда началась давно и вызвала много крови, хотя теперь она выражалась только в том, что они не общались друг с другом и не ходили туда, где могли встретить врага.

— Где? — коротко спросил Гарн.

Квен пожал плечами: «Я не спрашивал. Твоя земля самая северная. Значит, он где-нибудь к югу».

— Хорошо.

— Мы свернём с дороги перед заходом солнца. Я поведу Братьев, сопровождающих поселенцев у моря, — завершил Квен.

Гарн кивнул и, не попрощавшись, повернулся и пошёл к нашему лагерю, что был неподалёку. Он не сказал нам ни слова, но мы все встали и пошли за ним.

Хотя я очень устал за день — очень утомительно приноравливаться к медленному шагу коров и овец, — но всё же, когда я завернулся в плащ и положил голову на седло вместо подушки, то уснул далеко не сразу. Я прислушивался к звукам лагеря. Вот в фургоне с женщинами заплакал ребёнок — видимо, внук Стига. Вот хруст сухой травы, которую жевали овцы, а вот храп и стоны уснувших переселенцев. Гарн скрылся в маленькой палатке, где жил один. С того места, где я лежал, можно было увидеть, как в палатке появился огонь — это Гарн зажёл свечу. Возможно, он рассматривал подарок, который фортуна преподнесла ему.

Я думал, что фортуна была милостива к нам, но очень встревожился, когда узнал о выборе Тугнеса. Это было самое плохое. Если нам в будущем придётся жить рядом, то жизнь наша будет проходить в беспокойном ожидании нападения. Лучшее, на что мы могли надеяться — это хрупкое перемирие. Перед нами лежала неизвестная страна, покинутая своими прежними обитателями по неизвестной нам причине. Хотя барды и разведчики уверяли, что врагов здесь нет, оставалось одиночество, которое чувствовалось тем больше, чем дальше мы продвигались на север. Жизнь здесь часто будет зависеть от помощи добрых соседей. Ведь может наступить момент, когда все люди Халлака должны встать как один, забыв все распри и ссоры.

Но здесь был не Халлак — Халлак остался позади, потерянный навсегда. Эту страну мы называли Верхний Халлак, потому что это была страна многих гор и холмов. Такой она и останется в памяти бардов с того самого часа, как мы вошли в неё.

Сон так и не приходил, хотя свеча в палатке Гарна давно уже погасла. Я смотрел в ночное небо, желая найти знакомые звёзды. Но меня охватила дрожь, холод, волосы мои зашевелились, потому что надо мной сияли звёзды, которых я ни разу в жизни не видел. Где Стрела, Бык, Рог Охотника? Их не было, не было и многих других.

Дождь прекратился несколько часов назад, и небо

очистилось от туч. В нём сверкали тысячи звёзд — но все они были новые, чужие! Куда привёл нас путь через Ворота? По внешнему виду эта страна была такая же, как и та, которую мы покинули — земля, трава, кусты, деревья... И только звёзды были другими. Мы оказались в стране, где должны были жить, но далеко от страны, в которой родились...

Я лежал, дрожа, под незнакомыми звёздами, которые больше, чем наше путешествие через Ворота, дали мне понять, что мы действительно изгнанники, и что единственное, что сможет помочь нам здесь, — это наши силы, и далеко не единственное, с чем придётся здесь бороться, — это наша слабость. Что может ждать нас впереди? Я подумал о море, о выборе Гарна, и это возбудило у меня желание исследовать новое. Но с другой стороны, мне хотелось как-то укрыться от тех опасностей, которые могут находиться в этом новом и неизвестном. В конце концов хаос моих мыслей и страхов поглотил меня, и я уснул.

Глава вторая

Позади остались широкие долины, в которых поселились люди Фаркона, Сивена, Урика, Давуана. Справа от нас бушевало море. Наш караван становился всё меньше и меньше. Теперь мы вполне удостоверились, что страна действительно покинута, хотя мы встретили множество развалин домов, остатков мостов. А иногда мы выходили на древние дороги, идти по которым было намного легче. Квен и три Брата ехали впереди, указывая места, где таилось неизвестное. Они останавливались поодаль и долго совещались между собой. Они не доверяли излучениям таких мест.

Мы видели башни, вымощенные площади, окружённые колоннами, изготовленными из огромных каменных монолитов. Меня очень заинтересовали люди, проделавшие такую титаническую работу: вырубить огромные камни и положить их друг на друга. Я всё думал, за какую же провинность они наказали себя таким тяжёлым трудом.

Самая большая и самая богатая часть побережья осталась позади нас. Мы уже двадцать дней ехали на север. Дважды за время путешествия нам приходилось подни-

маться вверх по течению рек, преграждавших нам путь, чтобы отыскать брод. К счастью, реки были спокойными в это время года, и мы легко переправлялись через них. Правда объезд каждый раз отнимал у нас день пути.

На двадцать четвёртый день люди лорда Милоса оставили нас. Они свернули на запад по узкой долине, и один из Братьев-разведчиков поехал с ними как проводник. Здесь не было реки, но нам пришлось объезжать горные хребты, окружающие долину, прямо по песчаному берегу моря. Мы сердечно попрощались и договорились о будущих встречах. И я уверен, что во всех нас, — и тех, кто оставался, и тех, кто продолжал путь дальше в новые земли, — зрело ощущение того, что наши старые связи рвутся навсегда, и что мы все будем горько сожалеть об этом в будущем.

Правда, все мы сплотились за время этого долгого путешествия. Мы понимали, как мы одиноки в этой странной стране. Уже не осталось, по крайней мере на поверхности, старой вражды с Тутнесом и его людьми. Мы все работали вместе, перетягивая телеги через броды, перевоза на сёдлах овец и ягнят, не думая, кому они принадлежат. И хотя на ночь мы останавливались отдельно, люди непрерывно ходили в гости друг к другу.

И вот тогда я впервые увидел стройную девушку, которая ехала на мохнатой лошади. Лошадь без всякого труда несла её и два огромных кожаных мешка, и каждый раз косила глазом и показывала большие жёлтые зубы, когда кто-либо приближался к ней. Несмотря на её кажущуюся хрупкость, она была сильна и вынослива, как любой парень, и во всём была независима, что так отличало её от простых женщин, работающих на полях. Я уверен, что она чувствовала бы себя на месте даже за столом в пиршественном зале лорда.

Уже на третий день нашего путешествия я выделил её из остальных женщин, которые путешествовали с нами, чтобы внести свой вклад в освоение новой земли. Она ехала за маленькой повозкой — лишь немногим больше тех тележек, на которых крестьяне вывозят излишки урожая на рынок. Повозку тащили два таких же мохнатых животных, как и то, на котором она ехала. И лошади и сама тележка были уныло-серого цвета. Наши люди обычно

раскрашивали свои повозки и фургоны в яркие цвета, это служило предметом их гордости перед остальными. И серая повозка выделялась среди всех.

На повозке был укреплен балдахин, под которым сидела, управляя лошадьми, женщина. Она была одета в плащ такого же унылого серого цвета, как и всё остальное. Я с первого взгляда узнал, что это Мудрая Женщина.

Эти две путешественницы, как я решил, ехали сами по себе, не примыкая к людям лордов. Я однажды заметил, как Оуз подъехал к повозке и перекинулся с женщиной несколькими словами, причём девушка отъехала несколько назад, чтобы освободить ему место у повозки. То, что бард говорил с этой женщиной, означало, что она принадлежит к тем, кто обладает Внутренним Знанием, несмотря на то, что выглядела она почти нищей.

Я думал, что они свернут в сторону с кланами влиятельных и богатых лордов. Ведь там у неё всегда будет работа по лечению болезней физических и духовных. Однако кланы отделялись и уходили, а эти двое со своей повозкой оставались.

Никто не может задавать вопросы Мудрой Женщине. Они не молятся Пламени, но ни кто не может их порицать за это. Они обладают своим внутренним искусством, и многие воины и женщины, рожавшие детей, благословляют и благодарят их. Они свободны приходить и уходить и служить всем, не задавая вопросов.

Однако каждый может узнать то, что захочет. Так я раскрыл, что девушку зовут Гатей. Она была подкидышем, которого Мудрая Женщина взяла на воспитание. Таким образом она жила отдельно от народа и не принадлежала ни к простому люду, ни к тем, кто живёт в замках.

Её трудно было назвать красивой. Тело её было слишком худым, кожа чересчур коричневой. Черты лица довольно острые. Но в ней ощущалось что-то привлекающее. Может быть, та свобода, с которой она ходила и ездила, её независимость, которая поражала сердца мужчин. Я поймал себя на том, что представляю, как же она выглядит во время праздника, когда вместо короткой куртки и камзола на ней надето длинное платье, а волосы не заколоты вокруг головы, а распущены, и в них серебряная цепь с тонко позванивающими колокольчиками, как у дочери Гарна

Инны. Я не мог себе представить нашу Инну, перевозящую через реку лежащую овцу. Одна рука крепко держит животное за шерсть, а другая подгоняет лошадь, заставляя её идти вперёд.

И когда Мудрая Женщина не повернула за фургонами Милоса, я был очень удивлён. Я никак не думал, что она решила ехать с людьми Тугнеса. Они с девушкой никогда не останавливались в их лагере, а устраивали свой собственный костёр вдали от них. В соответствии с обычаями Мудрые Женщины никогда не жили в обществе, они всегда искали своё место, где они могли варить свои травы и вершить свои дела, некоторые из которых были тайнами и не могли быть открыты непосвящённым.

Ташить повозки по песку было очень трудно, и мы теперь шли ещё медленнее. Этой ночью мы устроили лагерь прямо на берегу, возле утёсов. Почти для всех нас море было чужим, и мы неуверенно смотрели на него. Только дети чувствовали себя отлично — они собирали ракушки, охотились за морскими птицами, которых здесь обитало великое множество.

Когда лагерь был установлен, любопытство привело меня к берегу, туда, где одна волна догоняла другую, чтобы с тихим плеском умереть в песке. Воздух у моря был таким, что им хотелось до отказа наполнить лёгкие. Я смотрел на темнеющие воды и удивлялся мужеству тех, кто строит хрупкие деревянные скорлупки и пускается в плавание по бурному огромному загадочному морю, вооружась только своим искусством.

Я смотрел на мерцание воды в небольших лужах между камней. Даже в этих лужах кто-то жил — странные создания, каких я никогда не видел. Они удивили и заинтересовали меня. Я опустился на корточки и стал наблюдать за ними, за их жизнью и охотой. А они действительно были охотники, и добывали себе пищу как и любые сухопутные создания — пожирая себе подобных.

Плеск воды оторвал меня от наблюдения. Я повернулся и увидел Гатею. Ноги её были босы, брюки завернуты выше колен. Она стояла в воде и изо всех сил тянула длинную красную водоросль, похожую на виноградную лозу, с которой свисали большие листья. Водоросль держалась крепко, и Гатея несмотря на все свои старания не могла вытащить её.

Я не успел подумать, как уже сбросил сапоги и даже не заворачивая штанов вошёл в воду и взялся за водоросль чуть позади её. Я стал помогать ей. Она оглянулась через плечо. Вначале на её лице мелькнула тень, но затем она кивнула, согласившись принять помощь, и мы стали тащить вместе.

Но упрямая водоросль не поддавалась. После нескольких безуспешных попыток я бросил водоросль и вынул меч. Она снова кивнула, но требовательно протянула руку, и я, опять не раздумывая, отдал меч ей. Затем я взялся за водоросль, а девушка двумя ударами разрубила её. Одной рукой она подхватила обрубок, а второй протянула мне меч рукоятью вперёд.

— Благодарю, Эльрон из дома Гарна.

Голос её был низким, хриплым, как будто она говорила чрезвычайно редко. То, что она знает моё имя, тоже было весьма удивительно, так как никто из наших ни разу не говорил ни с ней, ни с её хозяйкой. К тому же, я вовсе не был заметной фигурой в нашем клане.

— Что ты собираешься делать с этим, — спросил я, выбравшись на берег. И так как она не отвергала моей помощи, хотя и не просила её, помог ей вытащить водоросль на берег.

— Листья нужно высушить и растолочь, — заговорила она тем тоном, которым крестьянин говорит о сене. — Этим хорошо удобрять почву. А кроме того, она обладает другими свойствами, о которых знает Забина. Это хорошая находка, да и сорвали мы её в подходящее время.

Я посмотрел на скользкую длинную лиану, которую мы вытащили из воды. Песок налип на её острые листья. И я подумал, как часто бывает так, что вещи оказываются лучше, чем они кажутся.

Затем она ушла, не сказав больше ни слова и волоча водоросль за собой, пока я стиривал песок с ног, чтобы снова надеть сапоги. Приблизился вечер, и я направился в наш лагерь, чтобы поесть и поразмышлять над тем, что принесёт нам следующий день, и сколько нам ещё идти, пока мы доберёмся до земли, которую выбрал Гарн для нашего поселения.

Я приготовил себе похлёбку из сушёного мяса, хлеба и воды и принялся за еду. Но ложка остановилась на полпути

ко рту, когда я увидел двух незнакомцев, которые подошли к центральному костру. Квен, который сидел, скрестив ноги, рядом с Гарном, махнул им рукой, но сам Гарн не поднял руки и только смотрел на них ровным безразличным взглядом, не опуская рог для питья.

И тут я узнал лорда Тутнеса. Я видел его много раз во время путешествия, но впервые он оказался так близко ко мне, что я мог бы дотронуться до его ножен.

Он был низкий, но широкоплечий. Его любимым оружием был боевой топор, и постоянные упражнения с ним придали ему огромную физическую силу. Когда он сидел на лошади, то выглядел весьма внушительно, но пеший он передвигался маленькими шажками и казался ещё более тяжёлым, чем был на самом деле.

Как и все мы, он был одет в кольчугу поверх дорожного камзола. Шлем болтался у него в руке, и ветер играл его жёсткими краснокоричневыми волосами... В отличие от людей нашего клана, которые имели весьма скудную растительность на лице, он носил окладистую густую бороду, которой очень гордился. Над широким ртом нависал нос, который в юности ему сломали, и теперь он был кривой и расплюснутый. Поэтому Тутнес постоянно фыркал.

На шаг позади стоял его сын. Он был выше отца и тоньше в кости. В руке у него было копье. Выглядел он совсем не по боевому, но каждый, кто знал его, или слышал о нём, понимали, что он не так прост, как кажется. Его искусство в стрельбе из арбалета было широко известно. Но он всегда был лишь тенью своего отца, и ему мало приходилось действовать и принимать решения самому. Когда к нему обращались с вопросом, он делал круглые глаза и говорил как можно меньше.

Лорд Тутнес сразу же перешёл к существу вопроса. Точно так же он без колебаний пускал в ход свой топор против врага. Однако обратился он к Квену, не обращая внимания на Гарна, даже слегка отвернувшись от него, чтобы не видеть своего старого врага.

— Когда же мы выберемся из этого дьявольского песка? — спросил он и даже пнул его ногой, чтобы Брат Меча не сомневался, о чём идёт речь. — Мои люди уже оборвали руки, вытягивая повозки и помогая лошадям. Ты обещал нам землю, где же она?

На лице Квена не отразилось ни тени смущения. Он поднялся и встал против Тугнеса, глядя ему прямо в глаза и заложив пальцы за пояс.

— Если Пламя будет милостиво к нам, лорд Тугнес, к завтрашнему вечеру мы будем на расстоянии полёта стрелы от твоей земли.

Тугнес фыркнул. Я видел, как его пальцы сжались, как будто стиснули ручку топора. Глаза его сверкали из-под густых бровей.

— Нам нужна хорошая земля, — он снова пнул песок. — Этот проклятый песок хрустит на зубах во время еды, царапает горло во время питья. С нас хватит! Мы сыты по горло! Смотри, чтобы твоё обещание сбылось! — его последние слова прозвучали угрозой. Он резко повернулся, осыпав песком близко сидящих. За ним лёгкой походкой разведчика незнакомых земель двинулся Торг, его сын и наследник. Проходя мимо, он поднял голову, и я увидел его глаза, устремлённые прямо на меня.

Я был молод, но вполне мог читать в глазах людей, даже если лицо человека ничего не выражало. И сейчас, заметив взгляд Торга, я замер от удивления. Но я надеялся, что мне удалось скрыть его. Почему сын и наследник Тугнеса, с которым мои пути никогда не пересекались и не пересекутся, взглянул на меня со смертельной ненавистью? Я был уверен, что мы с ним враги только потому, что я — сын своего клана, а он — своего. Но ненависть его была не такой, с какой смотрят на формального врага. Этот взгляд вселил в меня сильное беспокойство.

Этой ночью на небо вошла луна — прекрасная, серебряная, чистая и холодная. Звёзды в её сильном свете почти не были видны. Старики говорили, что луна воздействует на сердца и души людей точно так же, как солнце воздействует на их кожу, делая её коричневой. Но луна сильнее действует на женщин, чем на мужчин, и в особенности на тех, кто обладает мудростью.

Я отошёл от спящих, ожидая, когда кончится очередь сторожить, и подобрался к фургонам. И тут в лунном свете я увидел Мудрую Женщину, которая шла среди песчаных дорог. За ней следовала Гатей, прижимая к груди, как ребёнка, какой-то узел. Было видно, что она очень дорожит им.

Они направлялись на север, и я знал, что никто не может заговорить с ними, даже дать понять, что видел их. Ведь было совершенно ясно, что они идут по каким-то своим тайным делам. И всё же был ещё кто-то, кто украдкой преследовал их, укрываясь в тени камней, окаймляющих пляж.

Я укрылся за фургоном и сбросил плащ. Для меня стало очень важно — хотя я не мог сказать, почему, — узнать, кто же крадётся за этими двумя, кто следит за ними из укрытия.

Хотя я и не был так искусен, как Братья с Мечами, но прошёл хорошую школу и знал, что внезапная атака всегда выгоднее, чем длительный бой. Ползком я пробрался к камням и нашёл удобное место, с которого легко мог следить за незнакомцем.

Очень долго мы оставались на местах. Он — в своём укрытии, я — в своём. Но затем он вышел, так как женщины ушли, и в лунном свете не стало видно ничего, кроме бесконечных морских волн. Я не мог увидеть его лица. Но я узнал его по походке. Почему Торг следил за Мудрой Женщиной и её воспитанницей? Он нарушил обычай, и если бы его заметили, он понёс бы наказание. Возможно не от мужчин, но от женщин своего клана. Так как ни один мужчина не имеет права вторгаться в тайны женщин, и месть их за нарушение табу всегда быстра и безжалостна.

Он вернулся в лагерь Тутнеса, но я не пошёл за ним. Я остался и размышлял, почему он рискнул нарушить табу? Он не мог положить глаз на Гатею — одна мысль об этом казалась невероятной. И всё же...

Я покачал головой и погрузился в полудрёму, пока не пришло время будить следующего часового. Уже было близко утро, и я мог видеть восход солнца. Это было очень странное утро, так как над водой висел плотный туман, такой плотный, что казался осязаемым, казался каким-то островом. На нём можно было увидеть горы и долины. Я мог поклясться, что если подплыть к нему на лодке, то можно будет высадиться на него, и земля под ногами будет такой же твёрдой, как и на материке. Я смотрел в изумлении на этот призрачный остров и вдруг услышал позади себя какой-то звук. Я мгновенно выхватил меч и повернулся. И тут же почувствовал себя идиотом, так как за мной стоял Квен, заложив пальцы за пояс и глядя в море.

Я вложил меч в ножны, а он заговорил:

— Можно подумать, что это земля...

— Я не знаю моря, — ответил я. — Может, тут всегда по утрам так.

— Нет, — он покачал головой. — Я уверен, что сейчас мы видим отражение какой-то далёкой земли. Смотри!

Его голос прозвучал почти приказом, и я посмотрел туда, куда он указывал. Я увидел над этой облачной страной горы, чётко вырисовывающиеся на розовеющем небе. Склон одной из гор был более чёрным, и я, приглядевшись, увидел крепость, окружённую стенами. Над крепостью возвышались две башни. Одна была чуть ниже другой. Видение было таким отчётливым, что я мог поклясться, что крепость действительно существует.

Она была так великолепно видна и вдруг она исчезла! Не расплылась медленно как при движении облаков, а исчезла мгновенно, как будто кто-то погасил огонь. Но чёткие очертания башен запечатлелись у меня в памяти, и я легко мог бы нарисовать их на песке.

Я взглянул на Квена, так как был уверен, что это не просто причуда утреннего освещения, а одно из чудес, странностей этой незнакомой земли. У меня было сильное ощущение, что эта крепость где-то существует, и я готов был тут же пуститься на поиски её. И я высказал часть того, что творилось у меня в голове, вслух:

— Крепость... она... настоящая...

Квен посмотрел на меня так, как смотрел Гарн, когда я совершал оплошность.

— Что ты видел? — спросил он тихо, почти шёпотом.

Я еле расслышал его голос на фоне неумолчного прибоя.

— Крепость. С двумя башнями. Но как она могла оказаться на облаке?..

— Если долго смотреть на облака, можно увидеть что угодно, — ответил он.

И я почувствовал себя пристыженным, как ребёнок, который заплакал, слушая страшную сказку, когда ему чудятся страшные звери за камнями, созданные его собственным воображением.

Но Квен продолжал стоять и смотреть на облако, пока оно полностью не расплзлось, потеряв свою форму. Там, где я видел крепость, уже ничего не было. Я слышал, как

наш лагерь понемногу просыпается. И тогда Квен отвернулся от моря и взглянул на меня так, как будто хотел прочесть мои мысли.

— Это странная страна, — снова он говорил тихо, как будто делился тайной. — Здесь много такого, чего понять мы не можем. Благоразумный человек оставил бы все странности в покое. Но... — он чуть заколебался, но затем продолжил. — Для некоторых из нас любопытство полезно. Оно заставляет нас всё изучать. Но здесь нет проводников, и тот, кто неразумно возьмётся за дело, неминуемо погибнет. Будь осторожен, молодой Эльрон. Я думаю, что возможно, именно на тебя возложена Ноша...

— Ноша? — переспросил я, не понимая.

— Да, так называют это Мудрые, или те, кто считает себя такими. А другие называют это «Дар». Всё зависит от того, как ты познаешь то, что тебе суждено познать. Я должен тебе сказать — не ходи беззаботно по этой стране. Она вдвое опаснее для тех, кто не удовлетворяется первым взглядом на неё.

И он резко повернулся и ушёл сразу, едва высказав своё предостережение. Вот только я не понял, от чего он предостерегал меня. Я также не понял его слов о «Ноше» и о «Даре». Я был маленькой и незаметной частью клана Гарна, подобно тому, как сам клан был маленьким и незаметным в нашем сообществе. Всё, что я имел, — это одежда на мне, меч, кольчуга и шлем, принадлежавшие ещё моему отцу, да тощий мешок пожитков в одной из повозок. В мешке хранилась книга старых баллад, над которой я проводил много времени, хотя она была написана не теми буквами, что используются теперь, туника из хорошей шерсти для праздников, немного белья и нож с рукояткой, украшенной драгоценными камнями, — подарок матери. Конечно, никакой ноши...

Когда мы уже находились в пути, я всё время думал о крепости, которую видел в туманных горах. Видел ли её Квен? Когда он спросил меня о крепости, сам он не признал, что видел её, хотя сам же привлёк к ней моё внимание. У Братьев с Мечами свой подход к жизни и своё знание. Они исследовали эту страну ещё до того, как мы осмелились пройти через Ворота. Может, они здесь нашли нечто такое, что хранили только между собой, или же

поделились знаниями только со старшими членами нашего сообщества.

И тем не менее, пока я медленно ехал возле фургонов, принаравливаясь к шагу овец и коров, меня мучили две тайны: первая — почему Торг следил за Мудрой Женщиной и её воспитанницей, как будто они были его врагами, и вторая — что же я действительно видел в облаках.

Квен был прав. Мы наконец вышли к долине меж утёсов. Выход долины к морю оказался чрезвычайно узким, и его нельзя будет использовать как порт, но долина на материке расширялась, и вдали открывались широкие поля, покрытые сочными зелёными травами. Это была прекрасная земля, даже лорд Тутнес не мог ничего возразить против неё. Здесь его люди повернули в сторону, и один из двух людей Квена отправился с ними.

Мы быстро попрощались, так как нас не связывали узы тесной дружбы. Единственное, что связывало нас, это то, что мы шли вместе с одной земли. Я слышал, как наши люди с завистью говорили о богатых землях Тутнеса и выражали надежды, что у нас будут не хуже. Но для меня не это было важным — важное заключалось в том, что Мудрая Женщина повернула свою повозку по следам тяжёлых фургонов Тутнеса. Я сожалел, что она решила остаться здесь, а не отправиться с нами.

Наш совсем уже маленький караван медленно покатился дальше. Снова мы остановились на ночь на побережье моря, но луна в этот раз спряталась в облаках. И снова я выбрал время караула перед восходом солнца, но не увидел никакого облака с крепостью. Вместо этого на меня обрушивался сильный ветер, обдавая солёными брызгами, хотя наш лагерь был установлен довольно далеко от береговой линии. На следующее утро пошёл сильный дождь. Фургоны еле тащились по дороге. Часто приходилось слезать с лошадей и помогать им тащить повозки.

Мы изнемогали от усталости, борясь с дорогой, когда, обогнув стену утёсов и увидев гавань, гораздо меньшую, чем оставили на юге, и утыканную острыми камнями, торчащими из воды, мы поняли, что это и есть наша земля. В гавань впадала река, мелкая и малосудоходная, но она нам понравилась, ведь это же была наша земля.

Лошади последний раз натянули ремни, мы подняли

овец и перевезли их через реку, которая пробивалась между утёсами, где гнездились морские птицы. Камни совсем побелели от их помёта.

Птицы кружили над нами, оглушительно крича. Их крики многократно отражались от утёсов, замыкающих долину. Затем мы пробрались через узкий проход и, наконец, оказались в долине, которая нам показалась такой же прекрасной, как и долина, доставшаяся лорду Тугнесу. Овцы и коровы тут же набросились на сочную траву, а мы поехали дальше, вдоль берега реки, пока в конце концов не выбрали место для остановки. И это место будет нашим, навсегда.

Глава третья

Я поднимался вверх, слой земли становился всё тоньше, и из под неё проглядывали каменные кости планеты — горный хребет. Вскоре камень окончательно вышел на поверхность, и земля теперь попадалась только в расщелинах скал, где могли вырасти только ключья травы, да чахлые кустики. Я лез вверх на хребет, и пока не добрался до самой вершины, где на меня обрушились свирепые ветры, не оглядывался назад — в долину Гарндэйл.

В лесу, который отсюда казался пушистым зелёным ковром, я видел прогалины, где наши топоры уже свалили деревья. Затем их очищали от веток, а брёвна перетаскивали туда, где Гарн решил создать временное укрепление.

Четверо из наших лошадей были заняты на перетаскивании стволов, а остальные шесть уже работали на полях, вспахивая их и готовя землю под посевы. Работали все — и простые члены клана, и родственники лорда. Сегодня я оказался свободен, так как наступила моя очередь дежурить на вершине хребта. Хотя земля и казалась незаселённой, Гарн не хотел быть застигнутым врасплох, если возникнет опасность. К тому же тому, кто патрулировал на вершинах, могло повезти, и он мог убить какого-нибудь зверя, чтобы хоть как-то разнообразить нашу пищу.

Квен и двое его товарищей оставались с нами десять дней, а потом уехали на запад, прямо в неизвестные земли. Также как мы патрулировали на горном хребте, так и они

со своими Братьями собирались сторожить западные границы, охранять новые поселения.

Одной из их обязанностей было отыскивать и наносить на карты остатки строений тех странных существ, которых мы стали называть «Прежние».

Одно из таких мест располагалось как раз над нашей долиной. Хотя это было и не впечатляющее сооружение — Квен сказал, что таких мест везде здесь попадаетея много, — однако каждый патрульный был обязан осмотреть его и ознакомиться с ним. Именно это я и собирался сейчас проделать.

Я был в кольчуге, шлеме, а в руках держал арбалет, как будто действительно готовился сразиться с врагом, хотя мы пришли в покинутую землю и до сих пор не встречали никого. Спрыгнув в расщелину между камнями, я пошёл на запад, вдоль южной границы наших владений.

В новой стране попадалось довольно много разных животных. Звери мало отличались от тех, за которыми я охотился дома, — разве что по размеру и расцветке. Быстроногие лани, которые раньше паслись в долине, убежали после нашего появления, и теперь их видели чрезвычайно редко. Высоко в горах водились животные, напоминавшие наших ослов. Но у них имелись острые загнутые клыки и когти. Нрав у них был горячий, и это делало охоту на них весьма опасной, но зато их восхитительный вкус с лихвой вознаграждал риск.

Здесь обитало громадное количество птиц самой разнообразной расцветки. Они как маленькие молнии рассекали небо во всех направлениях. Правда, водились и чёрные птицы, на которых было очень неприятно смотреть. Они прятались в ветвях деревьев и хриплыми гневными голосами обругивали наших людей, рубивших лес. Когда они взлетали в небо, то сразу же брали курс на запад, как будто спешили сообщить кому-то о тех опустошениях, которые мы производили в их владениях. Я и сейчас увидел, как они взлетели над лесом и быстро скрылись вдаль.

Я внимательно наблюдал за окружающим. Рольф, который вчера нёс патрульную службу, доложил, что он обнаружил странные следы, глубоко отпечатавшиеся на земле. Они находились на самом краю хребта, как будто кто-то следил за нами сверху. Кроме того Рольф видел и другие

следы — следы лап, больших, как его рука. Может быть, он встретил следы местного хищника, который вполне мог бы охотиться на нас и представлять большую опасность.

И я пробирался по камням, стараясь не оставлять никаких следов и производить как можно меньше шума. Лёгкие наполнял свежий и чистый воздух. Я был уверен, что он приносит сюда запахи цветущих лугов и лесов.

Вскоре я с подобающими предосторожностями добрался до западной части хребта и взглянул вниз, туда, где между скал скрывалось нечто, оставшееся на нашей земле от Прежних. Деревья, которые были чуть выше меня, казались тем не менее очень старыми, с перекрученными стволами и сучьями. Они росли из трещин каменных плит, которыми была вымощена площадь.

Эти деревья стояли в полном цвету. Цветы большие, светло-розовые с кремовым оттенком, почти плоские. Кончик каждого лепестка оканчивался тёмно-розовой бахромой. Многие из них были сорваны ветром и устилали каменные плиты. И кроме лепестков на поверхности ничего не было — ни травы у стволов, ни мха на плитах. В центре площади был установлен какой-то символ — полумесяц, изготовленный из голубоватого камня, совершенно непохожего на серый камень, из которого были сделаны плиты. В каждом углу площади возвышались колонны высотой в человеческий рост. Вершины колонн венчали — кольцо, полукольцо, четверть кольца и чёрный диск, который резко отличался от остальных частей скульптуры, сделанных из сверкающего голубоватым светом камня.

Подобное многие из нас видели впервые, и поэтому мы много говорили о нём. Инна, которая тайно приходила туда со своим братом, уверяла, что это какая-то лунная магия, а изображения — это ничто иное, как луна в разных фазах. Она была очень возбуждена увиденным и несколько раз говорила, что очень хотела бы побывать там в полнолуние, чтобы проверить, действительно ли там концентрируются древние силы. В том, что она одна решится на такое предприятие, я сомневался. И я был уверен, что ни один мужчина не захочет помочь ей. Рука Гарна была тяжела, и наказание могло быть быстрым и жестоким, независимо от

того, кто нарушил приказ — простолюдин или родственник самого лорда.

Да, он приказал, чтобы ничья нога не появлялась в том месте. Часовые могли видеть загадочное место во время исполнения своих обязанностей, но спускаться туда не имели права. Это было весьма предусмотрительно и благоразумно.

Но благоразумие чуждо молодым. И меня тянуло вниз посмотреть, что это за металл, из которого сделаны изображения луны, почему на него не действуют ни время, ни вода, ни ветер. Ведь внизу не было заметно ничего угрожающего. Напротив, когда я стоял и смотрел как тихо падают лепестки цветов на каменные плиты, устилая их прекрасным ковром, на меня нисходил тихий покой. Я не могу сказать, почему у меня возникло такое ощущение, но оно появилось во мне. Но затем я заставил себя повернуться и идти дальше, выполняя свои обязанности. Мне казалось, что вслед за мной движутся и запах деревьев, и лёгкий шелест ветвей — как будто неизвестное провожает меня.

Я всегда был уверен, что не подвержен мечтаньям и влиянию волшебных снов. Подобные люди не могли ужиться в доме Гарна. Тех, кто был подвержен действию чувств, Гарн считал подозрительными. Но когда мы прошли через Ворота, меня обуревало страстное желание ехать по этой стране свободно, как Брат с Мечом, и встречаться лицом к лицу со всем, что здесь было доброго и злого. Я плохо спал, с трудом заставляя себя выполнять работу, и с нетерпением, которое тщательно скрывал, ждал своей очереди патрулирования.

Обход долины занимал весь день с раннего утра до позднего вечера. Поэтому я прибавил шаг, следуя по пути, который уже хорошо знал:

К югу хребет расширялся, было видно, как громоздятся вверх голые, лишённые растительности, серые угрюмые утёсы. Если пройти через эти дикие горы, то можно попасть в земли Тугнеса, но никто из нас не имел желания идти туда. К западу хребет примыкал к реке. На другом берегу реки начинался новый хребет, на этих прибрежных скалах должны были встречаться патрульные, один из которых обходил северную границу, а другой — южную.

Здесь мы должны были подойти к берегу, каждый со своей стороны, и обменяться приветствиями, прежде чем пуститься в обратный путь.

Сегодня моим напарником был Гевлин, а он всегда так точен, что я не испытывал желания опаздывать на встречу и заставлять его ждать, хотя в остальное время мы были добрыми товарищами и частенько охотились вместе.

Но Гевлин уже оказался на месте, видимо пришёл чуть раньше меня. Он сидел, прислонившись спиной к камню. Мы обменялись приветствиями. Я заметил, что ему повезло больше, чем мне, так как у его ног лежал какой-то зверёк, уже приготовленный для кухни. Я жестом поздравил его, но он, со своей обычной сдержанностью, не ответил мне. Затем он взвалил на плечи свою добычу и пустился в обратный путь. Я же устроился у камней, чтобы съесть свой обед и выпить тепловатой воды.

Вскоре я увидел стаю чёрных птиц, которые вывернули из-за утёса. Они летели так низко, что я смог хорошо рассмотреть их. Глаза у них были ярко-красными, а над сильными чёрными крыльями виднелось красное тело, что придавало им ещё более неприятный вид. Две птицы отделились от стаи и начали кружить прямо над моей головой, издавая хриплые звуки, которые сразу же нарушили мир, который царил в моей душе после посещения Лунного Святилища.

Одна из них бросилась на меня. Я успел защититься рукой, и когти её буквально вонзились в кожаный рукав камзола. Я выхватил меч и поднялся на ноги.

Птицы кружили вокруг меня с явным намерением напасть. Я ещё никогда не встречал такого поведения у птиц.

Глаза сверкали красным огнём, клювы издавали хриплые воинственные крики. Снова одна устремилась на меня. Я ударил, но она с лёгкостью увернулась. Другая уже готовилась к атаке. Впервые я обеспокоился. Моя защита долго не устоит, и у меня не будет возможности избежать их клювов и когтей, если они продолжают нападать. Если, конечно, я не найду укрытия. Я быстро осмотрелся вокруг в поисках какого-нибудь нависающего камня, куда я мог бы спрятаться.

И две крылатые фурии загнали-таки меня под камень.

Хотя стая уже давно улетела, эти, вероятно, решили довести своё дело до конца.

Нависший камень защищал мою голову и плечи, и им теперь, чтобы напасть, нужно было лететь низко, а я мог встретить любую такую атаку рассчитанным ударом стали. Итак, я ждал. Однако оказалось, что эти твари обладают разумом и не желают нападать на меня в ситуации, когда преимущество не у них. Вместо нападения они тоже стали выжидать.

Мой гнев рос. Эти две птицы осмелились напасть на человека, угрожать ему! Меня также беспокоило, что их непрекращающиеся крики могли привести сюда всю стаю. Если раньше мне казалось невероятным, что птицы могут напасть — и победить! — вооружённого человека, то теперь моё мнение изменилось. Это они вполне могут, если человек окажется на открытом пространстве, где у птиц будет свобода манёвра.

Я стал обдумывать свой следующий шаг. У меня за плечами висел арбалет, но его стрелы не годились для охоты на птиц, и я не был уверен, что смогу использовать его, как эффективное оружие. Но как же мне выбраться отсюда, если они, судя по всему, не собирались улетать. Должно быть, они решили стеречь меня здесь и дожидаться подкрепления.

Птицы кружили и кружили над моим убежищем, как вдруг они обе взмыли в небо и с каким-то жалобным криком, совсем непохожим на их боевые вопли, исчезли. Это произошло так внезапно, что я испугался, так как не понял, что же прогнало их отсюда.

Я долго ждал. Но птицы исчезли и не появлялись вновь. Несмотря на это, я всё ещё держал в руке меч, когда выбирался из убежища, так как был уверен, что они улетели не просто так, а их прогнало что-то, что может угрожать и мне.

И тут я увидел её.

Гatea, воспитанница Мудрой Женщины, стояла на камне так, чтобы я заметил её. Руки девушки были воздеты вверх, а пальцы двигались, сплетая сложный узор в воздухе. Я увидел, что губы её движутся, но слов не было слышно.

Я увидел её, а за ней...

Я выкрикнул предупреждение, а сам приготовил арбалет, чтобы помочь.

Но пальцы мои застыли на пусковом крючке, как будто я внезапно превратился в камень. Я увидел, как Гатей правой рукой указала на меня, и со страхом понял, что какое-то могущество, которого я не мог понять, и которым эта девушка владела так же, как я владею мечом, сделало меня её пленником.

И всё же... за ней... Её нужно предупредить!

Я крикнул, и, может быть, мой страх, смешанный с гневом, (ведь она же околдовала меня!) сделал так, что крик мой раздался по всему ущелью.

Из-за камня, на котором стояла Гатей, показалась мохнатая клыкастая морда огромной кошки. Зверь поднялся, широко расставив лапы по обеим сторонам ног девушки. Голова его поднялась, и жёлтые глаза взглянули прямо на меня. Он зарычал, и огромные кривые клыки верхней челюсти хищника ужаснули меня. Они были длинными, как кинжалы, но гораздо более страшными.

Гатей опустила голову и посмотрела на зверя. Я мог поклясться, что глаза её не двигались, двигалась только голова. Их глаза встретились и долго смотрели друг в друга. Затем зверь прыгнул на землю, обошёл камень и встал между мной и девушкой, не сводя с меня жёлтых глаз. Но страшные челюсти его были закрыты. Я не сомневался, что она как-то могла влиять на этого ужасного хищника, заставляя его подчиняться себе. Возможно, она так же смогла прогнать и птиц.

Рука её шевельнулась, и я стал свободен. Я был достаточно благодарен и опустил оружие, показав, что не собираюсь угрожать ей. Однако я не уходил отсюда, как будто эта странная встреча околдовала меня. Громадный кот был по звериному прекрасен. Я должен был признать это. Шерсть его лоснилась светло-серебряным цветом, и лишь на спине и боках виднелись пряди тёмного серебра. Я таких зверей ещё никогда не видел.

— Он... он ручной?.. — я нашёл такую форму вопроса, которая не была вопросом в прямом смысле. Этот зверь не путешествовал с ней при переселении, значит он принадлежит этой земле. Но как она могла так быстро найти его и подчинить своей воле?

— Нет, не ручной, — Гатея качнула головой. — Это означало бы, что воля его сломлена человеком. Так человек поступает с себе подобными. Животное знает, что я не причину ему вреда — оно знает, что я искатель. Возможно, много лет назад предки этого животного знали других искателей и были им друзьями. Эта страна очень богата... — и руки её сделали такой жест, как будто она видела нечто такое, о чём мечтала всю жизнь. Я увидел возбуждение в глазах девушки, а затем радость, дикую и свободную радость. — Если мы не будем грубо обращаться с этой землёй, то она многократно отблагодарит нас. Только... — и тут глаза её стали такими же дикими, как у зверя, — только люди не могут не прикладывать все силы, чтобы подчинить своей воле всё, буквально всё...

— Ты... а что ты сделала с птицами? — я не хотел спорить с ней. Я всё ещё был зол — немного потому, что она подчинила меня своей воле и не видела в этом вреда, а в основном потому, что она так просто прекратила нападение на меня и выручила из ситуации, из которой я не видел выхода.

— Я... нет. Это не предмет для разговора, Эльрон из дома Гарна. Живи со всеми живыми существами в мире и не старайся сделать их слугами и рабами.

— Птицы — плохие слуги! — возразил я.

— Для нас, конечно. Я думаю, что они слуги древних злых сил. Возможно, они оставлены для присмотра. В долине Тугнеса их тоже целая стая — хотя Забина хочет обнаружить, что они охраняют и куда они летают.

Меня поразило то, что я думал о том же самом, наблюдая за птицами. Неужели они обучены шпионить, доносить? Нужно ли предупредить об этом Гарна? Но я тут же представил его презрительную усмешку, когда я изложу ему всё это.

— Мудрая Женщина, — спросил я, — она поделится своими знаниями, если узнает всё?

— Если это послужит благу для всех, да, — кивнула Гатея. — Мы видели, как они наблюдают и улетают куда-то. Но напали они на человека первый раз. Ты чем-то разозлил их?

Я почувствовал раздражение от того, что она заподозрила меня в провокации.

— Я просто стоял здесь и смотрел, как они летят к западу. Они почти всё время сидят в лесу, смотрят за работой, а затем с криком улетают.

— Точно также они ведут себя и в долине Тутнеса. Может быть, теперь они решили испытать свои силы. Мы должны предупредить всех, чтобы остерегались. Ведь эти птицы могут заклевать до смерти овец, даже коров. Выклевать глаз у человека... Взгляни на свой рукав!

Гатяя показала на мой рукав, которым я защитился от первого нападения. Кожа была порвана и выхвачен здоровенный клочок.

Прежде чем я смог ответить, она спрыгнула с камня, на котором стояла. Зверь, который сонно моргал глазами, поднялся. Его голова оказалась на уровне её плеча. Девушка опустила руку на его шею и ладонь полностью скрылась в густой шерсти.

— Ты ходишь одна? Ведь здесь может повстречаться кое-что похуже, чем птицы... — я говорил и чувствовал, что мои слова не звучат твёрдо и решительно. В них слышится только робкое предостережение, которое она должна была встретить с той же презрительной улыбкой, с какой бы Гарн слушал мой рассказ о птицах.

— Я ищу то, что может помочь нам, — сказала она уклончиво. — Забина для этого использует видения. Но здесь есть много такого, с чем нужно работать осторожно, чтобы не разбудить тех, кого лучше оставить спящими. Эта страна во многих отношениях — ловушка для нас. Правда у нас не было выбора, когда мы шли сюда, и теперь мы находимся в положении человека, находящегося между двух враждебных армий.

Помимо воли она подавляла меня. Мы не помнили, что погнало нас через Ворота, (может, страх перед катастрофой, которая не оставила нам никакого выбора). И теперь, несмотря на заверения Братьев с Мечами, я поверил, что в этой стране много ловушек, враждебных мест, которые даже наши разведчики не смогли обнаружить.

Но мы уже здесь и пути назад не было. С чем предстоит нам встретиться лицом к лицу, с оружием в руках?

Она двинулась вперёд, а я, так как путь девушки совпадал с моим, поспешил за ней. Зверь шёл возле её ног,

мягко ступая огромными мягкими лапами. Он изредка останавливался и обнюхивал камни тут и там, хотя я не видел причин для такого интереса.

— А в вашей долине есть места Прежних?

Она подняла голову и отвернулась от меня, устремив взгляд вдаль. Ноздри её раздувались, как у гигантского кота, обнюхивающего камни.

— Нет. И это не наша долина, — резко ответила она. — Мы не принадлежим к клану лорда Тугнеса... и ни к какому другому, — тут она нахмурилась. — Нам было нужно идти с его людьми. А останемся ли мы там... — она пожала плечами, — это решится в будущем.

И затем она побежала вперёд, перепрыгивая через камни, пересекая открытые пространства с лёгкостью оленей, которые покинули долину, когда пришли мы. Перед ней нёсся огромный кот, легко перескакивая препятствия, которые ей приходилось обегать. Из любопытства я побежал за ними, но вскоре немного отстал, так как не мог угнаться.

Затем я понял, куда она направляется. Она бежала прямо к маленькой горной долине, где находилось Лунное Святилище. Помня приказ Гарна, я прибавил шаг. «Никто не должен входить туда», — говорил он. Мы не знали, что может произойти с тем, кто там будет долго находиться. Но остановить Гатею я не мог.

Я дважды позвал её. Но оба раза она и кот были как бы глухими: они не обернулись, не замедлили шаг. К тому времени, как я подбежал к краю долины, девушка уже стояла между двумя деревьями у площади. Руки её были прижаты к груди, глаза устремлены на каменные плиты, которыми была выложена площадь, как будто там она видела нечто удивительное, видимое лишь ей одной.

Позади неё стоял кот. На этот раз глаза его не были полузакрыты, а напротив, смотрели настороженно, бдительно.

Гатея сделала шаг вперёд.

— Нет! — крикнул я, стараясь перелезть через камни, спуститься и остановить её до того, как она ступит на плиты.

Я попытался перепрыгнуть преграду, но вдруг неловко опрокинулся на спину, выронив арбалет. Я беспомощно

размахивал в воздухе руками и ногами, как жук, лежащий на спине.

Наконец мне удалось встать на колени. Я протянул руку вперёд и почувствовал, что она упёрлась в твёрдую стену, как будто сделанную из камня. Да, здесь стояла стена, твёрдая и невидимая. Я ощупал её пальцами с обеих сторон, поднялся, вытянул руки вверх, но края не достал. Здесь находился барьер, непреодолимый для меня, но позволивший пройти Гатее.

Я взглянул вниз и увидел, что она уже стоит на краю площади. На колонне справа от неё находился тёмный диск, а на левой колонне — ярко-голубой. Я видел, как губы девушки беззвучно шевелились.

Она медленно опустилась на колени, уронила руки и склонила вперёд голову, как будто возносила молитву какому-то божеству. Лепестки цветов всё ещё плавали в воздухе, и несколько штук их опустились на её голову.

Руки Гатее шевельнулись, она аккуратно подобрала несколько упавших лепестков и сложила их в ладонь правой руки. Вскоре её голова поднялась, и я смог увидеть лицо девушки. Глаза её были закрыты, как будто она слушала кого-то, стараясь запомнить, чтобы передать другому.

Она снова поклонилась, прижимая к груди горсть лепестков, а затем поднялась и повернулась с видом человека, выполнившего свою задачу, и тут барьер, преграждавший мне путь, исчез.

Я протянул руки вперёд, но ни на что не натолкнулся. Но всё же я не прыгнул вниз, как намеревался. Это было бы святотатством. Я замотал головой, стараясь освободиться от наваждения. Но я знал, что это было не наваждение, это была настоящая реальность. Я не мог заставить себя войти в Лунное Святилище, хотя там не было никаких признаков зла. Просто я понимал, что оно не для таких, как я. Войдя туда, я мог бы разрушить то прекрасное и драгоценное, что было выше моего понимания.

Затем я пошёл к Гатее, чтобы присоединиться к ней, и только спустя некоторое время понял, что она идёт на юг. Очевидно, она больше не желала идти со мной. Кот шёл рядом с ней всё время, пока я стоял и смотрел ей вслед, не зная, что делать, или что сказать.

А затем серебристое тело мелькнуло в воздухе в грациозном прыжке. Кот оставил её, направившись на юго-запад. Наверное, он пошёл дальше один, отыскивая свой собственный путь в горах. Я стоял и смотрел, как Гатя уверенно идёт вперёд, и она ни разу не оглянулась и не сказала ни слова прощания.

Когда я наконец понял, что она возвращается к своей хозяйке, я пошёл по своему пути.

Что из того, что я увидел, я мог рассказать Гарну? Я ещё никогда ничего не скрывал от него. Но теперь я знал, что события, которым я оказался свидетелем, — не только не моё дело, но и самого Гарна. Ведь он может даже приказать разрушить Лунное Святилище, да, эта мысль мелькнула у меня в мозгу. Я хорошо знал, что он просто не признаёт элементы неизвестного, которые нельзя понятно объяснить, и он будет разгневан, если узнает, что Гатя обнаружила здесь нечто, что не укладывается в рамки его отношения к действительности. И я тоже обнаружил. Эта невидимая прочная стена была, конечно, не сном.

Птицы — да, о них я должен рассказать. Ведь Гатя предупредила, что они могут напасть и на наших овец. Так что нам следует подготовиться к такому повороту событий.

И, спускаясь в долину, я составил своё сообщение Гарну. В то же время я очень хотел узнать, кому же молилась Гатя в Лунном Святилище, и что ещё можно найти в этой стране — доброго, или злого — если получить свободу и изучать её.

Глава четвёртая

Оказавшись первым, кто испытал враждебность чёрных птиц, я вовсе не стал последним. Когда мы углубились в лес и начали рубить огромные деревья, необходимые для постройки большого замка, который должен был послужить нам убежищем в первую зиму здесь, вокруг нашего поселения собралось огромное количество этих птиц. И однажды дети, которые пасли овец, вдруг стали кричать и размахивать палками. Выяснилось, что птицы набросились на новорожденных ягнят, на которых мы возлагали большие надежды, ведь это был первый приплод в новой стране.

Гарну пришлось выделить для охраны стада охотников с луками, отрывая их от работы. Но птицы оказались дьявольски хитры и ловки, они ускользали от стрел самых метких стрелков. Недовольство и раздражение Гарна и людей против птиц всё росло — ведь они стали постоянной угрозой для нас.

И в один прекрасный день мы вдруг поняли, почему птицы стали проявлять такую бешеную агрессивность. Гигантское дерево рухнуло под нашими топорами, подмяв собой густой кустарник, и открылось, что в нашей долине Лунное Святилище не единственное, оставшееся от Прежних.

Снова перед нами стояли колонны, возникшие перед нашими взорами после того, как густой кустарник был придавлен деревом. Здесь их было семь. Высотой в человеческий рост, они стояли так близко друг к другу, что между соседними едва могла пройти человеческая рука.

Эти колонны были сделаны из грязно-жёлтого камня, совсем непохожего на камень горных хребтов, служащих границами нашей территории. Поверхность колонн была гладкой, хотя они долго подвергались воздействию погоды и растений. Они казались сделанными из замёрзшей жидкой грязи. В каждую из колонн была врезана пластинка, и на каждой из пластинок вырезан символ, причём ни один из символов не повторялся дважды.

И как только лучи солнца упали на эти колонны, поднялся дикий крик птиц. Они начали бешено кружиться в воздухе, и их полёт был столь угрожающим, что Гарн отдал приказ отойти назад, оставив упавшее дерево лежать там, куда оно упало.

К счастью, как мы решили, птицы недолго предавались гневу. Они собрались в стаю и улетели на запад, не обращая ни малейшего внимания на нас. И больше они не вернулись. После трёх дней свободы от этих надоедливых и крикливых созданий Гарн приказал вывезти дерево. Ему не нужно было предупреждать нас о том, что нельзя приближаться к этим колоннам, и о том, чтобы мы не углублялись в лес в этом направлении: нам и самим не хотелось больше приближаться к этим колоннам.

Тяжёлая работа по вспашке первых полей была завершена, первые зёрна легли в землю. И все мы очень

волновались, пока не показались всходы. Мы не были уверены, что наши зёрна приживутся в чужой почве. И теперь только стихийные бедствия, которые хорошо известны тем, кто выращивает хлеб, могли помешать нам собрать первый урожай, пусть даже небольшой.

Несколько женщин под руководством Фастафеи — старой няньки Инны, а теперь домоправительницы Гарна, — собирали дикie плоды. Здесь попадались вишни, а также какие-то ароматные травы. Хотя звёзды над головой теперь горели совершенно иные, земля во многом была подобной той, откуда мы пришли.

Стены замка уже поднялись, конечно, не из камня — камень был нам пока не по силам, — а из брёвен. Мы строили одно большое здание, разделённое перегородками на отдельные секции для каждой семьи. Широкий центральный зал предназначался для еды. Так было во всех кланах. В концах длинного здания были сооружены большие очаги. Ещё один мы установили в центре. Этот очаг был построен по указаниям самого Стига, большого мастера по таким делам. Он сам отбирал камни из реки для него. Когда же над зданием возвели крышу, мы устроили небольшой праздник по случаю окончания строительства первого нашего дома здесь. Младшего сына Стига выбрали для того, чтобы он влез на крышу и закрепил под коньком травы, собранные женщинами.

Для наших небольших стад мы соорудили небольшие загоны, хотя ещё не знали, насколько суровы зимы в этой земле. И после того, как строительство было закончено, те из нас, кто мог охотиться, ежедневно ходили на охоту, чтобы запастись и засушить мяса на зиму. Рыбы в нашей реке оказалось очень много, и за сравнительно короткий срок мы засолили несколько бочек.

Это было время постоянной работы, и мы не видели никого из других кланов. Я ждал возвращения Братьев. Но никто не прибывал к нам. Ни Братья, ни люди из клана Тугнеса, которым для этого нужно было бы пересечь горный хребет. Каждый раз, когда выпадала моя очередь патрулировать в горах, — Гарн всё ещё заставлял нас делать это, — я останавливался у Лунного Святилища, пытаясь обнаружить свидетельства того, что Гатейя побывала здесь.

Весеннее цветение давно закончилось, и деревья на

площади покрылись большими листьями странной формы. Они были более тёмные, чем обычные листья, и какие-то пушистые, а в солнечном свете они вдруг становились голубоватыми, как символы, оставленные давно исчезнувшими строителями.

Дважды я встретил там Инну, которая как будто что-то искала там. Каждый раз она делала вид, что удивлена моим появлением. В первую же нашу встречу она потребовала, чтобы я не сообщал об её походах сюда. Это было против законов, но я подчинился её желанию, и не потому, что она была дочерью Гарна, а потому, что мы были с ней ближайшими родственниками.

И всё же тайна её посещений Святилища беспокоила меня. Ведь она вовсе не была девушкой авантюристического склада. Напротив, она росла скромной девушкой и находила удовольствие в типично женских занятиях. Она была очень искусна в шитье и почти также хорошо, как Фастафея, занималась заготовками и управлением хозяйством.

Я знал, что Гарн обещал её руку второму сыну лорда Фаркона. Великолепная партия — она сразу вводила Гарна в круг сильных мира сего. Правда, время свадьбы ещё не пришло. Мы, родственники лордов, не свободны в выборе невест и женихов. Все наши свадьбы должны учитывать интересы Дома, а не свои личные.

Крестьяне в этом смысле были свободнее, но и они иногда страдали, если тот или иной лорд считали, что какая-либо свадьба должна стать выгодной для его Дома.

Мы не говорили об этом, но я был уверен, что красивое лицо Инны, её спокойный уравновешенный характер привлекут к ней хорошего парня, который станет ей верным мужем. Я видел сына Фаркона — высокий юноша, достаточно привлекательный, в котором соединились и достоинства его отца и привлекательность матери — комбинация, не часто встречающаяся среди нашего народа, и я верил, что она будет счастлива с мужем.

Почему же теперь она нарушила все обычаи и тайно ходила в святилище? Она не сказала мне, хотя я спрашивал её об этом. Единственное, что она говорила, — это то, что ей нужно, и затем начинала плакать, так что я прекращал

расспросы. Но я предупреждал об опасности и пытался взять с неё обещание, что она не придёт больше сюда.

Каждый раз она давала это обещание и клялась так искренне, что я не мог не поверить ей. Но затем я снова находил её на самом краю площади, как будто она стояла у двери в комнату, куда она должна войти, но у неё не хватало мужества сделать последний шаг.

Во второй раз я объявил, что больше не верю в её обещания, и что я теперь должен предупредить Фастафею, чтобы её держали в долине и не позволяли передвигаться без сопровождения кого-нибудь из женщин. И тогда она заплакала, медленно и безутешно, как будто у неё отобрали что-то ценное, чего заменить невозможно. И она повиновалась мне, но с таким несчастным видом, что я почувствовал себя жестоким лордом, хотя всё, что я делал, служило её же защите.

Вскоре после того, как мы закончили своё жилище, в воздухе почувствовалось дыхание зимы. Мы поспешили убрать хлеб и заготовить сено. Наши семена дали хороший урожай. Стик ходил очень довольный и непрестанно повторял, что урожай гораздо лучше, чем он надеялся. Он уже начал строить планы засева новых полей на будущий год.

Гевлин из своей охотничьей экспедиции на западные окраины наших владений принёс третье свидетельство того, что на нашей земле когда-то жили люди. Он шёл вдоль реки, зажатой скалистыми берегами, и вышел в широкую долину. Там росли деревья, на которых созревало множество фруктов. И по тому порядку, в каком стояли деревья, можно было с уверенностью сказать, что когда-то здесь был посажен культурный сад.

Мы выехали собирать урожай: Фастафея с женщинами, Эверад, я и трое наших воинов. Инна отказалась поехать с нами, сказав, что плохо чувствует себя. Фастафея оставила её в постели.

Мы ехали два дня, так как путь по скалистому берегу был весьма нелёгким. Весной, во время паводка, проход будет закрыт полностью, подумал я, увидев следы высокой воды на скалах.

Сразу же по прибытию мы принялись за работу. Пока все наполняли корзины, Эверад и я сделали короткие

вылазки, чтобы хорошенько изучить эту новую долину. И мы оба пришли к выводу, что преимуществ для постоянного проживания здесь гораздо больше, и нам следует попытаться уговорить Гарна переселиться сюда.

Кроме фруктового сада в новой долине не оказалось следов присутствия Прежних, и это тоже обнадеживало. К тому же здесь не летали зловещие птицы-шпионы. К утру третьего дня мы были готовы пуститься в обратный путь. Все везли тяжело нагруженные корзины, и только два воина ехали свободными от груза, держа мечи и арбалеты наготове. Как бы ни красива и открыта была эта земля, мы все постоянно чувствовали внутреннее беспокойство, как будто мы жили на границе враждебного государства. Я всё время думал, откуда такое ощущение. Ведь если не считать птиц — а они давно улетели и не возвращались — мы не встретили в новых землях ничего угрожающего. И всё же мы все время держались настороже, как будто ждали нападения.

И в конце концов то, чего мы так долго ждали, случилось. Мы уже приближались к дому, когда навстречу нам выехал Гевлин в полном боевом снаряжении. При виде его мы поскакали вперёд, а наши женщины сгрудились позади и среди них наступила тишина, хотя раньше там постоянно слышался смех и шутки.

Гевлин опустил поводья и быстро пробежал по нам глазами, как бы отыскивая кого-то.

— Леди Инна, — остановился он перед Эверадом, — она не с вами?

— Нет... но она же болела... — проговорил он... — Фастафея! — Эверад повернулся к домоправительнице, которая вышла вперёд, глаза её расширились, лицо стало бледным, несмотря на загар.

— Миледи... что ты сказал про неё? — она стояла рядом с Эверадом, свирепо глядя на Гевлина. — Она же оставалась здесь. Я дала ей сонного настоя. И Трудас сидела рядом. Что вы сделали с ней?

— Она исчезла. Она сказала служанке, что ей стало лучше, попросила провизии в дорогу и объявила, что они вдвоём отправятся догонять вас. Когда девушка вернулась в комнату, госпожи уже не было!

И в этот момент я осознал свою собственную вину. Я

догадывался, куда скрылась Инна. Но если она исчезла сразу после того, как мы ушли, значит её нет уже ночь и день. Мне оставалось только рассказать, что я знаю, и принять наказание.

Когда я увидел Гарна, то понял, что моя жизнь — в его руках, но это было ничто по сравнению с тем, что ждало Инну, если она попалась в лапы коту, с которым ходила в горах Гатея. Ведь моя кузина не могла приручить его. И я откровенно рассказал всё, что знал о тайных походах Инны к Лунному Святилищу.

Я увидел, как поднялся кулак Гарна, закованный в боевую перчатку. И я не сопротивлялся удару, который обрушился на моё лицо и швырнул меня на пол. Во рту появился солёный вкус крови. Рука Гарна потянулась к мечу. Я лежал перед ним, не делая никаких попыток защищаться. Меч был уже на полпути из ножен. Это было его право — перерезать мне горло, если он того пожелает. Ведь я предал своего лорда, разрушил кровные узы — каждый понимал это. Верность господину — это первейший долг каждого. Нарушить её — значит остаться без клана и без родственников.

Но он отвернулся с таким видом, как будто я не стою того, чтобы меня убить. Он выкрикнул указания тем, кто был в доме, и все оставили меня. Ведь согласно обычаю я уже не существовал. Я с трудом поднялся. В голове шумело от удара. Но никакой удар не мог поразить меня больше, чем предательство своего лорда. Теперь для меня здесь нет жизни, никто не захочет иметь дело со мной.

Когда я поднялся на ноги, то увидел, что все они идут ко склону, который ведёт в Лунное Святилище. Однако я почему-то был уверен, что они не найдут там Инну. И хотя я был клятвопреступником и теперь мёртв для клана, для меня всё же кое-что оставалось.

Ничто не могло вернуть меня к жизни в глазах Гарна и клана. Но я остался жив, правда благодаря тому, что Гарн счёл меня недостойным смерти от его руки. Нет, я не мог повернуть время и сделать то, что должен был сделать раньше, но может быть, мне удастся чем-нибудь помочь Инне.

Хотя я рассказал всё о тайных посещениях Святилища Инной, я ничего не говорил о Гатее. Если бы мне сейчас

удалось добраться до Мудрой Женщины и Гатеи (а я был уверен, что они знают о Святылище больше, чем любой из нас), то возможно, мне удалось бы найти следы кузины.

Без имени, без рода, я не имел права ни на что, даже на свой меч. Гарн не отобрал у меня оружие, и я решил оставить его себе. Возможно, он поможет мне — не искупить вину, а просто помочь Инне.

И я повернулся спиной к людям, направлявшимся в Лунное Святылище вслед за Гарном, и пошёл на юг, рассчитывая на следующий день войти в долину Тутнеса и найти Мудрую Женщину. Шлем с эмблемой Дома я оставил валяться там, куда он откатился после удара, а с ним вместе и мой арбалет. С непокрытой головой и пчстыми руками, спотыкаясь, так как голова моя гудела, а в глазах двоилось, я пошёл вниз по реке.

Ночь я провёл на берегу моря. Солёной водой я обмыл лицо, и его стало жечь, как огнём. Один глаз распух и голова болела так, что в ней не осталось ничего, кроме одной мысли: «Я должен найти Мудрую Женщину или Гатею, только они могут знать, какая сила обитает в Лунном Святылище».

За мной может начаться охота, если Гарн не найдёт следов дочери. Я был уверен, что так оно и будет, — какие следы могут остаться на голых камнях? И тогда Гарн захочет мстить, гнев воспламенит его. И любой из клана, кто притащит меня, заслужит его благоволение. Если я хочу остаться живым, чтобы попытаться помочь Инне, я должен быть очень осторожным. Голова моя отчаянно кружилась, мысли не задерживались в ней, и я лежал на песке без сознания, пока волны, омывавшие лицо, не привели меня в чувство.

День и ночь я с трудом шагал вперёд. Временами мне казалось, что я слышу крики позади. Однажды я даже обернулся, ожидая увидеть занесённый над головой меч, но это оказались всего лишь крики морских птиц.

В конце концов я добрёл до места, где повозки Тутнеса свернули с дороги. Здесь я прислонился к камню и постарался всё обдумать. Прийти в долину открыто, значило поставить точку. Раз Тутнес не был другом Гарну, вернее потому, что он не был другом Гарну, он не упустит удовольствия схватить меня. Ведь так приятно будет рас-

сказывать, что один из рода Гарна предал своего лорда, и ещё более приятно будет передать этого преступника в тот клан, чьё имя он носит.

Поэтому я должен использовать всю хитрость, что ещё осталась в моей голове, и всё своё искусство, чтобы ускользнуть от людей Тугнеса и отыскать убежище Мудрой Женщины. Я даже не был уверен, поможет ли она мне. Всё, что я знал, — это то, что такие, как она, не придерживаются старых обычаев, их не связывают узы родства, и она может проявить жалость ко мне и показать путь, на котором я смогу служить леди из Дома Гарна.

Я не помню, как проник в долину. Какие-то инстинкты, которые оказались сильнее, чем сознание, помогли мне. Я старался держаться подальше от полей, от домов. Часть дня я пролежал среди камней почти без сознания, когда мне показалось, что одна из чёрных птиц села мне на лицо и клюнула. Боль пронизала меня с головы до ног. Но может, мне это только показалось. Стояла уже глухая ночь, когда я очнулся. Меня мучила жажда, кожа была такой горячей, как будто я был завёрнут в горящие угли.

Я подполз к краю горного хребта. Спуск был очень крут. Единственная мысль поддерживала меня, что где-то здесь Гатейя нашла путь, по которому могу спуститься и я. Спуститься и найти жилище Мудрой Женщины. Я был уверен, что они живут вдали от места, где поселились люди Тугнеса.

Прошло время, в течение которого я вставал и падал бессчётное количество раз, и наконец, я сделал последний рывок, после которого скатился вниз с такой силой, что из меня вышибло дыхание, и сознание погрузилось в темноту, которая была не сном, а чем-то гораздо более глубоким и менее лёгким для тела и разума.

И в конце концов те, кого я искал, сами нашли меня. Я с трудом очнулся и увидел над собой брусья, перевитые лозой, увешанные сухими травами, и всё это напоминало осенний сад, готовящийся к зиме.

Моя голова всё ещё болела, но тот огонь, что сжигал тело, прошёл. Но я был так утомлён, что руки едва повиновались мне. Слабость не позволила даже страху проникнуть в моё сознание. Я попробовал повернуть голову. Боль была жуткой, но теперь я мог увидеть кое-что

одним глазом. Я понял, что лежу на постели у стены. В комнате не было ничего, кроме стульев и очага, где горел небольшой огонь. Очаг был сложен из камней и обмазан глиной. Из камней же были сложены полки, на которых топорщились пучки высушенных трав, стояли глиняные и деревянные сосуды.

Воздух был полон запахов. Одни были приятными, другие, напротив, отвратительными. На огне стоял котёл, в котором что-то булькало и распространяло запах, от которого я остро ощутил пустоту в своём желудке.

За пределами поля видения послышался шорох и я, преодолевая боль, постарался повернуть голову ещё немного, и в полутьме комнаты я увидел Мудрую Женщину.

Она долго смотрела на меня и затем подошла. Рука её коснулась моего лба, где теперь сосредотачивалась вся боль. Я дёрнулся, хотя и пытался скрыть, какие муки причиняет мне любое прикосновение.

— Лихорадка прошла, — голос её звучал тихо, но хрипло и сурово. — Это хорошо. Теперь ... — она подошла к огню, налила из котла в грубую глиняную чашку чёрной жидкости, добавила туда воды и подсыпала несколько щепоток сухих трав из сосудов и коробочек.

Во время нашего совместного путешествия она одевалась, как одеваются все наши женщины. Теперь на ней была какая-то накидка, едва доходившая до колен, а из под неё выглядывали брюки и такие же сапоги, какие были одеты на мне.

Она подошла ко мне, положила руку под голову и приподняла меня с такой лёгкостью, какой я не ожидал от женщины. Затем поднесла горячий напиток к моим губам.

— Пей! — приказала она, и я повиновался, как ребёнок повинуется главе дома.

Напиток был горячий и горький. Такого бы я по собственной воле не выпил. Но всё же я проглотил его, стараясь не показывать отвращения. Я был уверен, что это какое-то лекарство. Когда я допил всё, и она хотела отойти, я попытался взять её за рукав, задержать и рассказать всю правду о себе. Я знал, что должен сказать её сейчас, когда мой разум прояснился. А если я промолчу, то совершу второе своё предательство.

— Я лишён рода... — мой голос удивил меня. Слова,

которые с лёгкостью формировались в мозгу, язык производил с трудом, как будто он и мои губы распухли и потяжелели.

Она опустила меня на постель, затем освободила рукав от моих пальцев.

— Ты болен, — заявила она, как будто этот факт освобождал её от греха, как бы ни был он чёрен. — Тебе нужно отдохнуть.

Когда же я попытался заговорить вновь, объяснить ей всё, она положила пальцы мне на губы, и я опять содрогнулся от боли. Затем женщина поднялась и перестала обращать на меня внимание. Она ходила взад-вперёд по комнате, переставляя ящики, сосуды, наводя порядок, понятный ей одной.

Наверное, её напиток оказал на меня усыпляющее действие, так как вскоре глаза мои стали закрываться. И вот я уже провалился в освежающий сон без сновидений.

Когда я проснулся во второй раз, то увидел у очага Гатею. Там всё ещё кипел котёл, и она помешивала в нём длинной ложкой, что позволяло ей держаться подальше. А это было необходимо, так как горячая жидкость временами выплёскивалась из котла, и пламя вспышками вырывалось из очага. Должно быть, я издал какой-то звук, потому что она тотчас же оставила ложку и подошла с чашкой ко мне.

На этот раз я поднялся на локоть без её помощи и обнаружил, что она предлагает мне чашу с чистой водой. Я жадно выпил прохладную жидкость, и мне показалось, что я не пил ничего более вкусного в жизни. Затем я попытался разъяснить Гатее то, что не захотела понять её хозяйка.

— Они лишили меня Рода... — я смотрел ей прямо в глаза. Мне было стыдно, но я должен был сказать это. — Лорд Тугнес с большим удовольствием отошлёт меня обратно к Гарну. Он может наказать Мудрую Женщину, если она не сообщит ему о моём появлении...

Девушка нахмурилась и оборвала меня.

— Забина не имеет отношения к лорду Тугнесу. Ей нет дела до того, что он хочет или не хочет. Ты болен, ты нуждаешься в её помощи. Это её ремесло и никто не посмеет вмешиваться в её дела!

Я чувствовал, что она всё ещё не понимает меня. В нашем народе тот, кто изгнан из рода, проклят навеки, и каждый, кто даст ему убежище, рискует вызвать на себя большие неприятности. Следовательно, ни один мужчина, ни одна женщина не могут заговорить со мной. Я был живым мертвецом, и кто захочет общаться с человеком без рода, без имени?

— Это из-за леди Инны... — я внезапно вспомнил, что привело меня сюда. — Она ходила в твоё Лунное Святилище. Я несколько раз встречал её там и не сообщил об этом лорду Гарну. Теперь она исчезла, возможно пострадала от злых заклинаний этой страны.

— Мы знаем... — кивнула она.

— Вы знаете? — я с трудом сел, хотя голова моя была так тяжела, как будто на неё было надето сразу два металлических шлема. — Ты видела её? — может Инна встретила Гатею, и та предоставила ей помощь и убежище... Хотя зачем ей делать это?

— Ты говорил об этом в бреду, — так она уничтожила мою слабую надежду. — И сам лорд Гарн приезжал сюда. Они быстро уехали на запад, так как здесь никто ничего не знал о ней.

— Запад... — повторил я. В эту незнакомую землю, которой даже Братя с Мечами советовали остерегаться. Что могло завлечь туда Инну?

— Может, её туда позвали... — преположила Гатея, как будто прочла мои мысли. — Она пришла в Лунное Святилище в полнолуние и не имела защитного экрана.

— Позвали... кто и куда? — спросил я.

— Возможно, ты не имеешь права знать это. Забина решит. А сейчас... — она достала с полки кусок свежеспечённого хлеба и чашку мягкой массы из фруктов, — а сейчас ешь и набирайся сил. Возможно тебя... ждёт дорога.

Оставив пищу в моих дрожащих руках, она вышла из хижины, и мне стало некого спрашивать, кроме самого себя. А у меня ответов не было.

Глава пятая

Я боролся со слабостью, страстно желая поскорее восстановить силы, чтобы уйти отсюда. Я знал, что независимо от того, Мудрая она женщина или нет, Забина

рискует навлечь на себя большие неприятности, укрывая меня. Лорд Тутнес, я был уверен в этом, не станет считаться с обычаями, если ему будет выгодно нарушить их. Правда всё, что я знал о нём, вытекало из слухов, но в каждом слухе есть доля истины.

Моя голова всё ещё тупо болела, но я уже мог видеть глазом, который раньше закрывала опухоль, и осторожно ощупывая пальцами голову, я обнаружил, что она вся туго стянута бинтами. Я даже смог, несмотря на приступы головокружения, надеть штаны, сапоги и влезть в рубашку, которая выстиранной лежала поверх остальной моей одежды, когда вернулась Мудрая Женщина.

Нахмурившись, она быстро подошла ко мне.

— Что ты хочешь сделать?

Я натягивал через голову рубашку, морщась от боли даже при таких лёгких прикосновениях к голове.

— Леди, — я не рискнул поклониться, но вложил в обращение всю почтительность, на какую был способен, — я должен покинуть твой дом как можно быстрее. Я изгнан из клана... — я не смог дальше продолжать, так как она резким жестом остановила меня и сама спросила:

— Ты знаешь, какие плохие отношения у Гарна и Тутнеса?

— Не между ними. Между Домами. Это старая вражда, — услышав мой ответ, она весьма удивилась.

— Да. Очень старая. Почему у глупых людей такая долгая память? — тон её выражал нетерпение. Она сделала резкий жест рукой, как бы отменяя то, что считала людской глупостью. — Это началось задолго до того, как отец Гарна вышел из чрева матери. Произошло похищение невесты.

Я сидел неподвижно, даже не пытаясь сунуть рубашку за пояс штанов. Хотя голова у меня и кружилась, я был не так глуп, чтобы не понять, на что она намекает.

— Сын Тутнеса?

То, что исчезновение Инны объяснилось самой простой человеческой причиной, мне не могло прийти в голову. И теперь мне стало ясно, что Инессу похитили не какие-то злые силы Лунного Святилища, а наши старые враги. Но если так, то насколько большая вина ложится на меня! Допустить такое! Торг, наверное, долго шпионил за нами, следил за всеми передвижениями Инны, изучал её мар-

шруты. А я, кому было поручено патрулирование, даже не заподозрил, что мы находимся под наблюдением. Я был по-дурацки захвачен странностями этой страны и совсем забыл про наши старые обычные неприятности.

Мысль, которую Забина посеяла в моём разуме, взошла быстро. Она же возродила мои силы, и я быстро встал на ноги. Я не мог надеяться победить в битве с неизвестным, хотя ничто не могло отвратить меня от такой попытки, но победить Торга я мог. Для этого нужен только меч в руках!

И теперь я заговорил с уверенностью, какой у меня не было совсем недавно.

— Твоя воспитанница говорила о силах Лунного Святилища, теперь ты натолкнула меня на мысль о Торге и старой вражде. Где правда?

Она нахмурилась ещё сильнее, и я заметил, что женщина прикусила губу, как бы стараясь сдержать нетерпеливые или предательские слова. Затем она сказала:

— Торг много раз за эти дни добровольно ходил на охоту. Он ездил в горы, но несколько дней подряд возвращался без добычи. А кроме того, он ещё ни с кем не обручён. Я предупредила его, когда обнаружила, что он стал слишком заглядываться на Гатею. Сейчас женщины чрезвычайно воспламеняют его. Это очень буйная семейка, и немногие могут сказать об этом Доме что-нибудь хорошее в течение трёх поколений и даже больше. А кроме того, ещё и Кампур...

— Кампур? — я мог принять всё, что она сказала, за исключением последнего, что для меня не имело никакого смысла. Она пожала плечами: «Теперь дело не в этом, ведь всё в прошлом. Однако это внушает людям сомнение в том, действительно ли лорд Тутнес думает о важных проблемах сегодняшнего дня».

Глаза её встретились с моими и буквально впились в них, как будто она старалась воздействовать на меня, чтобы я забыл всё сказанное ею, что она сожалеет о сказанном — но так ли это? Я был уверен, что Забина не делает промахов, вероятно, она специально произнесла это имя, чтобы проверить меня — но я не мог понять, с какой целью.

— А Торг? — я старался понять все её мотивы. Гораздо

более важно думать о настоящем, чем погружаться в прошлое. — Он сейчас укрывается здесь?

Она покачала головой: «Он уехал вчера утром и до сих пор не возвращался. Перед этим он тоже пропадал целый день».

Значит, у него имелась возможность сделать то, что предполагала Забина: встретиться с Инной и завоевать её расположение, или, что более вероятно, подстеречь её, схватить и спрятать в укромном месте, которых так много в этой неизученной стране. Да, такое более просто предположить, чем объяснять похищение неведомыми силами. Торг был человеком, и пусть он искушён в военном искусстве, я был уверен, что могу сравниться с ним в этом. Хотя я мало знал о нём, да и видел всего лишь несколько раз во время путешествия, он был всего лишь человеком, и человеческий же разум мог победить его.

То, что он совершил, было когда-то принято у нашего народа, и послужило причиной вражды между многими кланами. В далёком прошлом юноши и девушки обручались при рождении, и затем тот, кто похищением разрушал намеченные связи между родами, подвергался гонению и наказанию.

Может, Торг решил, что раз мы в новой земле, то он может совершить это злодеяние и ускользнуть от наказания? Тем более, что сын Фаркона теперь далеко. Я плохо знал Торга, но такое объяснение вполне могло оказаться справедливым. Чтобы добраться до лорда Фаркона, требовалось затратить много времени, а самому Гарну подчинялась всего лишь горстка людей, плохо знавших страну. Лорд Тугнес мог притворно присоединиться к экспедиции Гарна и чинить всякие искусственные препятствия, чтобы задержать её и дать возможность сыну добиться цели. Ведь как только Торг ляжет с ней в постель, она станет считаться его невестой по праву, хотя она и была обещана Фаркону, и Торг сможет откупиться от сына Фаркона.

Я уже видел, что стал причиной кровавой вражды между двумя, а может, и тремя кланами. Разве не я позволил Инне тайно посещать Лунное Святилище? Разве не я проворонил шпионящего за нами врага? Да, суд Гарна надо мной был полностью справедлив.

Теперь мне ничего не оставалось делать, как выследить

Торга. Он, скорее всего, ещё не знает, что я изгнан из клана. И если я его вызову на поединок, он должен принять вызов. Я могу... нет, должен... убить, смыть его кровью оскорбление нашего... нет Дома Гарна.

— Лорд Тугнес знает? — я положил рубашку на место. Теперь я взял фуфайку с утолщёнными плечами, чтобы они смягчали давление кольчуги.

Она пожала плечами: «Ты же изгнан из рода».

— Торг этого не знает, — ответил я. — Если я смогу добраться до него раньше...

Мудрая Женщина улыбнулась, но ничего приятного не было в движении её губ.

Я оказался перед ней в большом долгу — она залечила мои раны, вернула меня к жизни, хотя я всё ещё чувствовал слабость. Но я не думал, что она сделала это из-за большой любви ко мне. Нет, это было её ремесло. И чем скорее я уйду из её дома, тем это будет приятнее ей.

— Тебе нужно перевязать голову, — она повернулась к полкам и стала копаться там, отыскивая снадобья. Затем она смешала что-то в ступке и намазала смесью тряпку.

— Тебе повезло, — сказала она, подходя ко мне и накладывая на голову тряпку, от которой пахло травами. — У тебя был расколот череп — рука Гарна действительно тяжела. Но внутренних повреждений не оказалось, иначе ты не сидел бы здесь.

— Это сделал не кулак лорда — я разбил голову при падении. Вот его рука, — и я притронулся пальцами к распухшей щеке. Я вспомнил, что оставил свой шлем у Гарна. Хорошо, что он не содрал с меня меч, ведь он имел на это полное право. Может, гнев ослепил его и он забыл об этом.

Она ничего не сказала, только сняла старый бинт с головы и намотала новый. Затем она неожиданно схватила меня за подбородок, подняла голову и уставилась в мои глаза.

— У тебя двоится в глазах? — спросила женщина.

— Сейчас нет.

— Тогда хорошо. Но я предупреждаю, если ты пойдёшь по следу до того, как выздоровеешь, ты погибнешь и не сделаешь ничего.

— Леди, я здесь именно потому, что не сделал того, что

должен был сделать. Если я выслежу Торга, то я искуплю перед Гарном хоть небольшую часть своей вины.

— Вины! — презрительно проговорила она. — Неси, если тебе так хочется, никому не нужную ношу своей вины. Каждый человек идёт по той дороге, которая предназначена ему. По дороге, имеющей много поворотов и изгибов. Он думает, что сам управляет своей жизнью, он не знает, что нити сплелись в ткань ещё до того, как он вышел на дорогу своей жизни.

Я поднялся: «Леди, прими мою благодарность за всё, что ты сделала для меня. Теперь я перед тобой в большом долгу — если, конечно, лишённый рода может сказать так. Но у меня есть ещё более старый долг. Перед Гарном. Я больше не принадлежу его Дому, но я должен уплатить этот долг».

— Иди своим путём, как идут все люди. Я предупреждаю тебя — будь осторожен, иди только туда, куда тебя влекут твои желания, — она отвернулась, а я взял свою кольчугу.

С трудом натягивая железную рубаху, не желая просить помощи у Забины, я увидел, что она взяла с нижней полки сосуд — не деревянный, и не глиняный — а серебряный, сверкающий полированной поверхностью.

Она взяла его обеими руками и долго смотрела в него, а затем подняла голову и взглянула на меня. Всё это было сделано так, как будто она пришла к какому-то чрезвычайно важному решению. Потом она быстро поставила сосуд обратно на полку.

Взяв сумку, похожую на те, что носят за спиной путешественники, она начала складывать в неё вещи: сначала положила остатки лекарства, которым лечила мою голову, затем начала быстро перебирать сосуды и ящички. А я в это время затянул пояс с мечом и проверил, хорошо ли меч движется в ножнах.

Она положила в сумку хлеб, но не достала ни кусочка сушёного мяса, однако я тут же вспомнил, что люди её ремесла не едят мяса животных. Зато она положила мешочек с сухими фруктами. И наконец она показала мне бутылку для воды.

— Наполнишь её водой из источника. Там хорошая вода — её благословила луна, — и сумку и бутылку она бросила на постель рядом со мной. Я почувствовал себя страшно одиноким. Как будто и здесь на меня обрушилось прокля-

тие Гарна. Несмотря на то, что она заботилась обо мне, она всё же хотела, чтобы я ушёл поскорее. Но я не мог ругать её за это.

И теперь, когда я был на ногах, я не мог уйти, не признав, что я в большом долгу перед ней. И как это положено по обычаю, я вынул меч из ножен, взял его за лезвие и протянул к ней рукоять. Правда, я ожидал, что она отвергнет его, так как я был лишён клана, и со мной нельзя было даже говорить.

Забина посмотрела на меч, а затем перевела испытующий взгляд на меня. Она отказалась принять меч.

— Такие, как я, не имеют дела со сталью, — сказала она. — Но твоё предложение, Эльрон, я принимаю. Может быть, когда-нибудь придёт день, когда я попрошу у тебя услуги.

Я вложил меч в ножны, ощущая, что на мои плечи легла ещё одна тяжесть. Но я выпрямился и постарался забыть всё, что теснилось теперь в мозгу. Мудрая Женщина не лорд, не предводитель клана, но она знает, что говорит, и я для неё не просто человек без рода и без имени. Я взял сумку и поблагодарил её за лечение, хотя больше был благодарен ей за то, что она считает меня человеком.

— Там, в мешке, лекарства, — сказала она. — Там всё обозначено, как и чем пользоваться. Лечи голову, пока боль полностью не прекратится. И иди. Я благословляю тебя, — и Забина сделала жест, который не имел ничего общего с тем, какой делают барды, охраняющие священное Пламя. Но от этого символа веяло могуществом, и я снова склонил голову, благодаря её.

Мне бы хотелось увидеть Гатею — поблагодарить её за заботу обо мне. Но она не показывалась, а мне пора было идти.

Судя по солнцу, стояла вторая половина дня, когда я вышел из хижины Мудрой Женщины. На востоке виднелись поля и бревенчатые стены крепости Тутнеса. Жилище Забины было построено прямо у склона, и я подумал, что совсем недалеко отсюда находится Лунное Святилище, куда по своей глупости часто ходила Инна.

Это было действительно лучшее место, откуда можно начать выслеживание врага. Люди Гарна прочесали все скалы. Интересно, возникла ли у них мысль, которую

Забина внушила мне — что не сверхъестественные силы похитили мою кузину, а всего лишь наш старый враг?

А если возникла, то часовые наверняка готовы пустить стрелу в любого, кто придёт из этой долины. И я буду для них желанной добычей.

Я наполнил бутылку водой из источника, чей бурный поток нёсся со скал вниз. Затем, чувствуя приятную тяжесть у бедра, я пошёл вдоль горного хребта у его подножия. Здесь нашлось много следов. Может, здесь были следы и Гатеи, которая ходила к Лунному Святилищу. Я хорошо знал, что Святилище представляет для неё нечто важное. Я стоял в самом начале поиска и оглянулся назад в долину.

Стадо овец паслось на склонах холма. Люди работали на полях. Я не заметил всадников. Картина, открывшаяся передо мной, была полна мира и покоя. Мог ли я считать это доказательством того, что Тугнес ничего не знает о действиях своего сына? А может, это было просто притворство, чтобы обмануть тех, кто мог следить за долиной. Ответ мог быть любым, а я плохо знал лорда Тугнеса. Я должен идти. Должен идти и знать, что любая стрела и любой меч могут вонзиться в меня.

Может, лучше начать поиск вечером, когда тьма скроет меня? Но ведь она скроет и следы, которые мог оставить Торг. Да, я теперь твёрдо был уверен, что Инну похитил старый враг Гарна, потому что это объяснение наиболее логично.

И я решительно направился вверх, так как начинать нужно было со Святилища. Действительно ли оно привлекало Инну своей загадочностью, или же оно послужило местом тайных встреч с Торгом?

Такое предположение сразу же представило мне Инну в совсем ином свете, чем я думал о ней раньше. Робкая, слабая, полностью поглощённая мыслями о хозяйстве, бесцветная — была ли она в действительности такой? Или же всё это всего лишь плащом скрывало сущность Инны, жажду свободы, которая удовлетворилась здесь, на новой земле. Теперь, оглядываясь назад, я понял, что ничего не знал о ней. Это страшно удивило меня. Ведь она была частью моей жизни. Мы росли вместе с детских лет, и

только потом, согласно нашим обычаям, она отдалилась от меня. Но я не мог припомнить в ней ничего выдающегося.

Как она относилась к тому, что была обещана незнакомому человеку без всякого согласия с её стороны? Это был древний обычай, и раньше я не думал об этом. Но для Инны это могло иметь значение. Может, она ощущала неприязнь к незнакомому жениху, на которой вполне мог сыграть Торг и убедить её нарушить все обычаи предков.

Я взобрался на вершину хребта, причём мне показалось, что подъём занял довольно много времени. И не только потому, что я тщательно всё изучал, искал следы на тропе, но и потому, что слабость, так не покинувшая меня, заставляла часто останавливаться для отдыха.

Единственные следы, которые я обнаружил, — это следы гигантского кота, который сопровождал Гатею. Отпечатки его мягких лап были хорошо видны на земле. Я передвигался от одного укрытия к другому, используя периоды отдыха для того, чтобы прислушиваться. Но я не слышал ничего, кроме криков птиц. Если меня наверху и поджидали, то хранили мёртвую тишину, стараясь не спугнуть добычу.

Путь к Лунному Святилищу с этой стороны оказался очень удобен для меня, так как склон усеивало множество валунов, среди которых легко было укрыться. Может, они и были здесь расставлены для этого, я не знал, но во всяком случае, они не были сделаны руками человека.

Наконец я добрался до последнего камня, откуда я мог хорошо видеть деревья, укрывающие Святилище. Теперь они были покрыты листвой и почти полностью скрывали колонны и площадь. С одного из ближайших деревьев были безжалостно обрублены сучья — видимо для того, чтобы прорубить проход.

Долгое время я прислушивался и выжидал, даже нюхал ветер, который дул от долины Гарна, однако ничего обнаружить не смог. Если меня здесь ждёт западня, то она тщательно укрыта.

И вдруг я насторожился, так как между деревьями появилась чья-то тень. Гигантский кот вышел на поляну и стал осматриваться. Затем голова его замерла так, как будто он смотрел в мою сторону. Видел ли он меня на

самом деле, или просто чувствовал по запаху моё присутствие — я не знал. Но я был уверен, что он знает, что я здесь.

Теперь я был уверен, что здесь нет никого из людей Гарна. Этот зверь не стоял бы так спокойно на открытом пространстве, если бы здесь прятались люди. И я поднялся в полный рост и вышел из-за камня, служившего мне укрытием. Раз кот здесь, так вероятно, и Гатяя где-нибудь поблизости. А если он один, то вдруг по старой памяти позволит мне приблизиться и поискать следы Торга и его пленницы?

Моё первое предположение оказалось справедливым. С кошачьей лёгкостью из зарослей выскользнула воспитанница Забины. Она была одета так, как будто собралась в дальний путь, волосы её были заколоты и спрятаны под маленькой шапочкой серо-коричневого цвета. Такого же цвета была и остальная её одежда. Теперь она стояла между деревьями и тоже смотрела в мою сторону. Она нисколько не удивилась, увидев меня, напротив, она как бы поджидала меня, и даже сердилась, что я опаздывал.

Как и у меня, за спиной девушки висел туго набитый мешок, даже больше, чем у меня, а на поясе прицеплена бутылка с водой. У неё не было никакого оружия, кроме ножа, который использовался для приготовления еды, да и вообще необходим в походной жизни.

Гатяя утрюмо смотрела на меня, но не здоровалась, как будто мы не были нужны друг другу. Кот приподнял верхнюю губу, но если это и была угроза, то я не понял её.

— Значит, ты пришёл...

Мне её слова показались загадочными. Неужели она думала, что я не приду? Мне уже не оправдаться перед своим кланом, но для самого себя я должен был найти след, ведущий к Инне.

— Если след есть, — сказал я, — то он должен начинаться отсюда. Здесь я встречал её, здесь мог встретить её и Торг... или где-нибудь рядом. Другого пути для них...

— Она... он... они?... — перебила меня девушка. Изумление ясно читалось на её лице.

— Торг, — теперь настала моя очередь перебить её. — Это он решил добыть себе жену и обесчестить дом своего врага.

— Какое отношение имеет Торг к этому? — она махнула рукой в сторону Святилища.

— Он мог увидеть Инну здесь, подстеречь и похитить. Её легко напугать, — я не был полностью уверен в этом, но честь дома Гарна требовала, чтобы я говорил о насильственном похищении, а не о добровольном бегстве.

Гатея сделала пару шагов вперёд. Она смотрела на меня таким же взглядом, каким смотрела незадолго до того Забина — как будто старалась проникнуть в глубину моих мыслей.

— Почему ты думаешь, что это Торг? — спросила она.

— Твоя госпожа сказала мне это...

— Неужели она? Ты уверен? — девушка говорила резко и язвительно. Я стал припоминать слова, которые говорила Забина. Сказала ли она, что это сделал именно Торг? Я вспоминал слово за словом. Нет, она только задала пару вопросов и кое-что сказала о прошлом. Всё остальное было моей интерпретацией.

Гатея, видимо, прочла все мои мысли и поняла, к какому заключению я пришёл. Она кивнула.

— Забина этого не говорила, — ровным голосом заявила она. — Ты сам вложил слова в её рот.

— Но она сказала так, что мне ничего не оставалось, как прийти к такому заключению.

— Она не отвечает за мысли тех, кто хочет найти себе врага полегче.

— Я и не думал о Торге — пока она не навела меня на такую мысль, — возразил я. — Когда я сказал, что буду отслеживать его, она не возразила ни единым словом.

— А зачем ей? Какое ей дело до ваших ссор?

Я сделал шаг вперёд, взбешённый тем, что эти две женщины играют со мной. Они излечили моё тело. Но это было их ремесло. А какое им обоим дело до меня? Забина весьма коварно послала меня по следу, ведущему в никуда, а эта девушка ведёт себя открыто враждебно. Но почему она не подтвердила намёки своей госпожи и не отправила очень надолго по фальшивому следу на дикий запад, откуда я мог вообще не вернуться?

— Где тогда леди Инна? — я решил, что у меня нет больше времени ошибаться и гадать. Мне оставалось только искать Инну. Не оставлять же её жертвой похитите-

ля — будь то человек из наших долин или выходец из прежних времён.

— Я не знаю.

Я поверил ей. Только... она не может знать, где моя кухня, но что произошло с ней, Гатяя знать должна. В этом я был убеждён.

Я готов был буквально встряхнуть из неё правду — так разгорелся мой гнев. Но кот зарычал, обнажив клыки, и я сдержал себя и остался на месте.

— Её позвали, — медленно сказала Гатяя. — Я видела её. Она приходила сюда не из пустого любопытства, как думал ты. Нет, в ней всколыхнулись глубочайшие женские инстинкты. Она находится в таком возрасте, когда Великая Леди посылает женщинам зрелость. Даже такие, как эта Инна, которые всю жизнь жили по обычаям и законам людей, откликаются на женскую магию, если она достаточно сильна. Поэтому её и тянуло туда, где лунное прикосновение было особенно мощным. Однако она не была защищена теми силами, которые известны нам, она была открыта полному потоку энергии.

— Я не понимаю тебя. Она пошла в Святилище. И что же там произошло? Не растворилась же она в воздухе, не провалилась сквозь землю? Её мог увести только человек — Торг!

К моему удивлению, Гатяя рассмеялась.

— Запечатый свой мозг, отвернись от непонятного и загадочного, как это всегда делаете вы, люди. Инна исчезла, и ты должен искать её. Если у тебя хватит мужества — ищи. В этой стране много тайн. Открой их и, может, ты обнаружишь нить, которая приведёт тебя туда, куда надо. А может, и не найдёшь. Ответ на это может дать только попытка.

Она подтянула повыше свой дорожный мешок и повернулась. Кот, оставаясь между нами, пошёл за ней. Гатяя направилась на запад с уверенностью человека, твёрдо знающего, куда и зачем она идёт.

Глава шестая

Я смотрел ей вслед, уверенный, что больше того, что она сказала, я от неё не узнаю. Но я теперь знал, что она уверена в непричастности Торга к похищению. Я повер-

нулся и пошёл к Святилищу, но смог пройти только до прорубленного прохода, а там снова натолкнулся на невидимый барьер, который не пустил меня.

Я попробовал надавить на него изо всех сил, но тщетно. Святилище снова было защищено барьером, которого я не мог преодолеть. Я толкал его, бил, но всё это ни к чему не привело.

Мой опыт не позволял мне понять это странное явление. Все наши кланы поклонялись Вечногорящему Пламени. Мы слушали песни бардов о людях, которые выигрывали битвы или погибали на поле боя. Но мы никогда не встречались и никогда не слышали о невидимых силах, против которых не могли сражаться даже самые сильные воины.

Но сейчас я не был охвачен трепетом, я был просто зол на Забину и её воспитанницу, так как я был убеждён, что они знали больше, чем говорили. Правда, они мне ничего не сообщили кроме глупых мистификаций и обмана.

Значит, мне даже не удастся подойти и осмотреть место, где нет ничего, кроме голых камней? Ну хорошо, Инны здесь нет. Она не вернулась домой, следовательно, она находится где-то в другом месте. Я обернулся, чтобы посмотреть, куда пошла Гатея со своим сопровождающим. Вполне могло быть, что эта надменная искательница неизвестного пошла туда же, куда и Инна, хотя цели их были мне непонятны. Я только подумал о набитом мешке на спине Гатеи. Вполне возможно, она несёт запасы пищи кому-то. Я не видел причин такого поведения моей кузины, и может, она действует по наущению Забины.

Мудрые Женщины... я принялся вспоминать, что же мне известно о них. Все они были целителями и, согласно слухам, обладали каким-то могуществом. Они давали клятву использовать своё могущество только для добра, так что ни один человек не мог поднять руку против них, и они могли жить и ходить там, где им хочется. И даже выбирать себе учениц. Но как только ученица была выбрана, она сразу же лишалась клана и имени, независимо от того, в каком клане она была рождена. Но я никогда не слышал, чтобы Мудрые Женщины имели двух учениц. Разве могла Забина взять к себе Инну, если у неё уже есть Гатея? И

кроме того, ученицы выбирались тогда, когда они уже созрели для брачного ложа.

Однако я был уверен, что Гатейя знает больше, чем говорит, и если я хочу что-нибудь узнать об исчезновении дочери Гарна, я должен идти за ней. И я пошёл вслед, остерегаясь кота, так как предполагал, что она может заставить зверя прикрывать их путь, чтобы я не смог раскрыть её тайны.

Отчётливого следа не было. Но время от времени я наткался на ясные следы кошачьих лап, которые красовались на открытых местах, как бы оставленные специально для меня. Я шёл по следам, и вскоре мне пришлось спуститься в узкое ущелье, гораздо более узкое, чем наша долина. И тут я наткнулся на новый след, который заставил меня засомневаться в своём решении. Та, за которой я шёл, не могла оставить такого открытого следа. Протянув руку, я поднял кусочек тонкой ткани, которой Инна закрывала своё лицо от солнца.

Сначала следы кота, а теперь это! Они наверное считают меня идиотом! Но я не имел других следов, и к тому же почему-то был уверен, что Гатейя и Забина не могли войти в союз с лордом Тутнесом, поэтому я продолжал идти за ней.

Вскоре я обнаружил, что в узком спускающемся всё ниже ущелье вырублены ступени наподобие лестницы. Старые, выщербленные, заросшие травой, это были действительно ступени, сделанные рукой человека. Они выглядели слишком правильными, чтобы быть игрой природы.

На некоторых из них была сорвана почва и виднелись следы сапог и громадных кошачьих лап. Теперь мне стало ясно, почему Гатейя так быстро скрылась из виду: она спустилась сюда.

Она двигалась очень быстро, так как я всё ещё не мог увидеть её впереди. Я прибавил шагу, понимая, что если хочу узнать что-либо об Инне, то должен идти вместе с Гатеей.

Лестница вскоре кончилась, и я оказался в узком каменном проходе. На стенах, по обеим сторонам последней ступени были вырезаны два символа. Один из них представлял собой пару острых рогов, а другой — какую-

то загадочную картинку в виде изогнутых линий — очевидно, слово, написанное на древнем, давно исчезнувшем языке.

Спускаясь со ступени, я нечаянно коснулся пальцами изображения рогов, и, пронзительно вскрикнув, тут же отскочил назад. Меня обожгло так, как будто я сунул руку в костёр, пытаюсь достать раскалённый уголь.

Я осмотрел пальцы, ожидая увидеть вздувающиеся волдыри — так сильна была боль от ожога, а затем осторожно обошёл эти рога, стараясь держаться как можно дальше от того, что казалось всего лишь серым камнем.

Только теперь я смог увидеть впереди Гатею, так как кусты не загораживали обзор. «Гатея!» — рискнул крикнуть я, хотя и не ожидал от этого ничего хорошего. Но она не оглянулась и не замедлила шаг, также как и её кот, который шёл, не обращая на меня внимания.

Следовательно, мне оставалось только идти за ней. И по мере того, как успокаивалась боль в обожжённой руке, у меняросло желание добиться от неё прямого ответа.

Мы шли довольно долго, но несмотря на это девушка не замедлила шаг. А я, как ни старался идти быстрее, не мог догнать её. Это предстало передо мной ещё одной загадкой и опять-таки подогрело мой гнев. Между нами всё время оставалось одно и то же расстояние, хотя она не меняла шаг, а я уже чуть ли не бежал.

Впереди забрезжил свет. Я решил, что это конец ущелья. Интересно, куда оно привело нас — в долину Гарна или в долину Тугнеса? И в том и в другом случае мои трудности увеличивались. Ведь тогда мне придётся не только следить за Гатеей, но и остерегаться людей.

Гатея и кот исчезли — видимо, вышли из ущелья. Теперь я пустился бежать по настоящему, ведь они могли скрыться из виду полностью, и я не смогу найти их.

Я вышел на открытое пространство и сразу понял, что это не долина Гарна. Передо мной простиралась земля полностью лишённая всякой растительности: на каменистой почве тут и там виднелись скопления высоких камней. Эти камни, грубые и необработанные, образовывали круги. Внешний круг был выложен из самых высоких камней, внутри его находился второй круг из камней поменьше, и

затем центральный круг — из маленьких камней. Здесь не стояли колонны, как в Лунном Святилище, но можно было сказать без сомнения, что камни расположены разумными существами, правда, неизвестно для чего. Это не могло служить оборонительным сооружением, так как расстояние между соседними камнями было достаточно широко.

Я осторожно пошёл вперёд. И в этот же момент из-за камней выпрыгнула бело-серая тень, легко сбив меня с ног. Тяжёлые передние лапы громадного кота упёрлись в мою грудь, прижав тело к земле, длинные клыки тянулись к горлу. Я пытался протянуть руку к мечу или хотя бы к ножу, но зверь сделал меня совершенно беспомощным. И всё же он не делал попыток перегрызть мне горло.

Откуда-то пришёл звук, какое-то слово, которого я не смог понять. Кот оскалил зубы и прорычал. Затем он поднялся, освободив меня, хотя и не отошёл далеко, готовый в любое мгновение броситься снова.

Теперь я уже мог достать меч и почти обнажил его, когда из-за тех же камней, откуда на меня прыгнул зверь, вышла Гатя.

— Разве я Торг, что ты следишь за мной? — презрительно сказала она. — Ты думаешь, что я прячу твою леди Инну, чтобы обесчестить её?

— Да, — ответил я ровным тоном. И затем добавил: «Может, и не для того, чтобы обесчестить, а для своих собственных целей».

Девушка беззаботно рассмеялась, так как чувствовала себя в полной безопасности под охраной кота. Она смотрела на меня, оперев руки в бёдра, а мой гнев постепенно уступал место ледяному спокойствию и уверенности в том, что мне нужно было делать.

— Спрячь оружие, — приказала она. Улыбка таилась в уголках её губ. Я заметил, что рот у неё был широкий, с тонкими губами. — Радуйся, что тебя вовремя остановили и не позволили войти туда! — и она движением подбородка показала на первый круг камней.

— Там таится опасность? — тут я вспомнил, как каменная стена обожгла мне пальцы, и неуверенность охватила меня. Кто знает, что может ждать здесь человека?

— Ты бы быстро узнал это...

Я решил, что Гатя хочет уйти от меня. Под бдительным

взором немигающих глаз кота я поднялся на ноги, так как в таком положении чувствовал себя увереннее.

— Это, — жёстко объявила она, — западня. Иди сюда и смотри сам.

Девушка взяла меня за рукав и подвела к тому месту, откуда можно было увидеть центр кругов. Там лежал человек лицом вниз. Он лежал неподвижно, но когда я захотел подойти к нему, Гатея задержала меня, а кот, зарычав, преградил мне путь.

— Он мёртв, — сказала она без всякого выражения. — Это Джемил из клана Тугнеса. Он преследовал меня, как когда-то Торг, потому что жаждал женщину и хотел сделать меня своей жертвой. Но он вошёл в эти круги и теперь никогда не выйдет оттуда. Я думаю, что он обезумел, так как начал с криками бегать внутри, пока не упал замертво.

Чему из всего этого можно верить? Ни один человек не посмеет поднять руку на Мудрых. Но ведь и сама Забина говорила о том, что наследник Тугнеса заглядывался на Гатею. Девушка, видимо, заметила мои сомнения и добавила:

— Ты плохо знаешь лорда Торга. Среди его клана попадаются клятвопреступники и кое-кто похуже. Они... — она покачала головой. — Мне кажется, и Забина думает также, что барды поступили недостаточно мудро, пропустив через Ворота слишком много из нашего прошлого. Поэтому, теперь наше зло здесь начинает расцветать. Однако Джемил встретился с силами, которые остановили его.

И снова все мои сомнения в искренности её слов рассеялись, и я спросил, чтобы услышать её мнение об этом.

— Что убило его?

— Могущество, — угрюмо ответила она. — Здесь таится какое-то могущество, которого мы не можем понять. Но Гру может ходить здесь, — её рука опустилась и потрепала кота за уши. — Я видела, что и другие живые существа пробегают здесь без всякого вреда для себя. Но я ни за что не войду туда. А ты не ощущаешь никакой угрозы, которая исходит оттуда?

Она пристально смотрела на меня, и мне вдруг захотелось укрыться от её взгляда, я даже двинулся к камням,

высвободив свою руку. Вроде бы ничего не происходило, но чем ближе я подходил к кругу камней, тем сильнее начинала дрожать вся моя плоть. Невидимого барьера здесь не было. Однако во мне вдруг возникло ощущение опасности, и чтобы избежать её, я должен был прыгнуть в самый центр круга, только там я видел спасение от неведомой угрозы, которой я не мог назвать.

Это ощущение стало таким сильным, что когда Гатей схватила меня и потащила назад, а кот преградил мне путь к камням, я готов был драться с ними, освободиться от них, найти спасение в круге...

— Там не спасение... там гибель! — прочла ли она мои мысли, или же такие ощущения Гатей испытывала сама, но смогла справиться с ними?

Они оттащили меня подальше, туда, где не чувствовалось воздействие этого таинственного сооружения. Меня била дрожь.

— Инна! — я содрогнулся при мысли о том, что она могла попасть сюда, если была здесь. В центре лежал только один труп, но если приглядеться, то можно было увидеть разбросанные тут и там светло-серые кости и череп. Ловушка действовала безотказно.

— Здесь её не было, — Гатей отпустила меня. — Я же тебе сказала, её утащила другая магия...

Я указал на её мешок: «Ты где-то спрятала её, а теперь несёшь ей пищу. Она спряталась от Торга, или же ты околдовала её и хочешь, чтобы она стала такой как ты?»

— Как я? Ты спросил так, как будто считаешь меня ниже ваших леди, с их куриными мозгами и мягкими телами, с их желанием попасть поскорее на рынок невест и быть проданными подороже, — она отошла подальше. — Нет, возможно в твоей маленькой мягкой леди мерцала искра таланта, так глубоко закопанная годами жизни среди вас, что она никогда и не подозревала, что спит в ней, пока не нашла место, которое разбудило, вызвало к жизни спящее в ней. Я не прячу Инну и не ношу ей пищу. Она исчезла, хотя я не знаю куда. Но пытаюсь найти. Так как она не знает сама, что делать с тем, что проснулось в ней, — в голосе девушки теперь звучало открытое презрение. — Меня не было в тот момент, когда вернулась жизнь Святилица. Исчезла она... Хотя там должна была быть я!

— теперь уже звучал гнев. — Она отобрала у меня то, что принадлежит мне по праву. И я даже не могу предположить, что она будет делать с этим, будучи тем, что она есть. Я иду не для того, чтобы освободить твою маленькую глупую леди, воин, но чтобы предотвратить те глупости, которые она может совершить со своим любопытством!

— Где?

— Где? — повторила она, подняв упрямый подбородок. — Там... — и она показала на запад. — Я иду по следу, которого тебе не понять. Мой проводник здесь, — она коснулась лба между глазами, — и здесь, — на этот раз она ткнула пальцем себе в грудь. — Может оказаться, что я не обладаю могуществом, которое необходимо, но я могу попытаться... каждый может сделать попытку.

— Ты уверена, — медленно ответил я, — что Инна попала в колдовские сети и похищена. Ты уверена, что можешь найти её. После этого... — я показал на каменную западню, — как я могу сказать, что истинно, а что ложно в этой стране? Но если есть шанс найти мою госпожу, и ты можешь служить проводником, то я тоже пойду с тобой.

Она хмуро взглянула на меня. «Это женское могущество, — медленно сказала она. — Я сомневаюсь, что ты сможешь пройти туда, куда пойду я».

Я покачал головой: «Я не знаю ни одного могущества. Но я знаю, что на мне лежит долг чести, и я пойду куда угодно, где есть шанс спасти Инну. Я думаю, что Мудрая Женщина знает это. Может, она хотела сбить меня с верного пути наёмками на Торга, но она дала мне это, — я показал мешок с продуктами, — и не отговаривала меня от таких намерений».

Гатяя улыбнулась краем рта. Эта улыбка не нравилась мне всё больше и больше.

— Забина хорошо знает, что бесполезно спорить с теми, разум которых ограничен, закрыт голосу другого разума. Она поняла, что твой разум закрыт наглухо.

— Возможно, как и твой?

Она ещё больше нахмурилась. «Ты слишком много говоришь, — она отвернулась. — Если ты способен подвергнуть себя таким опасностям, каких не можешь даже представить, идём, безродный. Скоро ночь, а в этой стране лучше ночевать в убежище».

И она пошла, даже не оглянувшись на меня, осторожно обойдя каменную западню. Идти было трудно. Всё было завалено каменными блоками, плитами, колоннами. Мы карабкались по ним, причём я старался держаться как можно ближе к Гатее. Я боялся попасть в какую-нибудь ловушку.

Кот, к большому моему облегчению, шёл впереди. Я не доверял ему, хотя зверь преданно служил моей спутнице.

Кот ушёл далеко вперёд, но затем дождался нас под нависающим каменным выступом. Дальше расстилалась дикая каменистая страна. Лишь кое-где виднелись зелёные островки растительности. А в основном там вздымались хаотические скопления изломанного камня.

Топлива для костра здесь не нашлось. Но мне и не хотелось зажигать здесь огонь. Ведь он мог привлечь... Кого? Людей Гарна, или жуткие создания, гораздо более страшные, чем разгневанный лорд?

Солнце, казалось, задержалось на небе, предоставив нам возможность изучить все подходы к убежищу, которое отыскал нам кот. Сам он исчез в дикой долине, намереваясь, как я полагаю, немного поохотиться. Гатей и я поели из наших запасов и сделали по глотку воды. Я не видел впереди никаких признаков воды, разве что у островков растительности можно было ожидать источник или лужу с дождевой водой.

Мы не разговаривали, хотя у меня на языке вертелось много вопросов. Однако она отвернулась от меня, ясно показав, что мысли её витают не здесь, так что я не стал разбивать тишину, которая лежала между нами.

Я начал изучать страну, лежавшую впереди, отыскивая легчайший путь среди этого дикого нагромождения камней. Долина выглядела пустынной, но в ней таилась угроза, казалось, что она полна опасности. Вероятно, ловушка была предназначена для защиты от тех, кто мог прийти со стороны побережья, и она наверняка всего лишь первый сюрприз на пути путешественника.

— Это не земля Гарна, — наконец сказал я, в основном для того, чтобы услышать свой голос, так как тишина воздвигала всё более высокий барьер между нами. Если мы собираемся идти дальше вместе, то нам нужно общаться

друг с другом, чтобы мы могли противостоять опасностям, которые, как я был уверен, лежали перед нами.

— Но и не Тугнеса, — Гатяя удивила меня своим ответом. — Этой страной правят другие. Нет, нет, не спрашивай меня, кто... я не могу сказать. Но мы здесь пришельцы и должны быть крайне осторожными.

Согласилась ли она этими словами на наше партнёрство? Во всяком случае, в её голосе не прозвучало презрения, и она не хмурилась недовольно. Солнечные лучи становились всё слабее. От камней к нашим ногам потянулись тени, как будто кто-то протянул к нам свои руки.

— Это проклятая страна и мы идиоты, что решили завладеть ею, — вырвалось у меня.

— Проклятая, благословенная и всё, что лежит между этими словами. И всё же мы должны были прийти сюда, иначе Ворота не открылись бы нам. Следовательно, во всём этом есть какой-то смысл, и мы должны раскрыть в чём он, зачем мы здесь.

— Ворота, — медленно проговорил я. — Я знаю, что пение бардов открыло их, но при этом из нашей памяти были вырваны все сведения о том, почему мы должны были уйти. Зачем это было сделано? — и тут мои мысли потекли в другом направлении. — Может, потому, что здесь нам придётся встретиться с новыми врагами, и воспоминания о прошлом будут только мешать нам? И всё же, думая, почему мы пришли...

Она отложила свой кусок хлеба и завязала мешок.

— Спроси об этом у бардов, но не жди ответа. Эта страна может быть более благословенна, чем проклята...

Она замолчала, потому что в вечернем воздухе послышался звук. Я затаил дыхание. Говорят, что барды своим пением могут выманить душу из человека, оставив ему лишь пустую оболочку. Я всегда считал это выдумками людей, которые любят враньём украсить рассказ. Но этот звук, который мы слышали в каменном мире, был пением, какого я не слышал никогда в жизни — даже когда пел бард Оуз на празднике середины лета.

Это был даже не голос человека, а скорее голос сразу нескольких женщин. Он достигал такой высоты звука, какую можно было услышать только у птиц. И он слышался откуда-то позади!

Я мгновенно вскочил на ноги, выскочил из-под укрытия и стал всматриваться назад, откуда мы пришли, так ошарашил меня этот голос. Гатя встала рядом со мной так близко, что мы соприкоснулись плечами. Это был хвалебный гимн — нет, это была призывная песня влюблённых. В ней звучала радость победы, приглашение в домашний уют тех, кто храбро дрался, не щадя себя, в ней звучало...

Теперь я их увидел. Женщины, да, хотя лица их были закрыты длинными волосами, которые волновались по ветру, хотя я не чувствовал никакого ветра. А их тела, стройные женственные тела, закрывались только длинными волосами, или же на них были одеты одежды, такие же тонкие и невесомые, как эти локоны, плавающие в воздухе? Серебряными были их волосы, серебряными были их тела. Они находились далеко от меня, и тем не менее, по мере того как каждая из них делала шаг, напевая этот гимн, мне казалось, что я вижу их яркие глаза, огненно яркие, так как они были цвета пламени, которые я видел, несмотря на то, что лица их закрывались вуалью волос.

Они шли рука об руку, но вот они разошлись и образовали круг... за ним другой... третий... Три круга! Я вскрикнул.

Там, где раньше стояли каменные столбы, образующие три круга, теперь шли эти поющие женщины. Может, это я вижу камни, и только предательское вечернее освещение обманывает моё зрение? Серебряные тела, волнистые волосы, которые светились сами по себе мягким таинственным сиянием...

И они продолжали своё обворожительное чарующее пение. Мир и счастье, любовь, счастливый дом, вечная жизнь. Нужно только подойти к ним и всё это будет, всё исполнится. Всё слаще, всё призывнее, соблазнительнее становилась песня. И я пошёл, хотя моё сознание не участвовало в этом. Но я должен идти...

И снова я был безжалостно и грубо брошен на камни. Сильный удар заставил меня перевернуться через голову. Затем рядом со мной упало второе тело, и мы некоторое время боролись между собой, пытаясь высвободить руки и ноги, до тех пор, пока большое, тяжёлое, мохнатое тело не легло на нас, придавив к земле.

Я почувствовал сильный кошачий запах, услышал глу-

хое ворчание, такое низкое, что казалось скорее дрожанием его тела, чем настоящим звуком. Пение всё продолжалось и всё манило нас, но сбросить Гру было невозможно.

Затем сквозь разрывающее сердце пение прорвался голос Гатеи. Лицо её оказалось совсем рядом, я даже почувствовал её дыхание на своей щеке.

— Пальцы... уши... заткни...

Я почувствовал, что она заворочалась, и решил, что она старается, заткнув уши, отгородиться от сладкого пения.

Я тоже освободил руки, хотя и не старался освободиться от пения, заткнув уши. Гру, однако, не шевелился, Гатея тоже не делала попыток освободиться из-под тела кота, прижимающего нас обоих к земле. Я чувствовал запах трав, чистый и свежий, который исходил от её волос, прядь которых лежала у самого моего носа.

Понимая, что это вторая часть ловушки, и может быть, гораздо более опасная, чем первая, я тоже заткнул себе уши и постарался сосредоточиться на другом, например, когда же мы уберёмся подальше от этого опасного места и сколько таких мест нам встретится ещё в этой незнакомой стране.

Я слушал слабые звуки пения и они тянули меня, заставляли предпринимать попытки к освобождению, чтобы бежать к женщинам. Но постепенно песня затихла, растаяла вдали. Может, мы просто потеряли сознание, во всяком случае я смутно помню всё, что происходило, пока белый лунный свет не лёг на нас.

Гру наконец поднялся. Я чувствовал себя избитым, так как слишком долго был прижат к камням, и медленно поднялся на колени. Гатея встала раньше меня. Она смотрела на луну и руки её двигались в каких-то ритуальных жестах.

Луна была очень яркой и от её лучей камни становились серебряными, или угольно-чёрными, если на них падала тень. Я убрал руки от ушей. Ночь была настолько спокойной и тихой, что я мог слышать слова, которые еле слышно произносила Гатея на незнакомом мне языке. Я отошёл от неё и снова оглянулся на каменные круги. Они стояли очень далеко, а между тем женщины были гораздо ближе. Камни теперь снова стали просто камнями, выстроенными определённым образом с неизвестной мне целью.

Вечерние певицы исчезли. Только луна висела над нами, да Гру прижимался к Гатее с мурлыканьем более громким, чем её шёпот.

Глава седьмая

— Опять твои ловушки? — спросил я, стараясь казаться невозмутимым.

— Не моя ловушка... — тон её был странно лёгким. Мне показалось, что я увидел тень возбуждения на её освещённом луной лице. — Сирены... да... они заманивали, — она раскинула руки. — Сколько же здесь чудес? Кто сотворил эти заклинания, это колдовство? Сколько же они должны знать? Насколько больше нас, которые считают свои жалкие знания великими? — Гатее задавала эти вопросы не мне, а самой ночи. Она вела себя так, как будто подошла к заставленному яствами столу и теперь не может выбрать, с чего ей начать, какое блюдо самое вкусное.

Может, потому что она уже имела кое-какие знания, выходящие за пределы наших обычаев и законов, для неё эта страна была действительно страной загадочных чудес. Но для меня всё было наоборот. Однако помимо беспокойства, настороженности, опасений, во мне зрели семена любопытства.

Ночь больше не принесла нам звуков, и Гатее послала Гру сторожить нас, заверив меня, что он определит любую опасность гораздо лучше и надёжнее, чем самый бдительный человек. Я был вынужден согласиться, что именно он спас меня в первый раз, а возможно, и во второй — вместе с ней. Итак, я уснул, и если что мне и снилось, то после пробуждения ничего не осталось в моей памяти.

Солнце уже раскинуло свои лучи по небу. Гатее сидела, скрестив ноги, спиной к солнцу и долинам, где поселились наши люди. Голова её была поднята вверх, как будто она изучала страну, лежащую впереди, и по её напряжённым плечам я прочёл в ней настороженность охотника, нашедшего свежий след.

Под солнцем земля казалась ещё более пустынной, чем ночью, когда луна заливала равнину серебряным светом. Впереди, насколько хватало глаз, расстилалась каменная пустыня. Однако я был рад, что впереди нет стоящих

камней, кроме тех, что поставила сама природа, и она же отполировала их, долгие годы обдувая песчаными ветрами.

Эта проклятая страна была настолько пустынна, что я даже стал сомневаться, правильно ли мы идём. Хотя вполне возможно, что я прав, и Гатея знает, где укрылась Инна, потому что она сама помогла ей. Однако я оставил все свои сомнения при себе и отдался на волю Гатеи. Я сознавал, что у Гатеи имелись свои причины идти в эту страну, и причины гораздо более сильные, чем спасение Инны или помощь мне в этом.

Я размышлял, исследовали ли эту землю Братья с Мечами. Если исследовали, то как им удалось не попасть в каменную ловушку?

— Как мы пойдём? — спросил я самым безразличным тоном. Гру снова исчез. Хотя я и не очень доверял ему, но вынужден был признать, что его помощь нам может понадобиться в будущем.

— На запад, — ответила она, даже не повернув головы, и сказала это таким голосом, что я понял, что мысли её находятся где-то далеко.

Мы поднялись и в тишине двинулись вперёд, по пустынной каменистой стране. Вскоре мы добрались до одного из зелёных оазисов. Здесь мы обнаружили источник, который пробивался из-под камней, протекал на небольшое расстояние и вновь скрывался под землёй.

Здесь росли два вполне приличных дерева и множество кустов, где пели птицы, и бегали какие-то мохнатые зверьки. Они двигались с такой скоростью, что глаз не мог заметить их передвижения. Кусты были усыпаны крупными вишнями, я таких крупных ни разу не видел. Огромные тёмно-красные ягоды, некоторые даже полопавшиеся от зрелости. Много ягод валялось на земле и уже начало гнить.

Гатея сорвала одну ягоду, разломила её и осторожно лизнула языком. Затем она сунула вишню в рот и жадно съела. Я, вполне доверяясь ей, последовал примеру девушки. После путешествия по залитой солнцем каменной пустыне было огромным блаженством есть эти сочные, прохладные ягоды, которые одновременно утоляли и жажду, и голод. Мы ели до тех пор, пока не насытились. Затем мы собрали ягод с собой в дорогу и положили их в кульки

из каких-то больших листьев. Я взял обе наши бутылки, вылил немного, что ещё оставалось там, и наполнил их доверху свежей водой из источника.

За это утро мы не нашли никаких следов жизни древнего народа. Чем дальше мы удалялись от зловещих кругов, тем пустыннее казалась страна, и мужество постепенно возвращалось ко мне. Когда мы покончили с нашими запасами воды, я снова отыскал в очередном оазисе родник, и, наполнив бутылки, стал всматриваться вдаль, защитив глаза рукой от солнца, отыскивая наиболее лёгкий путь вперёд.

Отдалённая линия горизонта стала выше и резко выделялась на фоне безоблачного неба. Я решил, что впереди лежат холмы, а может даже и горы. Моё внутреннее беспокойство росло. Я был уверен, что Инна без запасов пищи и без помощи не могла бы проделать этот путь. Может, меня обманули, когда поколебали уверенность в виновности Торга и подсунули сомнительную идейку о пустосторонних силах?

Такой путь мог проделать только человек, закалённый в трудных походах. А Инну всю жизнь защищали от всяких трудностей. Даже наш поход сюда она проделала в фургоне, где для неё создавались все удобства. Гарн не был мягким и ласковым человеком, но свою дочь он ценил — ведь она должна была обеспечить его маленькому клану союз с могущественным соседом. И в том, что касается её благополучия, он не хотел рисковать.

Придя к решению, что Инна не могла проделать такой путь одна, я решил снова выяснить отношения с Гатеей и спустился с вершины каменного холма к ручью, где девушка мыла руки.

Она даже не взглянула в мою сторону, но заговорила первой, чем немало удивила меня.

— Ты снова вернулся к мыслям о Торге. Ты уверен, что я не знаю, что же случилось с вашей маленькой домашней леди. Ты не прав! — теперь она подняла голову и взглянула на меня свирепыми сверкающими глазами. Наверное, такими глазами ястреб осматривает с высоты свою территорию и выбирает жертву, на которую он обрушит с высоты свой смертельный удар.

— Я знаю! В Святилище есть могущество, которое

должно было проявиться в определённое время. Я ждала его! Я должна была пойти по пути, который откроется! Твоя леди собрала плоды, которые были предназначены мне! Она глупа и сама не понимает, куда её приведёт этот путь. Но ничего хорошего её не ждёт — нет, не ждёт!

— Я уверен, что она одна не добралась бы сюда, — я с трудом пробился сквозь её гневную речь. — Она не из тех, кто может переносить трудности. Следовательно... я должен быть не заметил следов, или...

— Или я тебя сбила с толку и не позволила их заметить? Она взяла то, что принадлежит мне! Я должна вернуть себе это! Я же тебе сказала, что она не ведает, что творит, и мы можем до конца пути так и не увидеть ни единого следа на этой земле!

Гатяя встала, стряхнула воду с ладоней и затем приложила мокрые руки к лицу.

— Но здесь нет и следов лошадей, — тупо продолжал я гнуть свою линию.

— Могут быть такие лошади, которые тебе и не снились, — рывкнула она. — Или другие способы передвижения... Я думаю, что дверь, которую она нашла открытой, приведёт её именно в то место, что находится впереди нас.

Так как у меня не нашлось ответа, то я принял её слова, и мы пошли дальше. Гру не было видно нигде. Если он всё ещё сопровождал нас, то вероятно, бегал где-то далеко впереди. Однако мы не успели далеко отойти от зелёного оазиса, как вдруг набрали на путь, который стал для нас большим облегчением в этой раскалённой пустынной долине, где солнечные лучи обрушивались на нас сверху или, отражаясь от светлых камней, разили снизу.

Этим путём оказалось узкое ущелье. Воды там не было, но когда мы спустились вниз, то нашли, что стены ущелья дают хорошую тень, а воздух там был приятно-прохладным. Дно ущелья было чистым и свободным от камней, и направлено прямо на запад. Я внимательно осмотрел его, но ни нашёл никаких признаков того, что ущелье — результат разумной деятельности.

Гатяя без колебаний пошла вперёд, как будто знала, куда идти, и знала, что нужно торопиться. Я шёл позади неё и внимательно следил за стенами ущелья у нас над головами,

прислушиваясь ко всем звукам, которые не были звуками наших шагов.

Может быть из-за этой чрезвычайной бдительности я вдруг увидел то, чего никогда бы не заметил, если бы шёл просто так. Это не было какое-то видение или звук. Внутри меня пробежала какая-то нить мыслей, которых я не мог осознать. Мне чрезвычайно сложно описать то, что я видел своим внутренним зрением, и что не существовало в реальности.

Если бы мы шли по солнцу, то я приписал бы это жаре. Ведь видят же путешественники, идущие в пустыне, миражи, причём в погоне за ними путешественники иногда даже сходят с пути и погибают. Но здесь было не так жарко. И чем дальше мы шли, тем выше поднимались утёсы и тем прохладнее становилось внизу.

И всё же... разве могут в мозгу человека формироваться видения сами по себе? Видения, которые не рождены памятью об увиденном, или памятью подробных рассказов. Я этого не знал. Я знал только, что в моём мозгу рождались картины, которые пришли не из моей памяти, не из снов.

Дважды я закрывал глаза и шёл так некоторое время. И тогда я знал, что иду не по голому камню в пустынной стране. Нет, я шёл по хорошо известному мне пути, шёл с определённой целью, передо мной была поставлена задача, которую я должен выполнить, чтобы победить зло. И не каменные утёсы возвышались вокруг меня. Уголками глаз я видел, или это только казалось мне, что вокруг стоят сверкающие здания, между которыми ходят люди — правда, я видел только их мелькающие тени. А когда я открывал глаза, я вновь оказывался в ущелье... и... всё же... видение оставалось во мне.

Ощущала ли и Гатя такое же странное смещение миров, я не знал. Но и спрашивать не хотел. В моём втором мире присутствовали и звуки. Не сладостные песни зла, как той ночью, скорее это был шёпот, не отдалённые крики — побуждение к действию, а шёпот, убеждающий меня совершить то, что мне суждено.

Мне кажется, что я уже довольно долго находился между двумя мирами, когда внезапно снова оказался в ущелье. Другой мир исчез. Солнце стояло на западе, а

ущелье расширилось и перешло в широкую зелёную долину, где, казалось, колдовству не было места.

Вдали паслись животные. Один олень поднял голову, увенчанную рогами, сверкающими так, как будто они были покрыты серебром. Олень был больше тех, что мы видели в долинах у побережья, и шерсть их была светлее — серебряно-серая, с тёмными полосками у передних ног.

Он издал предупреждающий крик и сильным прыжком исчез в высокой траве. Но тут же из травы вылетело покрытое серебристой шерстью тело. Это мог быть только Гру. Он обрушился на небольшого оленя и убил его одним ударом страшной лапы.

Когда мы подошли к коту, он жадно слизывал кровь и зарычал при виде нас.

Олень попался довольно мясистый, и мне тут же захотелось отрезать от него кусок, развести костёр и поджарить его. Это скрасило бы нашу скудную пищу во время путешествия. Однако мне совсем не хотелось вступать в конфликт с Гру относительно его добычи.

Пока я колебался, Гатея прошла вперёд, и кот позволил ей подойти. Она наклонилась и положила руку на голову мёртвого оленя между его золотистых рогов. Затем она громко сказала:

— Слава Великому Богу лугов. Благодарим его за четвероногих, которых мы можем есть. Нельзя отказываться от того, что дано нам.

Гру поднял голову и прорычал, как бы присоединяясь к её хвале. Она повернулась и махнула мне рукой. Я подошёл и отрезал столько, сколько мы смогли съесть за вечер, оставив остальное Гру. Обрезав сучья под ближайшими деревьями и соорудив костер, я даже не старался спрятать его, так как был уверен, что ночь не принесёт нам опасностей.

Гатея достала из своего мешка небольшой свёрток и, развернув его, осторожно высыпала на ладонь какие-то зёрнышки. Она держала их очень аккуратно, боясь выронить, а затем резким движением кинула в костёр. Пламя вспыхнуло ярко-голубым цветом и окуталось дымом. В воздухе запахло травой, но я не был искушён в этом и не смог бы назвать, что это за запах.

Бросив пустой свёрток на колени, Гатея наклонилась

вперёд и принялась движениями рук раздувать дым, и тот, повинуясь её жестам, поплыл сначала на юг, затем на север, восток и, наконец, на запад. Затем она подняла сук, очищенный от листьев, который нашла, когда я собирал сучья для костра, и стала водить им над дымом.

Потом она поднялась на ноги, пошла вокруг костра и начала делать на земле какие-то заметки. Она начертила круг и возле него зигзаги. Получилось нечто вроде звезды. На каждый луч звезды Гатя капнула кровью убитого оленя и посыпала какой-то трухи, похожей на сушёные и измельчённые листья. После этого она вернулась к костру и села, подняв свой сук как знамя — только на нём не трепыхалась ткань.

Я не задавал вопросов, так как за время нашего пути привык к такому положению. Она вела себя так, словно я по её мнению был туп и необразован, и по сравнению с ней ничто. Итак, я молча принял все её ритуальные действия, с помощью которых девушка обезопасила нас, хотя я был уверен, что в этой зелёной спокойной стране нам ничто угрожать не может. Впрочем, это всего лишь доказывает, что я был слеп и не замечал ловушек, которые окружали нас.

Надвигалась ночь. Я наблюдал за спускающимся солнцем и смотрел на линию гор на горизонте, которые ещё больше выделялись своими зазубренными вершинами на фоне закатного неба.

Гатя молчала, я тоже. Хотя меня немало удивил Гру, с рёвом выскочивший откуда-то и тоже севший у костра, как бы ища убежища возле него.

Я нарезал мясо на куски и, насадив их на сук, закрепил над огнём, чтобы оно поджаривалось. Капли сока с шипением падали в костёр. В воздухе распространился аппетитный запах, и рот у меня наполнился слюной. Я нетерпеливо поворачивал куски, чтобы они быстрее прожарились. Всё это вернуло меня в те счастливые дни, когда мы оставались ещё в том мире. Правда, помнил я всё очень смутно, как сквозь влажный туман.

Наконец я протянул своей спутнице готовый кусок, а сам взял другой и начал вертеть его, чтобы чуть-чуть остудить. Гатя взяла мясо с таким видом, как будто оно её вовсе не интересовало.

Сначала мне показалось, что она изучает стену гор, но затем я понял, что её внимание направлено на что-то более близкое. Насколько я мог судить, в долине всё было спокойно, лишь кое-где проскакивали олени. Даже птиц не было видно в вечернем небе.

Но я снова удержался от расспросов и стал кусать мясо с жадностью, которую знает каждый, кто много времени питался лишь чёрствым хлебом. Гру лежал у костра. Глаза его были полузакрыты, он изредка облизывался, и если что-то и двигалось в долине, то Гру до этого не было никакого дела.

Когда солнце скрылось за горизонтом, сразу же стало темно. Небо тут же заволокли чёрные тучи. Я решил, что надвигается буря и подумал, что неплохо было бы где-нибудь укрыться. Хотя бы под теми деревьями, где я собирал сучья для костра. Я уже приготовился сказать это, как вдруг увидел, что Гатея вся напряглась. Голова Гру тоже поднялась. Он смотрел широко раскрытыми глазами на запад, в ночь.

В ночи не было слышно пения, не было видно колеблющихся серебряных теней. То, что приближалось к нам, не демонстрировало себя — оно двигалось на мягких лапах, если это были лапы — двигалось через равнину.

Шерсть Гру поднялась дыбом. Он уже не лежал, развалившись. Он подобрал под себя лапы, как бы готовясь к прыжку. Клыки его обнажились, но он не рычал, а молча ждал.

Я не знал, что видели мои спутники, но мне казалось, что мрак расщепился на отдельные части. Некоторые из них поднимались в воздух, затем снова опускались на землю, как бы неспособные покинуть её, хотя этого им очень хотелось. Это были всего лишь тёмные пятна в ночи, которая спускалась на долину. Однако стало совершенно ясно, что они приближаются к нашему костру, бесшумно и угрожающе. Я ещё никогда не чувствовал себя таким беспомощным и беззащитным.

Правда, я обнажил свой меч, хотя было непонятно, как я смогу использовать его против этих бестелесных созданий ночи, которые появились как бы из-под земли. Однако моё движение не прошло незамеченным, и я услышал спокойные слова Гатеи:

— Холодная сталь временами может защитить, хотя иногда не нужны ни острый конец меча, ни его заточенное лезвие. Я не знаю, кто это, хотя уверена, что они — не создания Света... — и по тому, как она сказала «Света», я понял, что она говорит о чём-то таком, что нельзя определить обычными органами чувств.

Гатея протянула руку и обхватила пальцами свой посох, который она положила на землю, но не поднимала его, а ждала. Ждал и я, сжимая рукоять меча. Тьма мне казалась непроницаемой. Глаз не мог ничего различить. Но я почему-то чувствовал, что вокруг звезды, которую начертила Гатея, что-то ходит, нажимая то тут, то там.

Тот, кто пришёл сюда, ощущал страшный голод и уверенность, что сейчас утолит его, так как добыча здесь, и ей не уйти. Затем уверенность уступила место нетерпению, удивлению и, наконец, гневу, когда тот понял, что нечто осмеливается сопротивляться ему. Я знал, что это тут, рядом, я вертел головой, чтобы быть готовым вступить в бой с... не знаю чем... когда оно ворвётся в наш лагерь. Я понятия не имел, что это может быть и насколько оно опасно.

И вдруг на одно мгновение я увидел, как в освещённое костром пространство просунулась рука — а может, это была лапа? — скрюченная, туго обтянутая желтоватой кожей кость. Я не успел её разглядеть, как она тут же исчезла. И страх охватил меня, так как в отличие от сладостных певич, которые заманивали нас прошлой ночью, зло на этот раз предстало в своём собственном жутком обличье.

Гатея подняла одним лёгким движением свой посох с земли. Она опустила его конец прямо в угол звезды, куда перед этим капала кровь и сыпала сушёную траву. И одновременно она заговорила, произнося что-то повелительное на незнакомом мне языке.

И там, куда она показывала посохом, зашевелилась земля, казалось, что она стремительно кружится и поднимается столбом вверх. Гатея пела всё громче, всё быстрее, и столб пыли застыл в воздухе.

Ещё мгновение, и вместо него стояло какое-то подобие человеческой фигуры. Во всяком случае, у него было две руки, две ноги, тело и круглый шар на месте головы.

Примерно таких же человечков дети лепят из глины. Когда он встал прямо, Гатя ударила суком по земле и что-то громко выкрикнула.

И это чудовище пошло вперёд на своих уродливых бесформенных ногах. Однако он держался прямо и шёл быстрее, чем я ожидал от такого уroda.

— Быстро! — Гатя впервые взглянула на меня. — Твой нож... холодная сталь... закрой входное отверстие, — и она показала посохом, куда я должен идти.

Я вынул нож из ножен. Продолжая держать другую руку на рукояти меча, я бросил нож как в детской игре. Тот воткнулся как надо, рукояткой вверх, именно туда, откуда появилась эта жуткая фигура.

Гатя, казалось, прислушивалась. Прислушался и я, даже затаил дыхание, чтобы оно не мешало слушать. Всё было тихо, ничто не тревожило ночную тьму. Но я ощущал, что то, что пыталось проникнуть в круг, исчезло — хотя, может, на время.

Девушка не расслабилась. Я по её примеру тоже. Кот наконец вздохнул и моргнул. Но если кот был удовлетворён, то девушка — нет.

— Ещё не всё... — проговорила она, как бы не давая себе успокоиться, обмануть себя. Она будто не хотела верить, что её колдовство было успешным.

— Что ты сделала? — спросил я, не в силах больше сдерживать своё любопытство. — Ты его направила тем, кто поджидает нас там?

Она кивнула: «Он пока отвлечёт их, но это не может быть долго. Слушай!»

Возможно, это было именно то, чего она ждала. Что-то гулко разнеслось в ночи, как будто мы сидели в пещере, а не под открытым небом. Это был даже не крик, а завывание, наполненное такой жуткой злобой и угрозой, что я не выдержал и вскочил на ноги, выхватив меч, готовый сражаться с врагом, которого не видел, но в крике которого прозвучало столько злобы.

— Стой, — сказала девушка, — не выходи за пределы круга. Он вернётся, и будучи одураченным, станет в два раза страшнее.

— Что это? — спросил я.

— Это не то, что можно убить металлом, — она кивнула

на меч. — Холодная сталь, конечно, полезна, но не как оружие, а как барьер. А что касается этого... — Гатея содрогнулась, — я никак не могу назвать его. Я даже не знаю, что может прийти. Мои предосторожности были вызваны не ожиданием его прихода, а просто тем, что это странная страна, а мы пролили кровь. Кровь — это жизнь, и по ней Тёмные силы узнают, где они могут найти жизнь.

— Ты с помощью крови сделала защитный круг.

— Я же сказала, что кровь — это жизнь, и с её помощью можно сотворить противодействующее заклинание. Теперь...

Её посох поднялся, как меч. Те, что были, вернулись вновь. Они снова давили на круг, стремясь прорвать его. Мы не могли видеть их, только чувствовали.

Дважды руки-лапы просовывались в круг в том месте, где был воткнут мой кинжал, но что-то отбрасывало их назад. Я ощущал вокруг себя жар гнева. Он как огонь обжигал мозг. Что-то тёмное, жуткое и страшное старалось пробиться к нам, оно давало нам понять, какие муки ждут нас, когда оно проберётся в звезду.

Гру поднялся, запрокинул голову и страшно зарычал, зарычал так, что у меня зазвенело в голове. И тут... Я сначала подумал, что слышу эхо его крика, но затем услышал подобный рёв, пришедший издалека. Я уже слышал раньше такой рёв, но никогда так ясно и отчётливо. Это был рёв рога лорда. Предупреждающий рёв на границе с его соседом — врагом.

Лорд этой страны услышал рёв Гру и из черноты ночи пришёл ответ — лорд ответил на вызов.

Глава восьмая

В третий раз прозвучал рог. Я был уверен, что кроме него слышу и другие звуки — что-то вроде рычания, несомненно производимого каким-то зверем. Гру ответил со всей свирепостью. Он рвал когтями лап землю — так желал вырваться на свободу и броситься на врага во мраке. Гатея шагнула к нему и положила успокаивающую руку на голову кота. Гру взглянул на неё, показав язык и обнажив зубы в улыбке.

Хотя рог больше не звучал, я увидел во мраке вспышку света и услышал грохот, как будто кто-то потрясал молнией как оружием. Мрак был таким густым, что молния вспыхнула и исчезла, а я не успел рассмотреть ничего вокруг. Молния ударила снова и затем ещё раз. Это было похоже на приближающуюся стаю хищников.

Я не мог видеть, но мог ощущать. То, что осаждало нас за пределами круга, тоже съёживалось от страха при приближении того, что сверкало молниями и гремело громом. Затем Гатея взяла свой посох. Она осмотрелась вокруг, подняла его и начала выписывать концом какие-то символы.

Они появились и заколыхались в воздухе, опускаясь и поднимаясь — зелёные... и в то же время голубые — как волны, бьющиеся о каменистые берега. Затем они разлетелись, как птицы, выпущенные на волю, но не погасли, а собрались у границ нашего круга и неподвижно зависли.

Я не услышал злобного рёва, но почувствовал, как жгучий гнев ударил меня. Но затем он исчез, как будто дверь открылась и закрылась. То, что стремилось добрать-ся до нас и уничтожить, теперь исчезло из этого мира.

Мы услышали шум в ночи, как будто те, что приближались, разделились. Одна часть направилась на север, а другая на юг. Затем и этот шум затих и наступила тишина. Я ощущал пустоту, через которую слышался только шум ветра, и ничего больше. Гру развалился на земле, опустив голову на лапу. Гатея с посохом в руке свернулась клубочком возле него, оставив мне место по другую сторону костра.

Девушка положила голову на плечо кота, как на подушку, и закрыла глаза, как будто ей — нам — нечего бояться. Но я продолжал сидеть, переживая то, что случилось этой ночью. Мне казалось, что с тех пор как я покинул долину Гарна, нет ещё раньше, с тех пор как впервые заглянул в Лунное Святилище, моя жизнь изменилась, я стал совсем другим. Я уже был не тот Эльрон, который проехал через Ворота, подданный лорда Гарна и не знающий ничего кроме своих обязанностей по обеспечению безопасности.

На меня, должно быть, очень сильно подействовал удар Гарна. Он не только нанёс мне телесную рану, но и поколебал верность клану. Однако теперь это уже не имело

никакого значения. Я не только пришёл в страну, где никто из моего народа никогда не был, я попал в страну, где мог себе сказать: «Смотри, ты — лишённый рода, и тем не менее ты — человек, ты идёшь навстречу опасностям и смело смотришь в неизведанное».

Но всё же не моё искусство спасало нас. Это я должен был признать. Талант Гатеи снова и снова вставал между нами и катастрофой. Такое признание мне было сделать не очень приятно — и не легко.

Возможно, это было обусловлено тем, что до этого я имел дело только с нашими женщинами, которые занимались исключительно хозяйством, а Гатея, я инстинктивно чувствовал это, презирала их занятия. Она была совсем не похожа на наших женщин. Я понял это с момента нашей первой встречи на море. Она никому бы не позволила сказать: это не твоя битва, отойди и дай мне защитить тебя, как это положено по древнему обычаю. Но я тем не менее ощущал стыд, что она руководит нашим путешествием.

Желание Гатеи идти на запад, её намеки на то, что Инна каким-то образом забрала то, что принадлежит по праву Гатеи, могущество, связанное с Лунным Святилищем — всё, что я принял, согласился с этим. Многое в этой стране приходилось принимать вслепую, с многим люди никогда не сталкивались, даже в балладах бардов не упоминалось о том, с чем пришлось здесь встретиться.

Я думал, кто же приходил ночью, чтобы помочь нам, спасти нас? Отозвался ли он на призыв Гатеи? Или же он сам узнал, что злые силы осадили наш лагерь. Я чувствовал, что это не люди. Но почему я думаю об этом «он»? Весь мой жизненный опыт приучил меня к тому, что охота и битва — дело мужчин.

Я раздумывал обо всём этом, подкладывая сучья в костёр, хотя он всё равно должен был скоро погаснуть из-за недостатка топлива. Но я не ложился, так как мысли тревожили меня, и играл рукоятью меча, который придавал мне чувство покоя и уверенность в себе. Я сразу начинал себя чувствовать связанным с другими людьми, которые, как и мы, пришли в эту страну, полную тайн. Я не знал, сколько прошло времени. Небо затянуло тучами, хотя дождь не начинался и буря не приходила, и на нём не было видно здешних незнакомых созвездий. Мы находи-

лись внутри круга у небольшого костра. А за пределами круга сплошной стеной стоял непроницаемый Мрак.

Я услышал мягкий звук и взглянул на девушку и кота. Глаза Гру были открыты. Он изучающе смотрел на меня. Затем он моргнул и перевёл взгляд во тьму. Я понял это как знак, что теперь я могу отдохнуть, а он берёт на себя обязанности часового.

Я растянулся на земле, подложив под голову траву и держа руку на рукояти обнажённого меча. Повязка на голове казалась мне очень тугой, и рану под ней жгло. Но несмотря на это, сон пришёл ко мне.

Я проснулся, как будто кто-то толкнул меня, но не понял, кто сделал это, так как Гатея ещё лежала, положив голову на кота, а глаза Гру были открыты, и он всматривался во тьму. Костёр уже погас, но свет его уже был не нужен. На землю приходило утро, и тьма сменилась серым полумраком.

В долине началось движение. То тут, то там прыгали олени. А ещё дальше паслись какие-то большие животные. Я поднялся на ноги и вложил меч в ножны. Любопытство одолело меня. Мне не терпелось увидеть следы того, кто угрожал нам ночью. По ним я смог бы хоть как-нибудь оценить его. А кроме того, мне хотелось знать, оставил ли следы тот, кто прогнал неведомого врага.

Я подошёл к ножу, который всё ещё торчал в земле, выдернул его, вытер травой и вложил в ножны. Затем я храбро вышел за пределы круга, чтобы осмотреть всё вокруг.

В нескольких шагах от меня темнела куча земли. Сначала я пошёл к ней. Комья земли — достаточно влажные, чтобы из них можно было слепить грубое подобие человека. Я осторожно тронул кучу носком сапога, и комья рассыпались. Это всё, что осталось от того чучела, которое сотворила из земли Гатея, чтобы обмануть зло, осаждавшее нас. Всего только земля и ничего больше. Я не мог понять, каким образом она придала этим комьям не только подобие человека, но и вдохнула в него подобие жизни. Как она это сказала? Кровь — это жизнь. У нас имелся старинный ритуал первой охоты: часть животного подвешивается на дереве, и никто его не трогает кроме птиц — таким образом

мы делимся добычей с кем-то могущественным. Но кто этот могущественный, уже давно никто не помнит.

Я обошёл кучу земли, стараясь найти следы. Встретив несколько отпечатков, я измерил их пальцами, стараясь определить размеры того, кто их оставил. Я видел когтистую лапу или руку, которая пыталась добраться до нас ночью. Самый чёткий из отпечатков был похож на лапу с когтями.

Я был уверен, что это чудовище передвигается на двух ногах. Оно должно быть огромного размера, и об этом можно было судить не только по размеру отпечатков, но и по их глубине. Я прошёлся по следам и нашёл их довольно много, но не мог определить одно чудовище или несколько осаждали наш лагерь.

Затем я прошёл дальше, пытаясь отыскать следы других — охотника и его стаи — которые спасли нас. Однако никаких следов я не обнаружил — только полосы содранной почвы виднелись в направлении, откуда пришёл звук охотничьего рога.

Я был очень озадачен отсутствием следов, так что двинулся вдаль от лагеря, осматривая землю, и вскоре дошёл до очень неприятного места. Мухи роем вились над чем-то, что походило на грудку мяса. Я подошёл поближе и увидел те же самые когтистые лапы, которые тянулись к нам ночью. Длинные и острые как ножи когти болтались на остатках кожи желтовато-белого цвета. На них сидели мухи. Вид этого чудовища вызвал у меня отвращение, я нарвал травы и прикрыл труп. Судя по всему, у нашего охотника была удачная охота.

— Эльрон!

Гатя махнула мне рукой, и я с радостью зашагал обратно в лагерь, весьма довольный, что мне не нужно расследовать происшедшее ночью. Девушке о своей находке я ничего не рассказал.

Гатя уже принялась за завтрак и кивнула, чтобы я сделал то же самое. Как обычно, она молчала, а я думал о том, какой из тысячи вопросов, которые жгли меня, задать ей. Если девушка знает что-либо, что представляет ценность для нас обоих, рассудил я, то она должна рассказать всё сама и без моих расспросов.

И я ждал, раздражённо пережёвывая холодное мясо. То,

что Забина дала мне с собой, уже кончилось. Я надеялся, что в этой долине найдутся съедобные травы, хотя было бы лучше остановиться на день и накопить мяса на дальнейший путь. А кроме того, следовало бы найти воды — ведь это важнее, чем мясо. Может, Гатея тоже размышляет над этими проблемами.

Она подняла голову и смотрела в долину, пока над травой не поднялась мохнатая голова Гру. Кот облизывался, и из уголка его пасти торчало зелёное перо. Видимо, он решил несколько разнообразить свой рацион. Девушка и кот обменялись взглядами, значения которых я не понял, и Гру отправился куда-то на север. Гатея собрала свой мешок и взяла посох, которым пользовались этой ночью.

— Там вода... — впервые нарушила она тишину, и мы направились в ту сторону, где исчез кот. Здесь трава была высокой — почти до пояса. Она полностью скрывала кота, и мы могли следить за его передвижением только по колыханию травы. Вокруг летали птицы. Я с опаской посмотрел на них. Может тот, кто приходил ночью, имел крылья? А ведь ещё существовали те ужасные чёрные птицы, которые нападали на меня в долине Гарна. Может, тут у них гнёзда.

Но я увидел самых обыкновенных птиц разнообразной расцветки. Они кружили над пасущимися оленями. Может, их привлекали мухи, в изобилии летавшие над травой. Внезапно мы вышли на тропу — полосу земли со множеством отпечатков копыт, несомненно, это был путь на водопой. Идти по ней было трудно, но всё же лучше, чем по густой траве, которая к тому же острыми краями резала руки. Вскоре мы вышли к довольно бурному потоку, видимо, текущему с гор, которые высились впереди. Струи речки, разбиваясь о камни, образовывали пышную пену.

Мы осторожно спустились к воде. Я оставил Гатею и Гру в кустах, а сам подошёл к воде и встал на камнях. Затем я осторожно разделся, сполоснулся. Бинт на моей голове намок и я снял его. Затем пробежал пальцами по лбу и убедился, что опухоль прошла, и рана уже зажила. Я выстирал и смотал бинт, будучи уверенным, что в такой стране, как эта, бинт не будет лишним.

Гатея нахмурилась, когда я вернулся, и потребовала, чтобы я показал ей голову. Внимательно осмотрев её, Гатея

сказала, что рана действительно закрылась, и я могу ходить без повязки. Сама она несколько изменила свою внешность. Волосы девушки, мокрые, несмотря на все её старания сохранить их сухими, были спущены назад длинным хвостом, который она подвязала кожаными шнурами.

Мы хотели было пойти дальше по берегу, но бурная вода захлёстывала его, и нам пришлось снова выбраться в долину, заросшую высокой травой. Однако мы пошли вдоль русла реки.

Гру тоже напился и тут же исчез. Я был уверен, что Гатей каким-то образом общается с ним даже на расстоянии.

Тучи, которые ночью затянули небо, всё ещё висели над головой, заслоняя солнце. И к ним прибавился утренний туман, который покрыл землю полупрозрачной вуалью. Животные скрылись из виду. Видимо, они приходили сюда на водопой. И хотя вокруг всё было спокойно, я не терял бдительности.

Я заметил, что Гатей продолжает нести свой посох в левой руке. Очевидно, он для неё значил то же, что для меня — меч, хотя это был всего лишь сук, очищенный от листьев.

Наконец тишина стала давить меня, и я нарушил обещание, данное себе, не расспрашивать девушку ни о чём.

— То, что рвалось к нам в лагерь ночью — ты слышала когда-нибудь о нём?

Она качнула головой: «Я не знаю, что это было — но оно пришло из тьмы, это порождение Мрака. Следовательно, против него можно применять заклинания защиты. А что касается охотника... — тут она замолчала надолго, так что я решил, что она вообще не собирается говорить. Но она заговорила: — Возможно, он тоже из Тьмы, но он враг тому, кто напал на нас. Я не знаю его природы. Мы имеем дело с творениями Тьмы и Света. И в этой стране мы можем встретить и то, и другое. Я так мало знаю!»

В её голосе прозвучало отчаяние. Я подумал, мне ли она жалуется на недостаток своих знаний, или же это просто крик души.

— О, у меня есть способности, — добавила она, — в противном случае Забина не смогла бы ничему обучить

меня. И я знаю, что во мне заложено больше, чем смогла пробудить Забина. Я сейчас нахожусь на таком уровне знаний, на каком ты, воин, был бы, если бы остановился на фехтовании деревянными мечами. Она ругала меня, называла нетерпеливой и предвещала всякие ужасы, потому что я хотела знать больше и больше, и побыстрее. И в тот момент, когда я прошла через Ворота, у меня возникло ощущение, что я вернулась домой, хотя я не знала прежде о существовании этого мира. Здесь передо мной лежали такие чудеса, о которых раньше я могла только мечтать, до которых жалкое искусство Забины никогда не смогло бы дорасти. Это! — Гатя широко раскинула руки, на лице её светилась гордость и в то же время проступала жадность. — Это страна, о которой я всегда мечтала и которой никогда не знала. Когда я пришла в Лунное Святилище в первый раз, мне показалось, что я всю жизнь ходила по той тропе. Святилище и всё вокруг приветствовало меня, как свою. Следовательно, — свирепость появилась в её голосе, — следовательно ваша леди ограбила меня, ты не согласен со мной? Она, без крупинки таланта — или с талантом, но закопанным так глубоко под всеми вашими обычаями, традициями — она взяла то, что принадлежит мне! Много ли она получит от этого?

— Ты всё время говоришь загадками, — не менее резко ответил я ей. — Что же случилось с леди Инной?

Она взглянула на меня через плечо, так как я всё время шёл сзади, открыв загорелое лицо в обрамлении густых волос, которые уже высохли, и ветер шевелил их.

— Ворота открылись, — голос её звучал напряжённо. — О, Ворота не в другой мир, как Ворота, которые привели нас сюда. Скорее, это путь в другое, более мощное Святилище — где-то на западе. Ведь все места бывшего могущества давно опустели, их могущество истощилось, ослабло. В Лунном Святилище я нашла ключ, но замок был очень стар. Я не могла открыть его, настолько он заржавел за долгие годы. Я разработала ритуал... я вызывала Луну... я... — она подняла руки и положила на грудь. — Я сделала всё это! Но я опоздала в ту ночь, когда должен был прийти ответ, и ваша леди вошла туда, куда она побоялась бы даже посмотреть. И вот она выиграла, а я потеряла всё...

Я решил, что леди Инна попала в какую-то западню, её

заколдовали где-нибудь очень далеко. Хотя как её могли переправить туда, я до сих пор не мог понять. Должно быть, она страшно испугалась, и этот страх лишил её разума. Подумав об этом, я повернулся к девушке.

— Ты знала, что она ходит в Святилище, почему же ты не предупредила её?

— Предупредить её? Я предупреждала! Но зов был настолько могущественен, что противостоять ему мог только очень хорошо защищённый, вооружённый знаниями человек. Инна — женщина, и как все дочери своего клана, она была дочерью Луны. Лунная магия влияет на всех женщин, хотя многие не осознают этого. Или признают, но не понимают, что этой магией можно управлять, но сопротивляться ей бесполезно. И она, несмотря на то, что выросла под властью всех ваших традиций и обычаев, откликнулась на этот зов... Вы могли её связать, запретить, но уже в первый раз, когда она только взглянула на Святилище, его могущество взяло её в плен, и она не смогла сопротивляться его зову.

Я осмотрелся вокруг, посмотрел на широкую долину, на горы вдаль, которые сейчас были окутаны туманом и только изредка выглядывали в просветы, чтобы снова скрыться.

— Ты уверена, что можешь найти её? — это был не вопрос, так как я знал, что она сможет.

— Да. Потому что она взяла моё... и... Смотри!

Она замолчала и взглянула на север. Затем девушка перевела взгляд на свой посох, который лежал в её руке. Она смотрела на него с полной концентрацией всех своих сил. Я тоже посмотрел на посох, и вдруг я увидел...

Этот сук, который лежал на её ладони так, что она никак не могла воздействовать на него, вдруг начал вращаться. Он повернулся, медленно, но безошибочно, и его острый конец показал на окутанные туманом горы на западе.

— Ты видишь? — спросила она. — Я очень много работала, чтобы вырастить это в себе. Оно направляет меня и ведёт. Оно ведёт меня туда, где я должна быть, где находится сейчас она!

Я не сомневался, что Гатей верит в то, что говорит. Такова уж эта страна, в которой так много странного, по которой ведёт меня девушка, уверенная в том, что ищет

высшую магию, и в то, что она обладает могуществом, которое приведёт её туда, куда надо, и не только её, но и меня.

Мы ничего больше не нашли в этой долине. Единственное, что мы видели, это стада оленей, которые паслись в отдалении. Мы затратили два дня, чтобы пересечь равнину, и каждый раз, устраиваясь на ночь, расчищали площадку от травы, и Гатея делала защитный круг. Но незваные посетители больше не появлялись. На вторую ночь тучи разогнало ветром, и луна сияла над нами во всём своём великолепии. Гатея стояла, обливаемая серебряным светом, и пела. Слова этого гимна были мне совершенно незнакомы. Он как будто воздвигнул между нами толстую невидимую стену. Эта страна была не для меня, человека и воина, я оказался её спутником только случайно.

К утру третьего дня мы подошли к подножию гор. Теперь Гатея шла вперёд медленно, часто останавливаясь, чтобы с помощью посоха проверить правильность направления. И он безошибочно указывал нам на пустынную страну, где трава уже не росла, и всё было покрыто серыми камнями с тускло-красноватыми и светло-жёлтыми прожилками. Хотя река осталась позади, мы с помощью Гру нашли источники и здесь. Но он снабжал нас не только водой. Он охотился и делился с нами своей добычей. Я уже начал думать, что нам придётся идти через эту страну целую вечность. Здесь вообще ничего не было, кроме изредка встречающихся диких зверей.

Вскоре мы набрали на долину, которая шла в нужном нам направлении. Здесь было больше растительности, а кое-где даже встречались деревья, правда, низенькие, искривлённые, и на них было неприятно смотреть. К вечеру, когда мы устроили лагерь, Гатея пришла в такое возбуждение, что не могла сидеть спокойно. Она всё время вскакивала и ходила, вертя посох в руках, как бы напоминая самой себе о том, что скоро должно произойти.

Изредка с её губ слетали непонятные слова. Гру тоже был беспокоен. Он мягко расхаживал возле костра, глядя в том же направлении, что и Гатея. Он как будто искал источник опасности впереди.

— Он чувствует! — Гатея потрянула головой.

После того как мы ушли от реки, она не стягивала свои

волосы лентой. И теперь я увидел странную вещь. Пряди волос на её голове приподнялись, хотя в воздухе царило абсолютное безветрие. Создавалось впечатление, что от неё самой исходит какая-то энергия, заставляющая шевелиться волосы.

Она вытянула руку с посохом, и я, клянусь Вечно Негасимым Пламенем, увидел на его кончике пляшущую искру огня.

— Здесь... Я здесь! — она кричала так, как будто стояла перед воротами и требовала открыть их. Она знала, что отказать ей не могут.

И затем...

Гатя бросилась бежать. Я был так поражён, что некоторое время даже не двинулся. А затем подхватил мешки, свой и её, и побежал вдогонку. Гру нёсся впереди — серебряная молния — петля между деревьями. Гатя уже исчезла из виду. Я бежал за ней, хотя уже было совсем темно. К тому же низкие ветви деревьев мешали мне отыскивать следы. В темноте я налетел на ствол дерева и почти потерял сознание от удара. Боль вернулась в мои старые раны.

Ветки хватали меня, цепляли, били по голове, царапали, и в конце концов я не выдержал и, выхватив меч, стал прорубать себе дорогу сквозь заросли. Я очень боялся потерять след Гатей и никогда не найти её снова.

Шум, который я создавал при своём продвижении вперёд, заглушал все остальные звуки. По правде говоря, я боялся остановиться и прислушаться, но ещё больше боялся отстать от девушки и остаться одному в этой непонятной стране.

К треску, который создавал я, прибавилось карканье птиц в ветвях деревьев. Дважды что-то бросалось прямо мне в лицо, оцарапав щеку когтями или клювом. После этого я двинулся вперёд, закрывая лицо локтём. Пот заливал мне глаза, рубашка прилипла к телу. Я уже изнемогал от усталости, дыхание с хрипом вырывалось из груди, но я боролся.

Это была настоящая борьба. Я был уверен, что эти деревья знают, кто я такой, и всеми силами мешают мне пройти. Мне даже показалось, что я слышу слабые крики — звуки отдалённой битвы. Я уже не мог держаться на

ногах. Но что-то заставляло меня из последних сил стремиться вперёд. И наконец, я вскарабкался на последний склон, почти потеряв равновесие, и обрубил последнюю, утыканную шипами ветку, преграждавшую мне путь. Передо мной расстиралось открытое пространство.

Глава девятая

Я стоял на краю горного плато, лишённого всякой растительности, и передо мной простиралась каменная пустыня. Впереди не было видно никаких признаков ни Гатей, ни Гру — только голые камни. Я прислушался, думая, что обогнал их, и они всё ещё продираются сквозь заросли, но всё было тихо. Они, вероятно, исчезли через одни из этих «ворот», которые мне так не нравились, так как я не мог понять, что это такое.

Я медленно пошёл через равнину. Луна светила ярко и давала достаточно света, чтобы можно было искать следы, но я понимал, что мало надежды обнаружить что-либо на голом камне.

Вскоре я подошёл к подножию хребта и увидел то, чего не мог увидеть издали. На каменной поверхности темнели вырезанные в определённом порядке углубления, достаточно большие для того, чтобы ухватиться за них рукой или поставить в них ногу. Однако я всё ещё не мог поверить, что Гатейя проделала весь путь с такой скоростью, что совершенно скрылась из виду. Как бы быстро она не бежала, я должен был увидеть, как она карабкается вверх на утёс.

Я осмотрелся, как охотник, потерявший след. Если она продолжает идти через лес, то двигаться дальше смысла не было. Но, поразмыслив, я всё же решил идти вперёд, попытаться влезть наверх.

Закрепив мешки на спине и проверив, надёжно ли держатся в ножнах меч и нож, я начал подъём. Это оказалось не так-то просто, так как я быстро понял, что выемки в скале сделаны для кого-то более высокого чем я, и мне приходилось прикладывать немало усилий, чтобы продвигаться вверх. Интересно, как Гатейя умудрилась подняться по ним.

Я лез очень осторожно, проверяя каждую выемку, прежде чем взяться за неё. Пальцы мои каждый раз погружались в толстый слой пыли, и я начал подозревать, что Гатейя не шла этим путём. Однако я решил забраться и взглянуть сверху на то, что ждёт меня впереди. Может, с высоты удастся увидеть кота и Гатейю.

Тяжело дыша, я взобрался на выступ утёса и взглянул, что же ждёт меня дальше. Я влез вовсе не на вершину — всего лишь на выступ, и сделали его, вероятно, чьи-то руки.

Чтобы увидеть, что возвышалось передо мной, мне пришлось задрать голову. Большое искусство было вложено в это творение. И сразу стало ясно, что тот, кто создал это, был чуждый людям, враждебен им.

Глубоко в поверхность утеса было вырезано изображение — огромная фигура, стоящая на ногах. В ней имелось мало общего с человеческой фигурой — скорее, угадывалось что-то птичье, но можно было с уверенностью сказать, что это фигура женского пола. Она была полностью обнажена. Единственное, что можно было посчитать одеждой — это широкий складчатый воротник.

Стройные ноги были широко расставлены, руки вытянуты вперёд, а лицо и вовсе не походило на человеческое. На нём выделялись два скошенных глаза, чересчур огромных. Эти глаза сияли красными драгоценными камнями, и в слабом свете казалось, что в них горит зловещий огонь.

Вытянутые вперёд руки увенчивались когтями. Увидев их, я тут же вспомнил труп, который забросал травой в долине возле нашего первого лагеря. Но здесь и руки и когти были из камня, а не из костей, обтянутых жёлтой кожей.

Неизвестный скульптор придал лицу именно то выражение, которое соответствовало страшным когтям. Большую часть лица занимал искривлённый клюв. Верхнюю часть тела обрамляли крылья, выставившие из тонких плеч.

Между широко расставленными ногами чернело отверстие похожее на вход в пещеру. Я согнулся и заглянул туда. Удушливое зловоние заставило меня отшатнуться. Видимо, это было логово какого-то не очень опрятного зверя. Мой взгляд помимо воли вернулся к горящим глазам. У

меня появилось беспокойное чувство, что эти глаза рассматривают меня.

Я не думал, что Гатяя вошла в эту дыру. Это было не Лунное Святилище, которое дышало миром и покоем. Нет, здесь прямо в воздухе висела угроза, какую излучали Серебряные певицы и то чудовище, которое пришло из мрака и пыталось проникнуть к нам.

Я медленно поднялся и с большим трудом оторвался от этих глаз. Мне вовсе не хотелось лезть в эту дыру. Я надеялся, что имеется и другой путь вперёд.

Он был. Я обнаружил его, обогнув эту фигуру. Мне пришлось проползти по выступу, отыскивая удобный путь для подъёма, и в то же время я старался не выпускать из виду эту птицу-женщину.

Здесь в утёсе больше не было выемок, чтобы помочь в подъёме. Но на северной оконечности выступа я нашел расщелину, по которой смог лезть дальше.

И как только я добрался до расщелины и бросил последний взгляд на статую, как в тёмной дыре между ног послышались звуки. Я быстро повернулся, прижался спиной к камню и обнажил меч. Сначала послышался шелест, а затем громкий вопль, напоминающий крик совы.

В чёрном отверстии появилось что-то бесформенное и сгорбленное. Оно поворочалось и затем поднялось на когтистых лапах. В отличие от статуи, из логова выбралось чудовище мужского пола и немного ниже, но с такими же когтями и клювом.

Голова повернулась на сутулых плечах. Она казалась даже более уродливой, чем у статуи. Только глаза горели таким же ярко-красным злым огнём.

Оно повернулось ко мне и уставилось на меня. Крылья затрепыхались за спиной, но полностью не раскрылись. Чудовище заковыляло ко мне, и крылья ему служили только для того, чтобы удерживать равновесие. Когти вытянулись во всю длину, готовые вонзиться в меня. Оно издало пронзительный крик.

Сложив крылья, чудовище бросилось на меня, но мой меч был готов. Казалось, что чудовище никогда не имело дел с соперниками, готовыми защищаться, так как всё его тело открылось для удара.

И острое лезвие меча ударило точно — где крыло

соединяется с туловищем, и как раз в тот момент, когда его когти зацепили ремни мешков.

Голова страшилища упала на второе плечо, и капли чёрной жидкости брызнули вверх, причём некоторые из них попали мне на кожу, обжигая её огнём. Существо отпрянуло назад, бессмысленно царапая воздух страшными когтями передних лап. Крылья раскрылись полностью и тщетно били воздух. Я решил, что наш поединок на этом и кончится, и чудовище тут же погибнет. Но я очень ошибался.

Голова его висела на груди. Она, по-моему, держалась только на полоске кожи, да на сухожилиях. Кровь фонтаном била из раны, когда чудовище пошло в новую атаку.

Я ударил второй раз, на сей раз направив меч на одну из когтистых передних лап, и та упала на камень передо мной. Я приготовился отразить третью атаку чудовища, и тут уголком глаза заметил, что отрубленная лапа обрела жизнь и как жуткое насекомое подбирается ко мне.

Струя крови из разрубленной лапы, которую зверь протягивал ко мне, как будто не заметив, что на ней уже нет когтей, оросила мою руку с мечом. И снова пламя обожгло руку. Я удержал меч, страшным усилием воли преодолевая боль.

Возможно, эта гадина знала, что я испытываю, и поэтому она, держа в отдалении свой обрубок, принялась поливать меня чёрной кровью. Капли жгли лицо, некоторые попали на горло, незащищенное кольчугой. Я очень боялся, как бы они не попали мне в глаза.

И несмотря на обжигающую боль в пальцах я бросился вперёд и нанёс сильный удар. На меня брызнул фонтан крови — прямо на укрытые кольчугой плечи. Я тут же отпрыгнул назад. Удар пришёлся прямо в живот чудовищу. Кровь била струёй и обжигала огнём незащищённые места моего тела.

Казалось, что убить это существо невозможно. Сокрушающий удар, которым я развалил его тело чуть ли не пополам, только добавил крови, как будто я разрубил бурдюк с водой. Я не мог поверить глазам, увидев, как из этого тщедушного существа выливается столько крови, будто оно было неисчерпаемо. Но я заметил, что теперь ему для атак требуются крылья для поддержки. Я должен

был рискнуть получить ещё порцию жидкого огня, но постараться обрубить их. Бросившись вперёд, я чуть не упал, поскользнувшись в луже крови. Со всей яростью я нанёс удар и тут же отскочил назад, так как изуродованное окровавленное чудовище снова пошло на меня, раскинув лапы в стороны, хотя голова его висела на груди, держась на тоненькой полоске кожи, так что оно не могло видеть меня.

Это позволило мне сделать шаг в сторону и ударить по крылу. И снова удар пришёлся прямо в цель.

Мой враг упал на спину, царапая камень изуродованным крылом, а целое крыло било воздух сильными ударами. Эти несогласованные движения привели к тому, что тело чудовища прижалось к стене выступа справа. Я тут же бросился вперёд, чтобы нанести удар по второму крылу.

И вот я, тяжело дыша и прижимаясь к скале, в ужасе смотрел, как этот окровавленный обрубок поднимается, чтобы снова пойти на меня. Кровь хлестала из него во все стороны, как из дырявой бочки.

Я думал, что теперь-то уж чудовище беспомощно. Но одно ли оно в той норе, охраняемой статуей? Внутри не было никакого движения. Но может быть, они ведут ночной образ жизни и сейчас летают где-нибудь в ночи. Чем скорее я уберусь отсюда, тем лучше, хотя взбираться на скалу, когда в любую минуту могут появиться эти чудовища, было весьма рискованно... Я мог только надеяться, что мне повезёт, и я смогу добраться до вершины без борьбы.

Подвесив меч к поясу и стараясь не касаться его поверхности, испачканной кровью, я вытер руки о штаны. Места, куда попали капли, ужасно жгло.

Закрепив мешки, я повернулся к утёсу. Фортуна улыбнулась мне, так как выше расщелина расширялась, и я полностью мог укрыться в ней. Так что я перестал опасаться нападения с воздуха. Чудовище, которое напало на меня, было ещё живо и тихо ворочалось внизу.

Вид этого изувеченного страшилища и звуки, которые оно издавало, придали мне силы для бегства, заставив забыть боль в руках. И я очень быстро добрался до вершины утёса. Меня подгоняла необходимость найти убежище, где я смогу спрятаться от жутких созданий.

И здесь меня ждал второй подарок фортуны — здесь рос лес. Я бросился к нему, уверенный, что под прикрытием крон я окажусь в относительной безопасности от крылатых чудовищ.

И с той же яростью, с которой старался выбраться из зарослей внизу, теперь постарался забраться в самую гущу этого леса. Схватив пригоршню листьев, я начисто вытер меч и руки, а затем залез в мешок, чтобы достать лекарства, которые Забина дала мне с собой. Затаив дыхание от боли, я смазал обожжённые места сначала на руке, а потом на лице.

Постепенно боль стала утихать, и мне оставалось только надеяться, что яд не очень сильный. Но я в этом не был уверен, так как вскоре начал дрожать от холода, хотя ночь стояла теплая. Кроме того, меня затошнило, рот наполнился слюной, а голова отчаянно кружилась. Я не мог стоять на ногах, не держась за дерево.

Может быть, этот яд коснулся и мозга, так как я вдруг снова очутился на уступе, снова увидел отрубленную лапу, которая угрожающе ползла ко мне, желая отомстить за своего хозяина. Но потом я взял себя в руки и стал оглядываться вокруг, прислушиваясь, чтобы не пропустить приближения врага.

Я, должно быть, долго витал в кошмарных видениях, так как когда очнулся от последнего, где отрубленная лапа приближалась ко мне, а у меня не оставалось даже сил поднять меч, оказалось, что уже наступил день. Яркие пятна света лежали на земле тут и там, видимо, листва недостаточно плотно закрывала небо. Горло у меня пересохло, я достал дрожащими руками бутылку и напился.

Зловоние от крови, покрывавшей кольчугу, вызвало новый приступ тошноты. Я поднялся на ноги, но тут же ухватился за дерево. На руке чернела огромная запёкшаяся рана. Я попытался пошевелить пальцами, кожа треснула, и я еле сдержал крик боли. Я не имел понятия, куда идти, но знал, что должен найти воду, чтобы вычистить одежду и обмыть раны.

Здесь наверняка имелись источники воды или ручьи. Оставалось только найти их. Я надеялся, что фортуна пока не отвернулась от меня.

Мухи облаком роились надо мной. Я решил, что их

привлекает зловоние, исходящее от моей одежды. Я пробирался от дерева к дереву, часто останавливаясь для отдыха, и через некоторое время очутился на краю поляны. Она лежала передо мной, ярко освещённая солнцем. Это наполнило мою душу радостью. Я почему-то был уверен, что чудовище, напавшее на меня, вело ночной образ жизни, и, следовательно, теперь у меня впереди целый день, чтобы уйти подальше от его логова.

На западе возвышались горы, но я направился на север, чтобы идти под прикрытием леса. Но вот лес кончился, и я стоял на опушке, выбирая путь полегче, который бы потребовал от меня поменьше сил. Высокая трава, из которой кое-где торчали камни, покрывала землю. Долина подымалась вверх, но склон был не очень крут, так что вполне можно было идти вперёд. И я пошёл по долине, так как не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы взбираться на скалы.

Я уже отошёл достаточно далеко от леса, как вдруг понял, что иду по мостовой — по каменным плитам, которые были уложены так искусно, что между ними не оставалось даже трещинок с землёй. Дорога была не такой широкой, чтобы по ней могли проехать фургоны, но всадники легко могли бы проехать по ней. Как бы то ни было, мне снова повезло. Я медленно шёл вперёд, останавливаясь отдохнуть и преодолеть приступы кошмарного бреда, которые приходили так внезапно и заставляли меня обливаться холодным потом от страха.

Эта мощёная тропа — я не мог назвать её дорогой — вела на север. Постепенно я подбрёл к ущелью между двумя огромными утёсами, вершины которых врезались в самое небо.

Несмотря на жар солнца, на меня регулярно накатывали волны холода, иногда такие сильные, что мне приходилось прислоняться к камню и ждать, когда они отхлынут.

В широком ущелье была вымощена только центральная часть. Пространство же между тропой и скалами было тщательно очищено от камней. Я предположил, что это сделано для того, чтобы здесь невозможно было устроить засаду. Думая об этом, я внимательно осматривался. Вспомнив о крылатых чудовищах, я ускорил шаг, чтобы пройти как можно больше при свете дня.

О Гатее и Гру я не вспоминал. Теперь мне приходилось думать о собственной безопасности, и это требовало концентрации всех моих сил.

Дорога снова пошла в гору. Но наклон был пологим, так что я мог не сбавлять скорости шага. Прохладный ветерок, дувший навстречу, относил назад зловоние засохшей крови с перепачканной одежды. Наконец я вошёл в ущелье и смог внимательно рассмотреть первые бастионы западных гор.

Спуск оказался гораздо более сложным, чем подъём. Однако те, кто построили эту дорогу, позаботились об удобстве путников: на перевале был сделан каменный бассейн, куда постоянно втекала свежая вода.

Я бросился к бассейну, упал перед ним на колени и погрузил руки по локоть в холодную как лёд жидкость, которая успокоила боль в обожжённых руках.

Я не смог воспротивиться искушению: сначала снял меч и положил его рядом, затем скинул кольчугу и рубашку и вымыл их влажным песком из бассейна. И стал тщательно смывать с лица и тела все следы недавней битвы. Обожжённые места на коже горели огнём. Я снова намазал их мазью Забины — мне очень хотелось верить, что она поможет. На руке же так и остался огромный красный шрам в том месте, куда попала ядовитая кровь.

Наконец, избавившись от зловонной грязи, я решил немного поесть. Я сидел, скрестив ноги, у бассейна, ел и осматривал страну, лежавшую передо мной.

Внизу расстилалась странная земля. Некоторые участки выглядели настоящей пустыней, так как на них не росло никакой растительности, а земля была жёлто-коричневого цвета. Дорога, вымощенная светлыми камнями, поворачивала на юг, огибая горы. Причём она шла по самому краю гор, очевидно, вырубленная в самой скале. Эта гигантская работа строителей поразила меня. Я знал, каких трудностей стоит проложить дорогу даже по равнине между владениями соседних лордов. Для этого требовалось очень много людей, и даже самые большие из наших кланов редко отваживались на такое грандиозное предпринятие. А здесь каменные блоки были уложены прямо в скале. Меня изумило искусство строителей. Сколько же времени потребовалось на это, и какой могущественный правитель

имел столько людей в подчинении, чтобы решиться на такой титанический труд?

Дорога вела прямо в лес. Издали он казался мне лишь большим зелёным пятном. Я сидел и размышлял, стоит ли идти дальше, или лучше остаться на ночь здесь? Не слишком ли я близко от зловещей пещеры, откуда могут напасть крылатые чудовища? Может мне лучше пойти по дороге и добраться до деревьев? А может, в этих деревьях таится какая-нибудь иная опасность?

В конце концов, мысли о нападении крылатых чудовищ подняли меня и погнали дальше. Отдых, пища и вода подкрепили мои силы. Если ночь будет лунной, это поможет походу. Я осмотрел горизонт в поисках туч и не обнаружил ни одной. Да, лучше устроиться на ночь на опушке леса.

И твёрдо убежденный в том, что пришёл к наимудрейшему решению, я уверенной походкой направился вперёд. Я шёл и думал о Братях с Мечами. Видели ли они чудовище, с которым я сражался, или Серебряных Певиц, или неведомого охотника, пришедшего нам на помощь? Знали ли они обо всём этом, когда вели нас по прибрежным землям? Я всегда мечтал оказаться среди них, вести разведку в новых, неизвестных странах. И вот я один в неизвестной земле, и настоящее исследование страны оказывается вовсе не похожим на мечты.

Дорога позволяла мне идти довольно быстро. Она нигде не поднималась круто вверх, видимо строители заботились об удобстве передвижения путников, — она огибала скалы из того же, что и везде, камня — серого с красными и жёлтыми прожилками. Но плиты дороги были вырезаны из другого камня, очевидно, привезённого откуда-то из других мест. Светло-серая брусчатка существенно отличалась от окружающих более тёмных камней. Я прошёл уже треть пути, как вдруг заметил, что каменные плиты, по которым я шёл, больше не гладкие. В каждой из них были вырезаны символы. Одни из них, чернильно-чёрного цвета, напомнили мне цвет крови чудовища, которое напало на меня из пещеры. Другие были красного цвета, похожие на мою собственную кровь, впитавшуюся в камни.

Сами символы были очень сложными, и мне было трудно рассмотреть их детально. Я старался не разгляды-

вать их, так как от их сложности кружилась голова. Я решил, что эти символы характеризуют какие-то злые, враждебные силы, и те, кто строил эту дорогу, вырезали их в плитах дороги, чтобы попирать их ногами и тем самым утверждать своё могущество, свою власть над этими злыми силами. Но это было только моё предположение, и я прервал поток мыслей, чтобы не зайти слишком далеко в размышлениях.

Мне хватало того, что цвет символов был неприятен, и я решительно отвёл взгляд от дороги. Но не все плиты были украшены символами. Довольно часто встречались чистые плиты, и я использовал их для того, чтобы отдохнуть, перевести дух и взглянуть на деревья, которые пока оставались всё также далеко, как будто я не шёл к ним, а стоял на месте.

Воздух был недвижим; только однажды кожу тронул ветерок, правда, как и полагается в пустыне, горячий и сухой. Когда дорога снова свернула на запад, я решил, что мне нужно постараться побыстрее пройти эту часть страны.

Идти на запад? Когда Гатея исчезла, и некому вести меня? Впервые с момента исчезновения Гатеи я понял, что до сих пор не задумывался, что же мне делать дальше. Если Гатея действительно знала судьбу Инны, то мне она не дала никакого ключа к этому. Бродить по этой дикой стране и пытаться найти следы, которые возможно вообще не существуют, казалось мне довольно глупым занятием.

И всё же, что ещё я мог предпринять? Единственное, что я знал, — это путь на запад. И я должен идти на запад. Мне — лишённому имени, лишённому клана — ничего другого не оставалось делать. Предаваясь таким горьким мыслям, я шёл по украшенным зловещими символами плитам. Затем, так как уже близился вечер, я перешёл на лёгкую рысь и, наконец, добрался до цели — места, где дорога углублялась в лес. Я остановился, раздумывая, стоит ли мне заходить в него, когда уже близится ночь.

Глава десятая

Я приготовил себе лагерь с большой тщательностью: из толстых сучьев сплёл навес, который совершенно закрывал меня сверху, так что теперь никакие птицы не могли

заметить меня. Могут ли крылатые чудовища отыскивать жертву по запаху, я не знал, но костер разводить не собирался, чтобы не привлечь ничьего внимания.

Вспомнив, что Гатея говорила о холодной стали, я положил нож у входа в шалаш, а меч — возле себя, затем отложил мешок Гатеи в сторону, а свой собственный тщательно исследовал, чтобы определить, сколько пищи у меня осталось.

Вернулись головная боль и боль от ожогов, и хотя мазь действовала довольно благотворно, раны мои залечились не полностью. Во всяком случае, боль не давала мне уснуть.

В лесу, поблизости от шалаша, тихо не было. Слышались какие-то звуки, тихое шипенье, шелест листьев. Всё выглядело так, как будто жизнь здесь пробуждалась ночью. Однажды я услышал зловещее уханье, и моя рука тут же стиснула рукоять меча. Однако никто не обращал на меня особого внимания.

Снова и снова я думал о Гатее, снова ругал себя за то, что упустил её след, и теперь не знаю, где искать девушку, куда идти.

Несмотря на все старания, я засыпал, затем просыпался и снова засыпал, но всё время прислушивался и был готов ко всему.

Что я буду делать утром, я не знал, но о возвращении обратно по дороге даже и не думал. Мне совсем не хотелось ещё раз повстречаться с крылатыми чудовищами. Ведь во второй раз мне может и не повезти в битве. Единственное, что мне оставалось, — идти вдоль гор и искать следы Гатеи, или Братьев с Мечами, которые тоже уехали на запад. Впервые с тех пор, как Гарн изгнал меня, я понял, что такое быть совершенно одиноким. В эту ночь я осознал, что нет худшего наказания для человека, чем остаться одному. Я понимал, что мои надежды отыскать леди Инну с тех пор, как исчезла Гатея, стали очень призрачными. У меня не имелось ни малейшего шанса на успех.

Но я решил продолжать поиск, пока смерть не остановит меня — и что ещё мне оставалось делать?

Ночь была долгой, а мой прерывающийся сон — совсем коротким. К счастью, никто не посягал на мой шалаш, как будто я был невидим для всех обитателей этой ночи.

Пришёл рассвет. Я перекусил, перебросил мешки через плечо и зашагал дальше по плитам дороги.

Она повела меня в лес, где могучие кроны деревьев совершенно закрывали небо и не пропускали солнечные лучи. Плиты дороги стали абсолютно чистыми и светлыми. Даже казалось, что они сами испускают слабое свечение. И теперь на них не были вырезаны эти неприятные для глаза символы.

Сама дорога перестала быть прямой. Она петляла среди толстых деревьев с гладкой красно-коричневой корой и совершенно голыми стволами, а могучие ветви с листьями росли только высоко над землёй — у самых верхушек.

Я шёл уже довольно долго, когда моё внимание привлекли эти необычные деревья. Их ярко-зелёные листья казались совсем свежими, как будто сейчас пришла весна, и они только что распустились. Но странность заключалась не в этом — когда я проходил мимо, листья начинали шелестеть сами по себе, хотя стояло абсолютное безветрие. Я остановился и взглянул вверх. Действительно, я не ошибся. Листья над моей головой пришли в движение — они как будто переговаривались друг с другом.

Может, это яд так действует на мой мозг, что мне чудятся всякие невероятные вещи? Хотелось бы мне, чтобы это было так — ведь не мог же я всерьёз думать о говорящих деревьях?

Страх у меня не появилось — только любопытство. Я думал, стоит ли мне идти дальше? Ведь если одна из этих могучих ветвей рухнет мне на голову, то это означает верную смерть. Листья всё шелестели и шелестели. И я начал верить в то, что они разговаривают между собой на незнакомом мне языке.

В этом шелесте я ощущал нетерпение — как будто они ждали от меня ответа и не могли дождаться. Я так проникся этим, что даже спросил вслух:

— Что вы хотите от меня?

Листья так зашелестели, как будто ураган пронёсся над лесом. Даже толстенные суки зашевелились, как бы желая наконец привлечь к себе моё внимание.

Листья шелестели, и чем дольше я смотрел на них, тем больше мне казалось, что это вовсе не листья, а тысячи языков пламени, ярко-зелёного пламени. Да, ярко-зелё-

ного, но с проблесками ярко-голубого, и жёлтого, и тёмно-фиолетового... я стоял как бы под тканью, чудесным гобеленом, на котором был выткан незнакомый мне узор.

Разноцветные огни стали спускаться вниз, может, они капали с листьев. Я не мог отвести от них взгляда, когда они постепенно начали кружиться вокруг меня.

Я давно уже шёл в лесу и не мог сказать, где нахожусь. Единственное, что я знал точно, — здесь никогда не бывали люди. Свет вокруг меня становился всё ярче. Страх у меня не было. Я ощущал только благоговейный трепет: ведь я видел то, что никто кроме меня не видел. Световой гобелен разделился и разошелся в две стороны наподобие занавеса. И передо мной пролетело что-то совсем другое.

Во мне вспыхнуло чувство беспокойства, которое охватывает каждого, кто смотрит в неведомое. Но я ждал, я хотел знать, что ожидает меня.

Она была высокая и стройная, эта женщина, которая возникла передо мной, одетая в сверкающее зелёное платье из множества мелких листьев. Эти листья не лежали спокойно, они непрерывно переливались с места на место, открывая то стройные ноги, то упругую маленькую грудь великолепной формы, то плечи, а затем снова скрывали её всю от горла до коленей.

Волосы её были распущены, но они не лежали спокойно на плечах. Нет, они, как и листья, непрерывно шевелились, летая туманным облаком вокруг головы. Они тоже были зелёными, но то тут, то там в них вплетались краснокоричневые пряди. Краснокоричневой была и её кожа, которая поразительно контрастировала с яркозелёной одеждой. •

На её лице выделялись огромные, зелёные как прекрасный изумруд глаза. Так же блестяли и ногти на её руке, которые я заметил, когда она подняла ладонь, чтобы поправить пряди волос.

Она была прекрасна. Я даже не подозревал о существовании такой неземной красоты. Такая красота не приходила ко мне даже во снах. Однако во мне не возникло никакого желания, так как между нами не было моста, который я мог бы перейти. Я мог только смотреть на неё, как на прекрасный цветок, и изумляться этой красоте.

Эти огромные чёрные глаза смотрели на меня, и нельзя было защититься от их чар, да я и не искал защиты. Я ощущал прикосновение её разума, более мягкое, более интимное, чем прикосновение руки или тела.

— Кто ты, идущий по старой дороге Алафиана?

Не слова — мысли. Я тоже ответил без помощи губ. Её вопрос всколыхнул память, и я начал живо вспоминать то, что я считал давно забытым. Всё, с того самого дня, как мы вошли в долину Гарна.

Но я вспоминал не по своей воле. Кое-что мне хотелось бы забыть навсегда, но, увы, это не в моих силах. Я вспоминал, и она читала мои мысли.

— Итак...

Моя память была полностью исчерпана, но я не обижался на неё за это. Я считал, что её право знать, кто я такой и зачем пришёл в эту страну. Ведь моё вторжение должно было нарушить счастливый покой.

— Ты пришёл не туда, куда тебе надо, человек. Но твои поиски ведут тебя. И...

Её мысль исчезла на мгновение, оставив меня страшно опустошённым, чувствующим на себе тяжесть большую, чем просто одиночество.

— Тебя ведёт долг. Твои заботы далеки от нас. Мы не можем ни помешать тебе, ни помочь. Ищи, и может, ты найдёшь больше, чем ожидаешь. Многое возможно, если правильно взяться за дело. Иди в мире, хотя не его ты ищешь, ибо мира нет в твоей душе.

Снова мысль её исчезла. Но теперь уже занавес захлопнулся и рассыпался яркими искрами, надолго ослепившими меня.

И снова я оказался на старой дороге под деревьями. Листья не шелестели надо мной. Деревья стояли спокойно, как будто жизнь, только что наполнявшая их, исчезла.

На мою ногу упал маленький лист, совершенный по форме и ярко-зелёный, как глаза девушки. По его краю бежал краснокоричневый ободок. Такого же цвета было её прекрасное тело.

Может, меня опять посетили видения, вызванные телесной слабостью? Нет, я не мог поверить этому. Я наклонился и поднял лист. Он совсем не походил на обычный лист дерева, который можно засушить и расте-

реть в пыль. Нет, он был тяжёлый, как будто вырезанный из камня, неизвестного нашему народу.

Я аккуратно опустил лист в кожаный кошелёк. Для чего она оставила его, я не знал, хотя надеялся, что это подарок, и решил хранить его, как бесценное сокровище.

Я долго не мог двинуться дальше, стоя под деревьями, и всё чего-то ждал, пока наконец не понял, что то, что я видел, больше не вернётся. На утёсе я встретился с ужасом в виде крылатого чудовища, здесь, в лесу, повстречался с красотой. Видимо, в этой стране можно испытывать либо страх, либо благоговейный трепет — третьего не дано.

Наконец я снова пошёл по дороге, которая вилась среди деревьев, но теперь уже листья не болтали обо мне. Я хотел поскорее уйти отсюда, так как один вид их напоминал мне об утрате, о боли, которая теперь терзала меня, не тело, но душу.

Я даже не остановился поесть, хотя изрядно проголодался, а только шагал вперёд, пока не вышел на открытую местность. Здесь я свернул с дороги, так как она вела на север, а я был уверен, что мне нужно на запад. Впереди снова возвышалась цепь гор, а прямо передо мною расстилась земля, поросшая кустарником и деревьями. И тут я увидел нечто, привлекавшее моё внимание.

Крепость — здесь?

Каменные стены, башня — строение, подобное тем, которые я помнил со времён, когда мы ещё не проходили через Ворота. Можно было подумать, что я вернулся в мир, где родился. Вот только знамя лорда не развевалось на башне и не было заметно никаких признаков жизни в стенах.

В который раз я уже подумал, зачем барды открыли нам Ворота и привели в этот мир? От какой угрозы бежали мы? Почему многое было оставлено в нашей памяти, а именно это стёрто? Передо мной возвышалась крепость, которая могла принадлежать только очень могущественному лорду. Если эту крепость построили люди, как и мы, значит, мы можем найти союзников в этом чужом мире.

Стены были мне странно знакомы, и я бросился к крепости сквозь кустарник. Когда-то здесь лежали поля. Тут и там среди травы виднелись колосья, уже созревшие для жатвы.

Я набрал горсть колосьев, потёр их в руках, отделяя зерно, и сунул его в рот, как часто делал на полях моего детства. Вкус ничем не отличался от нашего хлеба. Как же близки между собой миры, связанные Воротами. Во всяком случае, то зерно, что привезли мы, должно было дать здесь урожай, если, конечно, не вмешаются враждебные силы.

Я жевал зерно и шёл к крепости. И чем ближе я подходил, тем больше она казалась мне знакомой, похожей на наши крепости. Я понял, что те, кто построил её, вынуждены были защищаться от кого-то. Толстые стены, узкие окна высоко над землёй...

Однако массивные ворота были не просто открыты — они висели на одной петле, открывая проход. Стало ясно, что и эта крепость давно покинута. Камни стен мало походили на камни соседних гор: гораздо более весёлой расцветки, они сверкали в лучах заходящего солнца, как будто в них были врезаны кусочки серебра. В этом чувствовалась какая-то чуждая красота. Она придавала этому могучему сооружению некоторое легкомыслие.

Над воротами из стены выдавалась отполированная до блеска каменная плита. На таких плитах у нас обычно изображался герб клана, здесь же на входящих смотрел кот — белосеребряный кот, похожий на Гру. И он не скалил хищно зубы, как можно было ожидать из его расположения. Нет, он просто сидел и длинный хвост его изогнулся так, что кончик лежал между передними лапами.

Зелёные глаза, такие же блестящие, как у лесной леди, были сделаны так искусно, что казались живыми, и каждый, кто входил в ворота, был уверен, что кот наблюдает за ним. Не знаю, почему, но я отдал военный салют этому безмолвному стражу, который так долго и бесценно несёт свою службу.

Я прошёл в ворота и попал в большой двор. Прямо передо мной возвышалась крепость, увенчанная башней. Я увидел, несомненно, дом, а не просто зал для собраний. Здесь жил сам лорд и двор окружали подсобные помещения, склады, оружейная. Вдоль стен лепились хозяйственные постройки — сараи, стойла, бараки для слуг и оруженосцев.

За исключением сломанной двери ничто не говорило о

времени, наложившем свою тяжёлую руку на эти построй-ки. Любой из наших кланов с удовольствием сменил бы свои деревянные сараи на такое прекрасное сооружение.

Я смело двинулся вперёд. Может быть, потому, что здесь всё выглядело знакомым, я не ощущал беспокойства, которое не покидало меня с тех пор, как я вместе с Гатеей вошёл в эту страну, полную непонятого колдовства. За распахнутой дверью в башне на полу валялось множество сухих листьев, занесённых сюда ветром. Это с очевидностью доказывало, что крепость пустует уже не первый год.

Над аркой я увидел полоску блестящего камня, по которому затайливой вязью тянулись буквы. Что это? Предупреждение? Приветствие? Имя лорда? Я мог только предполагать, ибо ответа мне ждать было неоткуда.

Затем я прошёл в большой зал. Всё, что здесь осталось от мебели, было сделано из камня. Я увидел помост и на нём четыре кресла с высокими спинками, украшенными сложным рисунком, которого я не мог разглядеть от входа. Кресла были сделаны из зелёного камня, такой же камень пошёл на два стола и длинную скамью вдоль стены.

Здесь царил полумрак, так как окна располагались почти под потолком и были довольно маленькими. Возле стола я увидел огромный камин. В него, вероятно, можно было сунуть ствол целого дерева. Камин с обеих сторон поддерживали два кота, каждый из которых выше меня. И опять здесь тянулась вязь писмен, которые сверкали, несмотря на недостаток света.

Любопытство, которое смешивалось со странным ощущением того, что всё это мне знакомо, заставило продолжить исследования. По лестнице я поднялся наверх, в комнаты. Здесь также было пусто. Вся мебель состояла только из больших каменных очагов, тоже испсанных загадочными буквами. Может, когда-то эти стены покрывали ковры, но теперь они были голы. На полах лежал толстый слой пыли, по которому тихо ступала моя нога — первая за много лет.

Я нашёл кухню, тоже оборудованную каменными столами для приготовления пищи. Я обнаружил здесь хитроумную систему для нагрева воды — такого мой народ не знал. Сейчас вода была холодная и очень вкусная. Я с

большим удовольствием напился, а затем вернулся в зал, решив провести здесь ночь.

Когда наступила темнота, я обнаружил, что буквы, которые и днём, казалось, были чересчур яркими, теперь начали светиться. Они освещали почти весь объём зала. И чем становилось темнее, тем ярче светили они. Я подошёл и стал внимательно осматривать изображения на панели. Хотя камень был укреплен слишком высоко, мне всё же удалось рассмотреть, что кроме букв там изображались различные сцены. И всё это были сцены охоты. Но охотников, которых я ожидал увидеть, там не было. Там были изображены коты: коты, сидящие в засаде, коты, прыгающие на своих жертв. И каких жертв! Я без труда обнаружил крылатых чудовищ, с одним из которых мне пришлось сражаться. И это было наименее странное существо, которое мне удалось рассмотреть. Внимательное изучение этих картин убедило бы любого отказаться от путешествия по этой стране. Если, конечно, эти чудовища не исчезли со временем.

Я рассмотрел змею, вернее, так я назвал этого зверя, когда в первый раз заметил его и не успел разглядеть повнимательнее. Рогатая голова, высоко посаженная на торсе человека, который переходил в чешуйчатое тело змеи, оканчивающееся опять же человеческими ногами. В обеих руках чудовище держало по мечу, угрожая ими коту, который искал возможность прыгнуть на него. Вся осанка этого неведомого чудовища выдавала в нём опытного искусного воина.

Другой кот запрокинул голову, издавая торжествующий вопль, какой я, видимо, слышал от Гру. Под его могучей лапой корчилося прижатое к земле какое-то существо. Разглядеть его я не мог, так как видел только спутанные волосы, да вытянутую лапу с огромными когтями, которыми зверь всё ещё старался ухватить своего упивающегося победой врага.

То, что эти картинки отображали истинные события, сомнений не вызывало. И я подумал о своём беспечном вторжении в эту страну, где, возможно, всё ещё не перевелись такие чудовища. С одним из них мне пришлось уже столкнуться. Я также вспомнил о леди Инне и Гатее,

хотя помочь им я не мог, так как понятия не имел, где их искать.

Здесь совсем не было топлива, чтобы разжечь огонь в камине, но я сел возле него и решил немного поесть. Запасы еды у меня уже кончались и я решил, что завтра мне нужно будет пойти на охоту. Здесь, на заброшенных полях, наверняка пасутся олени или ещё что-нибудь съедобное. Затем я напился и снова прошёл по залу.

Стемнело, и я представил себе, что здесь собрались люди и ждут сигнала лорда на ужин. Я расхаживал по залу и представлял себя великим и могущественным лордом, звуки голоса которого способны вселять страх и трепет в сердца людей. Но я был без рода, без имени, и моё будущее было таким же пустым, как и этот тёмный зал. Да, я мог быть лордом только теней, населяющих дальние углы этого громадного зала.

Но всё же я гордо прошёл мимо громадного очага, поднялся на помост и двинулся мимо ряда кресел в центр. На ходу я рассматривал изображения на спинках. Здесь были вырезаны уже не сцены охоты и сражений. Напротив, на спинках смешались фруктовые деревья, тучные нивы, красивые цветы. Всё это заставило меня вспомнить о лесной леди и подумать, кто же она такая? А может, это был дух леса, который явился, чтобы узнать мои намерения, оценить меня?

Я прошёл к центральному креслу и уселся на него. Оказалось, что оно мне вполне подходит. Конечно, оно было твёрдым, ведь мне приходилось сидеть на голом камне, но всё же оно было достаточно удобным. Я положил руки на стол и всмотрелся в даль зала. И тут моё внимание привлёк стол. На его поверхности тоже змеились какие-то символы. Я начал водить пальцами по замысловатым линиям. Раз... другой... третий... Не знаю, почему я водил по ним пальцами правой руки, на которой всё ещё пламенел шрам, полученный в битве с чудовищем.

Три раза...

Линии стали ярче. Может, я просто стёр с них пыль? Я взглянул на другие символы, но те, что лежали передо мной, светились ярче всех.

Откуда-то... может прямо в воздухе... родился звук, чуть похожий на звук рога. И кроме того, послышался бой

барабана. Или же это был хор голосов, звучащий на одной ноте? Я никогда раньше не слышал такого звука. Я невольно вскочил с кресла, и ухватившись руками за его спинку, широко раскрытыми глазами всматривался во мрак зала, стараясь определить, откуда исходит этот звук.

Он повторился три раза. Последний раз звук пришёл откуда-то издалека, я даже решил, что это просто эхо. Мрак, который не могло побороть даже сияние надписей над камином, всё сгушался.

У меня возникло ощущение, что крепость, куда я вошёл, стала как-то меняться. Ничего не видя во мраке, я чувствовал, что вокруг меня что-то происходит. Я сжал спинку кресла так, что острые углы врезались мне в ладони. Темнота стала непроницаемой. Я падал... или летел... или меня тащили... куда-то в другое место — а может в другое время — откуда бежать было невозможно.

Глава одиннадцатая

Видимо, эта чернота была вызвана каким-то колдовством, и когда я очнулся, то сразу понял, что всё случившееся — не сон, хотя мне очень хотелось бы, чтобы это было сном. Я сидел в кресле за столом, но когда взглянул на зал, то увидел, что он кем-то заполнен. Я попытался рассмотреть тех, кто там находился, но все они казались подёрнутыми дымкой и я не смог ясно рассмотреть их. Перед моими глазами проплывали только смутные очертания фигур, да бледные размытые цветовые пятна, я не смог рассмотреть ни одного лица. У меня возникло ощущение, что многие из тех, что возникли в зале, походили на меня, но среди них попадались и другие, незнакомые мне формы тела — некоторые красивые, некоторые уродливые. Но все они дружески общались между собой.

Стало ясно, что в зале происходит празднество по какому-то торжественному поводу. Это я скорее почувствовал, чем услышал. Вокруг слышались какие-то звуки, но они мало походили на голоса. Скорее это напоминало шелест волн на песчаном берегу.

Я наклонился вперёд, стараясь рассмотреть, сидевшего передо мной. Я до боли в глазах всматривался в него, а

затем повернулся направо. Рядом со мной сидела женщина в платье янтарного цвета. Но лицо её также осталось для меня расплывчатым пятном. Когда я взглянул влево, то увидел, что мой сосед — мужчина, больше я ничего не мог сказать о нём.

Продолжая крепко держаться за ручки кресла, я ждал, что же произойдёт дальше — либо они все исчезнут, либо каким-то образом изменятся. Но ничего не происходило, за исключением того, что эти туманные формы двигались, ели, пили, поднимали кубки, переговаривались. Они оставались в своём мире, куда я не мог войти, а мог только смотреть на него со стороны.

Только одно чётко светилось в этом зале — надписи на столе прямо передо мной. Они полностью присутствовали и в моём мире, я видел их ясно и отчётливо, и глаза каждый раз возвращались к ним, когда меня начинала утомлять нерезкость зрения. С большими усилиями я оторвал руки от ручек кресла, протянул их вперёд и коснулся пальцами линии символа. Если они так заколдовали меня, то возможно, смогут вернуть и обратно.

Мне пришлось собрать все силы, чтобы пальцы не дрожали. Значит, мне нужно провести пальцами по этим линиям. Три раза, и что же случится, если я сделаю это? Я сжал зубы и нажал. Линии были холодными, как будто я опустил пальцы в родник.

Так... так... так...

Один, два, три раза. Я сделал это, сконцентрировав на движениях всё своё внимание. И вдруг стал слышать голоса — далёкие, но достаточно громкие и чистые. Хотя язык, на котором они говорили, мне был непонятен.

Я рискнул поднять глаза. Теперь всё стало реальным, как будто освободилось от тумана, который окружал их всех. Здесь сидели мужчины и женщины, одетые с такой роскошью, какой я не встречал даже в домах богатейших наших лордов. Одежда их сверкала мягкими роскошными тканями разнообразных расцветок. Всех обвивали широкие пояса из драгоценных камней, сверкающие искрами воротники, кольца на пальцах движущихся рук.

Волосы у этих людей были тёмные, и почти все женщины на головах носили короны или диадемы, сверкающие драгоценными камнями так, будто они собрали все звёзды

с неба, чтобы украсить себя. У мужчин тоже были короны, но их украшал только один большой драгоценный камень надо лбом. Короны были сделаны из золота, серебра, или же из какого-то красного металла, который был мне неизвестен.

Среди подобных мне людей, как я и предполагал, присутствовали и другие. Поблизости от себя за столом я увидел женщину, похожую на ту, которая явилась мне в лесу. Затем я заметил мужчину — правда, это я думал, что он мужчина, — у которого всё тело было покрыто шерстью, а на лбу красовались два чёрных рога, которые красиво гармонировали с его красными глазами. Единственную его одежду составляли два украшенных драгоценностями ремня, которые крест накрест стягивали мохнатую грудь. Затем мне показалось, что вдали я заметил кого-то с крыльями, сложенными за спиной. Но когда я попытался рассмотреть его повнимательнее, чтобы убедиться, что это не то крылатое чудовище, с которым мне довелось познакомиться, до меня кто-то дотронулся. Рука осталась лежать на моей руке.

— Лорду не нравится весеннее вино? У тебя такой вид, будто ты не на празднике.

Голос был тихим, но я слышал его вполне отчётливо несмотря на шум. Я медленно повернул голову и увидел ту, что сидела рядом со мной и говорила на моём языке.

У женщины были тёмными и кожа и волосы. Даже по сравнению с моим загаром она казалась совсем чёрной. Но я был уверен, что цвет её кожи не связан с воздействием солнца и ветра. Она отличалась высоким ростом, так как мне приходилось смотреть на неё снизу вверх. Глаза светились коричневым цветом — цветом тёмного янтаря, который так ценится среди моих соплеменников. Но прямые брови её были чёрными, как смоль. Она держалась так, как будто привыкла приказывать, повелевать. Тот янтарь, который мне удалось рассмотреть сквозь туман, оказался мантией, которую теперь, положив руку мне на ладонь, женщина откинула назад. Под мантией оказалось платье цвета созревшего зерна, туго обтягивавшее тело с пышным бюстом, но тонкой талией. На полной груди покоился янтарный кулон. Цепь, поддерживавшая его, была сделана из чередующихся бусин чёрного и жёлтого

янтаря. Брелок же имел форму колоса с зерном, обвитого виноградной лозой.

Волосы её были собраны на голове короной и удерживались они не золотыми булавками и драгоценными камнями, как у большинства других женщин, а тонким золотым обручем с кусочком янтаря надо лбом, тоже обточенным в форму колоса.

Я был потрясён, я даже не мог ответить ей, не мог найти слов, так как мысли мои рассеивались как безумные, страшное возбуждение охватило меня.

Она улыбнулась, и улыбка женщины была такой, что только усилие воли удержало меня на месте. Я еле сдержался, чтобы не прижать её к себе.

Её глаза не менялись, теперь в них читалось удивление. Нет, больше чем удивление, я увидел, что она поняла моё состояние, поняла, что я совсем чужой, и только колдовство принесло меня сюда, усадило между ними.

Теперь я уже не мог двинуться с места, хотя мне безумно хотелось вскочить и бежать. Эти янтарные глаза держали меня. Она подняла руки и стиснула кулон у горла. Я ждал её гнева, ждал, что она громогласно объявит всем, что я враг, непрощенный пришелец, чужой — вор, который хотел забрать то, что не принадлежит ему.

Но она просто рассматривала меня. Теперь в её глазах угадывалось ожидание. Пальцы её, которые касались моей руки, сдвинулись и сжали мою кисть так, что мне, чтобы вырваться, пришлось бы приложить все силы. Я с трудом поверил бы, что женщина может так сильно сжать руку.

Она заговорила, и я снова чётко расслышал её слова сквозь царивший гам. Она приказала, и я не смог послушаться.

— Пей!

Рядом стоял кубок. Так как женщина держала мою правую руку, мне пришлось поднять его левой рукой. Этот кубок был сделан из чёрного дерева, что показалось мне весьма странным здесь, где царили богатство и роскошь. Кубок представлял собой голову человека — или кого-то весьма близкого человеку. Скошенные глаза в сочетании с причудливым изгибом губ и острым подбородком придавали лицу крайне своеобразное выражение. На голове красовалась корона, выполненная в виде изогнутых олень-

их рогов. Кубок был полон до краёв, и когда я поднял его, вино, булькая, полилось через край. Но делать было нечего, и я выпил.

Жидкость оказалась холодной, хотя я почему-то считал, что она очень горячая. Но когда она проникла в желудок, по всему телу разлилось тепло — и даже нечто большее. Она зажгла мою кровь, обострила восприятие, усилила желания.

Я пил, смотрел поверх края кубка на свою соседку и видел её медленную выжидающую улыбку. Затем она усмехнулась. Пальцы правой руки всё ещё сжимали кулон между роскошными грудями, которые, казалось, сами вылезают из платья, желая похвастаться своей упругостью и формой.

Она снова заговорила.

— В тебе есть сила, человек из будущих времён, иначе ты не оказался бы среди нас, — она наклонилась ко мне. От женщины исходил аромат, от которого у меня закружилась голова. Я был уверен, что это запах её тела, а не одежды. Я пребывал в таком состоянии, что не мог даже поставить кубок на стол, я был её пленником, и она забавлялась мной.

— Жаль, — продолжила она, — что наши времена не накладываются одно на другое, так что твои желания тщетны. Но ты береги их, и подари той единственной, которая предназначена тебе, подари в нужном месте и в нужное время.

Она крепко поцеловала меня в губы. Огонь побежал по моему телу, но это был не тот огонь, который зажгло во мне вино. Я твёрдо знал в тот момент, что нет для меня другой женщины, кроме неё.

— Нет, — прошептала она, отодвинувшись. — Нет. Твоя женщина придёт к тебе в своё время. Я — Гуннора — обещаю тебе это. Ты выпил из кубка самого Охотника. И теперь тебе суждено искать и найти. Она придёт — и ты не узнаешь её, пока не пробьёт час.

Её рука стала двигать моими пальцами, и я снова ощутил под пальцами письма. Но теперь пальцы двигались в обратном направлении. Три раза — и всё подёрнулось туманом, но я всё ещё чувствовал её руку. Ещё три раза. И вот снова темнота и путешествие окончилось. Это было

путешествие во в времени и пространстве? Я не мог сказать этого.

Я вновь сидел за столом. Но зал был пуст и тёмн. Холод и мрак ночи царили в нём. Я почувствовал, что сжимаю что-то в руке, и слабом свете светящихся букв разглядел кубок. Оказывается, я захватил с собой из того времени кубок Охотника. Тело всё ещё ощущало желание, которое пробудила во мне Гуннора, и которое я не мог удовлетворить здесь и сейчас.

— Гуннора!

Я громко выкрикнул имя. Звук прокатился по пустому залу. Однако даже эхо не вернулось ко мне. Тогда я нетерпеливо поставил кубок на на стол и положил на него руки и голову, прижимаясь щекой к начертанным письменам. Я был уверен, что меня здесь больше не ждёт ничего.

Три дня я провёл в этой крепости, спал перед очагом, целыми днями сидел в кресле, пытаюсь вернуться в прошлое. Я ещё никогда не имел дела с женщиной, но с жадностью слушал рассказы взрослых из клана Гарна об этом. У нас было принято, чтобы люди женились в зрелом возрасте. Может, именно поэтому наши семьи оставались маленькими. К тому же лорды соединяли людей в семьи по своим собственным соображениям и личные привязанности людей не учитывали.

Но затем я наконец понял, что мне нужно идти дальше, хотя неудовлетворённые желания заставляли меня снова и снова делать попытки возвращения на праздник в прошлое. Однако я в конце концов заставил себя думать и о других делах. Я устроил охоту на оленей, пасшихся на старом хлебном поле, и закоптил себе мяса на дорогу. Кроме того, я как мог собрал зёрна и перемолол их в муку с помощью камней.

Я знал, что должен идти, но мне всё же хотелось присоединиться к празднику. Правда, я понимал, что никакое колдовство не сможет помочь мне перейти границу между временами. В эти дни я почти не думал ни о поисках Инны, ни о Гатее. Казалось, что они находятся где-то очень далеко позади, в прошлом, и между мной и ними будто опустили занавес, который отрезал меня от прошлого, от того, кем я был раньше. ●

На четвертое утро я поднялся, понимая, что мне пора

идти дальше. У меня появилось ощущение, что янтарная леди приказала мне пуститься в дорогу. Правда, я мало верил в её обещание, что какая-то женщина из моего времени заменит её в моих мыслях.

Вскоре после рассвета я неохотно покинул крепость. Мой путь лежал на запад. Однако удалившись на порядочное расстояние, я внезапно изменился. Вероятно, я был захвачен какой-то магией, но теперь она освободила меня, и я снова начал думать о необходимости отыскать дочь Гарна и найти следы исчезнувшей Гатеи.

Снова передо мною лежала дикая страна без единого следа разумной деятельности. Даже дороги не было под ногами. Я пошёл прямо на один из пиков гор, которые лежали впереди. Пик врезался в небо, как меч, поднятый вверх. Я шёл, с большой осторожностью осматриваясь вокруг; теперь, когда я удалился от крепости, мне в каждом камне, в каждом кусте чудилась западня. Однако ничего угрожающего я не замечал. На земле не было никаких следов, а в небе беззаботно резвились птицы. Казалось, что здесь нет никакой жизни, кроме растительной, да птиц.

На второй день я подошёл к первому подъёму в горы. Здесь я поел и пополнил запасы воды. Мой мешок уже заметно похудел, а в мешок Гатеи я так ни разу и не заглянул — как будто ожидал с минуты на минуту встречи с ней. В одном месте я набрёл на вишнёвые деревья, усыпанные ягодами, и с большим удовольствием поел их и даже набрал на дорогу.

Близился вечер, и на горные пики опустился туман, который, как опускающийся занавес, медленно полз вниз. Заметив это, я решил остановиться на ночь, не пытаясь идти дальше, пока утреннее солнце не разгонит дымку.

Я нашёл небольшую пещеру в камнях, куда смог целиком забиться. Теперь спина моя была защищена от нападения. Ночи в этой загадочной стране требовали большого терпения и мужества, и я всегда с беспокойством ждал их. Спал я очень настороженно, просыпаясь при малейшем шорохе, и поэтому ночи не приносили мне отдыха.

Хотя здесь было много топлива, так как вокруг росли деревья, я не рискнул развести костёр. Я полусидел-полулежал, уперевшись спиной об камень и вглядываясь в сгушающиеся тени, и вспоминал тот праздник в покину-

той крепости. Передо мной в памяти вставали мельчайшие подробности его. Почему они ушли отсюда? Почему оставили прекрасную крепость? Никаких следов войны и насилия я там не заметил. Может, им что-то угрожало, что-то настолько страшное, что им пришлось бежать из крепости?

Вдруг я прислушался.

Я слышал это? Нет, этот крик родился в моём мозгу. Я встал на колени, пытаясь понять, кто же это зовёт о помощи? Откуда донёсся призыв?

Снова молящий крик прошёлся судорогой по моим нервам. Откуда? С окутанных туманом гор! Но кто? Я поднялся на ноги, глядя на стену гор. Сквозь пелену тумана проблёскивал маленький огонёк. Костёр? Это было не похоже на пламя. Западня? Ловушка? Я хорошо помнил серебряных женщин и их сладостное пение, зовущее на гибель.

И в третий раз пришёл этот безумный бессловесный крик о помощи. Осторожность приказывала мне оставаться на месте. Но я не мог заткнуть себе уши, вернее, мог, но крик звучал во мне. И я не мог сопротивляться ему — каким бы он ни был странным, но это был крик о помощи — Гатей?... Инна?... Это могла быть и та и другая. В этой колдовской стране всё могло быть.

Я отбросил мысли о собственной безопасности и полез вверх. Ветер дул мне в лицо. Он приносил какой-то запах — не зловоние, но и не божественную сладость, которая связывалась в моём мозгу с Гуннорой, с Лунным Святилищем, с лесной леди. Я не знал этого запаха.

Хотя я знал, что делаю глупость, отправившись в путь ночью, я пробирался вперёд, внимательно осматриваясь и прислушиваясь. И двигался я не слепо, часто останавливаясь и ожидая, когда же снова раздастся крик о помощи.

Проблески света всё ещё были видны, но ничего больше. Ничего, кроме неполного ощущения того, что тебя ждут, на тебя надеются. И это ощущение росло с каждым шагом в гору.

К счастью, на склоне рос кустарник и я мог использовать его для поддержки. Наконец я вошёл в туман, который окутал меня мутным плащом. Капли влаги осели на лице.

И всё же я поднимался вверх, к слабому свету, который пробивался сквозь этот занавес.

Через каждые несколько шагов я останавливался и осматривался. Ничего не видя в тумане, я старался слушать. Но промозглый воздух, казалось, поглощал все звуки, так как я ничего не слышал.

Свет не исчезал, но и не увеличивался в размерах. Он оставался как маяк — маяк для кого? Для меня? Не попаду ли я в ловушку, предназначенную для другого!? Но я уже не мог повернуть обратно, хотя криков о помощи больше не слышал.

А затем...

Прямо у моих ног с земли поднялось что-то светлое, как прозрачный туман. Оно поднялось во весь рост, и я моментально узнал это глухое ворчание, низкий рокот Горный кот — Гру?

Я остановился, сжимая рукоять меча. Кот был такой же огромный, как Гру, и если он дикий, то меч и всё моё искусство не остановит его.

Он снова что-то проворчал, затем повернулся и моментально скрылся в тумане. Гру! Конечно, это был Гру, иначе битва была бы неизбежной. А это значит, что здесь Гатя!

Я буквально взлетел по склону, хотел позвать её, но побоялся насторожить возможного врага. Светло-серебряный кот поджидал меня, когда я вошёл в круг света.

Сияние исходило от какого-то предмета, лежавшего на голом камне — на полке, которая была вырублена в скале разумными существами. Я не видел, что это было. Сейчас меня больше беспокоило распростёртое на земле тело, над которым склонился кот, изредка облизывая лицо шершавым языком.

Это была Гатя. С ней произошло что-то ужасное. Вся её одежда превратилась в лохмотья, обнажённые до самых плеч руки покрывали глубокие царапины. И даже штаны её были разодраны в клочья.

В спутанных волосах застряли сухие листья и трава. Лицо её осунулось, кожа туго обтягивала кости черепа. Руки тоже стали как у скелета, тощие, кости просвечивали через прозрачную кожу.

Я опустился возле неё на колени, стараясь нащупать пульс. Я очень боялся, как бы крик о помощи, который

донёлся до меня, не оказался её предсмертным криком, и что она умерла ещё до того, как я пришёл к ней. Гру отодвинулся назад, освобождая мне место возле неё, но его зелёные глаза неотрывно следили за мной, как бы охраняя свою госпожу.

Она была жива. Но сердце билось так слабо, что вероятно, смерть была совсем рядом. Мне потребовался мой мешок. Там была вода. Я обмыл её лицо и затем, прижав голову девушки к себе, заставил её немного выпить воды. Это привело её в чувство. Она открыла глаза и посмотрела на меня.

Гатей не узнавала меня. Она смотрела куда-то в другие миры, сквозь меня, за меня. Но я всё же заставил её выпить ещё и затем, размочив в воде немного муки, с ложки покормил её. Она жевала и глотала, не понимая, что делает. Она даже не понимала, что я рядом, она не видела меня.

Затем я впервые открыл её мешок. В одной коробочке я обнаружил мазь и, уложив её на землю, очень аккуратно помазал наиболее глубокие раны.

Гру не сводил с меня глаз. Но когда я закончил, он поднялся и стал смотреть в ночь. Голова его была поднята, как будто он прислушивался и старался определить опасность. Затем он начал ходить взад-вперёд между нами и полосой тумана.

Вскоре зверь остановился и прорычал. Это был крик, которым он вызывал на бой тех, кто укрывается в ночи. Прежде чем я смог опомниться, он прыгнул и мгновенно исчез в тумане. Затем я услышал свирепый рёв, рычание, звуки битвы, разыгравшейся во мраке.

Я стоял над Гатеей с мечом наготове. Но из тумана ничего не появлялось, пока оттуда не вынырнул сам Гру. Его шерсть была вымазана в чём-то тёмном, пасть была окровавлена. Кот уселся у огня и стал облизывать себя, удаляя следы битвы. При этом он недовольно ворчал, как будто эта грязь вызывала у него отвращение. Я намочил в воде бинт и подошёл к нему.

Я стал смывать самое грязное место, глубоко въевшееся в его густую шерсть. Он разрешил мне сделать это, и я понял, почему это занятие вызывало у него отвращение. То, что я смывал с него, оказалось не кровью, а какой-то

скользкой массой, с жутким запахом. Так что мне даже пришлось заткнуть нос.

Гатея так и не пришла в сознание, она до сих пор не заметила, что я рядом. Однако я снова постарался накормить её кашей и после внимательного рассмотрения убедился, что все её глубокие царапины, красные и ужасно выглядевшие, не были настоящими ранами. Как она могла забраться так далеко без всякой пищи и что это за свет, оставалось для меня тайной. Я уже начал было думать, что она упала от истощения и усталости. И всё же тот странный крик о помощи, который привёл меня сюда, вряд ли мог исходить из этого ослабевшего истощённого тела.

Когда на страже стоял Гру, я чувствовал себя спокойно. Впервые, с момента ухода из крепости, у меня возникло это чувство. Кот лежал у огня, облизывая лапы, и был полностью поглощён этим занятием. Но я знал, что ему можно верить: он не пропустит опасности.

Я уложил девушку поудобнее, подложил под голову мешок и укрыл своим дорожным плащом. Тряхнув бутылкой, я понял, что израсходовал слишком много воды, и утром мне надо будет найти родник. Может, мне в этом поможет Гру.

Растянувшись на земле неподалёку от Гатеи, я позволил усталости овладеть собой. Свет всё ещё не погас, такой же яркий, как и раньше, но глаз почему-то не слепил. Он был какой-то мягкий, не раздражающий.

Я лежал в самом центре освещённого круга, и тут меня кто-то вызвал. Это был короткий вопрос, прозвучавший в моём мозгу. Откуда я пришёл, и что я хочу делать? В ответ в мозгу возник символ, который носила янтарная леди, — колос, перевитый виноградной лозой. Это произошло помимо моего желания.

Мой невидимый собеседник был удивлён и поражён, как будто он получил неожиданный удар. Но ничто во мне не хотело битвы между нами. Я не чувствовал неприязни к тому, кто потребовал от меня ответа, кто спрашивал, имею ли я право находиться здесь.

То, что в моём мозгу сформировалось чёткое изображение, удивило и меня. Но затем изображение стало трансформироваться: колос превратился в богатые хлебные поля, а затем перед моим внутренним взором поплыли

фруктовые сады, причём всё такое реальное, что хотелось протянуть руку и сорвать плод. Я почему-то решил, что в это время за мной стоит женщина из крепости. Но у меня не было сил повернуть голову, чтобы увидеть её.

Теперь отношение невидимого собеседника ко мне резко изменилось. Исчезла та неторопливая надменность, с которой он допрашивал меня. Теперь он задавал вопросы и получал ответы на них помимо меня. Видимо, за меня отвечала та, что пришла и стояла за мной.

Я ощущал, как могущественные силы окружают меня, протекают сквозь меня. Шёл оживлённый разговор, но я не понимал ничего. Единственное, что мне стало ясно, так это что могущественные силы, которые концентрировались за огнём, были удовлетворены полученными ответами и пусть без особого желания, но они позволили мне двигаться дальше. И затем, наконец, в моё измученное тело проник целительный сон.

Глава двенадцатая

Я смотрел в безоблачное небо, постепенно освобождаясь от сна, тело моё онемело так, как будто проспал я целую вечность. Затем я снова услышал то, что разбудило меня.

Слова, чистые и ясные, затем тишина, как будто говорящий ждал ответа. А затем снова слова. Они звучали примерно так же, в том же ритме, в каком наши барды распевают Историю Народа или величественные саги. Но я не понимал этих звуков, которые, вероятно, слагались в слова.

Я повернулся — Гатея уже не лежала там, где я уложил её. Она сидела, скрестив ноги, в солнечном свете. Это она говорила, адресуя непонятные слова воздуху, так как поблизости не было никого, даже Гру.

Должно быть, у неё лихорадка и она бредит, мелькнула первая мысль, когда я увидел девушку за таким странным занятием. Она даже не повернула головы ко мне, когда я сел. Действительно ли она в лихорадке, или она находится под действием чар?

Она сидела и перед ней было то, что, по-видимому, служило источником света ночью. Когда я взглянул на это, мне захотелось схватить и утащить её подальше. Потому

что я увидел воткнутую между камнями часть посоха, который Гатея сделала на моих глазах из ветки дерева.

Третью его исчезла. И пока я смотрел на него, от посоха удалился ещё кусочек — лёгкий ветерок сбил обгоревшую верхнюю часть его и унёс с собой пепел. И другого топлива здесь не было — только этот обгоревший сук.

Гатея всё ещё сидела и говорила, затем ждала ответа, которого я не слышал, а потом снова говорила. Временами и в моменты, когда она слушала голос, отвечавший ей, она кивала в знак согласия. Несколько раз она хмурилась, как бы стараясь лучше понять то, что ей говорят. Не знаю, что она слышала в эти моменты, советы или предупреждения.

И она действовала так естественно, что я уверился, что это я глух и не слышу голоса, который разговаривает с ней. К тому же говорящий оставался невидим для меня.

Я хотел коснуться рукой её плеча, но тут же остановился. У меня возникло ощущение, что всё происходящее действительно реально. Во всяком случае для неё. Девушка вздохнула и подняла голову, как будто тот, с кем она говорила, поднялся и теперь ей приходилось смотреть на него снизу вверх. Рука её поднялась, как бы для прощания. И глаза её провожали того, кто был для меня абсолютно невидим, пока он уходил.

И только после этого я обрёл способность двигаться. Я легко взял её за руку и она посмотрела на меня с искренним удивлением. Однако теперь она видела меня и узнала меня.

— Гатея... — сказал я.

Брови её гневно выгнулись и она отшатнулась от меня.

— Ты не имеешь права следить за мной... — выкрикнула она, нетерпеливым жестом выдернула свою руку из моей и при этом я выронил свой мешок. Раздался сильный грохот, мешок раскрылся и из него вывалился и покатился по земле кубок с изображением человека с короной из рогов, который я принёс из крепости. А из кубка выпал листок лесной женщины. Я сложил вместе эти два чудесных дара, прежде чем спрятать их в мешок.

Глаза Гатеи уставились на кубок, который подкатился к самой её ноге. Кубок лёг так, что она видела рогатую голову. Листок блестел на солнце. Глаза Гатеи расширились от удивления, и она смотрела на голову, как будто та была живая.

Она отодвинулась подальше, не сдвигая глаз с неё, взглянула на листок и снова перевела взгляд на кубок.

Я заметил, что она облизнула пересохшие губы. Теперь в её лице не было гнева. Я видел, что её охватывает страх. Тихим голосом, почти шёпотом, она спросила:

— Где ты это нашёл?

— Это подарки, — ответил я. — Кубок подарила мне леди, которая рассказала кое-что о будущем.

Гатея не отрывала глаз от кубка. Лицо её сильно побледнело под загаром.

— Она тебе сказала своё имя — та, которая дала тебе кубок? — теперь она спросила ещё тише. Её сильное беспокойство выразилось в том, что она быстро повернулась и схватила остатки посоха. Так человек хватается меч, заведя врага.

— Её зовут Гуннора, — ответил я. Мне было приятно видеть девушку такой потрясённой. Ведь она всегда была так далека от меня по духу, хотя чисто физически находилась рядом и я мог дотянуться до неё рукой.

Она снова облизнула губы. Теперь она смотрела на меня, как бы что-то обдумывая и рассчитывая. Раньше она не принимала меня всерьёз, а теперь я приобрёл что-то новое и со мной нужно было считаться.

— Какой у неё символ? — это уже был не шёпот. Она спросила громко и повелительно. И она ждала быстрого ответа.

— Хлебный колос, перевитый виноградной лозой, — я очень хорошо помнил эту прекрасную леди, сидевшую рядом со мной в другом времени, а может быть, и в другом мире.

Гатея кивнула.

— Правильно, но... — она покачала головой, как бы переживая какую-то важную для неё встречу. Затем она посмотрела мне в глаза. Она рассматривала меня, как будто видела впервые, и тем не менее в её глазах легко читалось недоверие, сомнение.

— Почему... почему она дала тебе это? И где ты нашёл её? Здесь нет святилища... — она поднесла свой посох к груди, держа его как щит, которым она хотела закрыться от неизвестного.

— Я встретился с ней не в святилище, — повторил я, поднимая кубок и лист и аккуратно складывая их вместе.

— Там, к востоку отсюда, есть крепость, старая и заброшенная. Какие-то силы перенесли меня в прошлое, на пир тех, кто жил здесь когда-то. Моя янтарная леди одна знала, кто я, и она дала мне это.

— Но она не сказала тебе... — глаза Гатей сузились. Её трепет и беспокойство исчезли прямо на глазах. Если раньше я был какой-то важной для неё фигурой, то теперь терял всё, перед чем она преклонялась. — Нет, она тебе ничего не сказала. Правда, кубок у тебя, но раз ты не знаешь, как им воспользоваться...

Я был поражён такой быстрой переменой своей позиции, мгновенным возвращением её надменности по отношению ко мне, её превосходства надо мной...

— Она дала мне кое-что ещё, — сказал я, — то, что я должен использовать в нужное время...

Взгляд Гатей упал на мешок, куда я прятал свои сокровища. Теперь я покачал головой.

— Нет, это не лист — хотя и его мне подарила леди, обладающая могуществом. У тебя есть свои тайны — у меня свои.

Я вовсе не желал говорить Гатее о поцелуе янтарной леди и о том, что она сказала мне затем. Всё это не касается её. Я не желал делиться с ней своими пылкими мечтами и желаниями! И я сам спросил её:

— А что ты узнала относительно Инны и своей лунной магии? С кем ты только что говорила?

Гатей передёрнула плечами.

— То, что я ищу... — начала она, но я резко оборвал её.

— Что мы ищем. Я найду дочь своего лорда, если это возможно в стране магии и колдовства. Ты узнала у своего невидимого друга, куда нам идти дальше?

Я был уверен, что она хочет просто повернуться и уйти от меня. Но я знал, что она больше не сможет так третировать меня, пренебрегать мной. Я не знал, какое могущество заключено в этом кубке, но он был мой, и Гатей неохотно признала моё право на то, что я должен идти с ней.

— Туда, за эти горы...

Я взглянул на горы, возвышавшиеся перед нами.

— Слишком широкое поле для поиска, — заметил я. — Ты могла бы спросить поточнее.

Несколько мгновений я думал, что она прогонит меня. Брови её гневно сдвинулись и она держала свой посох так, как будто хотела ударить меня по лицу. Я ощутил её гнев почти физически, словно она действительно ударила меня. Я изумился, что могу так ясно и чётко воспринимать её эмоции. Конечно, она не скрывала свой гнев и я мог увидеть его на лице девушки, но помимо этого я ощущал то, что она чувствует внутри себя.

Я отстегнул мешок — её мешок, который я таскал так долго, — и протянул его девушке.

— Твой. Я там ничего не трогал, а ремень порван в бою.

Мои действия несколько успокоили её. Гатя взяла мешок, держа его так, как будто видела впервые. На нём виднелись следы ужасных когтей чудовища.

— Это на меня напало крылатое существо, — я постарался сказать это небрежным голосом.

— Крылатое существо... Варк! Ты дрался с варком?

— Да, пришлось. И теперь сомневаюсь, можно ли их убить вообще, — я с содроганием вспомнил отрубленную кисть с когтями, которая сама ползла ко мне. — Я полагаю, что ты многое узнала об этой стране с тех пор, как мы разделились. Во всяком случае, ты даже знаешь имя этого существа. А что ещё?

Снова её лицо стало непроницаемым.

— Хватит и этого...

Хватит? Нет, это становится невыносимым. Но я спокойно спросил:

— А куда мы дальше направимся? Снова на запад?

Гатя свистнула и откуда-то вынырнул Гру. Он занял место рядом с ней, готовясь сопровождать её. Гатя выглядела очень угрюмой, и мне очень захотелось плюнуть на всё, повернуться и уйти, оставив её одну. Но только она могла привести меня к Инне. А это было делом моей чести — выручить дочь моего лорда, дочь моего народа, которая пропала из-за моего легкомыслия.

Мы поднимались молча. Впереди шёл Гру. Он как будто точно знал, куда идти, хотя я не видел никаких следов, никаких знаков. Туман уже полностью рассеялся. Я оглянулся назад, на страну, лежавшую внизу. Далеко на горизонте я заметил старую крепость. Неужели Гатя прошла мимо? Где же её чутье на магию? Но спрашивать

я не стал. Она уже воздвигла высокий барьер между нами, и я был доволен этим.

Мы забирались всё выше и выше. Я с опаской поглядывал на небо, ожидая увидеть крылатых чудовищ — варков. Но всё было спокойно. День стоял солнечный и ничего зловещего я не видел.

Вскоре мы упёрлись в отвесную стену, и Гру повёл нас в обход вдоль расщелины. Расщелина оказалась такой узкой, что временами мы с трудом протискивались в неё. К полудню, насколько я мог судить по высоте солнца, мы добрались до выступа, откуда смогли бросить взгляд на новую страну.

То, что ждало нас, походило на смесь пустыни и сплошных джунглей, — дикая и необитаемая страна. Но вдаль можно было разглядеть башни и светлые узкие ленты дорог. Гатя долго стояла и смотрела. Затем она бросила через плечо:

— Это охраняемая земля...

Я понял, что она хочет сказать. Она имела в виду, что только у неё есть могущество, благодаря которому она может двигаться дальше. Ну что же, я проверю это, когда придёт время, хотя даже беглый взгляд на землю, расстилавшуюся перед нами, вселял в меня уверенность, что если Инна попала сюда, то я напрасно боялся: её положение не такое уж жуткое.

Гатя резко повернулась ко мне.

— Ты что, не понимаешь? — она даже зашипела, как шипит дикий кот, готовясь напасть на врага. — Тут есть преграды, которые ты не сможешь преодолеть!

— Но все они падут перед тобой? Может, их разрушит твой невидимый друг?

Она постукивала посохом по ладони. Этот жест выдавал её нетерпение и раздражение. Затем, как бы придя к решению, она сказала:

— Тебе не понять. Нужны многие годы, чтобы перед тобой открылись двери в знание. Я училась с детства. И кроме того, я родилась в семье, где могущество передавалось из поколения в поколение. Я женщина, и эти знания могут быть доверены только тем, кто может стоять под луной и петь хвалу Великой Леди. А ты... У тебя нет ничего!

Я подумал о Гунноре — о моей янтарной леди, о кубке

и драгоценном листке, которые покоились в моём мешке. И поэтому я не поверил, что только женщина может править здесь.

— Ты думаешь о своём оружии, — продолжала Гатейя быстро, почти захлёбываясь словами. — Здесь нужно оружие, о котором ты даже мечтать не можешь. Здесь нет места для тебя! И я не могу помочь тебе. Всё моё могущество нужно мне самой — чтобы я сделала то, что должна сделать! Твоя леди украла то, что принадлежит мне! И я возьму это обратно!

Её глаза были свирепыми, как у коршуна, девушка стискивала свой посох так, что у неё побелели костяшки пальцев.

— Настало время для мечей. Я не скажу, что не верю в твоё могущество или в странность этой страны. Но у меня есть контакт с ней.

И моя рука сжала не рукоять меча, а узелок в мешке.

Она презрительно расхохоталась.

— Да, кубок Коронованного Рогатой Короной! Но ты даже не знаешь смысла кубка. По древней традиции тот, кто носит Рогатую Корону, обладает могуществом только год или около того, а затем его плоть и кровь идут на удобрение полей — прекрасный подарок леди...

— Гунноре? — спросил я и не поверил ей.

Гатейя взглянула на меня.

— Ты... ты... — в ней буквально кипела злоба и она захлебнулась ею. Затем она провернулась и начала спускаться с такой скоростью, что потребовались все мои силы, чтобы не отстать от неё. Затем Гру обогнал меня, выскочил вперёд и встал перед ней, задерживая девушку, пока я не догоню их.

— Мы идём? — спросил я. — Вместе?

Я знал, что она теперь кипит гневом, что она хочет идти одна, как сделала это в прошлый раз, но теперь Гру стоял впереди и не двигался, не давая ей пройти.

— Иди, но только вини во всём себя! — рявкнула она. И снова между нами воцарилось молчание, пока я не нарушил его. Я решил, что такая враждебность ни к чему хорошему не приведёт.

— Может, ты действительно найдёшь здесь хороший приём! Но я поклялся найти Инну, это ведь мой долг перед

кланом. Я буду стремиться к этому всеми силами. Может, меч мне не поможет, я не знаю. Но я воин...

Почему я говорил всё это? Ведь другого пути у меня нет. Но теперь я ощущал, что мной движет не только долг перед кланом. Кто сказал, что во мне есть зерно, которое должно прорасти? Я знал, что я не бард. Так что же влечёт меня вперёд, что заставляет изучать эту страну? Проникать в её тайны? Мною двигало нечто большее, чем просто поиски Инны. Мною двигало желание узнать эту страну, которую населяли люди, увиденные мною в заброшенной крепости.

— Ты человек! — она сказала это так, как будто обвиняла меня. — Ты мужчина!

Мудрые женщины никогда не выходили замуж. Они были уверены, что потеря девственности влечёт за собой потерю могущества. Возможно, в глубине души они даже ненавидели мужчин, и эта ненависть теперь прозвучала в её голосе.

Я рассмеялся.

— Конечно! — и снова я вспомнил тот жар, который вспыхнул во мне после поцелуя янтарной леди. Но если эта тощая обгоревшая на солнце девчонка думает, что вызывает во мне какое-то желание после того, как я видел Гуннору, то она ошибается. — И ты не хочешь посвятить меня ни во что именно из-за этого? Ты говорила о Коронованном Рогатой Коронай и его жертве — почему же я никогда не слышал об этом? Если и был когда-то такой обычай, то мы должны были бы знать об этом...

Она вспыхнула.

— Теперь уже многое забыто. Я даже не понимала этого, пока не прошла в Ворота. Попав сюда, я как будто вырвалась из тюрьмы на волю. Я начала учиться, пошла по тому пути, по которому тебе никогда не пройти. Возвращаясь, лишённый рода, тебе здесь нечего делать...

— Посмотрим, есть или нет, — резко ответил я. Она пыталась оскорбить меня, очень расчётливо ударив в больное место. Она снова напомнила мне о том, что я должен восстановить свою честь. Теперь я больше, чем когда-либо, был уверен, что должен идти, иначе я осрамлюсь в собственных глазах.

Мне очень хотелось узнать что-нибудь об её таинственном собеседнике. Но раз она не хочет говорить сама, я

спрашивать не буду. Я внимательно взглянул на неё и увидел, что злоба исчезла с её лица, что она растерянно вертит в руке то, что осталось от её посоха.

— Ну почему бы тебе не остаться? — тихо спросила она. — Ведь одно твоё присутствие может привести к поражению. Я могу направить это в тебя... — конец посоха медленно стал поворачиваться ко мне. — Но если я использую своё могущество против тебя, оно ударит и по мне. Я не могу прогнать тебя, но я прошу тебя уйти. Я плохо говорила о леди Инне, но знай, что когда я найду её, то использую все свои силы, чтобы вернуть её в прежнее состояние, вырвать оттуда, куда она вошла по собственной глупости. И я сделаю это. А ты не сможешь...

— Потому что я мужчина? — спросил я. — Может быть, я удивлю тебя. Мы идём?

Она пожала плечами и снова начала спускаться, на этот раз более осторожно, так как дорога была трудной. В некоторых местах нам даже приходилось помогать друг другу.

Больше мы не говорили между собой, но руки наши с готовностью протягивались друг к другу, если требовалась помощь. Наконец мы дошли до ровной тропы, по которой быстро спустились вниз. В долине росло много деревьев, таких же, как в том лесу, где я встретил женщину в платье из листьев. Между ними совсем не попадалось кустарника, только зелёный мох устилал землю мягким ковром. На солнечных полянах росли цветы — в основном белые, лепестки которых отсвечивали слабым розовым или жёлто-зелёным цветом.

В воздухе над этими полянами стоял дивный аромат, но Гатяя не проходила прямо по ним, она обходила прогалины по краю, стараясь не наступать на цветы. Однажды, когда я споткнулся и упал, она повернулась, подала мне руку и сказала:

— Они опасны — для нас. В их аромате таится сон, он может навевать на путника волшебные сны и он никогда не очнётся от грёз.

Гатяя знала, что для меня это новость, но Мудрые Женщины очень хорошо знали растения, и, возможно, девушка интуитивно почувствовала опасность, хотя сама впервые видела эти цветы...

Гру уже исчез. Он умчался сразу же, как мы спустились с гор. Мы не остановились на обед, но я знал, что пищи, оставшейся в моём мешке, нам надолго не хватит. Я уже проголодался и посматривал по сторонам в поисках дичи или каких-нибудь съедобных плодов. Но в этом лесу ничего такого не было.

Наконец мы вышли из леса с его цветочными полянами в более естественный лес. Деревья здесь походили на те, что росли у нас на родине. Здесь мы быстро набрали на следы оленей.

Но Гатея не остановилась, и я шёл позади и грезил о куске свежего мяса, поджаренного на костре. Девушка шла, не замедляя шага. Я разозлился и решил обратиться к ней.

— У меня есть кое-какая еда. Может, нам стоит поесть немного?

Она была настолько погружена в свои мысли, что мой голос прозвучал для неё очень неожиданно. Гатея остановилась и рука её тронула мешок, который я нёс за неё. Девушка осмотрелась. Поблизости валялся обросший мхом ствол дерева, на который она и решила сесть. Я присел рядом и открыл свой почти пустой мешок, где лежало зерно и немного сушёного мяса.

Гатея достала из своего мешка сухие фрукты и два куса чёрствого хлеба. Чем же она питалась эти дни, пока пропадала где-то? Может, Гру охотился для неё? Или же дорога, где она шла, проходила через фруктовые сады?

— Нет, — покачала она головой, когда я протянул ей кусок мяса. — Я стараюсь не есть мясо в этой стране. И тебе не советую. Было бы лучше, если бы ты закопал его. Запах может привлечь к нам...

Я подумал над тем, что она сказала. Возможно, это правда, так как она лучше знает эту страну. Может, даже её невидимый друг посоветовал ей это. Следовательно, стоит последовать совету.

Вздыхнув, я выкопал ямку в мягкой земле, сложил туда мясо и присыпал его сверху землёй. Затем я взял кусок хлеба и сушёные фрукты, которые дала она мне, а своё грубое зерно отложил на будущее. Здесь царила тишина. Наши шаги больше не заглушали голоса леса и мы могли расслабиться. Я уже различал звуки жизни лесных обитателей.

Вот по одному дереву проворно спустился какой-то зверёк с хвостом, украшенным перьями. Он остановился и внимательно посмотрел на нас, затем присвистнул и исчез.

Гатей издала какой-то звук. Зверёк вновь появился и оставился на нас. По его виду я понял, что у него нет врагов, но зато сам он — удачливый охотник, довольно упитанный, и с лоснящейся шерстью.

Он снова пискнул. Мне показалось, что он отвечает Гатее. Он быстро спустился с дерева и безбоязненно подбежал к девушке, державшей в руке кусочек сушёного фрукта. Зверёк схватил его передними лапами, совсем как человек, пожевал и проглотил.

Затем он снова пискнул. Хвост его ходил из стороны в сторону. Было похоже, что он говорит по-своему, и я решил, что он всё же обладает разумом!

Гатей тоже посвистывала и затем покачала головой. Мне показалось, что она не очень поняла то, что сообщил ей зверёк. Похоже, что она не всё знала об этой стране... Зверёк издал свой последний звук, в котором я чётко расслышал нотку тревоги, и исчез. Его тельце, как молния, мелькнуло в ветвях дерева.

В лесу по-прежнему было спокойно и тихо — чересчур спокойно! Гатей сложила остатки пищи в мешок и завязала его. Затем она наклонилась вперёд, прислушиваясь. Я ничего не слышал, но даже в этой тишине было какое-то предупреждение. Я был бы рад сейчас увидеть серебряную голову Гру, поднявшуюся из кустов. Его чувству опасности можно было бы довериться. В том, что в лесу таится какая-то неведомая опасность, я не сомневался.

Я как можно спокойнее поднялся на ноги и вдруг вздрогнул. Послышался громкий зов, который я уже слышал раньше. Это были крики тех самых дьявольских птиц, которые так досаждали нам в долине Гарна. Они не могли добраться до нас, пока мы были в лесу, но я был уверен, что они знают о нас и будут ждать, пока мы не выйдем на открытую местность, где они смогут напасть на нас. Мы раскрыты и можем стать жертвами какой-то неведомой и несомненно враждебной нам силы, если она руководит этими птицами, приказывает им!

Глава тринадцатая

Гатяя стояла позади меня, задрав голову. Я видел её раздувающиеся ноздри, как будто ей, как и Гру, нужны были запахи, чтобы распознать опасность. Если она и ощущала тревогу, то не показала её мне. Я слушал крики птиц, затем взглянул в глубь леса. Кота не было видно, хотя мне очень хотелось, чтобы он сейчас был с нами.

Так как я должен был знать, как мы собираемся защищаться, я повернулся к Гатее, решив получить от неё прямой ответ.

— Что это за крики? Я знаю этих птиц и уверен, что от них ничего хорошего ждать не приходится.

Она встретила мой вопрошающий взгляд, и тут я увидел, как она была потрясена.

— Крылья Орда, — я еле расслышал её голос, настолько силён был птичий гам наверху.

— И этот Орд?

Гатяя покачала головой.

— Думаю, что он — один из древних богов. Я... — она взглянула на жезл в своей руке, затем снова на меня. — Я могу кое-что сделать — конечно, чтобы защитить себя — но это поможет и тебе. Дай сюда кубок!

Приказ прозвучал очень повелительно и я повиновался, даже не раздумывая. Лицо Рогатого было обращено на меня. Пятна света бегали по нему, ежесекундно изменяя его выражение, и мне даже показалось, что эти серебряные глаза ожили и оценивающе взглянули на меня.

— Мне нужен виноград... — и она быстро посмотрела вокруг, как бы ожидая, что он тут же вырастет. Затем она полезла в свой мешок и достала несколько сушёных шариков, твёрдых и чёрных.

— Положи их в кубок! — я подставил кубок, и она уронила в него сушёные ягоды. Я заметил, что их было семь штук. — Теперь воды! Быстро! Нет, из твоей бутылки!

Я капнул на ягоды воду, стараясь сэкономить на этом. Ведь бог знает, когда нам удастся пополнить запасы.

Во мне поднялось какое-то странное ощущение. Я стискивал кубок обеими руками, держа его на уровне подбородка. Затем я немного поболтал его, чтобы вода смочила ягоды. Плохая замена вину — только сильное

желание выпить может заставить человека сделать такой компот.

— Смотри туда! — приказала Гатея. — Думай о нём! Думай о вине, о тосте в честь Охотника! Его кубок подарен тебе. Может, ты заслужишь его милость. Это именно та магия, которой не могут управлять женщины. Думай о вине, вспоминай его вкус, клянись служить Ему! Быстро!

Я смотрел на лицо под Рогатой Коронай. Это был, по-видимому, не человек, но в его лице присутствовало много человеческого. И это позволяло надеяться, что его магия поможет нам. Хотя я раньше никогда не пытался разумом управлять зрением, однако я знал, что смогу сделать это, даже если я и не посвящён в тайны Магии.

Серебряное лицо смотрело прямо на меня и то, что отличало его от людей, делало чужим, постепенно исчезало. Я уже ощущал его могущество. Это был лорд, который вершит справедливый суд над своими подданными, но в случае необходимости защищает их.

Я поднял кубок выше, закрыл глаза и стал убеждать себя в том, что в кубке вино, а не простая вода с несколькими сушёными виноградинами. И я приготовился выпить этот напиток, вспоминая вкус вина, которое преподнесла мне Гуннора. И приложив кубок к губам, я выпил.

И — я могу поклясться всем сердцем — я выпил действительно вино — ароматное, сладкое, подобного которому никогда не плескалось в наших бочках. Я пил это прекрасное вино и клялся в своей преданности, в своей вечной службе. Я — лишённый рода и имени, лишённый клана.

Я клялся не кровью, не сталью, и даже не Пламенем, как это было принято среди нас, я клялся вином, которое пил. Выпив, я перевернул кубок, как по обычаю принято среди нас. И из него вылились не капли воды, и выкатились не сморщенные чёрные ягоды — из него вылились капли вина, светлого, как солнце, чистого и жёлтого. Капли упали на мох и тут же исчезли. Я запрокинул голову и выкрикнул те слова, которые пришли в мой разум. Выкрикнул, не понимая их смысла, не зная, что они означают:

— Ха, Курноус! Ха, Хе Вентур!

Мой крик прокатился по всему лесу, снова и снова отзываясь эхом между деревьями. Листья на деревьях зашелестели, как будто по лесу пронёсся вихрь. Они падали наземь, устилая почву вокруг нас.

Новые силы переполняли меня. Я чувствовал себя сильнее всех. Во мне кипело что-то такое, чего я не мог назвать, но что возбуждало во мне энергию, — такое я чувствовал впервые в жизни.

Сейчас я мог бы один с мечом в руке противостоять целому клану, и, смеясь, победить всех противников. Или я смог бы с голыми руками выйти против гигантского кота, вроде Гру, и он бы потерпел поражение, а не я!

Сквозь завывания ветра мы слышали дикие крики птиц. Они, видимо, просили помощи у того, кто послал их. Но помощи не пришло. Я видел, как ветер безжалостно швырял тела птиц и они, разбиваясь о стволы деревьев, чёрными комочками падали на землю. Некоторые, которые не погибли сразу, смотрели на нас красными злобными глазами, в которых горела лютая ненависть.

Ветер кружил над лесом, постепенно собираясь в компактный вихрь. Затем он улетел. Остались только сорванные им листья, да чёрные тела птиц.

Моё возбуждение исчезло вместе с этим вихрем. Я испустил глубокий вздох и посмотрел на Рогатого Охотника. В его лице теперь уже не было жизни, оно было теперь старым и измученным. Я с благоговением держал кубок в руках. То, что я сделал с его помощью, потрясло меня. Теперь мне хотелось подумать, как же это произошло, почему я смог это сделать.

Я положил кубок в мешок и взглянул на Гатею. Она стояла, прислонясь к дереву и глядя на меня широко раскрытыми глазами. Она держала перед собой жезл, как бы стараясь оградить себя им.

— Он пришёл... — голос девушки дрожал. — Он действительно пришёл на твой зов. Но ты мужчина — мужчина из клана Гарна, как ты мог совершить это?

— Я не знаю... Но ты не ожидала этого... ты же сама научила меня...

Она покачала головой.

— Я только надеялась, но не верила в это. И ты сделал то, на что не решился бы даже бард. Ты вызвал Того, кто

Охотится, — и он ответил! Теперь идём быстрее, пока тот, кто послал Чёрных, не выследил нас снова!

И она побежала между деревьями, огибая препятствия. Я последовал за ней, но когда мы выскочили на поляну, схватился за меч, так как боялся, что кто-нибудь из стаи остался жив и будет следить за нами. Но в небе не было видно никого, только какая-то чёрная точка далеко в небе, которая быстро удалялась. И я, несколько успокоенный тем, что не нужно вступать в битву, повернулся к Гатее, схватил её за руку и сжал её изо всех сил. Пришло время отвечать на мои вопросы.

— Кто Тот, который Охотится? Кто Чёрные птицы? Орд? Теперь ты мне скажешь всё, что знаешь!

Гатее попыталась вырваться. Она была сильнее, чем я думал. Но я удержал её, тогда девушка подняла свой жезл, но я быстро схватил её за кисть руки, так как ожидал этого. Ещё никогда я так грубо не обращался с женщинами и мне совсем не нравилась эта борьба между нами. Однако я должен был получить от неё знания, которые могут помочь нам избежать новых опасностей.

Гатее смотрела на меня. Она прекратила борьбу. Я видел, что губы её шевелятся, но не понимал, что говорит она. Тогда я притянул её к себе и зажал рот рукой — вдруг она зовёт кого-нибудь себе на помощь — против меня.

— Ты скажешь! — прошептал я ей на ухо, прижимая его к себе. — Я долго шёл по твоему пути. Ты даже втянула меня в колдовство — и я получу от тебя ответы на всё! — она застыла в моих руках, как стальной прут, хотя уже не старалась вырваться. Что ещё сделать, чтобы добиться у неё ответа, я не мог себе представить.

— Ты же не дура, — продолжал я. — Нельзя дальше идти в эту страну, если мы не станем полноправными партнёрами. Мне не нужны твои тайны, но я же воин. Я не хочу идти вслепую, если могу получить информацию, которая поможет нам обоим.

Я знал, что упрямство её не сломлено. Но я не знал, что делать, не держать же её в плену постоянно? Когда она не заговорила, у меня мелькнула мысль, как будто кто-то подсказал мне её. И я стал говорить тоном, требующим немедленного ответа.

— Во имя Гунноры, я требую! — я почувствовал, что

обращение к могуществу, с которым был связан кубок, подействует на неё. Она так много говорила о том, что магия — женское дело, и что ни один мужчина не может касаться её. Она так гордилась, что магия разделяет нас. Но Гуннора была настоящей женщиной, и я уверен, что она обладала не только тем, чем обладают все женщины, но и большим могуществом.

И я понял, что поступил правильно, так как Гатея вновь дёрнулась, чтобы освободиться. Однако я был готов к этому и не выпустил её, а затем повторил:

— Во имя могущества Гунноры, я требую!

Гатея внезапно обвисла у меня на руках. Я выпустил её и отошёл в сторону, но глаз с жезла не сводил. Девушка стискивала его руками, держа обгоревшим концом вниз. Она не смотрела на меня, только заговорила холодным жёстким тоном:

— Ты всё ещё суёшься не в своё дело. Будь осторожен, нельзя обращаться к тому, чего не понимаешь. Ты идиот!

— Лучше я буду живым идиотом, чем мёртвым. И я уверен, что ты знаешь эту страну достаточно хорошо и можешь вооружить нас для похода по ней не только с мечом в руке. Ты знаешь, куда мы идём.

— Куда я иду! — поправила меня Гатея. Она всё ещё не смотрела на меня, как будто стыдилась того, что я держал её в плену и она не смогла освободиться. Это унизило её в своих глазах. Но я всегда с самого начала держался с ней почтительно, чего нельзя сказать о ней.

— Куда идём мы оба, — спокойно поправил я девушку.

— И у тебя есть проводник, тот невидимый. Я видел, как ты с ним разговаривала. Он... или она здесь?

— Это Тайна, которую не может знать тот, кто не посвящён, — возразила она.

— Меня уже посвятили. Я разговаривал с Гуннорой. Я вызвал Охотника, — и разве он не откликнулся?

Она не смотрела на меня. Глаза её бегали, как у загнанного в угол зверька.

— Я дала клятву. Ты не знаешь, чего требуешь...

И снова мне кто-то подсказал слова.

— Спроси у того, кто не виден, — спроси, должен ли я оставаться слепым среди зрячих? Я требую это во имя Гунноры!

Жезл дрогнул.

— Она... почему ты говоришь о ней? Её имя — не для уха мужчины!

— Она нормально относится к мужчинам. Я сидел рядом с ней за праздничным столом и она говорила со мной так ласково, как никогда не говорила ты. Она подарила мне кубок.

— Я не могу сказать...

— Тогда вызови того, кто может, — настаивал я. — Вызови своего невидимого.

Теперь она подняла на меня глаза, и в них горел огонь гнева или ненависти.

— Пусть будет по-твоему! — Гатея воткнула жезл в землю, отступила на два шага и села перед ним, скрестив ноги. Взгляд её сконцентрировался на полуобгоревшем конце посоха.

Моя рука скользнула в мешок, где лежал кубок, и я сформировал в мозгу изображение янтарной леди, полное жизни и красоты.

Холодная волна пробежала по мне, хотя секунду назад солнце нещадно жгло кожу. Я почувствовал, как холодное дыхание Ледяного Дракона вырывается из обгоревшего посоха, который так много значил для Гатеи. Каждую секунду я ждал, что посох начнёт излучать свет, но ничего не происходило. Только холод становился всё сильнее, как будто она решила заморозить меня. Я стоял и думал о Гунноре и о кубке, который она мне подарила. Кроме того, я достал из мешка лист. Может быть, это тоже какой-нибудь талисман.

Гатея нараспев заговорила на чужом языке. Она, вероятно, читала какую-то молитву. Холод усилился. Должно быть, я превратился в ледышку с головы до ног. Только от руки, которая сжимала лист, исходило тепло, благодаря которому я мог сопротивляться этому убийственному холоду. Я не знаю, хотела ли Гатея причинить мне вред. Может быть, тот, кто отвечал ей, таким образом защищался от непосвящённого.

Я не услышал голоса. Однако Гатея перестала петь и заговорила прямо с тем, кто излучал холод. Я снова постарался вызвать в мозгу живое изображение Гунноры. Но оно таяло, несмотря на все мои усилия. Вместо

янтарного прекрасного лица появилось другое. Теперь возникла молодая женщина, которой я никогда раньше не видел. Зачесанные назад прямые волосы стягивал серебряный обруч с изображением луны надо лбом. В серых, как зимний лёд, глазах полностью отсутствовало какое-либо тепло. Волосы цвета чёрного зимнего неба контрастировали с абсолютно белым платьем, перетянутым тонким поясом и хорошо подчёркивавшим стройную фигурку молодой женщины.

Но в ней не было ничего человеческого. Не знаю, видел ли я своим внутренним зрением именно то существо, что вызвала Гатей, но эта девушка бесстрастно, почти презрительно изучала меня. И это презрение касалось не меня лично — а вообще мужчин. Я не мог избежать её изучающего взгляда.

— Гуннора! — выкрикнул я это вслух, или просто подумал?

Во всяком случае, это нарушило её ледяное спокойствие. Она не нахмурилась, даже не отшатнулась, но я каким-то образом почувствовал, что она обеспокоена, потрясена. Видимо, в этой стране существовали разные силы. Я встретился с одной из них, Гатей вошла в союз с другой. И эти силы не были дружны между собой, скорее наоборот.

Всё это быстро промелькнуло у меня в мозгу. И затем начали происходить перемены. На белом платье появились цветные разводы, стройное, по детски угловатое тело девушки округлилось, полумесяц надо лбом превратился в круг — полную луну. И в этом обличье я узнал её — Гуннора, только в другой одежде. Девушка, теперь зрелая женщина — это всё она, только с разными символами.

Холод, что окружал меня, постепенно исчезал, становилось теплее. Я ощущал запах лета, зрелых фруктов, пыльный аромат колосьев. Две стороны одного и того же! Гатей поклонялась одной, а во мне жило воспоминание о поцелуе второй.

Но только одно мгновение я видел перед собой мою янтарную леди. Затем она исчезла из моего внутреннего поля зрения. Однако она оставила после себя ощущение того, что я принят, что теперь передо мной откроется больше ворот, ведущих в загадочную страну. Значит, я могу

получить то, что желаю, но только силой своей воли, разума. И мало-помалу всё придёт ко мне, и чем больше я приложу сил, тем больше придёт.

— Гуннора! — вновь позвал я её. Мне страстно хотелось услышать её бархатный голос, мои губы вспыхнули огнём, как будто вновь их обжёт её поцелуй.

— Диана! — выкрикнула Гатея другое имя.

Гатея протянула руки, как будто хотела удержать кого-то. Но я знал, что мы снова одни. Могушество, которое вызвала она, ответило и мне.

Голос девушки стал несчастным, как будто она звала ближайшего родственника, который покинул её навсегда. Затем её руки упали на колени, голова безвольно свесилась на грудь.

Я не подошёл к ней, так как знал, что любое моё прикосновение только усилит боль. Но я сказал:

— Это была Гуннора, девушка, женщина.

— Это была Диана, которая не знает мужчин! Она... — Гатея подняла голову. Слезы на её глазах удивили меня, как удивило бы плачущее дерево. — Это была Лунная Леди. Затем... Затем... — снова в её глазах появилась свирепость ястреба. — Гуннора тоже для женщин, но для тех женщин, которые отдали свою девственность мужчине... подчинились ему...

— Подчинились? — переспросил я. В моей янтарной леди ничего не говорило о смирении, покорности. — Я думаю, ты не права. Женщина если и подчиняется, то только по собственной воле. Женщина — поле, на котором рождается новая жизнь. Она — тепло... а твоя Диана — холод.

Гатея медленно покачала головой.

— Действительно, Гуннора ответила на твой зов. Я не понимаю, почему она одарила милостью мужчину. Её тайны не для тебя. Но видимо, как это не невероятно, она действительно выбрала почему-то тебя. Но только... мы направляемся в Святилище Дианы, а это совсем другое дело.

Я заметил, что теперь она сказала не «я», а «мы», но был достаточно благоразумен, чтобы не комментировать этого. Гатея медленно поднялась, как будто происшедшее полностью истощило её силы. Она взяла посох и положила его на свою ладонь.

Посох стал поворачиваться сам по себе, и вскоре конец его указал налево. Гатя кивнула.

— Ну вот. Мы можем идти. Путь указан.

Страна, которая лежала перед нами, была необитаемой, я был в этом уверен. Но появление чёрных птиц предостерегло нас. Мы должны быть очень осторожны и стараться держаться подальше от того, чего не понимаем, до тех пор, пока не решим, не опасно ли это.

Мы шли, и я постепенно убеждался, что когда-то эти долины населяли разные расы, не всегда похожие на людей. Я вспомнил празднество в зале крепости и вспомнил, что видел там не только людей. Однако мне казалось, что все они были между собой в полном согласии.

— Ты говорила о птицах Орда, — я решил, что между мной и Гатеей больше не существует барьера, и я могу расспрашивать её. — Так кто же этот Орд?

— Я не знаю. Мне известно только, что он господин Тьмы и эти ужасные чёрные птицы нападают на того, кого укажет он.

— А крылатое чудовище, с которым я столкнулся в горах? — я кратко рассказал ей о битве с чудовищем и о загадочной статуе, которая охраняла вход в пещеру, откуда оно появилось.

— Это тоже зло, но оно пришло откуда-то из другого мира много лет тому назад. Здесь произошли большие перемены.

— Ты многое знаешь об этой стране, — заметил я.

— Ты ещё этого не понял? — спросила она. — Я родилась, зная, что обладаю талантом, но у меня не было ключа, чтобы его раскрыть. И теперь я здесь, где хранятся все ключи! Забина хотела, чтобы я шла вперёд медленно, чтобы я училась всему постепенно, как ребёнок. Я молода, но жизнь моя не бесконечна, и я не могу ждать, ждать и выпарапывать жалкие крохи знания, когда я могу получить всё сразу, если постараюсь. Лунное Святилище — оно дало мне ключ. Благодаря ему я могла лететь туда, куда Забина предлагала мне плестись шагом. Но я не успела воспользоваться этим. Ваша леди украла у меня всё. Надеюсь, теперь она поняла, что нельзя воровать надежды других.

Она говорила и губы её кривились. Я понимал, что Гатя в душе шлёт проклятия Инне.

— Я знаю Гуннору. Она — другая ипостась твоей Лунной Леди, и она излучает солнечное тепло. А кто этот охотник, что откликнулся на мой призыв?

— Он именно таков, каково его имя. Женщина хранит семена, высаживает их, ухаживает за ними, собирает урожай, когда они созреют. А мужчина охотится, ищет жертвы, у него рука всегда на рукояти меча, он всегда готов срубить росток жизни. Коронованный Рогатой Короной охотится — и убивает...

— Значит, он олицетворяет зло?

Я увидел на её лице желание согласиться, но затем она неохотно заговорила:

— Всё в мире сбалансировано. Свет и тень, луна и солнце, жизнь и смерть: ничто не может перевесить. Женщина даёт жизнь, мужчина приносит смерть, когда наступает нужное время. Женщина работает на полях, мужчина охотится за четвероногими или имеющими крылья. И так всё идёт, пока не появляется кто-то, обладающий могуществом и способный нарушить существующий порядок. В этом и есть природа зла — стремление нарушить равновесие между жизнью и смертью.

— Значит, Охотник — противоположность Гунноре или Диане, и тем не менее, он на своём месте.

То, что она считала задачей Рогатого смерть и убийства, мне совсем не понравилось. Хотя ведь это — реальная жизнь. Не бывает жизни без смерти. Правда, мы всегда с ужасом смотрели на смерть, хотя бывало и так, что смерть ждали, как благословенную избавительницу от мук. И я призывал смерть на помощь нам. Это вызвало во мне сильное беспокойство. Я даже хотел отшвырнуть от себя кубок — и может, даже лист — и не иметь больше с ними никаких дел. Но кубок подарила мне Гуннора, а она была воплощением жизни, с какой стати она стала бы дарить мне символ смерти? Если, конечно, в нём не было какого-то скрытого смысла.

Но я никогда не признался бы Гатее в своих сомнениях относительно Гунноры. Я решил больше не думать о будущем, жить только настоящим. То, что ждёт меня, я встречу без колебаний и сожалений. Я не верил в то, что Гуннора подарила кубок, желая предупредить, предостеречь меня, может даже как знак угрозы. Она говорила о

моём будущем и я склонен был верить в её пророчество, тем более, что оно было мне по душе.

Гатее не могла прочесть мои мысли. Она нахмурилась. Но не потому, что гнев охватил её, скорее потому, что я озадачил её, возбудил любопытство.

— Коронованный — не противник Дианы, — слова её падали медленно, как бы против воли. — Его почитает и Диана — Девушка, и Гуннора — Женщина. Он им брат и муж — и даже сын Мудрейшей...

— А кто эта Мудрейшая?

— Мудрейшая умирает, когда в жизнь приходит девушка. Это Тёмная Луна, которой мы никогда не видим. Да, Коронованный равен ей. Но у него своё собственное Святилище. И...

Но она не успела сказать то, что собиралась, так как в воздухе мелькнула серебряная молния. Одним прыжком Гру присоединился к нам. А за ним следовало что-то ещё. Мне это показалось похожим на чёрную молнию, если бы она существовала. В воздухе раздался сухой треск, как удар хлыста...

Удар хлыста! Вот что это было! Откуда-то к нам летели три всадника. Один из них на скаку обеими руками размахивал в воздухе чёрным кнутом, готовясь швырнуть его в нас. Он скакал, не держа поводья, и его лошадь летела вперёд, оскалив зубы и перебирая сверкающими чешуёй ногами с такой скоростью, какой не могло бы достичь ни одно живое существо. Это были необычные лошади, с передними ногами короче задних. Сёдла держались почти на самых их плечах.

Я увидел, как чёрные кольца хлыста раскручивались, готовые метнуться в нашу сторону. Гру зарычал и присел рядом с Гатеей, оскалив клыки. Я выхватил меч и встал перед девушкой. Времени бежать обратно в лес у нас уже не было. Действительно, приносящий смерть. Я вызвал Охотника и теперь должен был заплатить ему, принять участие в игре, которой не понимал.

Глава четырнадцатая

Нападавшие не сделали попытки сблизиться с нами. Они стали кружить вокруг нас на своих чудовищных лошадях. Я крутился, следя за ними, а Гру страшно рычал,

подняв голову. Хвост его бил по земле. Вскоре я понял, что всадники сидели вовсе не на лошадях, а на больших ящерицах, которые шипели и поминутно высовывали свои раздвоенные языки. Я не понимал, почему эта троица не нападает сразу на нас.

Времени вызывать к помощи, как я это сделал в лесу, сейчас не было. Да я и не был уверен, что эта помощь придёт. Ведь, возможно, эти трое и появились именно потому, что я вызвал того, к кому не имел права обращаться.

Наконец все трое остановились. Я не мог увидеть их лица под капюшонами. Но я разглядел бледную кожу и заострённые подбородки. Один из них остановился слева, другой справа, а третий, тот, который размахивал чёрной молнией, в центре.

Говорят, что лучшая защита — это нападение. Но в данный момент, я понимал, что нужно выжидать. Нападение ничего не принесёт. Но почему они не напали на нас и не испепелили своими чёрными молниями? Я этого не мог понять.

Несмотря на то, что я встал впереди, Гатея выдвинулась рядом со мной и её плечо коснулось моего. Правда, вместо меча в руке она держала свой посох. Мы ждали и тишину нарушало только рычание Гру и шипение ящериц.

Я вспомнил, как Гатея говорила, что холодная сталь отпугивает зло. Может, они боятся именно моего меча, а не моего искусства? А если так... может, нужно напасть первым?..

И вдруг из самого воздуха раздался голос, подобный грому. Он отвлёк моё внимание от этой троицы и заставил поднять голову к небесам, чтобы отыскать, чей же это голос.

Но в небе не было ничего.

Нет! Нет! В воздухе прошло какое-то волнение, похожее на то, что вызывает камешек, брошенный в пруд. Неужели звук можно видеть? В воздухе появились следы голубоватого дыма. Дым не исчезал, он извивался над нашими головами, окружал нас. И мы пошли, как бы повинаясь приказу этого еле видимого круга.

Я сопротивлялся изо всех сил, даже старался зацепиться за кусты, за камни. Но тело не подчинялось мне, я был

чьим-то пленником. Гру и Гатея тоже двигались вместе со мной, упираясь изо всех сил. Но они двигались, как будто их тянули невидимые верёвки.

Тот, кто сидел перед нами на скакуне, повернулся и поехал прочь. Мы следовали за ним. По обе стороны от нас ехали двое других. Над нами светило солнце, земля была вся в зелени и цвету, а мы оказались пленниками, как бы брошенными в тюремную камеру.

Мы пересекли старую дорогу, но тот, кто ехал впереди, не свернул на неё. Он ехал напрямик через поля. Туманный круг над нашими головами не исчезал и двигался вместе с нами.

— Ты знаешь что-нибудь о них? — насколько глубоко Гатея знала эту страну, я не имел понятия, но всё же она могла дать хотя бы намёк, который окажется полезным. Я, конечно, беспомощен против колдовства, но если есть хоть малейший шанс...

— Они из Тьмы, — коротко ответила она. — Их господин очень могущественен. Это его голос наложил на нас заклинание, и кроме того, что они враги, я не могу ничего больше сказать.

Она прижала руки с жезлом к груди, как будто хотела защитить её от враждебных сил. Меня тащило вперёд, но меч я в ножны не вложил. Лучше быть постоянно наготове.

Так мы шли, влекомые неведомой силой, и, наконец, пришли в место, заросшее гораздо сильнее. Однако всё здесь выглядело зловещим, мрачным. Я видел цветы, похожие на разверстые пасти, готовые с жадностью проглотить всё, что приблизится к ним. Другие были мертвенно-бледными и от них исходил сладковатый запах смерти. Деревья стояли все перекрученные, покрытые уродливыми отростками, напоминавшими ужасные маски, головы мужчин и женщин, умерших в страшных муках. Зелёные листья деревьев покрывал беловатый налёт, как будто они были поражены жуткой болезнью.

От тёмно-серой земли при каждом нашем шаге подымались смрадные испарения. Кое-где виднелись грибы странной формы и цвета, очень похожие на разложившуюся плоть.

Но жизнь была и здесь. Иногда мы слышали шорохи, а временами встречались глазами с какими-то существами.

Изредка нам удавалось рассмотреть их, и мне казалось, что это были животные, обезображенные каким-то колдовством.

Перед нами темнел строй деревьев, так переплетённых между собой, что я не представлял, как может живое существо пробраться сквозь него. И тем не менее, среди этих деревьев возвышалась башня самого угрюмого вида.

Камни, из которых она была сложена, зловеще чернели на фоне безоблачного неба. Нас тащили к этой башне, но я не мог разглядеть в лесу никакого прохода.

Однако когда всадник приблизился к лесу, деревья расступились в стороны, открыв путь. Вероятно, это была только иллюзия. Но я понимал, что лес по-настоящему реален и стал бы непреодолимым барьером на пути того, кто не обладал могуществом.

Всадник ехал вперёд, не останавливаясь, а за ним тащились мы трое, не в силах противиться тому, что гнало нас за ним. Когда мы проходили по тёмному лесу, где было гораздо более шумно, чем в обычном лесу, я осматривался по сторонам.

На ветвях торчали острые шипы, длиной больше чем мой кинжал. Между деревьями росли цветы, белые лепестки которых пронизывали красные жилки. Создавалось впечатление, что это живые существа, и по этим жилам течёт горячая кровь. В центре цветов желтели капельки, и я мог дать голову на отсечение, что это был смертельный яд. Тут всё было чужим и зловещим, мрачная атмосфера страха висела над лесом. Но я старался преодолеть этот страх, подавить его.

Здесь все было создано, чтобы потрясти жертву, воздействуя на все органы чувств, — на зрение, на слух, на обоняние. Но внутри я оставался самим собой, всеми силами сопротивляясь колдовству, стараясь сохранить мужество. Тело моё может и было беспомощно, но дух и разум нет. Почему я думал обо всём этом, я не знаю. Вероятно потому, что это был для меня единственный способ сопротивляться злу.

Вскоре мы вышли на поляну, где высилась башня. Её не окружали ни стены, ни другие строения. Только чёрная, врезающаяся в небо колонна. В стене темнело входное отверстие, там даже не было ни двери, ни ворот.

Всадник остановился возле двери и поднял кнут, из которого вновь вылетела чёрная молния. Видимо, он отсалютовал, сообщая о прибытии. Он не произносил ни слова. Прекратилось даже зловещее шипение его ящерницы. Возле башни на поляне всё было спокойно — но ужасно жарко. Какие-то душные испарения стесняли дыхание, и нестерпимо хотелось вдохнуть свежего воздуха.

Стояла полная тишина, но вот всадник поехал в сторону, как будто получил приказ, которого мы не слышали. Голова его, закрытая капюшоном, повернулась, как бы проверяя, идём ли мы за ним. Он поехал прямо в дверь.

Темнота сгустилась вокруг нас. Здесь не было никаких источников света. Мы оказались в ночи, когда небо затянуто плотными тучами, — в крошечной тьме.

И мы совсем потерялись в ней. Я попытался протянуть руку и почувствовать тело Гатеи или мех Гру. Но мой приказ не дошёл до мышц. Руки оставались на месте, как привязанные. Темнота изолировала нас друг от друга, и я слышал только своё дыхание. Я почувствовал, как паника охватывает меня.

Мы... или, вернее, я... больше не шли, не шёл. Дневной свет не проникал сюда, он остался где-то далеко позади. Я не мог даже представить себе, где мы теперь, так как с того момента, как мы вошли в башню, мне казалось, что теперь нас окружают вовсе не её стены. Мне казалось, что я стою в центре невообразимо широкого пространства.

Сколько времени я стоял так? Этого я никогда не узнаю, так как время здесь текло по-другому. В этой башне существовало только здесь и только теперь. Сокрушающая темнота с каким-то садистским сладострастием медленно и неотвратно давила на меня, превращая моё естество в ничто. Я чувствовал себя в этом мраке примерно так же, как чувствует себя насекомое, попавшее в липкую сосновую смолу.

Мы, люди, боимся темноты. Это заложено в нас от рождения. Но в нас заложено и то, что мы должны бороться с этим страхом, пытаться подавить его, иначе жизнь наша превратится в кошмар. Но ещё ни один человек, я был в этом уверен, не подвергался такому испытанию, какому подвергся я. И к своему удивлению, я обнаружил, что могу сдерживать страх, держать его на

расстоянии. Время шло, я отсчитывал его по своим вдохам. Если я до сих пор не поддался страху, значит смогу держаться и дальше.

Что-то изменилось впереди. Влажные горячие испарения перестали мучить мои ноздри. Вместо него повеяло тяжёлым сладковатым запахом разложения.

И это сопровождалось слабым, еле заметным свечением. В воздухе над нашими головами снова появился серый дымный круг, который сопровождал нас сюда. Он еле светился в этом мраке.

Круг постепенно трансформировался в овал. Серый цвет превратился в болезненно белый, смешанный с жёлтым. Теперь он стал похож на зеркало, хотя оно и не отражало нас. Но вот я понял, что это не зеркало, — это овальная дверь. Однако те силы, что привели нас сюда, не тащили нас к ней. Вероятно, что-то приближалось к двери с другой стороны.

И вот в овале появилась тень. Она медленно сгущалась и постепенно превратилась в туманную фигуру. Только края фигуры были как-то странно искажены. Затем мгновенно изображение стало ясным и чётким.

Я увидел женщину с бледной кожей, с волосами тёмными и длинными, достигающими до колен. Тело у неё было чисто женское, как тело Гунноры, и меня пронизало острое желание, как при виде Гунноры.

Но что это...

Может, меня обманывает зрение? Когда я подумал о Гунноре, сравнивая её с этой женщиной, это совершенное тело заколебалось, подёрнулось дымкой, а в глазах, изумрудно-зелёных, как у Гру, вспыхнуло красное пламя, и я почувствовал вспышку гнева в ней.

И всё же невольно сделал шаг вперёд. Меня охватило то же чувство, которое я испытывал к Гунноре. Я ни о чём не думал, я вложил меч в ножны, я хотел, чтобы мои руки освободились для...

И тут рукой я случайно коснулся бугорка на моём мешке. Снова женщина, которая ждала меня, и манила меня, подёрнулась дымкой. Кубок...

Она, должно быть, поняла моё смятение. Теперь она протягивала ко мне руки, и неистовое желание захлестнуло меня, я был готов пройти расстояние, разделяющее нас,

коснуться своими руками её шелковой кожи, ласкать её, обладать ею... О такой женщине мог только мечтать каждый мужчина, и она манила меня... Она была...

И тут что-то мелькнуло передо мной. Гру взлетел в воздух одним прыжком. Я вскрикнул и бросился за ним. Я должен спасти её от этого зверя. Рука моя протянулась к мечу, и женская фигура снова заколебалась в дымке. Я коснулся рукой мешка, там, где из него выпирал кубок, и рука прилипла к нему, несмотря на отчаянные усилия освободиться. Но я увидел, что Гру не рвёт на части женщину. Он сцепился в схватке с другим котом, и теперь они катались по земле в смертельных объятиях друг друга. Я слышал их рычание. Но женщины я не увидел, здесь были только два кота.

Затем они оба исчезли, и в овале снова появилась женщина, её чары снова стали манить меня. Но теперь в ней было что-то не то, какой-то изъян. По телу её всё время бежала мелкая рябь, и я понял, что это только иллюзия. То, что ждало меня, манило меня, возбуждало во мне дикое желание, оказалось всего лишь колдовским созданием, предназначенным заманить жертву — меня — в западню.

Я крепче прижал руку к мешку. Если кубок обладает каким-то могуществом, то оно мне сейчас очень нужно! Коронованный! Гуннора! Я стремился воссоздать в памяти их изображения, чтобы сделать их для помощи себе.

Женщина ещё стояла — создание того, кто правил в этом гнезде зла. Возможно, она или он, ещё не понял, что у меня появилась защита. Желание всё ещё оставалось очень сильным, тело помимо воли тянуло вперёд, к ней, жар сжигал меня. Я отчаянно боролся с собой, пытаюсь убедить себя, что это всего лишь иллюзия — но не мог подобрать нужных слов.

Я упал на колени, распростёрся на земле, но меня тянуло, тянуло к ней. Я цеплялся за всё в моей памяти, как утопающий хватается за соломинку, как умирающий старается раздуть последнюю искру жизни в себе. Но я не мог совладать со своим телом, хотя твёрдо знал, что меня ждёт неминуемая смерть.

Коронованный! Курноус... Курноус! У меня не было вина, чтобы вызвать его: у меня не было ничего кроме моей памяти. Вызвать Гуннору? Нет! Я поспешно отмёл эту

идею. Гуннора только усугубит сжигающее меня желание. Вызвать её — значило ещё шире открыть дверь. Охотник! Убийца!

Фигура в светлом овале изменилась. Теперь там не стояла манящая женщина. Там был мужчина, высокий, хорошо сложенный, с короной из переплетённых оленьих рогов на голове. У него было спокойное гордое лицо настоящего лорда. И он протягивал руку мне, мне, лишённому рода, лишённому клана, лишённому имени. Теперь я никогда не буду одинок. Стоит мне принять эту руку, и я больше не буду захудалым дальним родственником, я буду другом великого лорда. Это не Гарн, он неизмеримо выше Гарна. Это лорд, с которым я смогу отправиться в большой поход по этой загадочной стране, смогу разделить с ним славу. Это я звал его, и он пришёл ко мне...

Не спуская с него восхищённых глаз, я развязал мешок, чтобы достать кубок, чтобы доказать себе, что это он, тот, кому я клялся, тот, кто снова спас меня от нашествия Тьмы.

Я открыл мешок. Пальцы мои коснулись кубка, скользнули в него.

Мужчина подёрнулся туманом. Нет! Не уходи... Я могу доказать... Я могу...

Он снова заколебался. И вот я увидел её. Эту девушку. Она снова тянулась ко мне. Руки её были протянуты ко мне...

Это был не мужчина. Не Коронованный Рогами воин. Это была женщина. Не та, что чуть не заманила меня в свои сети, нет, это была иная, стройная, гибкая девушка. Тело её частично закрывала серебристая туника, застёгнутая на одном плече. На голове её сверкал символ месяца. Она исчезла, и снова начал формироваться мужчина.

Я достал кубок, с трудом поднёс его к подбородку. Какая-то древняя, заложенная во мне мудрость заставила меня сделать это. В кубке было пусто, но в ноздри мне почему-то ударил резкий чистый запах — запах листьев, шелестящих под утренним солнцем, аромат полевых трав.

С моих глаз как будто спала пелена, и я увидел!

Внутри овала клубились облака. В просветах между ними я увидел неподвижно лежащего Гру, на его теле виднелись кровавые красные полосы. Гатея, вытянув руку,

шла к нему. Она прошла мимо меня, но то, что держало нас, уже разрушилось. Прижимая к себе кубок, я бросился вперёд и преградил ей путь, когда она подошла совсем близко к клубящемуся тучами овалу.

Лицо её было несчастным, глаза устремлены туда, где лежал Гру. Сначала она хотела просто оттолкнуть меня, как будто не понимала, что может ждать её там. Я знал, что мне не удастся оттащить её назад одной рукой, ведь другой я сжимал кубок. Схватив левой рукой за пояс, я потащил девушку, но туман овала уже коснулся её ноздрей.

Она упёрлась и упала, увлекая меня за собой. Моё тело перекатилось через неё. И она начала отчаянную борьбу за освобождение. Гатея наверняка не узнавала меня. Я стал для неё только препятствием на пути к тому, куда она должна была попасть. Она пустила в ход зубы, когти, кулаки, а я мог только прижимать её к земле, тщетно стараясь избежать этих ногтей. Но я знал, что кубок — моё единственное спасение, пока я держу его и вдыхаю странный аромат, моя голова будет оставаться чистой, и никакие иллюзии не смогут обмануть меня.

Я держал его и очень надеялся, что кубок поможет ей, как и мне. Я постарался поднести кубок к её лицу, хотя она вертела головой, стремясь укусить меня...

Мы всё ещё боролись, когда...

Я изо всех сил держал её и прижимал к себе кубок. Но теперь мы уже не лежали там, где царит мрак. Нас охватил холод, такой жуткий, что я был уверен: ни одно живое существо не может выдержать его даже на миг. И снова вспыхнул свет — красный и обжигающий. Только что нас жёг холод, теперь жар опалил наши тела.

Гатея лежала неподвижно, закрыв глаза, но я чувствовал, как вздымается и опускается её грудь. Я поднялся на колени и осмотрелся. Жар, казалось, сожжёт мои лёгкие. Мы лежали на камнях, тоже очень горячих, даже раскалённых. Я приподнял Гатею, чтобы её поменьше обожгло. До меня донёсся запах палёной шерсти и я, повернув голову, увидел Гру, который не шевелясь лежал поблизости.

Мы были окружены стеной пламени, красно-жёлтой стеной. Когда дул ветер, которого мы совсем не ощущали, языки пламени протягивались к нам, пытаясь лизнуть. Пламя было очень ярким и стена его — сплошной, так что

я не мог рассмотреть, что находится за ней. Я решил, что тот, кто завлѣк нас сюда, разгневался на нас и решил покончить с нами, своими узниками, самым простым и быстрым способом. Ведь скоро от нас не останется ничего, кроме обугленных костей.

— Диана! — Гатяя открыла глаза. Но она не видела меня, она только тревожно осматривалась вокруг. Я был уверен, что она жаждет увидеть, что же ещё ждѣт нас, какую иллюзию создал властитель башни. Девушка нахмурилась, когда поняла, что к ней вернулось её настоящее зрение. Она взглянула на меня с такой яростью, что обладай её взгляд физической силой, я неминуемо был бы отброшен в окружавшее нас пламя. — Диана... она была здесь! Наконец-то она позвала меня.

Гатяя изо всех сил толкнула меня обеими руками и я действительно чуть не упал в огонь, но успел вскочить на ноги. Однако я всё ещё держал кубок, не выпуская его.

— Всё это была иллюзия, — возразил я. Она ведь многое знала о колдовстве, неужели она сама не видела этого, не видела, как Гру бросился туда, не видела, как меня дважды чуть не заманили во Мрак?

— Что ты видела? — продолжал я, вставая перед ней и произнося слова с таким жаром своей души, который заставил даже померкнуть жар неистового огня, окружавшего нас. — Гру бросился на другого кота. Я сначала видел женщину, — тут я не стал вдаваться в подробности, — а затем человека в Рогатой Короне. А ты видела свою богиню? Дочь Луны?

Я уверен, что Гатяя не желала слушать меня. Она была так потрясена иллюзией, что ко мне она могла испытывать только гнев. Она подняла руку, сжала кулак, как будто хотела ударить меня, но затем бросилась к Гру и упала на его неподвижное тело.

— Гру! — громко позвала девушка, затем приподнялась, взяла голову Гру в руки и заглянула в его полузакрытые глаза. Она гладила его шерсть, и вдруг глаза её расширились, как будто она опомнилась, пришла в себя. Она повернулась ко мне.

— Он... он не...! — пальцы её глубоко погрузились в шерсть животного. — Он не мёртв. Ты... — прижимая голову Гру к груди, она смотрела на меня.

— Ты видел? Что случилось с Гру?

То, что она ничего не видела, меня не удивило. Я уже понял, что для каждого из нас создавались разные иллюзии, для каждого свои. Гру бросился на другого кота, который был несомненно самкой. А меня пытались соблазнить, сначала воздействуя на тело, как было с Гру, затем, после неудачи, на более тонкие чувства.

— Его соблазнили, показав ему самку.

— Диана! Диана была здесь! — девушка качала головой, как бы не в силах расстаться с чудесными грёзами. — Я нашла Святилище... я была... — она замолчала, но рука её всё время гладила Гру. — Ты не видел её. Тебе являлись другие... — Гатя посмотрела на стену пламени за моей спиной, как будто только что обнаружила её.

— Тот, кто создаёт эти иллюзии... — она вздрогнула, как будто её охватил холод, хотя это было немыслимо в такой жаре. — Это один из Мрака. Но почему?.. И Гру... — она посмотрела на неподвижное тело зверя.

— Как мы попали сюда? — спросила девушка. Голос её снова стал твёрдым, она полностью овладела собой и теперь была готова без страха смотреть в лицо неизбежности.

Я рассказал ей всё — о кубке, и о том, как запах из него уничтожил мои иллюзии, и как я удержал её от того, чтобы она не бросилась навстречу гибели, и как нас затем перенесло сюда. Она слушала, я был уверен, что она не только понимает всё, но и что мой рассказ, в сочетании с её знаниями, поможет ей придти к какому-то решению.

— Нас было трое, — медленно проговорила она. — И для всех троих одновременно создавались разные иллюзии. Заклинание, с помощью которого слуги привели нас сюда... Оно управляло нашими телами, но при этом ему помогали и всадники. Когда же мы втроём остались против него одного, он не смог справиться с нами. Бедный Гру. Он очень умён, но всё же не смог понять, что его обманывают, и поэтому попал в западню первым. А ты... у тебя нашлась защита, о которой он не подозревал.

— А что же видела ты?

— Я видела Святилище. Лунное Святилище — и алтарь был освещён. Я ждала, так как была уверена, что она придёт, что это именно то место, которое я искала. Нет, я

ничего не видела, что создавалось для тебя. Но он не мог создавать одновременно иллюзии для всех нас. Когда он потерпел поражение с тобой, тогда появилась Диана, которую я ждала. Кубок помог тебе освободиться от его чар, а затем ты помог мне... Однако, — продолжала она, бросив взгляд на стену пламени, — куда же он теперь забросил нас, когда его усилия не увенчались успехом?

— Мы в его царстве зла, — ответил я. — Я не знаю ничего больше. Но нам нужно поскорее выбираться отсюда, если мы не хотим быть зажаренными здесь.

Гатея положила щеку на голову Гру.

— Я не могу воспользоваться посохом, у меня нет его, — сказала она. — Мои знания здесь ничего не значат. И если мы глубоко в царстве Мрака, то у нас нет надежды выбраться отсюда. Между Мраком и Светом нет переходов. Есть только границы, где они постоянно воюют между собой. Я полагаю, что здесь нам уже ничто не поможет, даже лунная магия.

Я не мог поверить, что она решила безропотно отдаться на милость судьбы. Я знал, я был уверен, что она никогда не сдастся, как бы ни безнадежно было положение. То, что мы довольно успешно сопротивлялись тому, чьё могущество я даже не мог представить себе, вдохновляло меня.

Гатея уже развязала свой мешок. Она достала оттуда пакет с сухими листьями, выбрала семь штук и, сунув в рот, стала жевать.

— Что?.. — хотел было спросить я.

Девушка покачала головой и показала, что не может говорить. Затем она указала на кота, и я понял, что она хочет что-нибудь сделать для спасения Гру.

Глава пятнадцатая

Гатея достала разжёванную массу изо рта и осторожно наложила её на глаза Гру. Затем она положила кончики пальцев на его голову между ушами. Она, казалось, не замечала пламени вокруг нас, хотя его дыхание становилось всё жарче. Я пытался взглядом проникнуть сквозь огненную стену, но тщетно.

Огонь всегда был помощником людей, но он же был и их проклятием... И теперь я чувствовал, что узкое про-

странство вокруг нас в любой момент может сомкнуться, и огонь поглотит нас. Гатея сидела, закрыв глаза и поддерживая голову Гру. Она использовала все свои внутренние силы, чтобы изгнать из тела друга то, что привело его к смерти, почти к смерти.

Гру двинул лапой, показались его страшные когти, какое-то жалобное мяуканье послышалось из пасти со страшными клыками. Гатея ласкала его голову, поглаживала челюсть.

— Всё хорошо. Он пришёл в себя.

— Для чего? — спросил я. — Если мы не можем выбраться отсюда, — я показал на пламя, — то может, его и не стоило вызывать.

У меня пересохло во рту. Я с вождением думал о каплях воды, которые ещё оставались во фляге, прицепленной к поясу. Пот стекал с головы под рубашку, и она плотно прилипла к моему телу.

— Иллюзия, — задумчиво проговорила Гатея. — Кажется, это главное оружие нашего врага. И...

Она посмотрела на беснующееся пламя. Не было нужды говорить о том, какая мысль пришла ей в голову. Она всё ещё гладила кота.

— Может, это и иллюзия, — согласился я. — И всё же она такова, что мы не можем уничтожить её...

— Как сверху, так и снизу... — задумчиво сказала Гатея, не заботясь разъяснить, что она имеет в виду.

— Иллюзия, — продолжала она, — это введение образа в разум врага, жертвы, и тогда субъект перемещается в другую плоскость — туда, чего он больше всего боится, или чего он жаждет — и он начинает жить в этой плоскости.

— Ты имеешь в виду, что мы сами поддерживаем эту иллюзию, питаем это пламя?

— Пока мы верим, что видим его, наша вера питает это пламя.

— А если ты не права, если это пламя настоящее?

— Только реальность может ответить Могуществу. То, что может быть вызвано, создано, то может быть и уничтожено. Разве ты сам уже не доказал это?

Я видел капли пота на её лице. Затем голова Гру поднялась с колен девушки. Разжёванная масса листьев упала с его глаз, которые раскрылись. Взгляд его остано-

вился на лице Гатеи, и у него вырвалось нечто среднее между ворчанием и мурлыканьем.

Да, я сам успешно сопротивлялся иллюзиям, уничтожал их. Но здесь было что-то совсем другое. Я был уверен, что если я суну руку в огонь, то она обгорит до костей. Какие уж тут иллюзии.

Девушка закрыла глаза, а кот с удовольствием устроился поудобнее. Неужели они решили поспать? Но в свете зловещего красного пламени я увидел шевеленье её губ, хотя вслух она ничего не произносила.

Чёрт бы подрал все эти заумности! Неудивительно, что мои соплеменники стараются держаться подальше от Мудрых Женщин, конечно, когда не испытывают в их знаниях крайней нужды. Я предпочёл бы встретиться с любым врагом, сразиться с ним обычным честным способом, как это принято среди моего народа. Пусть бы меч решил всю эту запутанную ситуацию.

Ведь я теперь даже не знал, в каком мире мы находимся. Наверняка нас забросило сюда совсем не тем способом, которым привыкли путешествовать люди. И даже если мы сумеем победить пламя с помощью колдовства, которое пытается вызвать Гатея, что потом? Что, если мы совсем в другом мире?.. и времени?..

Она посмотрела на меня.

— Ты мешаешь мне! Твоё неверие слишком сильно! О! — она опустила руку в горячий песок, как будто это был холодный родник... — О, если бы я была одна! Ты... ты всячески препятствуешь мне!

Её эмоции передалась Гру. Он поднял голову и оскалился на меня.

Я был потрясён обвинением Гатеи. Она совсем забыла, что я сделал для неё, что это я помешал ей ринуться к фальшивой Диане. Снова я поднял кубок, надеясь, что этот холодный терпкий запах, который однажды уже спас меня, поможет вновь. Но запаха больше не было. Гатея смотрела на меня сузившимися глазами. Выражение её лица слегка изменилось. Она увидела кубок и думала теперь о нём, о том, что его можно использовать более эффективно.

— Если бы ты знал побольше...

— Так скажи мне! — мне казалось, что стена огня всё приближается к нам.

Гатея подняла руку и отбросила назад прядь волос.

— Ты просишь невозможного. Нельзя сжать годы учения в несколько слов.

И тут язык пламени чуть не коснулся её. Она отшатнулась, и я увидел в глазах её страх.

— Теперь у нас нет времени даже для нескольких слов, — упрямо сказал я.

— Те, кто имеют могущество, — торопливо заговорила она, — говорят, что можно переносить объекты из одной плоскости существования в другую. Они смотрят на что-то и видят его внутреннюю сущность. Для каждого объекта, будь он сделан, или рождён, сначала существовала мысль, и, следовательно, он частично остаётся мыслью. И объект, будучи материальным в той плоскости существования, где мы видим его, существует где-то в другом месте, но в другой форме. Тот, кто обучен, может увидеть в объекте эту мысль и уменьшить его до первоначального состояния, то есть до мысли.

— Ты видела, чтобы кто-нибудь это делал?

Гатея покачала головой.

— Нет, я не видела таких, кто может увидеть внутреннюю сущность вещей и использовать её.

— Но ты сказала: если бы я знал больше, — настаивал я. — Что я должен знать?

Она снова покачала головой.

— Мы не знаем внутренней сущности сил, которые захватили нас. И...

— Это... — я показал на пламя, беснующееся вокруг нас. Я был уверен, что огненное кольцо постепенно сжимается вокруг нас. — Это огонь. Огонь рождается из дров, горячих жидкостей. Какова же внутренняя сущность огня — что питает его?

В огне я не видел ни дров, ни следов горячего масла, которое мы жгли в лампах.

— Что питает его... — задумчиво повторила Гатея. И затем возбуждение тронуло её лицо. — Да, вполне возможно, что топливо для огня существует где-то в другом месте.

Это заявление показалось мне абсолютной бессмыслицей, но в ней оно пробудило новую жизнь и готовность к действиям. Она протянула мне руку.

— Кубок... у тебя есть немного воды, чтобы налить туда?

— Очень мало.

— Должно хватить. Я не могу сделать этого, кубок ведь твой. Только ты можешь вызвать силы, которые содержатся в нём. Налей туда воды и держи его крепко. Затем подай мне руку. Может, Гру тоже присоединит к нам свои силы. Давай — это наш единственный шанс! Я одна не смогу сделать этого!

Я капнул воду в кубок. Она едва прикрыла его дно. Крепко держа его, я сел на корточки и взял её руку.

— Теперь закрой глаза. Это огонь. Он горит, там дрова. Совсем как в очаге. И вот вода, источник воды. Воды много. Она всё поднимается, поднимается... Увидь это! Ты должен это увидеть!

В её голосе прозвучал приказ, повеление. Но когда я закрыл глаза, разум восстал. Я не мог представить себе этого. Я пытался, но картина получалась слишком бледной, она всё время исчезала.

Где-то вдаль слышался голос, очень слабый. Я должен был напрячь все силы, чтобы расслышать его. Нет, это оказался не голос, это пылал костёр, костёр, горящий на лесной поляне. Огонь, в котором трещали дрова, обычный костёр охотника!

Что-то пробудилось во мне. Силы, о существовании которых в себе я и не подозревал. Мне казалось, что могущество огня и могущество воды превратились в какие-то физические субстанции и объединились во мне, наполнили меня. Слабая, трепещущая картинка в мозгу стала устойчивой и чёткой. И кроме того, я увидел камни, из-под которых бил родник. Огонь и вода — старые враги.

Огонь и вода — в них заключался весь мир. Ничего кроме них, только их я изо всех сил старался видеть в мозгу чётко и ясно. Вода и огонь!

Во мне бурлила теперь та самая сила, которая позволила увидеть костёр и источник. Теперь я с её помощью заставил воду подниматься всё выше и выше. Вот она уже стала перехлёстывать через край родника, вот стала приближаться к костру...

Огонь горел, потрескивал. Как только я сконцентрировал внимание на нём, вода отхлынула. Нет! Выше вода! Выше! Выше! Я видел, как она поднимается, заливая всё, превращается в огромное море. И снова, когда картинка

заколебалась, я почувствовал прилив новых сил, так что не выпустил её из-под контроля.

Вода всё прибывала. Вот она коснулась дров, вот залила их. Пламя заметалось, стараясь перебраться на пока еще сухие поленья, но вода преследовала его. Картинка последний раз мигнула. Огонь знал, что силы его кончились. Но я ждал, чтобы вода залила всё, до последнего полена. Конец. Последние искры утасли. Я освободил воду. Она тут же схлынула, но не показалось ли мне, что в воде на миг отразилась чья-то голова? Голова Коронованного Рогами? Я не был уверен в этом. Я открыл глаза. Голова была здесь, на стенке кубка. Но всё остальное теперь было погружено во тьму. Так как стена огня, окружавшая нас, исчезла.

Я удивлённо моргал. Единственным источником света оставался мой кубок, но и его свет потихоньку таял. Если бы я не сидел на твёрдом камне, то был бы уверен, что мы умерли и попали в загробное царство. Сгушавшийся мрак поглотил меня, стал давить на все чувства и тело. Из мрака до меня донёсся вздох. Я знал, что это Гатей.

— У меня... у меня получилось, — наконец я овладел собой. — Но мы не вернулись. Мы всё ещё в башне?

Я почему-то не поверил этому. Здесь было что-то иное, что как и Мрак давило на нас. После того как я победил огонь с помощью своего разума, я понял, что сделать один шаг — ещё не значит совершить путешествие. Откуда-то из черноты до меня донёсся голос Гатей, ещё больше усугубивший моё беспокойство.

— Мы остаёмся в ловушке, — сказала она. — Это не наше время и не наш мир. И...

Что она хотела сказать ещё, я не узнал, так как в это мгновение темнота изменилась. В ней не появился светлый овал, нет, но нас куда-то потащило со страшной скоростью. Мы неслись так быстро, что я с трудом набирал воздух в лёгкие. Но я крепко держал Гатей за руку. Я больше всего боялся, что мы разделимся и каждый будет предоставлен своей судьбе.

Тело моё казалось невесомым, лёгким и хрупким, как сухой лист, который несёт ветер. Я даже закрыл глаза, так как мы летели через сплошной мрак, и я боялся, что ослеп. Нас влекло вперёд и швыряло с такой лёгкостью, как будто мы были туго стянуты верёвками.

Внезапно ощущение полёта исчезло. Мы остановились, по-прежнему оставаясь узниками мрака, так как я открыл глаза и ничего не увидел. Но я ощущал что-то странное вокруг себя. Я удивился тому, что могу ощутить неизвестное. Мне не пришлось долго учиться этому, как Гатее. Что же пробудило во мне это новое для меня чувство, способность ощущать неизвестное?

Мы были совершенно беспомощны в ожидании того, что должно было случиться и чего я не мог даже предположить. Всё, что связывало меня сейчас с реальностью — это рука Гатей. Я хотел говорить с ней, но давление мрака было настолько сильным, что слова застряли у меня в горле.

Я был недалёк от того, чтобы призвать к себе смерть, как убежище от того, что обрушилось на меня. Слабый свет, который излучался кубком, исчез. Я сжимал его крепко и так же крепко держал руку Гатей. Я знал, что только в них я могу искать спасения.

И вдруг мы снова полетели. Тут же я почувствовал нестерпимый холод, как будто мы проскочили барьер. Появился свет... очень слабый, еле заметный... но я всё же видел его. Он был где-то внизу, как будто мы летели высоко в небесах, но он становился всё больше, ярче. Мы летели к нему со страшной скоростью, влекомые чьей-то волей. Чьей?... И почему всё это?

Вдруг меня что-то рвануло со страшной силой, и я потерял руку Гатей. Меня потащило куда-то в другом направлении. Я смотрел вниз, как будто глазами птицы или другого крылатого существа.

Внизу находился каменный круг, серебряно-серый, освещённый лучами луны. В центре круга стоял сверкающий каменный блок. Свет, исходящий от него, был так ярок, что я закрыл бы глаза, если бы мог поднять руку. Снова моё тело не подчинялось мне. На камне лежала женщина. Её растрепанные волосы свисали с камня. На ней совсем не было одежды, и я сначала решил, что она мертва. Во всяком случае, она не подавала никаких признаков жизни.

Вокруг стояли четыре каменные колонны, на каждой из которых были укреплены символы разных фаз луны. Точно такие же символы находились и в Святилище близ долины

Гарна. Возле колонн что-то копошилось, колебалось, перемешивалось. Это было похоже на человеческие тела. Они становились более определёнными и чёткими по мере того, как я подлетал ближе.

Они все были голыми, как и женщина. Но это были мужчины. Каждый из них сжимал в руках посох, и они не стояли на месте, а переминались с ноги на ногу, как в танце, но с места не сходили. Какое-то возбуждение поднималось снизу, достигало меня, пытаюсь проникнуть в мой мозг, в моё тело.

Откуда-то из тени, окружающей сверкающий круг, вышел пятый человек. Чёрное тело его в лунном свете отливало серебром. Кубок в моих руках ожил, он стал нагреваться, наливаясь гневом, яростью.

Я был инструментом, оружием в руках Мрака, с моей помощью он хотел исказить Свет. И я не мог сопротивляться этому.

Чёрная тень передвигалась в странном танце от одной колонны к другой, от одного человека к другому. Она останавливалась перед каждым на мгновение, воздевала руки к небу и двигалась дальше. Тот, перед кем останавливалась чёрная тень, становился реальнее, как будто в него вливались свежие могущественные силы. Но всё это время женщина лежала на алтаре, погружённая в глубокий сон.

Я всё приближался и теперь уже мог различать лица. Все лица, кроме лица движущейся по кругу чёрной тени, которая излучала могущество. Оно струилось вокруг меня, как бурный поток.

Если меня кто-нибудь и видел, то не показывал виду. Я уже достиг поверхности земли. Мои ноги коснулись поверхности вымощенного круга. Я внимательно всмотрелся и увидел — Инну!

Но это уже была не та девушка, что ехала в фургоне Гарна. Она изменилась, но я не понимал, как. Её губы, тёмные по контрасту с бледностью лица, были теперь не красными, а скорее чёрными в лунном свете. Они раздвинулись в лёгкой улыбке. Я был уверен, что она спит и видит во сне то, что никогда не могла бы видеть скромная девушка, которой она всегда была. Ведь она содержалась своим отцом в такой строгости, что боялась даже поднять глаза без его разрешения.

Инна! Жертва. Мне не нужно было это говорить. Всё, что происходило сейчас здесь, не было актом добра — здесь творилось зло, такое же чёрное, как Мрак там, откуда принесло меня сюда.

Я стоял, сжимая кубок, который продолжал нагреваться. Его металлическое сердце, наверное, переполняло пламя, так он жёг руки. Так он защищался от того, что собиралось произойти здесь. Серебряное лицо на кубке сверкало, глаза метали блестящие копыя света — белые, как луна над нами — и всё же другие.

Танцующая тень, которую я так пока и не смог разглядеть — видны были только костлявые руки — отошла от последнего человека и, пританцовывая, двинулась ко мне. Голову её закрывал капюшон, в тени которого лица совсем не было видно. И всё же я знал, что человек обеспокоен моим появлением, что он находится в союзе с тем, кто бросил меня сюда.

Руки его вздымались в воздух и опускались. Рукава развевались в воздухе, и я мог видеть руки — кости, обтянутые кожей. Старая кожа, старые кости. Я мог видеть их до плеча. Скрюченные пальцы с длинными кривыми ногтями извивались и тянулись над спящей девушкой к кубку. Я крепко сжимал кубок, зная, что в нём заключено единственное моё спасение.

Я напряг всю свою волю, но не против того, кто принёс меня сюда, так как знал, что у меня нет ни малейшего шанса победить его. Нет, я постарался извлечь всё могущество, которое содержалось в кубке Рогатого Человека. На этом сосредоточил я все свои усилия.

Пальцы коснулись меня и ногти впились в тело, но я вырвался.

Однако чёрный человек возобновил свои попытки отобрать у меня кубок. При одном неосторожном движении капюшон свалился с его головы. Снова женщина! Пародия на женский пол. Она была стара, но вовсе не похожа на добропорядочных старушек, состарившихся в мирном труде. Нет, под капюшоном скрывалась маска ненависти, покрытая глубокими морщинами. На почти лысом черепе болтались жидкие пряди грязнобелых волос, а когда она открыла рот, чтобы выкрикнуть проклятие, я увидел во рту

один или два жёлтых зуба, больше похожих на клыки Гру, чем на человеческие зубы.

Она исходила злобой, и от неё истекало могущество. Она обладала гораздо большей силой, чем я мог ожидать в таком хрупком костлявом теле. Потерпев неудачу в первой попытке схватить кубок, она обогнула алтарь, на котором лежала Инна, и устремилась ко мне. Глаза её горели как угли. В них пылали коварство и безумие. Её скрюченные руки протянулись ко мне, желая разодрать лицо в клочья.

Противостоять могуществу, которое швырнуло меня сюда, было бесполезно. Я не мог увернуться от неё, но кубок всё-таки не выпустил. Я только старался прикрыться от её когтей плечами, руками.

С кончиков губ старухи стекала жёлтая слюна. Она хриплым голосом выкрикивала какие-то непонятные слова, и к своему удивлению, я увидел эти слова — они плавали в воздухе, красные, окутанные дымом. Они кружились над моей головой, опускаясь вниз, как языки настоящего пламени.

И вот тогда я поднял голову и громко крикнул:

- Ха! Курноус — во имя Рогов!

Она как будто со всего маху натолкнулась на стену. Она отскочила назад, а затем ещё, чтобы удержать равновесие и устоять на ногах. Губы её шевелились, слюна стекала по подбородку. Теперь руки её чертили в воздухе замысловатые фигуры. Они тоже поплыли в воздухе, красные, испускающие дым.

Кубок стал таким горячим, что его уже трудно было удержать в руках, но я упрямо поднёс его к губам, как будто хотел выпить его содержимое. Глаза Рогатого Человека метали копьё света, словно он хотел ими поразить врага.

Они ударялись в одетую в чёрное каргу, отражались от неё и летели мимо каменного алтаря и распростёртой на нём девушки. Этот фонтан света не прекращался. Напротив, он становился ярче, интенсивнее, смешиваясь с лунным светом.

Старуха с прытью, которой я никак не ожидал от неё, отскочила назад, стараясь держаться подальше от стены света. Она хрипло выкрикнула что-то и этот крик жуткой болью отозвался у меня в голове.

Но я перенёс и эту боль. Я теперь твёрдо стоял на земле. То могущество, что принесло сюда меня, исчезло. Сейчас я мог, если бы захотел, отбросить кубок, жгущий мне руки. Но я знал, что этого делать нельзя. Это моя битва. Я держал кубок, и лучи света простирались всё дальше и дальше.

Карга продолжала отступать. Теперь она стояла на самом краю круга. Здесь она остановилась, как бы решившись удержать последний рубеж. Я хорошо знал, что теперь она призвала всё своё могущество. Хотя я долго находился в плену того, кого не понимал и не мог понять, всё же я оставался воином. Я заметил лёгкое движение, поворот головы, заметил, что глаза её смотрят не на меня, а на девушку.

Теперь наступила моя очередь нападать. И искусство воина не подвело меня. В одно мгновение я встал между девушкой и зловещей старухой. При этом я бросил взгляд на четырёх мужчин — не станут ли они защищать свою колдунью? Они были совершенно голые и никакого оружия у них не было, кроме посохов. Однако, кто мог сказать, на что они способны?

Те двое, которых я мог видеть, не двигались. Они так и стояли у колонн, пританцовывая на месте. Глаза их не глядели ни на меня, ни на каргу. Они смотрели в центр круга, хотя я не был уверен, что они видят Инну.

Огненная молния ударила в меня. Я снова сжал кубок. Ответный удар нанесли не глаза Рогатого. Весь кубок озарился сиянием, яркие лучи ударили во все стороны, создавая барьер между мной и каргой. Они достигли голых ног ближайшего мужчины. И он как будто проснулся и понял, что происходит вокруг. Он повернулся, взглянул вниз и увидел, что сияние достигло его колен.

Черты лица мужчины исказились от боли. Его прекрасное тело корчилось, как будто попало в огненную печь. Он вскрикнул от боли, как дикое животное, посох его вспыхнул, охваченный пламенем, и мужчина отбросил его от себя.

Теперь это был уже не высокий, хорошо сложенный мужчина. У подножия колонны корчилось сгорбленное волосатое существо с широким ртом — жуткая помесь зверя и ящерицы. Он бросался в стороны, пытаясь вырваться из моря огня.

Я взглянул на другого мужчину. Тот тоже преобразился — с огненным морем, истекающим из кубка в моих руках,

боролось существо, напоминающее громадную птицу, каких я никогда не видал. Она напоминала тех чёрных птиц, что набрасывались на нас в долине Гарна, только гораздо больших размеров.

Карга — она отступила ещё немного и вышла за пределы круга. Поток пламени пока не достиг её. Она наклонилась вперёд, как бы пытаясь остановить сияние и продолжая смотреть на меня. Я внезапно понял, что она не так уж далека от поражения.

Губы её всё время шевелились, как будто она посылала мне страшные проклятия. Только теперь эти слова были невидимы. Она хлопнула в ладони, и раздался звук, подобный удару грома.

Она исчезла!

Я прислонился спиной к алтарю. Те двое не исчезали и оставались на месте у колонн, всё ещё продолжая борьбу. Я повернулся, чтобы увидеть других двух. Сияние подступало и к ним, хотя ещё не достигло их ног. Хотя они, казалось, не замечали, что опасность близится, они понемногу отступали назад, как и старуха. И вот они тоже исчезли.

Опираясь на каменный алтарь, я попытался рассмотреть, что находится за пределами серебряного круга. Я был уверен, что меня уже вышвырнуло из того мира, где правил господин башни Мрака. Это мой мир, но где именно я находился, я не мог понять. Это, конечно, было не то Святилище, что находилось в горах у долины Гарна. И где же Гатей и Гру? Неужели они всё ещё оставались там? Если так, то как же они выберутся оттуда?

Сзади послышался вздох. Я повернулся. Глаза Инны открылись. Она проснулась, но улыбка всё ещё играла на её губах, а глаза были счастливыми, как будто она только что вернулась из такого сна, какого никогда не видела ни одна обычная девушка.

Глава шестнадцатая

— Инна!

То, что мы должны бежать отсюда, из этого места, наполненного неведомыми силами, было первой моей мыслью. Кубок в руках уже остыл и больше не испускал сияния. Даже лицо на кубке постепенно потемнело, и

ничто теперь не говорило о том могуществе, которым оно обладало.

Девушка спустилась с алтаря медленными и расслабленными движениями, как у человека, только что очнувшегося от глубокого сна. Она ещё не полностью воспринимала окружающее.

Руки её поглаживали своё тело как неоценимое сокровище. Она начала мягко напевать, а глаза её не встречались с моими. Мягкий нежный шёпот перенёс меня куда-то далеко-далеко и во времени, и в пространстве. Ведь эту песню я слышал ещё в детстве. Это была колыбельная, которой убаюкивала нянька Инну, когда та была ребёнком.

Она всё ещё не видела меня. Взгляд её медленно обходил ярко освещённый круг, как будто ожидая увидеть то прекрасное будущее, обещанное ей. Лунный свет обливал бледным сиянием её стройное тело.

— Свершилось! Бог приходил ко мне, и я подчинилась его воле. Дитя будет выше и могущественнее любого лорда — могущественнее — могущественнее... — голос её стал таким же мягким, но вместо колыбельной зазвучала песня торжества.

Неужели она совсем сошла с ума? Я осторожно поставил кубок на землю, стянул с плеча смотанный плащ, развязал его и набросил на плечи девушке. Она сидела на камне алтаря, на губах её играла нежная улыбка, а руки бережно укрывали новую жизнь, которая, как она была уверена, зрела в её теле.

— Сын... сын, который поедет впереди и соберёт Великие Силы в свои руки, и они станут оружием его. Мне оказана великая честь...

— Инна!

Я произнёс её имя как можно более повелительно, чтобы вывести её из состояния транса и дать ей понять, что я здесь. Только теперь она вздрогнула, повернулась ко мне. Я увидел её расширившиеся глаза и понял, что в конце концов иллюзии покинули девушку.

— Эльрон! — наконец-то узнала. Руки её схватили плащ, стали натягивать его на себя. — Но... — она осмотрелась, как бы желая увидеть, кто пришёл со мной, и, должно быть, увидела чудовищ, всё ещё корчившихся у колонн. Я заметил её изумление. Она вскрикнула, резко и пронзительно.

— Эльрон! Кто они! — страх овладел ею, вытеснив полностью чудесные видения. — Это... — тут я увидел, как ноздри её раздулись, голова вздёрнулась. — Здесь зло! Это не должно прикасаться ко мне. Я отдалась богу... его сын во мне!

Она быстро спустилась с алтаря и отошла подальше от корчившихся и испускавших жуткие крики чудовищ. Крики не агонии, но ярости. Я всматривался в ночь за пределами Лунного Святилища. Хотя старая карга исчезла, я не мог поверить, что она так легко сдалась. Нас могло ждать впереди что угодно.

— Эльрон! — придерживая плащ на себе, Инна схватила мою руку, — уведи меня отсюда!

— Сейчас. Как только буду уверен, что нас не ждёт западня, — я не мог разжать её пальцы и, держа в руке кубок как меч, а здесь кубок был более сильным оружием, чем любой меч, осторожно пошёл от алтаря. Я не выпускал из виду чудовищ, но одновременно старался рассмотреть, не поджидают ли нас те двое, что исчезли вместе со старухой.

Постепенно у меня возникло чувство облегчения. Значило ли это, что я освободился от колдовства? Я мог только надеяться, что это так.

Инна всё ещё крепко держалась за меня, и она шла следом за мной, не отставая. Мы без особых затруднений дошли до края освещённого круга. Держа её сзади, я осторожно высунулся, чтобы посмотреть, что ждёт нас в ночи.

Мне потребовалось некоторое время, пока глаза не привыкли к тьме, которую не пронизывали солнечные лучи. В отличие от Лунного Святилища, которое я видел в горах у долины Гарна, это Святилище не окружали деревья. Здесь вокруг были уложены каменные плиты, хотя и не такие сверкающие, как внутри самого круга. От круга Святилища как лучи отходили низкие каменные строения.

Я почему-то ожидал встретить здесь жизнь, чуть ли не увидеть церемонию встречи меня и Инны. Но здесь стояла полная тишина. Это было давно покинутое место, где не было даже признаков жизни. Только Святилище осталось здесь неизвестно для какой цели.

Инна резко рванулась назад, пытаясь вырвать руку. Теперь я крепко держал её.

— Райден! — выкрикнула она. — Райден! Где она? Почему её нет?

— Успокойся! — мне не нравилось, что крик её эхом разносится в этом пустынном месте, среди покинутых строений. То, что мы уже предоставлены самим себе, мне казалось маловероятным, и я считал, что нужно сохранять осторожность.

— Пусти меня! Райден! — она вновь закричала, и я не увидел другого пути заставить её замолчать, кроме как сунуть ей в рот край плаща. Кубок я всё время держал в руке. Я доверял ему больше, чем любому другому оружию. Но я боялся, что если отпущу Инну, то она сбежит от меня. Мне вовсе не хотелось ловить её здесь, среди утрюмых тёмных зданий.

— Она ушла, — сказал я, что мог. Если это имя той ведьмы, которую я выгнал из Святилища с помощью кубка, то это была правда. — Слушай, — я потянул девушку, чтобы завладеть её вниманием. — Ты видела этих чудовищ у колонн? Вокруг могут быть и другие. Нельзя привлекать к себе внимание.

Ответ её был неожиданным для меня.

— Я не понимаю тебя. Что ты здесь делаешь? Райден сказала, что бог возьмёт меня, и его могущество возродится из моего тела. Поэтому Лунное Святилище и перенесло меня сюда. И это свершилось! Бог пришёл... и он взял меня...

Я должен был реагировать быстро.

— Ты спала. Должно быть, тебя одурманили наркотиками и у тебя были видения! Здесь не было бога... это не Лунное Святилище... — мне оставалось только надеяться, что я говорю правду. Что произошло здесь до моего появления, я не имел понятия, но был уверен, что только я помешал этому всему завершиться так, как было задумано. Может быть, эти монстры были превращены богом Мрака в людей, чтобы они стали отцами ребёнка этой наивной девушки, и она произвела бы на свет ещё более страшное зло. Это мне казалось наиболее вероятным.

— Пусти меня! — они как змея вертелась в моих руках.

— Ты не можешь знать правды! Райден сказала мне...

К счастью, она была гораздо слабее Гатеи. Я её смог удерживать даже одной рукой.

— Если Райден — тот мешок костей, который только что был тут, — резко сказал я, — то она ушла. И я надеюсь, что очень далеко. Но теперь...

Она вырывалась изо всех сил. Мне пришлось заткнуть кубок за пояс и обхватить девушку двумя руками. Затем я взвалил её, плюющуюся и царапающуюся, на спину и потащил между строений, от всей души желая, чтобы крики её не навлекли на нас беды.

Мы шли по мощёной улице. По обеим сторонам её стояли низкие одноэтажные тёмные дома без окон. В их стенах выделялись только тёмные дверные проёмы. Дорога шла всё время вверх и мы прошли мимо тринадцати домов, прежде чем вышли на равнину.

Инна наконец замолчала. Она горько плакала, всё тело её сотрясали судороги. Девушка оказалась более лёгкой, чем я предполагал. Мне приходилось почти тащить её за собой, и я думал, что это не из-за того, что она хочет остаться тут, а просто она очень устала и ослабла. Вскоре она споткнулась и повисла на моём плече. Вероятно, она упала в обморок.

Однако мне хотелось уйти отсюда подальше. Поэтому я подхватил её на руки и пошёл дальше так быстро, как мог. Наконец мы добрались до конца долины. Там я был вынужден остановиться и отдохнуть. Опустив Инну на землю и поддерживая её, я оглянулся вниз, в долину.

Лунное Святилище всё ещё сверкало. Но я уже не мог рассмотреть двух чудовищ у колонн. И во всём городе не было ни света, ни звука, ни движения. Дома прижимались к земле, тёмные и мрачные. Пустые дороги вились между ними. Всё было спокойно и тихо.

Всхлипывания Инны перешли во вздохи. Она висела на моих руках, как будто силы вконец оставили её. Я медленно пошёл дальше, поддерживая её и внимательно глядя, что там нас может ждать.

Дорога тянулась далеко вперёд тускло-белой линией. Луна светила достаточно ярко, и теперь, когда глаза мои привыкли к полумраку после яркого сияния Святилища, я видел, что местность вокруг покрыта густой растительностью. Деревья росли небольшими рощами, перемежавшимися тёмными пятнами зарослей кустов, которые мне

чрезвычайно не нравились. Я легко мог вообразить, какие чудовища скрываются там.

Хотя дорога наверняка была под наблюдением злых сил, всё же, решил я, идти по ней безопаснее, чем по равнине.

— Ты можешь идти? — спросил я. Тащить девушку на себе и не иметь возможности использовать руки для защиты в случае необходимости весьма глупо. И я не имел желания оставаться здесь, в опасной близости от Святилища.

— Ты не имеешь права! — Инна рванулась от меня и плащ наполовину соскользнул с её тела. Она ахнула и стыдливо закуталась в него. — Райден вернётся. Она не позволит увести меня...

— Ты можешь идти, — я не пропустил мимо ушей её предупреждение, так как сам боялся этого.

— Да, — утрюмо подтвердила она. Но если она подумала, что я выпущу её, и она сможет снова сбежать в Святилище, то она ошибалась. Я положил руку ей на плечо и повел её, подталкивая по дороге перед собой.

Некоторое время мы шли молча. Так как теперь Инна не доставляла мне беспокойства, я мог повнимательнее смотреть вокруг. Я был весь настороже, чтобы не пропустить внезапного нападения. Но всё было спокойно. Только налетающий ветер качал деревья и шумел листвою.

— Почему ты пришёл сюда? — вопрос немного удивил меня. Я уже привык думать о девушке как о ноше, грузе, а не о живом существе.

А действительно, почему? Я вовсе не стремился сюда. Я направился в эту страну только чтобы загладить свою вину перед лордом Гарном. И то, что я нашёл Инну, вовсе не моя заслуга. И я не понимал, почему могущественные неизвестные мне силы забросили меня сюда.

— Я изгнан из клана, — ответил я. — Лорд наказал меня справедливо. Ведь я должен был сказать о том, что ты тайно посещаешь Лунное Святилище.

Она долго молчала. Затем заговорила, и голос её прозвучал очень тихо.

— Значит, ты пришёл сюда, чтобы спасти свою честь? — это говорила не та Инна, которую я всегда знал. Она была резка, саркастична.

— Мне нечего спасать, я ведь лишён рода, а это

бесчестье, которого не смыть. Я пренебрёг своими обязанностями и наказан за это.

— И ты думаешь вернуть меня обратно к тем, кто не смотрит дальше своего носа, кто не имеет могущества, кто даже не подозревает о своём ничтожестве? — голос её стал громче, пронзительнее. — Я тебе не простая девушка, которую можно таскать туда-обратно, даже если она этого не хочет. Я... — она замолчала, а я не мог удержаться от искушения и спросил:

— Так кто же ты теперь, леди Инна?

Она рассмеялась, чем несказанно удивила меня. Голос её снова стал саркастичным, презрительным.

— Подожди, и ты увидишь, лишённый клана. Сейчас ты коснулся таких вещей, о которых не можешь иметь понятия. Я ношу в себе... да... я, девушка, ношу в себе ребёнка! Дитя могущества, такого сильного, что он будет править миром! Я избранница бога и я мать его ребёнка! Ты не можешь забрать меня из этой страны, попытайся и увидишь сам! Я теперь сама — часть этого государства...

Я вспомнил о карге и об её заклятиях, вспомнил о двух чудовищах, которые корчились возле колонн. То, что они — союзники Властителя Чёрной Башни, я не сомневался. Но не могла же Инна добровольно примкнуть к силам Зла. Она была обманута, введена в заблуждение.

Я замедлил шаг, достал из-за пояса кубок и повернул его так, чтобы девушка могла увидеть лицо Рогатого Человека. Оно было хорошо видно в лунном свете. Мне почему-то казалось, что он понимает меня и сделает всё, чтобы помочь мне.

— Ты его знаешь, Инна?

— Да. Это Курноус. Охотник. Но что тебе до него, Эльрон? — сквозь презрительную резкость её речи прорезалось удивление. — Он — защитник Лунной Леди. Это она вызвала меня сюда...

Нет, это слова не Дианы и не Гунноры, и даже не Рогатого Лорда. Кто-то извратил весь ритуал, чтобы обмануть девушку. Как глубоко она запуталась в сетях? Я должен узнать это, чтобы обеспечить безопасность нас обоих.

— Тебя вызвала Диана?

— Диана? — она повторила имя так, что мне стало ясно:

она слышит его впервые. — Кто такая Диана? Это была Райден — самая старая. Правительница Лунной тени. Она Мудрейшая. Это она дала жизнь Великому Господину. И теперь вызвала меня, чтобы я отдала ему своё тело.

— А Гуннора? — спрашивал я дальше. — Она тоже была?

— Диана, Гуннора! — в голосе снова появилось презрение. — Эти имена ничего для меня не значат. Где ты услышал их, лишённый клана? Впрочем, лучше скажи, почему ты носишь с собой Кубок Рогатого Охотника?

— Его мне подарили. Слушай, Инна, ты попала в руки Зла. Диана, Гуннора — две ипостаси истинной Лунной Леди. Эта Райден узурпировала их могущество. Неужели ты не поняла, когда увидела чудовищ, что имеешь дело со Злом?

— Ты сошёл с ума! — пронзительно выкрикнула она. — Ты имеешь дело со Злом, а не я! Меня вызвали... я избранница! Эту ночь я спала в объятиях Великого. Я его возлюбленная... я его избранница.

И она едва не вырвалась от меня, даже царапнула моё лицо, когда я совсем не ожидал. В моих руках остался только плащ. Тогда я бросился за ней, схватил и прижал её к себе так сильно, что лицо девушки исказила гримаса боли и страха.

— Я не буду спорить с тобой, — мне стало ясно, что сейчас до неё не дойдёт голос разума. Гатея... Гру... сейчас мне нужен меч на боку и они рядом со мной. Когда битва в Святилище закончилась, я вспомнил про них, и мне стало жутко при мысли, что они до сих пор находятся во власти Господина Чёрной Башни.

— Мы сейчас одни в стране, полной колдовства, и нам нужно держаться вместе, иначе мы погибнем.

Её руки, которые продолжали сопротивляться, опустились. Инна посмотрела по сторонам и я увидел на её лице, освещённом луной, выражение загнанного зверька.

— Я в безопасности... в безопасности. Райден найдёт меня! — но уверенности в её голосе больше не было.

Хотя она продолжала сопротивляться, я не хотел больше оставаться на открытой дороге, ведущей прямо в Лунное Святилище. Поэтому я принудил её идти дальше. И она пошла, прекратив борьбу.

«Нам нужно найти убежище», — думал я. Всё, что

произошло, хоть и было похоже на сон, но истощило мои силы. Но если я найду подходящее место для лагеря, могу ли я быть уверенным, что она не сбежит, пока я сплю? Может, её стоит связать по рукам и ногам.

Дорога стала описывать широкую дугу и по её сторонам я увидел тёмные холмы, которые мне показались похожими на могильные курганы, какие люди клана насыпают над могилами своих лордов. Если это действительно мемориал, то здесь очень долго жили люди.

Ветер, который до сих пор тихо шелестел листвою деревьев, внезапно сменил своё направление. Теперь он дул справа. Судя по звёздам, это был запад. И он принёс запах, который приходил ко мне из кубка — чистый, свежий. Я инстинктивно посмотрел туда, надеясь найти хоть какую-нибудь нить, связывающую меня с Рогатым Господином. Я был так потрясён случившимся, что даже запах казался мне путеводной нитью.

Еле заметная тропа отходила от дороги. Она вилась между курганами и вела на запад. Нужно ли нам идти туда, если нас ничего не зовёт, кроме этого так хорошо знакомого мне запаха? Тропа то и дело исчезала в тени курганов. Я остановился и стал всматриваться вдаль, стараясь пронзить мрак взглядом.

Инна снова стала сопротивляться.

— Куда ты идёшь? — спросила она. В ней странным образом уживались две девушки: одна — тихая, скромная и запутанная из клана Гарна, и другая, причём гораздо чаще, — враждебная мне. Она хотела освободиться от меня.

Я был прав. Этот запах доносился из долины, где высились тёмные курганы. Не отпуская Инну, я достал кубок и повернул лицом Рогатого в том направлении.

Я уже привык к его помощи, и поэтому совсем не удивился, увидев, как зажглись светом его глаза. Слабые лучи света протянулись как тонкие нити в самое сердце мемориала давно умершим лордам — может, здесь были захоронены воины, погибшие во время битвы, защищая свою землю.

Я слышал тяжёлое дыхание Инны, но она не сопротивлялась, когда мы свернули с мощёной дороги и пошли по узкой тропе.

Тени проплывали мимо нас. Я притянул Инну поближе к себе и взглянул наверх. Там я увидел громадную птицу — неужели это то чудовище, с которым я сражался, и которое не погибало от смертельных ран? Но птица пролетела мимо, не обратив на нас внимания. Я не смог рассмотреть её, но у меня сложилось впечатление, что это всё же не птица. Она летела прямо, но вдруг над курганом оглушительно захлопала крыльями и повернула на север. Видимо, заметила какое-то препятствие, невидимое нам. То, что эта птица, или что-то другое, была так отброшена, придало мне мужества. Поэтому, дождавшись, чтобы она отлетела подальше, я подхватил Инну, и мы пошли вперёд как можно быстрее. Правда, она тут же стала жаловаться, что поранила ноги о камни, что нам вообще не нужно так спешить.

Тропа вилась между земляными курганами, но я заметил, что некоторые из них были увенчаны камнями, и из их вершин струилось к небу голубоватое сияние, правда, недостаточно яркое, чтобы помочь нам в пути.

Я знал, что скоро мы доберёмся до убежища. Мне очень хотелось есть и пить. И я не знал, в каком состоянии находится Инна. Правда, я чувствовал, что она дрожит от слабости, но нести её у меня самого не было сил.

Наконец мы дошли до кургана, который возвышался над другими. На вершине его стоял камень, из четырёх углов которого поднималось голубоватое сияние — как будто там стояли четыре свечи. У нашего народа свечи устанавливаются по углам погребального ложа лорда. Я посмотрел вверх, но не заметил ничего, что могло бы послужить убежищем.

С вершины кургана мы могли бы видеть всё вокруг. Тот, кто лежал под курганом, был давно уже мёртв, но он мог дать защиту тем, кто находится в сердце его кургана и кто просит его помощи.

Инна воспротивилась моему желанию искать место для лагеря на вершине кургана. Но когда она попыталась вырваться, двойной луч света из глаз Рогатого стал ярче и показал на курган. Тогда Инна плотнее закуталась в плащ, как будто это была броня, способная защитить её. Она больше ничего не сказала, но начала взбираться вверх по склону.

Вершина кургана оказалась плоской, и в небольшом углублении лежал камень словно низкий алтарь. Столбы света, как пламя на ветру, наклонились к кубку, когда я приблизился к камню.

Инна вскрикнула, упала на колени и спрятала лицо в руки. Её спутанные волосы рассыпались по плечам как второй плащ. Но я стоял и прислушивался. Из ночи пришли какие-то звуки. Я слышал звон мечей, удары стали о щиты, крики, очень далёкие и слабые, некоторые торжествующие, некоторые крики отчаяния. И затем над всем этим послышались звуки рога — охотничьего рога, и это был не сигнал битвы. Возбуждение охватило меня. Усталость, голод, жажда — всё было забыто. Одной рукой я поднял вверх кубок, а второй — меч, сам не зная, почему это делаю. Я не был готов к встрече с врагом. Нет — враги давно исчезли, осталось только торжество, радость победы, такая же чистая и ясная, как огни, горевшие на вершинах курганов. Нет, мой меч вознёсся вверх в салюте, приветствии лорду, которому я служил. Рукоять меча коснулась моих губ.

Кому... или чему... приносил я клятву в верности, я не знаю. Но я знал, что это было нужно и это было правильно. Вокруг меня струилось голубое сияние и кубок светился. И затем всё исчезло. Как будто всё смёл ветер, приносивший запах вина Рогатого Лорда. Меня охватило желание, острое, как боль, найти того, чьи крики я слышал, чей рог звучал в ночи. Но моё время, видимо, ещё не пришло, и я остался на месте.

Медленно я вложил меч в ножны. Голубое сияние стало совсем слабым. Остались только еле заметные следы его. Инна подняла голову и посмотрела на меня. Глаза её расширились. Они были полны страха и трепета.

— Кто ты? — спросила она.

Я ответил правду.

— Я Эльрон, лишённый клана, хотя... — мой голос прервался. Горечь потери клана и рода оставили меня с тех пор, как мои ноги вступили в эту загадочную страну. Я посмотрел на того Эльрона, каким я был когда-то и увидел очень юного и очень глупого человека. Хотя я и теперь знал лишь немногим больше чем он, зато я знал, что мало знаю, а это достаточно много, это большой шаг вперёд.

Инна отбросила волосы с лица. Я присел рядом и протянул ей бутылку с водой и немного еды, что оставалась ещё в моём мешке. Она жадно ела и не говорила, что еда затхлая, а вода несвежая и пахнет бутылкой, а не чистым родником. Мы сидели и ели. Нас освещала луна и сияние могильных свечей. Каждый из нас думал о своём. Мои мысли всё время возвращались к Гатее и Гру.

После еды я взял кубок, поднёс его к груди и заглянул в него, как будто это было зеркало... или окно куда-то. Затем я вызвал в мозгу видение девушки, которая стояла рядом со мной в Чёрной Башне. Для этого я призвал на помощь все свои силы, всё своё воображение.

Было очень трудно увидеть чёткое изображение ее лица. Она то появлялась, то исчезала. Я закончил свой поиск, выполнив то, что задумал. Инна теперь со мной. Гатая же выбрала свой путь по собственной воле. Мы не были связаны между собой ничем. Но нет! Для меня не может настать покоя, пока я не буду уверен, что она снова в этом мире... что она свободна и может осуществить свои желания. Не может быть покоя! Нет!

Глава семнадцатая

— Эльрон!

Сначала крик возник в моей памяти — я никогда не слышал такой ноты в голосе Инны. Девушка стояла на коленях и смотрела на страну курганов, освещённую едва заметными огнями могильных свечей.

Луна уже спустилась к горизонту. Свет её лучей ослабел. Инна указывала на запад. И я тоже увидел их. Между курганами пробирались тени. Их можно было видеть только в те мгновения, когда они перебежали от холма к холму. Я напрягся. Мне показалось, что нас окружают.

Их было трудно рассмотреть, так как они всё время скрывались в тени. И поэтому я не мог определить, кто же это — стая зверей, люди, или чудовища, населяющие эту страну, которых послал на нас тот самый Властитель Чёрной Башни, который так активно вторгался в мою жизнь.

— Я вижу, — прошептал я. Хотя ближайшие из них были

ещё далеко от кургана, где мы находились, я не хотел говорить громко, так как их слух, возможно, гораздо острее слуха людей.

Девушка прижалась ко мне. Её плечо легло на моё колено. Сейчас она казалась гораздо старше, бледнее и очень усталой. Прошедшие часы отняли у Инны много сил. Теперь она смотрела на меня.

— Ты видишь... — зловещие искры плясали в её глазах. — Они идут за мной! Я... — руки её легли на живот, как бы прикрывая, защищая то, что как она сказала, находится в ней. — Я ношу будущего повелителя — и они знают это! Беги, лишённый клана, спасайся, если можешь! Даже я не смогу спасти тебя от их мести!

Она непоколебимо верила в триумф сил, с которыми считала себя в союзе. Я же бежать не собирался. Но я не был уверен, что те, кто крадутся в ночи, — слуги Мрака.

Кубок шевельнулся в моих руках. Я был уверен в этом, хотя держал его крепко. Он отклонился назад. В его глубине больше ничего не было. Я взглянул на лицо, направленное прямо на меня. Его глаза — смотрели! Они приковали к себе мой взгляд, хотя я чувствовал, что нужно следить за теми, кто приближается к нам.

Я знал, что я уже не тот неопытный и глупый юноша, который совершил ошибку и был изгнан своим лордом. Теперь... теперь я стал...

Нет! Я испустил громкий крик, чтобы разорвать магическое притяжение этих глаз, которые, я был уверен, просто металлические, а не живые. Они были очень искусно сделаны и казались живыми, да, но тем не менее, они были металлическими, не реальными, они не могли воздействовать на мой разум.

Сила вливалась в меня. И не только сила — а что-то новое. Какой-то новый разум, превращающий меня в кого-то другого. Однако я не оказался тем сосудом, которого он ждал, в котором нуждался. Между нами оставался барьер — то, что осталось от меня, Эльрона, что решило умереть, но не отдать себя незнакомцу.

Однако, несмотря на то, что неведомая сила не смогла полностью войти в меня, я почувствовал, что обладаю могуществом, которого не ощущал в себе раньше. Видимо, тот, кто хотел войти в мой разум и моё тело, наделил меня

этим могуществом, чтобы я служил ему. А может, он решил служить мне? Но в последнем я сомневался. Я был не колдун, не бард, я не мог открыть свой разум и подчинить ему невидимое.

Инна быстрым движением вскочила на ноги и отодвинулась от меня. Прежде чем я успел схватить её, она протянула руки по направлению к движущимся теням, которые всё приближались, и громко крикнула:

— Холла, луннорожденный, носитель света, я здесь!

Я сунул кубок обратно за пояс и кинулся к ней. Обхватив рукой за горло, я подтащил девушку к алтарю. А она как будто вновь превратилась в кошку — царапалась, шипела, брызгала слюной, старалась укусить меня. И так она боролась, пока я не придавил её к земле. Плащ соскользнул с неё во время борьбы и валялся теперь у наших ног. Я прислонился к голубой каменной плите, стискивая в руках её тело, скользкое от пота. Я с трудом удерживал её и не рисковал отпустить. Она совсем обезумела. Это была не та Инна, которую я знал раньше.

Поднявшийся ветер нагнал тучи, закрыв луну и теперь единственным источником света оставались призрачные надгробные свечи. Дважды она порывалась крикнуть снова, и оба раза я успевал перехватить её горло.

Должно быть, я немного придушил её, так как девушка вдруг обмякла у меня на руках. Тогда я немного отпустил её, но был настороже, так как больше не доверял ей — она могла и обмануть. Она не шевелилась, тогда я осторожно переменял положение и вскарабкался на камень, втащив и её. Тело Инны пахло чем-то странным, словно кожа её была смазана маслом. Она стонала и тяжело дышала, с трудом наполняя лёгкие воздухом. Но я слышал и ещё кое-что, кроме тяжёлого дыхания. Вдалеке я слышал звук рога — тот самый звук, который донёсся до нас Гатеей, когда кольцо смерти стягивалось вокруг нас, когда я впервые прибегнул к помощи кубка.

Издаലെка пришёл чистый, высокий звук.

Облака сгустились над нами и пошёл мелкий дождь. Я поднял Инну на ноги, одной рукой набросив на неё плащ.

— Прикройся, — хрипло приказал я. Эта мягкая ароматная плоть в моих руках вызвала то же дикое непреодолимое желание, которое в Чёрной Башне использовали как

оружие против меня, искушая тело. Нет, ни в коем случае нельзя поддаваться искушению, это откроет дверь для наших врагов.

Звуки рога раздалились ближе. Я пытался разглядеть наших врагов, близко ли они. Но всё, что можно было увидеть — это голубые огни «свечей». То, что стремилось проникнуть в меня, когда я смотрел на кубок, оставило свои попытки стать мной, но одарило меня новым знанием. Окружавшие нас враги не рисковали зайти на курган. Обращаясь к кубку, я не знал, хорошо это или плохо. Ведь могущество, которое я получил от него, могло помочь мне, но могло и оказаться опасным. Сейчас мы находились в таком месте, которое имело свои собственные методы защиты.

Инна снова стала всхлипывать. Теперь уже сердито, как я решил, так как других причин у неё теперь не было. Она схватила плащ, завернулась в него и отвернулась от меня, прислонившись к камню. Она вглядывалась в темноту, тело её было напряжено, она чего-то ждала. И в третий раз я услышал звук рога, и всё ещё где-то далеко. Дождь и ветер хлестали нас.

Дочь Гарна погрузилась в утрюмое молчание. Я не видел, что происходит тени между курганами, но ощущал, что опасность приближается. Несмотря на тучи и дождь, небо понемногу светлело, утро приближалось. Свет свечей ослабевал и постепенно исчез. Теперь я уже мог рассмотреть надпись на камне — странные незнакомые мне буквы, совершенно непохожие на наши. На верхнем, восточном конце камня, там, где должно покоиться сердце захороненного, виднелись очертания кубка, по форме похожего на тот, который я получил от Гунноры, но на нём не было головы. Однако над изображением кубка я разглядел корону, сплетённую из оленьих рогов, — корону древнего лорда.

— Дартиф Двойной Меч...

Я поднял руку ладонью вверх. Это по обычаю означало, что я пойду на битву за ним, даже если мы совершенно не знаем друг друга.

— Ты назвал имя, — Инна, закутавшись в плащ, смотрела на меня.

— Я назвал имя величайшего лорда, — ответил я,

понимая, что это имя, это приветствие пришли откуда-то изнутри меня, помимо моей воли. — Это Фартфелл, — я окинул взглядом огромную долину печальных курганов. — Когда силы Зла, ведомые Арчоном, пришли с севера, и Рог Войны созвал все силы Света на битву, здесь произошло страшное сражение. Они убивали, они умирали — их мир кончился. Эта битва не принесла победы — осталась только память о лучших днях.

Я произносил слова, но сам как будто впервые слышал их. Я поклонился с глубокой печалью — какой ещё никогда не ощущал. Такая печаль возникает у людей, когда барды своим пением о давно прошедших временах, о великих победах, о страшных поражениях вселяют в людей веру, что раньше люди были сильнее и лучше, что они дали миру героев, идеалы, к которым нужно стремиться.

Ведь если люди будут иметь героев, они будут стараться стать лучше, достичь такого же величия. Именно поэтому мы, слушая бардов, плачем, или предаёмся гневу, что жизнь не такая, какая была раньше. И это укрепляло наше мужество, когда приходило время идти на бой. Барды дарили нам надежду. Барды соединяли нашу жизнь с героическим прошлым. Я же не бард, у меня не было лютни. И я смотрел на могилу, на Рогатую Корону, хорошо зная, что тот, кто похоронен здесь, намного выше меня, но он не смог поработить меня, так как я другой человек и во мне есть что-то, что позволило мне устоять перед ним.

Вставало хмурое утро, но ничто не двигалось в долине Фартфелл среди курганов. То, что надвигалось на нас под покровом ночи, исчезло. Я протянул руку и помог Инне подняться на ноги.

Я не знал, куда нам идти. Рог звучал на западе, и я решил направиться туда, хотя долина Гарна, куда я должен был отвести Инну, находилась на востоке.

— Куда мы идём? — спросила она, отказываясь двигаться, пока я не схватил её и не принудил идти за мной. Я ожидал, что она снова будет сопротивляться, а мне этого совсем не хотелось.

— На запад.

Она оглянулась на долину Фартфелл, в которой кое-где росли деревья среди тёмных курганов.

— Ты напрасно держишь меня, — проговорила она. — Меня ждут. Теперь во мне ребёнок. Пустить меня, ведь я

больше не дочь Гарна. Я та, кто будет величайшей из матерей.

Я пожал плечами. Ведьма внушила ей очень сильную иллюзию. То, что она теперь не простая девушка, действительно было правдой. Однако, хорошо это или плохо, но наши судьбы теперь переплелись, и я не должен отдавать её тем силам, с которыми боролся в Лунном Святилище.

Когда мы спустились с кургана Дартифа, я увидел на дороге, которая привела нас сюда, отпечатки тысячи следов — копыта, лапы, человеческие следы, только с огромными когтями. Попадались даже следы обуви, глубоко вдавленные в землю.

Мы шагали по тропе, пока не добрались до реки. Здесь мы наполнили свои фляги и немного поели. Запасы мои совсем истощились, и мне предстояло сегодня охотиться, чтобы мы не умерли от голода.

Фартфелл лежал между двумя горными хребтами. Я решил, что перед тем как попасть в Чёрную Башню, мы с Гатеей преодолели восточный хребет. Теперь я смотрел на западный хребет, и внутреннее чувство говорило мне, что именно туда мы должны идти.

Дождь постепенно стихал и вскоре перешёл в водяную пыль. Хотя мы могли спрятаться под деревьями, я всё же предпочёл остаться на открытом месте и продолжать путь. Слишком уж много раз опасность настигала меня именно во время остановок.

Я двинулся вперёд, а Инна, казалось, не очень спешила. Мокрые волосы её сосульками лежали на голове и плечах и она была похожа на ведьму. Я с удовольствием предложил бы ей одежду, но никто не может сотворить её из травы и листьев.

— Идиот! — она стиснула кулачки и ударила ими друг о друга. — Отпусти меня! Ты ничего не добьёшься, только вызовешь к себе их ненависть!..

— Теперь я не держу тебя, — ответил я, так как мне надоело воевать с ней, и я бы с большим удовольствием повернулся и ушел от неё, если бы смог.

— Ты держишь меня, держишь своей волей! — пронзительно выкрикнула она.

Затем девушка медленно поднялась на ноги, как смертельно уставший человек, и поплелась на запад с таким выражением на лице, что любому стало бы ясно, что идёт она против своей воли.

Мы прошли совсем немного к западу, как вдруг плечи её выпрямились, голова поднялась и повернулась к северу. В неё вливалась новая энергия, такая могучая, что я почти мог видеть её. Отшвырнув плащ, как будто одежда для неё ничего не значила, она пустилась бежать. Ноги её сверкали в утреннем свете.

Я подхватил плащ и побежал за ней. Хотя меня тяготили кольчуга и меч, я всё же не выпускал её из виду и даже понемногу догонял. К счастью, она держалась открытых мест. Я боялся, что она свернёт в лесок, где легко сможет спрятаться. Но, по-видимому, она вообще забыла обо мне. Я был уверен, что её снова захватили сети колдовства.

Начался подъём. Инна легко бежала наверх, прыгая с камня на камень, с уступа на уступ. Она уже пропала за вершиной холма, когда я, тяжело дыша, взобрался наверх. И тут я резко остановился, так как увидел, что ждало нас внизу.

Там стояла та самая одетая в чёрное карга, с которой я имел дело в Лунном Святилище. Она была не одна, и её спутники не были людьми. Летающее чудовище, с одним из которых я уже дрался, стояло слева от неё. Оно было женского пола и намного выше ведьмы. Громадные крылья лениво колыхались в воздухе, но когтистые лапы твёрдо стояли на земле. Справа стояло другое чудовище, при виде которого-то я и остановился.

Он представлял собой жуткую смесь зверя и человека, причём самых отвратительных компонентов. Тело его от пояса вниз было покрыто жёсткой грубой кожей, а ноги оканчивались копытами, как у быка. Выше пояса кожа становилась менее грубой, но на груди, плечах и руках она всё же оставалась жёсткой и шершавой. Руки необычайной длины болтались почти у земли. Но поразили меня голова и лицо.

Оно до ужаса походило на лицо, изображённое на моём кубке, но его выражение было совсем другим. Если одно было благородным, то другое — гнусным и отвратительным. Лицо было одно, но человек-зверь был полной противоположностью Рогатому Лорду — и он не был коронован. На его густых курчавых волосах не красовалась корона из переплетённых рогов.

Голова его откинулась назад и он издал крик, похожий

на язвительный смех человека или звериный рык. Карга вскинула вверх руки и пальцы её зашевелились, как бы сплетая сложный узор. Крылатая женщина сардонически улыбалась, показывая страшные клыки.

Инна, как бы не замечая ничего, неслась вниз, к ним, правда, чуть замедлив свой бег после того, как споткнулась о камень и едва не упала. Я отстал слишком далеко, чтобы успеть перехватить её. Тогда я с отчаяния швырнул вслед её плащ с таким расчётом, чтобы он развернулся в воздухе.

Плащ попал ей на голову и спеленал её. Она сделала ещё шаг и упала, довольно далеко от ожидавшей её троицы. Я подбежал к ней, пока она боролась с плащом.

Смех человека-зверя затих. И тут запела карга, призывая на помощь своё Могущество, это я хорошо знал.

Человек-зверь стоял, ухмыляясь, уперев могучие руки в толстые бёдра. Он прямо дышал уверенностью в победе. В глазах его горел огонь и в глубоких глазницах не было видно ничего, кроме этого зловещего огня. Вероятно, эти огненные глаза могли видеть в мире совсем не то, что видят глаза обыкновенные.

Крылатая женщина покачивалась взад и вперёд. Крылья её теперь били воздух сильными ударами, и она едва касалась земли кончиками ступней. Я почувствовал, что она сейчас бросится на меня и приготовил меч.

Увидев его, человек-зверь разразился хохотом. Левой рукой я обхватил Инну, держа её как можно крепче. Если она сбежит к ним и ведьма окончательно наложит на неё свою лапу, то я окончательно потеряю девушку и никакое могущество не сможет освободить её. Всё чистое, доброе, человеческое погибнет в ней и останется только то, чему лучше было бы умереть. Ведь тогда единственное доброе дело, которое я смогу сделать для неё — это убить её. Когда я думал о том, что эти чудовища могут сделать с ней ради собственного удовольствия, у меня чесались руки всадить ей меч в горло...

— Давай, давай, сделай это, идиот! — я увидел всплеск пламени в глазах человека-зверя. — Дай нам её кровь, мы с радостью примем её.

Я помимо своей воли посмотрел на него. Он был очень похож на Рогатого. В каждом человеке смешано плохое и хорошее. Так в изображении Рогатого было собрано всё

хорошее, а тот, что стоял передо мной, олицетворял всё самое худшее, самое тёмное, самое отвратительное.

— Да, ты правильно думаешь, кретин. Ты мой, если я пожелаю этого, — и он сделал непристойный жест.

Огонь вспыхнул в моих чреслах. Дикое плотское желание охватило меня точно так же, как и в Чёрной Башне. Сорвать плащ — схватить девушку!.. Я так крепко сжал рукоять меча, что она впилась мне в руку. И эта боль отрезвила меня, я смог оторвать взгляд от чудовища.

Карга плела вокруг нас сеть своих заклинаний. Если мне повезёт, то меня постигнет быстрая смерть, а Инну ждёт гораздо более страшная судьба.

И тут во мне зашевелились силы, которые вошли в меня на кургане. Я мог принять их или отвергнуть. Пришло время сделать выбор. И если я решу принять их, то мне нужно будет сделать это полностью. Но я человек. И как человек, я иду своим путём. Могу ли я позволить сделать себя орудием Могущества — Доброго или Злого? — ведь я тогда отдам всё то, что делает меня собой.

Время... мне так нужно время! Но времени не было. Я поднял голову, посмотрел на небо, на облака, сомкнувшиеся над нами. Как потолок тюремной камеры. Даже вся долина вокруг нас покрылась серой хмарью, затмившей зелень травы и листья деревьев.

Я облизнул губы. Последний раз я почувствовал себя Эльроном, тем самым Эльроном, которым я был всегда. И затем я крикнул:

— Ха, Холла, Курноус!

Меня как будто стиснула могучая рука, кровь со страшной скоростью устремилась по жилам, кости затрещали под натиском могучих сил. Я закачался из стороны в сторону, как будто сильный ветер накинудся на меня. Но я устоял. Резкая боль пронзила голову. Я мог только думать о каком-то месте с огромным количеством закрытых дверей. И в эти двери кто-то ломился и изнутри и снаружи одновременно. Двери слетели с петель и то, что было за ними, освободилось.

Что я такое? Я этого теперь не мог сказать. Я слышал и видел такое, для чего человек даже не имел названия. Дикая боль постепенно уменьшалась. Сколько времени продолжалось это? Моему измученному естеству казалось, что прошли дни.

И вот я встал. Инна скорчилась рядом со мной. Из

открытого рта стекала струйка слюны, широко раскрытые глаза изумлённо смотрели на меня. Троица всё ещё стояла впереди. Но улыбка исчезла с губ крылатой женщины, стих смех человека-зверя. Он тоже показал свои зубы и огонь теперь вылетал не только из его глаз, казалось он весь дышит пламенем. Казалось, что под ним вот-вот задымит-ся трава.

Та, которую Инна называла Райден, стояла, подняв руки, но пальцы её прекратили своё движение. Они безвольно опустились вниз, как будто карга потеряла все силы. Не знаю, что эти трое увидели во мне. Но сердце моё подскочило от радости и возбуждения. Я думал, что отдавшись неведомой воле, потеряю всё. Но оказалось, что я всё приобрел. Теперь мне нужно торопиться, забыть о чуде преображения. Удивляться можно и потом.

Снова я взглянул в затянутое облаками небо и крикнул: — Холла, Курноус! — голос мой громом прокатился по всей долине.

И ответ пришел — звук рога — он звучал триумфом, как будто жертва была не просто близко — она была уже затравлена. Но я не чувствовал себя гончей собакой, нет, скорее, я стал мечом в руках охотника.

И затем...

Он появился ниоткуда. Нет, вернее откуда-то из другого мира, который вскоре должен стать и моим миром. Он был высок, как Гарн, и кольчугу его составляли переплетения разных переливающихся цветов — голубого, зелёного и коричневого. Я был прав: хотя голова на кубке действительно изображала Рогатого Лорда, всё же лицо человека-зверя тоже было его копией. Это были Свет и Тьма. И я вспомнил, как однажды Гатая сказала: «Как сверху, так и снизу. Каждое Могущество имеет две грани — светлую и тёмную — и эти грани хорошо сбалансированы. Но когда одно берет верх, когда баланс нарушается, тогда судьба берёт всё в свои руки. Восстановление равновесие — очень страшное и кровавое дело, но необходимое. Равновесие должен существовать во всех мирах».

Троица не смутилась. Они начали раздуваться, увеличиваться в размерах. Они готовились к схватке с Охотником в Рогатой Короне.

В воздухе снова что-то возникло.

И вновь сильное желание охватило меня при первом

взгляде на неё. Одежда женщины сияла золотым и янтарным светом. Она с гордо поднятой головой встала перед каргой. Да, Райден оказалась старой, гнусной пародией на прекрасную янтарную леди.

И затем появилась третья — крылатая леди. Её роскошь и великолепие ослепили меня. Я не мог даже смотреть на неё. Ветер, поднятый её крыльями, принёс мне чистый запах весенних цветов, выросших среди старых прошлогодних листьев.

— Как сверху, так и снизу, — тихо произнёс я. За мной кто-то зашевелился. Инна, пошатываясь, вышла вперёд. Она как будто ждала поддержки. Я взял пальцы её вытянутой руки в свою руку. Пальцы были холодными, и она вся дрожала, как будто стояла на холодном зимнем ветру.

Глава восемнадцатая

И вот они встретились — Свет и Тьма. Хотя Инна и я не участвовали в противостоянии, я понимал, что это не первая их встреча. В этой странной стране равновесие между ними было нарушено давно. То побеждал Свет, то Тьма. И я знал, что приход сюда моего народа ещё больше нарушил равновесие. И теперь должна произойти последняя битва, подобной которой не видел ещё ни один человек.

Закливание Гунноры держало меня, она управляла одной моей половиной. Другая моя половина принадлежала, и я об этом не сожалел, Рогатому Лорду. Я добровольно поклялся ему в верности. В нём я видел то, чем восхищался в барде Сузе, открывшем Ворота, и в Братьях с Мечами. Теперь я уже начал сомневаться, что мы сами выбрали этот мир. Мне стало казаться, что мы были вызваны сюда, чтобы попытаться восстановить равновесие между бессмертными силами Тьмы и Света.

Как проявится могущество тех, кто сейчас противостоял друг другу? Может, они нуждаются в простых смертных, не имеющих тайных знаний, чтобы нарушить равновесие в свою пользу? Ведь это очень древняя страна и количество прежних жителей здесь стало настолько малым, что им приходится сражаться друг с другом за обладание нами, людьми. Пока я думал, между противниками происходил разговор. Я обнял руками Инну, и она повисла на мне, как

будто ноги девушки совсем отказывались держать её. Очевидно, силы совсем покинули дочь лорда.

Костлявые руки Райден висели вдоль тела, прячась в широких рукавах мантии. Крылатая женщина корчила ужасные гримасы. Она плюнула и плевок упал у ног прекрасной женщины, сияния которой не мог выдержать простой смертный.

— Это опять час...

Интересно, я слышал ушами, или же слова рождались в моём мозгу? Говорил Курноус. Он сделал шаг к человеку-зверю.

— Ты вызвал, Кунтиф. Я ответил. Твои Ворота не собираются открываться!

Его противник фыркнул:

— Зато твои открыты настежь. Теперь ты ввёл в игру других — разве это не запрещено издавна? — он показал прямо на меня. — Твоя кровь стала жидкой, твои герои все погибли — и теперь ты призвал на помощь этих, сделав их своими слугами. Это против Клятвы...

— Против Клятвы? Но вы же сами хотели использовать его! Кто вызвал его сюда с кубком, кто задумал грязное дело? Мы не потерпим, чтобы в Авроне родилось дитя Зла! — теперь говорила Гуннора. — А ты, Райден, твоя западня разрушена, твоя жертва вырвана из сетей. Она ещё девушка, несмотря на все твои заклинания она не родит зло.

От сверкающей женщины полились трели, напоминавшие пение птиц. Эти прекрасные звуки радовали сердце. Та, что была гнусной пародией на неё, повела плечами и кончики её крыльев царапнули землю и высокую траву.

— Да, Ворота открыты, — спокойно заметил Рогатый Лорд. — Когда придёт время битвы, мы должны созвать всех, кто может подняться. Они могут стать новым началом. Мы слишком долго были одни в пустынной стране. Не все могут подойти нам — но всегда есть плодородная почва, которая ждет нужных зёрен. Они должны сделать свой выбор, и они сделают его свободно, ведь это право всех живых существ.

— Девушка выбрала! — Райден ткнула костлявым пальцем в сторону Инны.

Я крепче сжал дочь Гарна. Она не собиралась присоединиться к этой зловещей троице.

— Но не свободно. И ей никто ничего не объяснил, — возразила Гуннора. — Ты думаешь, я не знаю, как ты

заманила её? Ты зажгла в ней искру, которой у неё не было. Посмотри, разве это не так? — она повернулась и показала на нас.

Я почувствовал такое горячее желание, что еле удержался на ногах. Но Инна вскрикнула, как будто кто-то ударил её, и прижалась лицом к моему плечу. Она не хотела смотреть на них.

— Ты хотела использовать её, предварительно обманув, — в глазах Гунноры промелькнула жалость.

— Когда-то, — снова заговорил Курноус, — разгорелась борьба между Светом и Тьмой — и многие погибли тогда. Смерть и разрушение опустошили страну. Я считаю, что свобода выбора сейчас должна остаться.

— У меня есть своё место, своё могущество, ты не можешь пренебрегать мной, — рявкнул человек-зверь.

— Разве я пренебрегаю? Свобода выбора. Те, кого вы честно завоюете, станут вашими подданными, но ими окажутся те, кто ответит на ваш зов. Эти двое уже выбрали...

— Она нет! Ты сам сказал это! — закричала Райден.

— Она сделала выбор. Она ведь из тех, чей разум закрыт для нас. Колдовство запрещено. Позови её без заклинания! — приказала Гуннора.

Старуха разразилась проклятиями. Я видел, что рукава её шевелятся, видимо, она двигала руками, но ритуальные жесты всё-таки не рисковала делать. Возможно, она была вынуждена признать справедливость слов моей янтарной леди.

— Ты видишь? — в голосе Гунноры прозвучала странная нотка. Неужели это была нотка жалости? Неужели она чувствует хоть каплю тепла к этой безобразной, гнусной, отвратительной старухе? — Что сделано, то нужно исправить!

Она излучала могущество, тёплое золотое сияние окружало её фигуру. И из этого золотого сияния вырвалось золотое копьё. Я увидел, что ведьма отступила на шаг. Лицо её перекосила злобная гримаса. Рот скривился, как будто она хотела плюнуть в нашу сторону ядовитой слюной.

Затем плечи карги опустились. Если годы что-то и значили для неё, то именно теперь они легли на неё тяжким грузом. Руки её вознеслись вверх. Я мог чувствовать, как она борется с могучей силой, но не может

преодолеть её. Но Гуннора тут была не причём. Всё дело заключалось в самой старухе. Все её усилия нарушить баланс, достичь большего могущества, оказывались тщетными.

Она проговорила — четыре слова, которые прокатились громом по равнине. Мне показалось, что небо и земля откликнулись на них и содрогнулись, как будто столкнулись два мира с ужасающей силой. И затем всё снова успокоилось, мы снова оказались в одном времени и в одном месте.

Я держал — ничего! Инна исчезла. Её не стало в моих объятиях. Я вскрикнул, и Гуннора бросила на меня быстрый взгляд.

— Не бойся за неё. Она вернулась к своему народу. И она всё забудет. В ней не зреет дитя зла, которое бы уничтожило всех нас. И это потому, что ты был твёрд.

— Вы ещё не выиграли! — зарычал человек-зверь. В его голосе прозвучала жажда крови и угроза смерти. — Это ещё не конец.

Курноус покачал головой в короне.

— Никто из нас никогда не выиграет. Вы всё время будете пытаться подчинить себе всё, но всегда окажется кто-то, кто встанет на вашем пути — баланс останется...

— Но не навсегда! — человек-зверь жестом негодования ударил себя в грудь.

И исчез!

Карга показала свои жёлтые кривые зубы в презрительной усмешке.

— Не навсегда! — повторила она. Её чёрные рукава хлопали по костлявому телу, как будто дул сильный ветер, которого я, правда, не ощущал. Да и трава не шевелилась там, где стояла она. Но странный ветер всё сильнее трепал её мантию и наконец он сорвал её с места, как сухой лист с дерева, и как сухой лист она полетела куда-то в ничто.

Теперь и крылатая женщина испустила хриплый рёв, распустила свои крылья и взвилась в воздух. Затем она быстро понеслась по небу. Сверкающая женщина тоже взлетела и полетела за ней.

Но двое остались, разглядывая меня. Во мне слишком много ещё сохранилось от юного неопытного глупого Эльрона. И тот Эльрон спросил:

— Значит, тёмные так и будут продолжать своё дело? Какова же тогда судьба моих соплеменников?

— Нет стран, где только Свет или только Тьма. Ведь если не будет Мрака, зачем тогда стремиться к Свету? — спросил Курноус. — Как мы уже говорили, эта страна почти совсем опустела. И среди тех, кто пришёл сюда, найдутся люди, чьи сердца откроются нам — Тьме или Свету. Но выбор они будут делать сами. Остальные не будут знать ничего и ни о чём не будут подозревать, так как они не те, кто подходит нам.

Я теперь подумал о властителе Чёрной Башни — неужели и это Зло свободно творить свои чёрные дела?... И если его жертва останется без помощи...

— Она не останется без помощи...

Я понял, что между нами нет необходимости произносить слова. Это был лорд, которого я выбрал сам, и с этого часа я буду жить в соответствии со сделанным мной выбором. И всё же может наступить момент, когда меня станут грызть сомнения, когда мне будет казаться, что добро могло бы сделать многое, но не делает.

— Могущество... всё дело в равновесие сил, — продолжал Курноус. — Неужели ты не понимаешь, что кто бы не нарушил равновесие сил, Тьма или Свет, это приведёт к тому, что в стране воцарится хаос? Мы уже получили один такой урок много лет назад — очень жестокий урок. Страна была сильной и богатой, пока баланс не нарушился. Восстановление страны — очень долгий и трудный процесс, и много раз это оказывалось не по силам тем, кто пытался сделать это. И твои люди будут терпеть неудачи, но они будут пытаться, так как в твоём народе заложены семена. Они взрастут в вас, несмотря на то, что вы сами не будете верить, что этого можно достичь.

Какая-то часть меня понимала справедливость его слов. Но человеческое нетерпение оставалось.

— А леди Инна действительно в безопасности?

— Она проснётся в том же месте, откуда её взяли. Райден устроила там западню перед приходом ваших людей. Но у неё сорвалось, потому что она вызвала кубок, а ты, который подчинил его себе, тоже пришёл, — сказала Гуннора. Теперь она стала совсем другой. Её влияние на меня в значительной степени ослабло, даже исчезло. Я уже мог спокойно смотреть на неё, и испытывал огромное удовольствие, но безумное плотское желание теперь не мучило меня. Я увидел, что она улыбается.

— Ещё не время, но тот голод, который ты испытал, ты ещё удовлетворишь в своё время, когда найдёшь ту, которая разделит с тобой наслаждение.

— Гатея... и Гру?

Курноус не улыбался. Он скорее смотрел на меня как на своего воина, который готовится к битве. Он хотел убедиться, хорошо ли вооружён воин, готов ли к бою.

— Кубок твой. Остальное решишь сам. Выбор свободный — для вас обоих. Вы выберете сами, чего хотите — добро или зло.

Я не понимал, о чём он говорит, и задал вопрос, который более всего мучил меня.

— Гатея... Гру... может быть, я нужен им. Я должен пойти к ним.

Не было ни вихря, который бы нёс меня, ни могучих крыльев за спиной. Скорее всего, этого было мгновением тьмы — крошечной тьмы, как в Чёрной Башне, там, куда никогда не проникает свет. И затем пришёл свет — лунный свет, как будто день остался позади.

Передо мной лежало Лунное Святилище, но не то, что было расположено возле долины, а то, где Райден со своими помощниками хотела совершить величайшее зло. Оно освещалось ярким светом — возможно, всё-таки это была другая часть колдовского мира — но оно было точной копией того Святилища, где Инна ожидала осквернения тела и смерти духа.

Та, которую я искал, стояла перед каменным алтарём, светясь серебряно-белым телом. Она сбросила всю одежду и купалась в лунном сиянии, впитывая в себя могущество, которое жило в этом святом месте. В воздухе над алтарём стоял столб, нет, закутанная в вуаль фигура, которую я не мог разглядеть.

Воздев руки к небу, Гатея молилась с закрытыми глазами, лицо её излучало радость. Мои пальцы пробежали по пуговицам, по застёжкам, шнуркам. Я отбросил от себя сначала то, что было связано со смертью и войной, и затем всё остальное. Теперь на мне был только свет, свет и кубок, а также, как мне приказала память, листок лесной женщины.

Когда я приблизился к святилищу, свет сгустился передо мной, как бы сопротивляясь моему вхождению. Я чувствовал его сопротивление не только телом, но и

разумом. Свет протестовал против того, что я вхожу, что я несу с собой, что я хочу сделать. И затем из света соткалось лежащее между колоннами передо мной серебряное тело Гру. Губы его раздвинулись и показались огненные клыки, как бы предупреждая меня.

Затем глаза его, горящие, как драгоценные камни, остановились на кубке и вновь встретились с моими глазами. То, что пробудилось во мне, позволило общаться мысленно с этим котом, который был больше, чем кот. Он занимал и будет занимать определённое место в моей жизни.

— Это моё право — и её выбор.

И Гру отодвинулся в сторону. Я вошёл в Лунное Святилище.

Сколько могущества! Оно обрушилось на меня. Я ощущал его давление на своё тело, которое будто покалывало тысячью иголок. Мне хотелось броситься вперёд, но я сдержал себя и медленно, шаг за шагом стал продвигаться. Кубок я держал у сердца, лист грелся в другой руке.

Гатея резко обернулась, как будто в атмосфере колдовства, наполнявшей Святилище, появилось нечто чужое. Я увидел её расширившиеся глаза. Она подняла руку, чтобы отослать меня прочь.

Но я знал, что нужно делать. Я сделал свой выбор, теперь настала её очередь. Я опустил лист в кубок. Он лежал пару секунд, а затем расплавился, и бурлящая жидкость наполнила кубок — сама природа благословляла этот час.

Как верноподданный, я опустился на одно колено. Мне показалось, что-то давит на мою голову. Может быть свет — но я был готов и для короны — правда, я к этому не стремился.

Гатея ткнула пальцем в мою сторону.

— Уходи! — приказ, но окрашенный нотками страха. Голос её увеличил давление на меня. Если бы она была тверда, я вынужден был бы уйти и мы никогда бы не соединились.

— Диана! — когда я не повиновался, Гатея повернулась снова к алтарю, над которым зависла сверкающая колонна.

Я мог её видеть, но не ясно. Ни один человек не мог бы рассмотреть эту фигуру. Но затем в этом ослепительном сиянии выделилась фигура стройной женщины. Её лицо

было похоже на лицо Гатеи — такое же гордое, замкнутое. Она была верна тому, чему решила посвятить жизнь.

— Диана! — снова воскликнула Гатея.

Лицо стало холоднее, на нём мелькнула тень враждебности, неприязни. Я вдруг вспомнил, что Диана может убить того, кто покусится на её служанку без согласия самой девушки.

Я хотел просить помощи, но понял, что её не будет. С этим мне придётся справляться самому.

— Диана! — может, я ошибся? В голосе Гатеи появились вопросительные нотки, она уже не была столь непреклонна, столь неприступна.

Из кубка спиралями поднимался вверх золотой туман — туман цвета одежд Гунноры. Затем туман стал янтарным и опьяняющий аромат заполнил пространство между нами.

— Диана... — Гатея уже не крикнула, она промурлыкала. Теперь она уже отвернулась от серебряной фигуры, чтобы видеть меня. Я заговорил, и слова пришли из моей памяти, где хранились с незапамятных времён, о которых уже давно не помнил никто.

— Поле ждёт семени. Могущество леди вспахало поле. Пришёл тот, кому суждено пробудить поле, чтобы затем созрел урожай, который оживит тело, разум и душу.

Гатея двинулась ко мне. Один нерешительный шаг, затем другой. На лице её отражалась внутренняя борьба. Я держал кубок и ждал. Выбор. Выбор был за ней. Я не мог настаивать. Она сама должна прийти ко мне. Сама.

Очень долго она стояла так близко от меня, что я мог протянуть руку, коснуться её мягкого тела. Но так нельзя. Да, могущество передаётся от мужчины девушке, а затем от новой женщины обратно к мужчине. И только тогда, когда обмен будет совершён, целое станет более величественным, чем отдельные части. И всё же выбор оставался за Гатеей.

— Диана... — еле слышный шёпот. Серебряный свет запульсировал вокруг нас. Сначала горячий, затем холодный, как будто он отражал внутреннюю борьбу Гатеи.

Она пристально смотрела в мои глаза. Ничто не передавалось между нами. Не знаю, что она хотела увидеть, а может быть, и увидела. Её руки медленно поднялись, и... она хочет взять у меня кубок? Или сделать что-то другое?

Её пальцы обхватили мои, сжимавшие кубок. Затем она вынула его из моих рук. Когда она взяла кубок, я накло-

нился и коснулся её белой ноги. Старые слова полились с моих губ.

— Тот, кто ищет, всегда найдёт. В каждой девушке находится королева. И во имя Леди, я приветствую её, так же как приветствую тебя.

Я поднял руки и положил их туда, где её стройные бедра соединялись с телом.

— В девушке всегда живёт поле, ждущее урожая. Во имя Леди, я приветствую тебя.

Поднявшись на ноги, я коснулся её твёрдых маленьких грудей.

— В девушке живёт тот, кто придёт, когда наступит время. Во имя Леди, я приветствую тебя.

Гатя держала кубок так, что он находился между её губами и моими. В глазах её проснулось другое чувство — удивление, нетерпеливое ожидание.

Я выпил то, что она предложила мне, затем выпила она. Теперь кубок был пуст, и она отвела его в сторону. Он не упал на землю, но плавно пролетел по воздуху и мягко опустился на каменный алтарь. Колонна серебряного цвета стала изменяться, густеть, приобретать золотой цвет. Я привлёк к себе Гатею и поцелуй, который я дал ей, как и говорила Гуннора, решил мою судьбу и открыл последний барьер.

Золотой свет — тепло — и мы забыли обо всём. Всё, что осталось — это жрица и Леди, мужчина и Лорд, коронованный Рогатой Короной. Из их соединения родится могущество, которое может совершить всё. И когда я взял ту, которая больше не пойдёт по девственной дороге Дианы, я ощутил, как что-то опустилось на мою голову — корона. Я был слугой, но в этот час стал господином, лордом.

Лишённый клана — лишённый имени — и коронован!

**ОПАСНЫЕ
СНЫ — 2**

УХОДИ ИЗ МОЕГО СНА

У каждого мира свои правила, законы и обычаи. Итлотис Сб-Кейт рассматривала себя как сыскного агента, хорошо приспособленного к подобным барьерам и препятствиям в проведении встреч. Но теперь внутренне она признавала, что никогда ещё не встречалась с такой проблемой.

Хотя она сейчас не сидела в шезлонге, автоматически предоставляющем телу максимум удобств, девушка надеялась, что создала у женщины, сидевшей напротив, впечатление расслабившейся и уверенной в себе особы во всё время их переговоров. В том, что эта... эта Фустмэм упряма, не заключалось ничего нового. Итлотис умела управлять как человеческими, так и псевдочеловеческими антагонизмами. Но сама ситуация препятствовала и не допускала продолжения.

Девушка по-прежнему улыбалась, когда медленно и ясно излагала своё дело уже, кажется, в двадцатый раз за два дня. Терпение — одно из основных достоинств агента, оно служит как щитом, так и оружием.

— Достопочтенная, вы видели полученные мною приказы. Вы не можете не признать, что они весьма настоятельны. Вы согласились, что Ослэн Сб-Отто — один из ваших теперешних клиентов. Мои документы дают мне все полномочия для разговора с ним. Время не терпит, он должен как можно скорее узнать о положении в своём Доме. Это чрезвычайно важно не только для его будущего, но и для будущего многих других. Мы никогда не вмешиваемся в дела других планет иначе как с одобрения Верховного Совета.

Выражение лица её собеседницы не менялось. Двадцать Волосков Инга! Итлотис могла с тем же успехом обращаться к рекордеру или даже к изъеденной временем стене позади Фустмэм.

— Тот, кого вы ищете, — голос женщины был монотонным, словно она находилась в трансе, однако живые, хитрые глаза настороженно поблескивали, — лежит в комнате сна. Я сказала вам правду, Достопочтенная. Спящего тревожить нельзя. Это опасно как для вашего соотечественника, так и для мастера сна. Клиент заказал

сон на неделю и выдал свои собственные ленты для инструктажа мастера. Сегодня же только второй день...

Итлотис с трудом подавила желание ударить кулаком по столу и зарычать от злости. Она слышала эти слова или подобные им уже в шестой раз. Даже двухдневная отсрочка — и она не отвечает за успех своей миссии. Ослэна Сб-Атто не о б х о д и м о разбудить, сообщить ему о ситуации на Бинольде, а затем вывезти на первом же звёздном корабле.

— Но он же просыпается поесть, — устало проговорила она.

— Мастера и её клиента питают в таких случаях внутривенно, — ответила Фустмэм, и Итлотис показалось, что она услышала нотку торжества. Однако она не была готова так легко принять поражение.

Девушка наклонилась и коснулась пальцем одного из зелёных дисков, которые она разложила на столе. Её полированный ноготь щёлкнул по этому лучшему удостоверению, на которое мог надеяться агент. Даже если этот диск был сделан в другом месте, не местным агентством, уверявшим, что никогда не вмешивается в местные дела, всё равно один вид его открывал все двери в городе Ти-Кри.

— Достопочтенная, будьте уверены, что я не собираюсь просить вас о каких-либо действиях, могущих нанести вред мастеру или её клиенту. Но я знаю, что есть способ прервать такое сновидение... если другой человек войдёт в этот сон, чтобы передать важное сообщение клиенту.

В первый раз тень хоть какого-то выражения мелькнула на мрачном с резкими чертами лице женщины, которая могла бы послужить моделью для какого-нибудь архаичного изваяния, какие Итлотис видела в этой части старого города, где никогда не вырастали небесные башни.

— Кто... — начала было Фустмэм и тут же поджала губы.

В Итлотис вспыхнула искра возбуждения — она нашла ключ!

— Кто сказал мне об этом? — закончила она невысказанный вопрос. — Какое это имеет значение? Мне часто бывает необходимо знать такие вещи... Но это можно сделать? Да или нет?

Женщина очень неохотно и чуть заметно кивнула.

— Конечно, — продолжала Итлотис, — я доложила

представителям Совета о том, что собираюсь сделать. Они пришлют врача, чтобы мы находились под квалифицированным наблюдением.

Фустмэм снова стала бесстрашной. Если она и восприняла этот намёк как угрозу или предупреждение, то не подала виду, что предполагаемое недоверие Итлотис причинило ей какую-то неприятность.

— Этот метод бывает не всегда удачен, — сказала Фустмэм. — К тому же Аккота — наш лучший А-мастер. Даже я теперь не могу равняться с ней в мастерстве. Незанятая здесь только... — она, видимо, включила какой-то сигнал, потому что на стене напротив засветилась панель с символами, непонятными инопланетному агенту. Фустмэм изучала их довольно долго. — Вы можете получить Элоуд. Она молода, но многообещающая, и однажды её уже использовали как вторгающегося мастера.

— Отлично, — Итлотис встала. — я вызову врача, и мы вторгнемся в этот сон. Ваше сотрудничество будет должным образом оценено, Фустмэм, — а про себя подумала: «Ну уж нет... твои оттяжки тоже зачтутся».

Она так радовалась своей победе, что только войдя в комнату сна вместе с прибывшим врачом, осознала, что лезет в жуткую авантюру, с какой не встречалась в своих предыдущих назначениях. Одно дело — выслеживать дичь по нескольким планетам обитаемой Галактики, как ей приходилось за множество планетных лет, и совсем другое — искать её во сне. Это было нечто новое. Она не думала, что эта идея так уж ей нравится, но и отказаться теперь было немыслимо.

Мастера снов в Ти-Кри пользовались всеобщей известностью. Работая в чрезвычайно древнем Улье под руководством Фустмэм, они творили воображаемые миры, приключения и могли разделить их с любым, кто оплачивал их высокий гонорар. Некоторых мастеров постоянно арендовали семьи мультикредитного класса, живущие в небесных башнях, где их услугами пользовались для развлечения одного индивидуума или домашнего клана. Другие оставались в Улье, и их клиенты приходили к ним сами.

Клиент, мысленно сплетённый с мастером, входил в мир, казавшийся ему совершенно реальным. И действия мастера А-класса были теперь модными и дорогостоящими.

Итлотис оглядела комнату, в которой лежала затерянная в своём сне её добыча.

Здесь уже стояли две кушетки, и Фустмэм наблюдала за приготовлением ещё двух, которые едва могли поместиться в комнате. На одной лежала девушка, худая и бледная, и волосы её покрывал металлический шлем, соединённый проводами с другим таким же, покрывавшим голову Ослэна, который лежал на другой кушетке. Между ними стоял аппарат с бутылочками питательной жидкости, вводимой в вены рук спящих.

Итлотис могла видеть только часть лица Ослэна, потому что шлем закрывал его до носа, но всё же узнала его. Это был тот самый человек, за которым она охотилась. Ей захотелось положить конец своим заботам, сбросить шлем и вернуть Ослэна к действительности. И только представление о высокой опасности подобных действий удержало её пальцы.

Помощницы Фустмэм поставили кушетку рядом с мастером и осторожно провели провод между шлемом девушки и другим — вновь принесённым. Вторая кушетка была поставлена за ложем Ослэна, и второй новый шлем был подсоединен к шлему Ослэна.

Тревога Итлотис росла и была уже сродни страху. Ей до крайности неприятно было оказаться под чужой волей. Но с другой стороны, необходимо было вернуть Ослэна. И у неё стоял на страже врач.

Хотя Итлотис внешне ничем не проявила неохоты, когда по приказу Фустмэм легла на кушетку и позволила укрепить у себя на голове шлем, у неё всё же промелькнули несколько секунд паники, когда хотелось скинуть с себя этот светлый и мягкий внутри головной убор и бежать из этой комнаты.

Никто не мог сказать, в какого рода приключения был введён Ослэн. Никогда не бывало двух одинаковых снов, и даже сам мастер не всегда может предвидеть, по какому пути пойдут её творения, когда она начнёт ткать свои фантазии. И Фустмэм из осторожности указала, что Ослэн сам принёс ленты, не полагаясь на записи из собрания Улья. Так что Итлотис не имела ни малейшего представления, с каким миром она встретится.

Впоследствии она не могла сказать, каким образом

вошла в мир сна. Был какой-то момент полной потери памяти и сознания, вроде обычного сна, а потом она открыла глаза на... что?

Итлотис знала только, что она внезапно оказалась на вершине утёса, где ветер источил камни в странные статуи, и воздух между ними проходил со свистом и унылой жалобой. Слышался ещё и другой звук — барабанный бой, в котором Итлотис узнала морской прибой.

Но ведь она знала это место! Она очутилась в Юлгриве, на её собственной планете! Стоит только отвернуться от моря, и она увидит древние развалины Юла во всей их подавляющей мрачности. Голова у неё пошла кругом. Она готовилась к какому-то необычному, жуткому миру сна, а вдруг вернулась на планету, где родилась! Но зачем... и как?

Итлотис повернулась к Юлу, чтобы удостовериться в своём предположении. Но...

Развалин не было!

Вместо них поднимались тяжёлые, массивные башни, словно они сами собой выросли из утёсов, а не были сложены камень за камнем человеком или подобным человеку созданием. Древняя крепость во всей своей мощи куда более впечатляла, чем руины, которые знала Итлотис... Крепость была шире и более протяжённа, чем можно было предположить по остаткам, сохранившимся до века, в котором жила Итлотис.

И, вспомнив, что в её время рассказывали об Юле, Итлотис отшатнулась назад, пока плечи её не упёрлись в скалу. Она не хотела видеть Юл целым, но почему-то не могла отвести глаз от тёмных башен и стен.

Юл уже давно лежал в руинах, когда первые люди пришли в мир Бинольда тысячу планетных лет назад. Отыскились и другие разбросанные следы какой-то очень древней цивилизации. Но Юл был разрушен меньше, чем всё остальное. Однако люди, всегда жаждущие исследовать тайны своих предшественников в колонизованных мирах, неохотно обыскивали Юл. Что-то неприятное витало в обрушившихся стенах, оно так давило на душу любого вторгшегося туда, что он в конце концов торопился уйти.

Итак, его рассматривали только на расстоянии, как сейчас его видела Итлотис, и ленты записей тоже были

сделаны только снаружи. Зачем Ослэн захотел увидеть Юл таким, каким он был когда-то?

Эта загадка отмела большую часть её первоначального отвращения. Похоже, что сей сон имел реальную цель. Это не просто форма ухода в приятное.

Девушка отошла от скалы и принялась по-новому пересматривать свою миссию.

Ослэн Сб-Атто является наследником обширных поместий Атто по обычаям Бинольда. Следовательно, когда Атто Сб-Пэтон умер шесть планетных месяцев назад, стало настоятельной необходимостью, чтобы его наследник как можно скорее принял на себя обязанности главы клана. Его брат, Ларс Сб-Атто, нанял агентство Итлотис, чтобы срочно вернуть наследника, путешествующего по другим мирам. Позднее, когда продолжительное отсутствие наследника Атто начало сказываться на политических событиях, поисками занялся Совет.

Но зачем Ослэн явился на планету мастеров снов, разыскал Улей и вошёл в сон, направленный на далёкое прошлое своей родной планеты? Он как бы искал что-то очень важное. Итлотис решила, что так оно и есть. Но почему здесь, и за чем он охотился?

Ну что ж, чем скорее она узнает это, тем скорее они вернутся в настоящий Бинольд, к ожидавшим Ослэна обязанностям. Как ни противно это было Итлотис, она двинулась к Юлу, словно сам Ослэн сообщил ей, что центр этой путаницы скрывается именно там.

Формы жизни, знакомые Итлотис по своему времени, совсем не изменились. Над головой пролетали сипары, их мелодичные крики перекрывали грохот прибоя, а блестящее оранжевое, голубое и зелёное оперенье сверкало даже в этот пасмурный день. За скалами росли мелкие растения, в основном серо-коричневые, как и камни рядом с ними, и выпускали гордые побеги, которые тянулись к следующей трещине в земле между скалами.

Итлотис настороженно смотрела на Юл. И хотя стены его были теперь целыми, и неповреждённые башни высоко вздымались, она не нашла никаких признаков, что там есть обитатели. На башнях не развевались знамёна, в окнах никто не показывался, и сами окна были как глаза, уставившиеся одновременно на море и на резкие края холмов на западе.

Юл стоял на краю владений Атто. Итлотис видела его, когда ездил договариваться с Ларсом Сб-Атто, перед тем как оставить Бинольд. Она летела из Килламарша и пересекла руины, чтобы добраться до внутренней долины за холмами.

Вообще-то говоря, Дом Атто мог присоединить к себе этот утёс и руины, если бы пожелал. Но скверная репутация Юла делала его не обитаемой человеком территорией.

Итлотис решительно шла по грубой дороге и прислушивалась к крикам сипар, одновременно изучая утрюмую громаду Юла. Она думала, что войдя в сон Ослэна, тут же встретится с ним, но, по-видимому, это было не так. Прекрасно, она выследит его, пусть даже след приведёт к Юлу. В её мозгу росла уверенность, что так надо, несмотря на горячее желание оказаться где-нибудь в другом месте.

Когда она подошла к внешней стене, громадные блоки, из которых состояла стена, только усилили её тревогу. В стене были ворота, это она знала. И очень странно, что они смотрели не в глубь страны, а на море. И если она желала добраться до них, то должна была теперь идти по опасной дороге вдоль края утёса.

Собственно, это была не дорога, даже не тропа. Здесь не было ничего похожего, это всегда сбивало с толку экспертов народа Итлотис. Почему в стене только одни ворота, да и те выходят не на какую-нибудь достаточно впечатляющую, под стать стенам, дорогу? И внизу не осталось никаких следов гавани, никаких признаков, что здесь когда-либо был порт.

Итлотис колебалась, с сомнением глядя на путь перед собой; это несколько порастрысло её самоуверенность. Девушка начала этот поиск в убеждении, что её опыт и тренировка подготовили её к любым действиям. В конце концов, она же первоклассный агент... со множеством удачно выполненных дел за плечами. Но она всегда раньше действовала в нормальном мире... нормальном в смысле реальности. А здесь она чувствовала, что всё больше и больше отклоняется в сторону от привычного мастерства и пренебрегает осторожностью.

Р е а л ь н ы й мир... Итлотис глубоко вздохнула. Она должна заставить себя признать, что в данный момент это и есть реальный мир. Если она вновь не обретёт свою

самоуверенность, то окончательно пропадёт. В конце концов, многие планеты, где она работала, были жуткими и страшными. Следовательно, нечего думать, что это — иллюзорный Бинольд, а просто представить как один из странных миров. Если она сумеет держаться этого представления, она овладеет ситуацией.

Путь вперёд оказался очень тяжёлым, и она не знала, наблюдали ли за ним с Юла... Бросив взгляд на окна, Итлотис ничего в них не увидела. Однако её не оставляло ощущение, что за ней наблюдают.

Вздёрнув подбородок, Итлотис плелась вперёд. Пространство между краем утёса и стеной казалось очень узким, прибор — очень громким. Она прижалась спиной к стене и осторожно скользила вдоль неё, боясь оступиться и упасть вниз.

Здесь оказалось множество каменных выступов, и у каждого она останавливалась. Вдруг она резко согнулась и юркнула в укрытие с бьющимся сердцем и затаив дыхание: над волнами парили не только сипары!

Кем бы ни были эти летающие существа, они летали с такой скоростью, что Итлотис только диву давалась. И направлялись они к воротам, куда пробиралась и она. Как стрелы, выпущенные из лука, они влетали в ворота, даже не снижая скорости.

Машины или какие-то живые существа? Итлотис не могла решить этот вопрос. У неё осталось смутное впечатление крыльев и сверкающего металлическим блеском тела между ними. Создания человеческих рук... или живые?

Её испугало мимолётное движение — наверху, и она подняла глаза. Там, прямо над ней, кто-то двигался в окне.

Итлотис откинулась к стене, укрывающей её. Да, в открытом окне появились голова и плечи. И если сравнивать размеры, то либо незнакомец, либо окно были с явно нарушенными пропорциями, потому что тело казалось карликовым в проёме окна.

И он влез на подоконник!

Итлотис затаила дыхание. Не хочет ли он прыгнуть? Зачем? Но нет, он двигался осторожно и потихоньку спускал ноги вниз. Видимо, он нашёл для них какую-то опору, но как он рискует! Человек плотно прижался к стене

и дюйм за дюймом спускался вниз, ошупывая руками и ногами камни в поисках захвата.

Итлотис вся напряглась, сопереживая напряжению этого спуска. Ей казалось чудом, что незнакомец отыскивал себе путь. Но он спускался уверенно, хотя и медленно, каждый раз находя поддержку для ног и тела.

Итлотис чуть отошла от своего укрытия, потому что человек опасно завис как раз над ним. Она подняла руки и провела ими по поверхности стены; её пальцы погрузились в нечто вроде ниши, вырезанной так хитро, что она явно предназначалась для того, чтобы служить невидимой лестницей.

Девушка отступила ещё на шаг, чтобы видеть, как человек спускается. Что-то знакомое показалось ей в форме головы, в посадке плеч. Её глаза, привыкшие оценивать такие точки, опознали его.

Ослэн!

Облегчённо вздохнув, Итлотис стала просто ждать. Теперь оставалось лишь завязать контакт, объяснить всё и прервать сон. И они вернутся в реальный мир. Ведь Фустмэм признала, что усилия мастера находятся в равновесии с желанием Ослэна, так что он может проснуться, как только пожелает.

Возможно, он уже выполнил задачу, что привела его в этот древний Юл. Но в любом случае, сообщение Итлотис само по себе достаточно важное, чтобы он не задерживался здесь.

Проверяя себя в опознании, она отметила, что одежда на Ослэне совсем не такая, какую она когда-либо видела. Она плотно облегалa его тело, но была эластична и как бы сделана из мелких чешуек, слегка находящихся одна на другую. Голыми оставались только руки и ноги. Кожа была такая же тёмная, как и камень, по которому он полз. Волосы были гладкие, тёмные. Хотя Итлотис ещё не видела его лица, она знала, что Ослэн обладает хорошо очерченными чертами своего клана; он, вероятно, мог бы считаться красивым, если бы в три-ди, где она его видела, присутствовало хоть какое-нибудь выражение, освещавшее тупое, неподвижное изображение.

Он опустил голову и закончил свой спуск прыжком. Приземлившись, он глубоко вздохнул. Итлотис угадывала, как дорого стоил ему этот спуск по стене.

Некоторое время он оставался на четвереньках, тяжело дыша и свесив голову.

— Глава клана Ослэн! — официально произнесла Итлотис.

Он резко поднял голову, словно его приветствовало какое-то морское чудовище. Его взгляд сконцентрировался на Итлотис, он медленно встал на ноги и прислонился к стене. Руки его сжались в кулаки, готовые отразить атаку, блестящие зелёные глаза сузились. Теперь в его лице не было недостатка в выражении! Итлотис видела в нём нарастающую злобу. Затем глаза его полузакрылись, кулаки упали по бокам, как если бы он не увидел в ней той опасности, какую ожидал.

— Кто ты? — его вопрос прозвучал почти так же монотонно, как у Фустмэм; возможно, он не хотел высказывать никаких эмоций.

— Сыскной агент Итлотис Сб-Кейт, — ответила она. — Глава клана Ослэн, ты очень нужен...

— Глава клана? — перебил он. — Значит, Нэтон умер?

— Во втором Ледяном месяце, глава клана. Ты очень нужен на Бинольде, — Итлотис вдруг поразила странность их теперешнего положения. Ведь они и так на Бинольде! Но, к сожалению, мир сна — не то что мир реальности. А то можно было бы сэкономить массу времени. — Ты должен уладить не только дела клана, — продолжала она. — Нужен новый договор на продукцию рудников, и Совет очень торопит.

Ослэн покачал головой. Лицо его приняло снова выражение тревоги и злобы.

— Нет, агент, ты не вытащишь меня отсюда, — он подошёл ближе.

Итлотис невольно отступила на шаг.

— А теперь, — сказал он, как кнутом щёлкнул, — уходи из моего сна! — он словно ударял её каждым словом.

Однако его открытая оппозиция вызвала быструю реакцию. Итлотис больше не отступала, а твёрдо решила стоять, ожидая его приближения. Не впервые она встречалась с не имеющей желаний добычей. Его отрицательная поза укрепила её.

— Это дело Совета, — резко заявила она. — Если ты не...

Он засмеялся... Ослэн откинул голову и смеялся, хотя его смех был явно вызван яростью.

— Совет и ты, сыскной агент, что вы предполагаете сделать? Можешь ли ты вызвать сюда вооружённого человека, чтобы вывести меня — о т с ю д а?

В уме Итлотис мелькнуло видение ещё одной кушетки, ещё одного мастера, если бы они могли уместиться в комнате, и солдата, готового к транспортировке. Это было явно невозможно. В данном случае она должна действовать только сама.

— Видишь, — он сделал к ней ещё один шаг, — имеет ли Совет здесь хоть какой-нибудь авторитет? Ведь сам Совет находится в весьма отдалённом будущем.

— Ты не хочешь понять, — Итлотис оставалась внешне спокойной, — это же дело величайшей важности и для тебя тоже. Твой брат Ларе и Совет должны иметь тебя на Бинольде в День Высокого Солнца. У меня есть права отправить тебя на ближайшем гиперкорабле.

— У тебя вообще ничего нет! — снова перебил её Ослэн. — Это м о й сон, и только я могу прервать его. Тебе об этом говорили?

— Да.

— Ну, стало быть, ты знаешь. И ты теперь — моя пленница, со всей своей властью и полномочиями, пока добровольно не согласишься, чтобы я отослал тебя обратно.

— Без тебя я не уйду! — отвечая так, Итлотис подумала, что она, возможно, делает роковой выбор. Но она не собиралась так легко сдаваться, как он, по-видимому, предполагал. — Значит, ты хочешь, чтобы тебя считали отказавшимся от управления кланом вообще? — быстро добавила она. — В этом случае у Совета исключительная власть, и...

— Тихо! — он быстро повернул голову к стене Юла, и так явно прислушался, что она сделала то же.

Откуда это низкое гудение? То ли реальный звук, то ли вибрация через камни, на которых они стояли — трудно было сказать.

— Назад! — Ослэн схватил девушку за руку и потащил за собой, пока они оба не прижались к стене. Он всё ещё прислушивался, склонив голову набок.

— Что это? — спросила она шёпотом.

— Рой. Молчи!

Весьма малоинформативно. Но его напряжение передалось ей и заставило последовать его примеру. Это был сон Ослэна, и Ослэн вышел из Юла — значит, ему виднее.

Взрыв света, вроде огня тревоги, пролетел над морем. Ещё и ещё вылетали из ворот вспышки и проносились над волнами с такой скоростью, что Итлотис видела только нечто вроде жёсткого излучения. Всё это быстро исчезло, затерявшись высоко над водой.

Поскольку Ослэн стоял вплотную к Итлотис, она почувствовала, как напряжение ушло из его тела. Он глубоко вздохнул.

— Ушли! Теперь безопасный период.

— От чего безопасный?

Ослэн взглянул ей прямо в глаза. Итлотис не очень понравился этот испытующий взгляд, он как бы хотел прочесть её мысли, и это её возмущало. Она не стала ждать ответа на свой вопрос, а повторила свой собственный, так спокойно, насколько могла.

— Если ты теперь же не разобьёшь сон, ты потеряешь Атто. Совет назначит главой клана Ларса, не тратя времени зря.

Его улыбка была такой же яростной, как и его недавний смех.

— Ларс — глава? Возможно... если в Атто останется хоть что-нибудь, чем ему править.

— Что ты имеешь в виду?

— Как ты думаешь, зачем я здесь? — спросил он. — Зачем я пересёк половину Галактики и нашёл мастера снов, который привёл меня в прошлое Юла?

Его взгляд всё ещё держал девушку. Его руки опустились на её плечи и трясли её, и этот жест подчёркивал его слова.

— Ты думаешь, Юл в нашем мире — развалины, бесхозное место? Люди повторяют это с тех пор, как первые поселения основались на Бинольде. Но Юл — не просто разрушенные стены и ощущение страха, нет, это жилище чего-то очень древнего... и опасного.

Он был уверен в этом, она слышала искренность в его голосе. Но что это? У Итлотис не было возможности задавать вопросы, потому что из Ослэна слова лились сплошным потоком.

— Я побывал в этом Юле. Я видел... — он закрыл глаза,

изгоняя какое-то видение. — Наш Юл на поверхности планеты разрушен временем на три четверти. Но то, что находится в сердце Юла, не умерло. Оно спит, но начинает просыпаться. Я не один год размышлял об этом, искал по всем отчётам. В прошлом году я рискнул принести в руины сканер и послал данные в центральный компьютер. Хочешь знать, каково было его заключение? — он снова встряхнул её. — Так вот, новые туннели рудников, протянувшиеся на восток встревожили, разбудили не что, и оно готовится возродиться...

Итлотис понимала: он горячо верит в то, что привело его сюда, а у неё нет никаких аргументов, которые он захочет выслушать — фанатизм полностью овладел им.

— Возродиться? — повторила она. — Но что это такое?

— То, что когда-то наполняло Юл жизнью. Ты сама видела, как вылетел его рой; так вот, это лишь тысячная часть того, что может произвести Юл. Эти летающие существа — суть энергия, и они питаются энергией. Если бы одно из них приблизилось к нам, наши тела превратились бы в пепел. А здесь существуют и другие его части. То, что живёт в Юле, может принимать разные формы, и все они полностью чужды и опасны нам.

Люди или существа похожие на людей, построили Юл и те города, следы которых мы находим на нашем Бинольде. Затем... пришло ОНО. Может быть, оно появилось в результате неправильно прошедшего эксперимента, может, вылезло из другого измерения, из другого мира... Об этом нет сведений.

Но те, кто обнаружил его, объявили его богом и питали его жизненной энергией, пока оно не выросло до абсолютного властителя всей планеты. И тогда ОНО сожгло всех людей планеты, поскольку не нуждалось в них больше, или думало, что не нуждается.

Но когда жизненной энергии не стало, ОНО начало слабеть и уже не кружилось по всей планете, а вынуждено было вернуться на свой континент, а потом — в один только Юл. ОНО испугалось и приготовило себе гнездо, где и залегло в спячку... на многие годы. Лучи, ищущие руду, разбудили его и наполнили новой энергией. ОНО снова стало расти. И теперь Бинольд для него — новая пища. И...

— Ты должен предупредить Совет! Разбуди нас!
Он покачал головой.

— Ты не поняла. Это чудовище не может быть уничтожено в наше время. Оно сожрёт мозг тех, кто окажется перед ним, отнимет жизненную силу их тел. Защиты от него нет. Поразить его можно только в прошлом. Если его запечатать в его гнезде, оно умрёт с голоду, и тогда Бинольд будет свободен.

Итлотис вздрогнула. Не иначе, Ослэн сошёл с ума! Он же знает, что это сон! Что можно сделать во сне? Может, если она слегка посмеётся над ним...

— Я собрал все сведения, — продолжал он, — и дал их этому мастеру снов. Мастер может использовать их как фон для сна. Клиенты часто хотят побывать в прошлом. И она сосредоточилась на моих записях.

— Но ведь это же сон! — запротестовала Итлотис. — Ты не в реальном прошлом Бинольда, и ты не можешь ничего сделать...

На этот раз он встряхнул её что было силы.

— Не могу? Но смотри и увидишь! Здесь измерение на измерении, мир на мире. И вера даёт нам реальность. Я вижу, что этот Бинольд предшествует нашему Бинольду, — Ослэн отвернулся к стене. — ОНО послало своих питателей и сосредоточилось только на них. Моё время настало! — и он начал подниматься по стене.

Итлотис не успела остановить его, но и не могла бросить этого сумасшедшего. Если она пойдёт за ним, для виду согласившись, что он говорит правду, то, может, ей удастся уговорить его прервать сон? С тех пор, как она вошла в эту фантазию, она чувствовала, как с неё слетает её спокойная компетентность. И ей оставалось только цепляться за надежду, что она сможет в дальнейшем повлиять на Ослэна, если останется с ним.

Она села на камень и разулась. Цепляясь пальцами рук и ног за впадины, она поползла по стене древнего Юла.

К счастью, она не боялась высоты, но старалась не смотреть вниз. Ей было страшно, но она всё же лезла дальше. Ослэн уже влез в окно и протянул ей руку, чтобы помочь. И вот они спустились с широкого подоконника в комнату с тёмными углами.

— Хорошо, что ты поднялась сюда, — заметил он, —

иначе ОНО могло почувствовать твоё присутствие. Но веди себя тихо, потому что ты и представить себе не можешь, чего может стоить тебе твоя глупость — войти в мой сон.

Итлотис подавила злость. Это сумасшедший. На него нельзя повлиять никакими аргументами. Поэтому она решила не протестовать и кралась за ним вдоль стены, поскольку он явно избегал центральной части комнаты.

Голые каменные стены, пол, потолок. Свет шёл из окна. Ослэн не прошёл к двери, которую Итлотис видела в противоположной стене. Он остановился на полпути и стал ощупывать стену, вытянув руки вверх, словно собираясь лезть на неё.

Однако он не полез вверх, как подумала было Итлотис, да и это было бы без толку, потому что высокий потолок выглядел совершенно целым и крепким. Раздался скрипучий звук, и три массивных блока стены подались назад, открывая тёмное отверстие.

Откуда Ослэн знал это? Ну, конечно, во сне воображаемый переход сквозь стену вполне возможен. Но чувство реальности этой тёмной комнаты продолжало воевать с логикой. Как может сон казаться таким реальным?

— Иди, — прошептал он и толкнул её в проход. Она не сразу двинулась, пыталась протестовать, но блоки снова повернулись и закрыли их в темноте, тем более ужасной, что теперь у Итлотис появилось неуловимое ощущение вредности того, что жило в Юле.

— Здесь лестница, — он сильно сжал её запястье, — я пойду первым, держись рукой за стену.

Он выпустил её руку. Теперь Итлотис слышала только приглушённые звуки его шагов. Пути назад не было, оставалось только следовать приказу. Стиснув зубы, испуганная более, чем когда-либо в жизни, девушка осторожно скользила одной ногой вперёд, ощупывая каждую ступеньку.

Этот спуск стал настоящим кошмаром: она измучилась и покрылась потом. Чудо ещё, что тут был какой-то воздух. А лестница продолжалась бесконечно.

С тех пор, как они вышли из комнаты наверху, Ослэн не произнёс ни слова. Итлотис не решалась прервать молчание, потому что у неё создалось впечатление, что так

осторожно они идут из-за великого страха перед опасностью, которую нельзя предупреждать о своём присутствии.

Прикосновение к руке заставило её слегка вскрикнуть.
— Тихо!

Он подтянул её к себе. Голые ноги девушки погрузились во что-то мягкое, как будто пыль столетий осела на этом тайном пути. В абсолютном мраке Итлотис с радостью цеплялась за Ослэна, потому что боялась даже подумать, что будет, если она утратит контакт с ним. Наконец он отпустил её руку и сказал:

— Дай мне пройти, я открою дверь.

Итлотис, дрожа, посторонилась. Впереди появился сероватый свет. После их путешествия в темноте этот свет показался ей ярким сиянием. Через него прошёл тёмный силуэт Ослэна. Итлотис поспешила за ним. Они оказались в комнате, почти вдвое большей той, его наверху, но потолок здесь был много ниже, и стены слева не было, так что пространство оказалось ещё больше. Но оно не было пустым. Свет шёл отсюда, и Итлотис не могла определить его источник. При этом свете ясно был виден огромный парк колёсных машин.

Ослэн остановился и чуть повернул голову вправо, как бы прислушиваясь. Затем он махнул ей и прошёл к машинам.

Там оставалось лишь узкое пространство вдоль стены. Ослэн шёл так быстро, насколько позволяла загромождённость места. Он время от времени останавливался и осматривал одну из этих странных машин, но каждый раз, видимо, неудовлетворённый, шёл дальше.

Наконец они дошли до другой открытой стены, и он резко остановился. Ноздри его расширились, как будто он услышал предупреждающий запах. Так собаки нюхают след.

Прямо перед ними стоял другой странный экипаж, и Ослэн подошёл к его кабине. Когда Итлотис двинулась за ним, он жестом отогнал её. Чутьочку возмущённая, она смотрела, как он садится на сидение водителя и изучает приборную панель.

Наконец он кивнул, как бы в ответ на собственные мысли, и снова махнул Итлотис, и она поспешила сесть

рядом с ним. Сиденье оказалось мягким, но очень коротким и узким, так что их тела плотно прижались друг к другу. Ослэн едва дождался, пока она сядет, и тут же положил ладонь на кнопку управления.

Сначала по ним прошла вибрация, ворчание, потом машина как бы ожила и двинулась вперёд, к открытому проходу напротив. Итлотис не могла больше ждать:

— Что ты хочешь делать?

— Запечатать гнездо.

— А ты сможешь?

— Попробую, тогда узнаю. Другого способа нет.

Нечего было и пытаться отыскивать какой-то смысл в его навязчивой идее, пусть идёт в своей выдумке до конца. Тогда он, возможно, разрушит сон.

— Это мой второй визит в Юл. Я был тут раньше, в первой части моего сна. Но тогда здесь ещё были люди, обслуживающие ЭТО.

Он находился в глубоком сне уже два дня, когда Итлотис нашла его; видимо, сонные фантазии могут прыгать через года, если понадобится. Это было в какой-то степени логично.

Машина мчалась вперёд. Вскоре дорога начала разветвляться, но Ослэн не обращал внимания на боковые проходы и ехал всё время по прямой до тех пор, пока путь не преградила скала. Ослэн свернул влево.

Новая дорога была гораздо уже. Итлотис начала думать, что рано или поздно они и сами не протиснутся между стенами. Время от времени Ослэн останавливался, вставал ногами на сиденье и пытался пальцами коснуться потолка коридора.

На третьей попытке он издал тихое восклицание и сел, но не послал машину вперёд, а согнулся над панелью управления, вглядываясь в кнопки.

— Выходи! — приказал он, не глядя на Итлотис. — Отправляйся обратно! Бегом!

Приказе прозвучал с такой силой, что Итлотис повиновалась, ничего не спрашивая. Она только заметила, спрыгнув на пол, как его руки в сложном движении мелькают над кнопками.

Итлотис бежала по коридору. Вскоре она услышала за собой скрежет машины. Обернувшись, она увидела, что

Ослэн бежит за ней, а машина удаляется сама по себе. Радуюсь, что Ослэн не покинул её, девушка снова побежала. Он догнал её, схватил за руку и поволок за собой. Звук движущейся машины стал стихать. Они уже добежали до главного туннеля. Ослэн тащил её, не сбавляя скорости. Страх, бурливший в нём, передался и ей, хотя она не знала его источника, и изо всех сил неслась вперёд, словно смерть бежала за ними по пятам.

Они успели добежать до машинного парка, когда пол и стены затряслись. Затем послышался оглушительный грохот. А потом — мрак...

Что-то охотилось в темноте. Ярость, бившаяся в глубине. Итлотис пряталась от этой ярости, от идущей гигантской злобы. Трясаясь от страха, она открыла глаза. В дюйме от её лица застыло другое лицо, которого она почти не видела. И голос её прозвучал слабо, как бы издалека:

— Глава клана Ослэн...

Она пришла сюда искать его, а теперь кто-то, какое-то существо ищет её!

Его глаза открылись. Он смотрел на девушку, и на его лице лежала та же тень страха, что и у неё. Губы его зашевелились, но звука почти не было.

— ОНО знает! ОНО ищет!

Опять его навязчивая идея! Но, может быть, воспользоваться ею, чтобы спасти их обоих? Она схватила руками его голову, заставляя его смотреть на себя. Слава Всем Силам, у него ещё осталась искра здравого смысла.

Медленно, останавливаясь после каждого слова, собрав свою свою волю, она приказывала:

— Прерви сон!

Что мелькнуло в его глазах? Сознание или тот же иррациональный и дикий страх, который владел теперь и ею, тащил его в глубины его фантазии, куда она не могла за ним последовать. Итлотис снова повторила — твёрдо и спокойно, как только могла:

— Прерви сон!

Страх мучил её. То, что искало, подбиралось всё ближе. Но впасть самой в безумие, в ужас было хуже всякой боли. Он должен! Он...

А затем...

Итлотис заморгала. Свет, гораздо ярче, чем в подзе-

мелье Юла. Она смотрела в серый потолок. Не было запаха пыли, запаха веков.

Она вернулась обратно!

Чьи-то руки сняли с неё шлем для сна. Она села, всё ещё не решаясь поверить, что они выиграли, и быстро повернулась к другому дивану. Помощники сняли с Ослэна шлем, его руки неуверенно поднялись к голове, глаза были открыты. Он с изумлением смотрел на Итлотис:

— Значит, ты была реальной?

— Да.

Неужели он и вправду воображал, что она — часть его сна? Её почему-то огорчила эта мысль. Она так рисковала, служа ему, а он думал, что она всего лишь плод его фантазии.

Ослэн сел и огляделся вокруг, как бы не вполне веря, что вернулся. Затем он засмеялся — не злобно, как в Юле, а торжествующе.

— Мы сделали это! — он стукнул кулаком о кушетку. — Гнездо завалено, вот поэтому ОНО так бесилось. Юл мёртв!

Он принёс свой бред с собой, навязчивая идея всё ещё владеет им! Итлотис прямо тошнило от этого. Но Ослэн Сб-Атто пока ещё остаётся её клиентом. Она не могла, не имела права соглашаться с ним. Она удачно провела свою миссию, теперь пусть уж его семья возится с ним. Девушка повернулась к врачу:

— Глава клана в некотором помрачении.

— Я вовсе не в помрачении! — воскликнул Ослэн. — Подожди — и увидишь! Сама увидишь, Достопочтенная!

Хотя она и мучилась предчувствиями во время гиперпрыжка на Бинольд, Ослэн более не упоминал про свой сон. Он не пытался навязать ей свою компанию и в основном отсиживался в каюте. Но когда они приземлились в космопорту своей родной планеты, он стал командовать с таким авторитетом и уверенностью, что подавил Итлотис.

Прежде чем она успела что-либо сказать, он кинул её на борт частного флайера с эмблемой Атто. Его действия не столько злили, сколько смущали её. Она надеялась, что за это время он избавился от эффекта сна, но теперь видела, что он по-прежнему одержим. Хотя на Бинольде не было мастеров сна.

Ослэн повернул флайер на север и бросил взгляд на Итлотис.

— Ты считаешь, что меня нужно лечить, так, Итлотис?

Она не ответила. За ними, наверное, следуют. Она ухитрилась послать сигнал, прежде чем они вылетели из порта.

— Хочешь доказательств, что я в здравом уме? Так я дам тебе их!

Он выжимал из флайера предельную скорость. Впереди по курсу лежал Атто, но и Юл тоже. Что хочет сделать Ослэн?

Меньше чем через час Итлотис получила ответ. Маленький флайер полетел над развалинами. Но теперь это был совсем не тот Юл, что она видела при своём первом полёте в Атто. Осталась только часть внешней стены, а всё внутри стало обширной впадиной, где валялось лишь несколько разбитых блоков.

Ослэн выключил энергию и посадил машину в самом центре впадины. Он быстро выскочил из кабины и помог выйти Итлотис. Не отпуская её, он спросил:

— Видишь?

Слово гулко отразилось от останков внешней стены.

— Это... — Итлотис должна была согласиться, что это был новый Юл. Но как поверить, что действия, совершённые во сне, да ещё на планете за много световых лет отсюда, могли произвести подобные разрушения?

— Заряд добрался до гнезда! — воскликнул он возбуждённо. — Я поставил энергию краулера на предел. Когда она дошла до опасной отметки, краулер взорвался. И тогда у НЕГО не осталось другого места спать, кроме этого!

Итлотис пришлось верить своим глазам. Однако то, что она видела, противоречило всякому здравому смыслу. Но какой бы взрыв ни произошёл здесь, он был не неделю, не месяц назад, а по всем признакам в древние времена! Как могли они повернуть время вспять? Итлотис стало казаться, что э т о сон, какая-то кошмарная галлюцинация.

А Ослэн продолжал:

— Чувствуешь? ЭТО ушло. Теперь здесь уже нет иной жизни.

Она стояла, а он обнимал её за плечи. Однажды в

детстве, когда её только начали тренировать для службы, её привезли в Юл. Тогда можно было только войти за внешнюю стену, сделать несколько шагов, и то никто не решался оставаться здесь надолго. И она хорошо помнила это. Да, Ослэн прав! Здесь больше нет этой гнездящейся угрозы. Здесь только крики морских птиц и далёкий прибой. Юл мёртв, в нём давным-давно нет жизни.

— Но ведь это был с о н! — растерянно протестовала она. — Только сон!

Ослэн медленно покачал головой.

— Это была реальность. Теперь Юл свободен. Мы здесь, чтобы доказать это. Я сказал тебе однажды: «уйди из моего сна!» Я был не прав. Это был и твой сон тоже. А теперь это наша реальность... пустой Юл, и свободный мир. А со временем, возможно, кое что ещё...

Его руки сжали девушку крепче. Не в злобе, не в страхе. И Итлотис, встретив блестящий зелёный взгляд, поняла, что сны... некоторые сны никогда полностью не отпускают тех кто их видел.

КОШМАР

Глава первая

— Но я совсем не знаю этого сектора! — младший в комнате слегка завертелся в шезлонге, словно это полунаклонное сидение, дающее максимум комфорта, вдруг стало для него неудобным.

— Именно поэтому ты и необходим для этой операции, — холодно прозвучал ответ одного из троих, сидевших перед ним — тристанина, чей оперённый гребень слегка опустился с возрастом.

— Землянин из богатого клана, путешествующий в этом секторе, — сказал человек на сидении слева от тристанина, — вполне может посетить Ти-Кри и заказать услуги мастера снов без всяких вопросов и комментариев; все знают, что наш мультикредитный класс падок на новые эксперименты. Твои тылы будут, разумеется, безупречны.

Бар Никлас пожал плечами. Он никогда не имел случая придраться к департаменту службы. Любой тыл, каким они обеспечивали, может быть проверен и перепроверен безнаказанно для того, кто пользуется им, ему могут дать биографию, начиная со дня рождения, и в ней не найдётся ни одного изъяна. Его беспокоило отнюдь не это. И он откровенно высказывал свой основной аргумент:

— Я не эспер.

— Поэтому тебя и выбрали, — ответил Рион и пояснил: — Ни один настоящий эспер, даже если на минуту допустить, что они не проверят тебя тут же, не добьётся успеха.

— Значит, я — приманка... и, похоже, невосполнимая?

Грегор Нун, единственный настоящий человек в этом внутреннем совете, улыбнулся. Бару показалось, что в изгибе его губ затаилась насмешка. Про Нуна говорили — и он, кажется, радовался этому — что он бывает абсолютно бесчеловечным, когда дела касаются назначений.

— Очень хорошая приманка, — тихо сказал он. — Судя по анкетным сведениям, ты как раз подходящий тип для этой ловушки, где бы и как бы она не работала.

— Большое спасибо, командир! — огрызнулся Бар. — А если я скажу — нет?

Нун пожал плечами:

— Конечно, это возможно. И это твоё право.

«А ты ведь хочешь, чтобы я отказался, — мысленно произнёс Бар. — Ты давно ждёшь случая схватить меня за шкирку и вышвырнуть как в случае «да», так и в случае «нет».

И у него стало кисло во рту от этого сознания.

— Значит, я иду без всякой защиты; а что если я вернусь мёртвым? Узнаете ли вы больше, чем знаете теперь? Вы же не можете контролировать эти сны?

Это был полувопрос. Если они не могут контролировать их и вытащить его из сна до роковой минуты, вся операция принимает другой вид.

— Не совсем так, как ты думаешь, — в первый раз заговорил третий, сидящий прямо напротив Бара. Внешне он был настолько гуманоидным, что Бар мог бы принять его за потомка земных колонистов. Только его странные глаза без зрачков и тонкий пух, покрывающий видимые

участки кожи, выдавали чужака. — Но за тобой будет внешний присмотр. Нам вовсе не нужен ещё один убитый.

— Рад слышать, — иронически ответил Бар, обращаясь к Корпусному Мастеру Иллану.

Иллан сделал вид, что не слышит. И Гион продолжал:

— Мы обеспечим тебе мастера снов, о которой ты знаешь. Полагаю, тебе известно из полученного инструктажа, что мастера либо сдаются внаём, либо продаются из Улья. В случае смерти покупателя мастер должна вернуться в Улей, и половина её цены выплачивается клану бывшего хозяина. И если она снова идет в аренду, то только на точно согласованное время.

Осдейв, лорд Алэй, купил мастера снов десятого разряда два года назад. У него была последняя стадия каферлихорадки. Два дня назад он умер. Его мастер, Яхач, должна уже вернуться в Улей. По обычаю, такой мастер не работает до конца года, потому что каждый собственник или арендатор программирует мастера по своему вкусу, и ей просто необходимо отдохнуть, прежде чем программироваться снова.

Однако Фустмэм не любит праздных мозгов. Она разрешит воспользоваться Яхач с условием, что покупатель времени девушки согласится на любой сон и не будет давать каких-либо определённых инструкций.

Ты прибудешь туристом, желающим просто попробовать сон, как часть дорожных впечатлений. Таким образом, Яхач отвечает твоим целям так же, как и любая другая. Ты слышал о ней, и у тебя отличная причина просить именно её...

Гион сделал паузу, и Бар тут же задал вопрос:

— Как же я мог слышать о ней, если никогда не бывал в Ти-Кри?

— Осдейв покидал планету год назад. Он посетил Милитис, там ты с ним и познакомился. Он так много рассказывал о снах, что тебя соблазнили его слова, и ты приехал в Ти-Кри.

Бар слегка нахмурился. Он не сомневался, что эта, якобы состоявшаяся встреча на Милитисе будет так документально оформлена, что он и сам в неё поверит. Но его смущало другое:

— А можем мы верить Яхач?

— Она агент... или будет им, когда вернётся в Улей, — объяснил Нун. — С помощью некоторых пластических операций она станет Яхач; она эспер, и некоторое время подвергалась обучению снам. Мы занимались ею задолго до того, как компьютер выбрал тебя.

Бар признал, что эта неизвестная рискует куда больше, чем он. Мастера снов были таковыми от природы, хотя и подвергались усиленной тренировке, чтобы добиться статуса А- или Е-мастера, готового провести любого по своим воображаемым мирам.

— Да, она одна из наших, — снова вступил Гион, — и она была свободна, когда мы встретились. Мы могли на это только надеяться в таких обстоятельствах. Пять смертей, и все необъяснимые! — в первый раз тристанин выказал эмоции. — И все ведущие люди: два дипломата, инженер, недавно сделавший открытие, настолько обогатившее его, что он основал собственную исследовательскую лабораторию, и двое очень богатых людей, чья смерть во сне привела в замешательство чуть ли не всю Галактику. Кто-то мутит воду, чтобы ловить в ней рыбку.

— Может, у них было больное сердце... Я слышал, что сны действий переносятся тяжело, — намекнул Бар, хотя и сам не верил в это.

Нун фыркнул:

— Ты не получишь сна в Улье, если не представишь Фустмэм свидетельства о здоровье при первом же визите. Они могут не обращать внимания на то, что случится с владельцем мастера, но при единственной экскурсии в сон в Улье предусматривается, чтобы такого рода вещи не происходили. И в Улье не хотят, чтобы их обвиняли в убийстве клиентов. Это разорит их бизнес.

— Однако же, это случилось, — уточнил Бар. — Пять раз.

— Пять раз за один планетарный год, — согласился Гион.

— Но раз произошло пять смертей, вряд ли там играли опрометчиво, — пробормотал Бар скорее себе, чем троим другим. — Я думаю, они должны были ждать властей для расследования.

— Власти планеты, — ответил Гион, — сделали всё, что могли. Но они не могут закрыть Улей, не могут даже

проверить мастеров, потому что это стало бы роковым... А Ти-Кри живёт мастерами сна. Умершие все были инопланетниками, и поэтому местные власти не слишком тревожились. К тому же, Виланд и Бивид путешествовали инкогнито и неофициально. Но, во всяком случае, власти позаботились вызвать нас, и это было с их стороны чрезвычайным шагом, потому что местные жители недовольны высокой степенью мысленных контактов. Нас предупредили, чтобы мы не появлялись там официально, и что власти не окажут нам никакой открытой помощи, если мы начнём официальное расследование.

Бар невесело усмехнулся.

— Они знают насчёт нашего подсадного мастера?

— Нет! И не узнают. Улей имеет монополию на свою продукцию. Если станет известно, что мастер снов может быть произведён искусственным образом, вся планета возмутится. Существование таких девушек имеет религиозное значение, и мы не рискуем вмешиваться.

— Но что делает меня таким важным, чтобы они попытались сыграть в шестой раз? — поинтересовался Бар.

— Бар Никлас собирается приобрести в собственность астероид, который состоит почти из чистого билотита, — ответил Гион.

Бар недоверчиво поднял брови:

— И такая вещь действительно существует?

— Да, она существует. Астероид сейчас под охраной Патруля. А все права на него записаны на твоё имя. У тебя почти нет родных... и, — Гион сделал паузу, как бы желая подчеркнуть то, что собирается сказать, — к одному из твоих партнёров по «Предприятиям Никласа» уже подъезжали... очень осторожно, но с достаточной серьёзностью, чтобы выяснить, будет ли астероид в случае твоей смерти включён в твоё общее состояние. Я не сомневаюсь, что уже написано — возможно, не на Ти-Кри, поскольку это было бы слишком заметно — завещание, готовое повернуть это состояние на любого, кто бы ни домогался твоей жизни.

— Ловко это вы приладили меня под молот, — нахмурился Бар. — Итак, я — отличная приманка для убийцы. Ладно, когда я должен добровольно лечь, готовый и ожидающий, на алтарь Улья?

— Тебя проинструктируют ещё раз, — сказал Гион. —

Потом ты полетишь в Ти-Кри на собственном космическом крейсере. Там ты стараешься быть очень заметным, как человек с громадным состоянием, ищущий необычного. Я думаю, затруднений в том, чтобы тебя хорошо встретили в Улье, не будет, и тогда ты попросишь Яхач...

— И впаду в прекрасный мир смерти, — заключил Бар. — Благодарю вас всех за это замечательное назначение. И помяну вас в своих снах!

Глава вторая

Фигуру девушки скрывало тускло-серое мешковатое платье, а волосы были острижены так коротко, что длина их была меньше половины пальца — для того, чтобы шлем для сна плотнее прилегал к голове. Лёгкое тело, соскользнувшее с привезшего её паланкина, могло быть любого возраста — от подросткового до пожилого. Лицо её ничего не выражало, и она двигалась как во сне. Стражница распахнула дверь и девушка вошла в тихую, занавешенную тайну Улья.

Когда она шла по центральному залу, её глаза пристально смотрели в одну точку, но внутренне она замечала и узнавала то, чего никогда не видела, но что было укоренено в ней интенсивным мысленным инструктажем.. Теперь она была не Ледия Тангели, а Яхач, А-Мастер десятого класса. Чуть более двух лет назад она оставила Улей и теперь вернулась в него. К счастью, в мозг настоящего Мастера удалось войти так глубоко, что дублирующей было знакомо всё, что она видела, и она хорошо знала ритуал возвращения.

Яхач повернула к двери направо и бесстрастно остановилась, ожидая, чтобы проверяющий луч доложил о ней. Когда барьер убрався, она вошла.

Комната была маленькая, содержащая всего два стула — не шезлонги, а архаические стулья с жёсткими сиденьями. Похоже, что Фустмэм не собиралась создавать удобства для тех, кто хотел её видеть. Между стульями стоял пульт контроля памяти, легко доступный правительнице Улья. На одной стене висел пустой экран. На одном из стульев сидела сама Фустмэм, ожидавшая появление Яхач.

Она не поздоровалась с Мастером вслух, а только подняла руку, показывая, что Мастер может сесть на второй стул.

— Ты не торопилась прийти, — заметила Фустмэм. — Твой лорд умер четыре дня назад.

Она говорила довольно монотонно. Если её слова и означали вопрос, то вопросительной интонации они не имели. Если же они содержали упрёк, то и об этом можно было только догадываться.

— Меня не отпускал наследник моего лорда до тех пор, пока я не получила видеопослание, — в голосе Яхач тоже не прослеживалось сколько-нибудь выразительной интонации. Руки её вяло лежали на коленях. Она сидела как человек, всю жизнь бывший под приказом.

— Правильно. Улей должен был напомнить лорду Улфу, что наш контракт относится только к его предшественнику. Его нежелание отпускать тебя отмечено должным образом в записях. Может быть, он рассчитывал поторговаться... из-за твоего класса и того удовлетворения, какое получал Лорд от твоих снов. Но мы не торгуемся. И ты вернулась. Записи твоих снов внесены в архив. В настоящее время ты в бездейтельном режиме. Лорд Осдейв требовал многого; возможно тебе даже надо было бы подвергнуться стиранию памяти, — в глазах Фустмэм только теперь мелькнула тень каких-то эмоций. — Записи будут полностью изучены, я не хотела бы приказывать произвести стирание, если оно не необходимо.

Яхач оставалась с виду бесстрастной, но в ней проснулся инстинкт самосохранения... Предвидел ли такое Корпусный Мастер? Стирание памяти уничтожит всё, что в неё вложили. Если это случится, она и в самом деле станет Яхач...

— Тут есть кое-что... — тонкие губы Фустмэм отчеканивали каждое слово. — Мы получаем всё больше и больше клиентов нового типа — инопланетников, которые ищут незнакомых им ощущений. Знания, которые ты получила для лорда Осдейва, были действиями приключений. И ты можешь быть Мастером Улья, временно обслуживающим этих новичков. Они не скажут, что ты предлагаешь им хорошо знакомое.

— И у меня десятый класс, — сказала Яхач.

— Итак, на службе Улья? — Фустмэм кивнула. —

Договорились. Но ты должна пройти новый инструктаж, прежде чем снова пойдёшь в аренду вне Улья. Будь уверена, что тебя не понизят в разряде.

— Вы поведете меня в этом, как и во всём остальном, — ответила девушка уставными словами. Значит, Нун был прав — первый ход в её игре сделан.

— Ты настоящий Мастер снов, — проговорила Фустмэм также уставные отпускающие слова. — Я назначила тебе комнату Минтли Скос. Ты можешь пользоваться диском, твой кредит не ограничен.

Яхач встала и коснулась рукой лба. Фустмэм ответила тем же жестом. Неограниченный кредит для Яхач означал, что она ещё очень ценная часть торговли. Пока она шла по залу и поднималась на двадцать ступенек к следующей двери, она уже обдумывала, что должна теперь делать. И поскольку Фустмэм намекнула на службу, она имела право изучать всё, что может.

Библиотека лент, принадлежащих Улью, была наиболее эффективным хранилищем общей информации, собранной со всей Галактики, исключая Сектор Патруля. Рассказы путешественников с тысяч планет, история, удивительные повести — всё, что могло обогатить миры, создаваемые Мастерами сна для клиентов, было собрано в библиотеке Улья. Но можно ли определить, какие ленты заказывали подозрительные Мастера? Это единственное, что не смогли разнюхать для неё. Она знала имена этих Мастеров: Иза и Динамис. Обе были А-Мастерами, но предположительно, ни та, ни другая не имели десятого разряда и никогда не отдавались в аренду за пределами Улья. Память Яхач, высосанная так тщательно, как только умела наука Патруля, дала смутное изображение Изы, Динамис же оставалась совершенно неизвестна. Она была молода, из поздних Мастеров, чей талант достаточно выявился лишь в юношеском возрасте, а не с раннего детства, как у большинства тех, кого обнаруживали и брали в Улей для тщательного обучения.

Иза создала два сна, убившие её клиентов. По всем планетным законам она теперь была вынуждена перейти почти на растительное существование. Динамис повезло больше. Хотя для неё потребовалось стирание, Фустмэм настояла на длительном перепрограммировании.

Само сновидение не было чрезмерно сложным делом, хотя и было очень важным в этом мире. Машина связывала Мастера и клиента через шлемы, Мастер входила в состояние галлюцинаций, в которых клиент принимал деятельное участие. Тип действий выбирался им заранее. Он мог вернуться в прошлое, мог исследовать другие миры, путешествовать в воображаемом будущем. Если заказывался длительный сон, например, на неделю, то Мастера и клиента питали внутривенно. Но в любую минуту клиент мог потребовать пробуждения.

Однако пять человек спали до смерти, и так и не проснулись. Раз... может, два... такое могло случиться из-за неисправности машины, слабости сердца клиента или ещё какой-либо причины, вполне естественной, но пять — это уже слишком.

Яхач хорошо знала, что Фустмэм потребовала от властей проверки каждой машины; она требовала также, и в этом её поддерживали те же власти, удостоверения о здоровье от каждого будущего клиента. Результаты освидетельствования не могли быть подделаны. И закон Ти-Кри не хотел продолжения скандала, который зашёл слишком далеко. Мастера, долгое время пользовавшие местных жителей, лишь недавно стали главным увлечением туристов, и ценность этого правители планеты прекрасно понимали.

Яхач подошла к двери, на которой было нарисовано сказочное существо, упомянутое Фустмэм, и знала, что это одна из желаемых всеми сказочных комнат в этой части дома. Это показывало, что ценность Яхач в Улье пока ещё не уменьшилась.

Хотя эта комната считалась роскошной для тех Мастеров, кто не жил в Небесных башнях лордов, она была маленькой и мало чем привлекала. Там было ложе из подушек тусклого ровно-зелёного и серого цветов — ничто не должно отвлекать внимание Мастера от работы. У одной стены стоял экран для чтения со скользящим блоком, куда вставлялась лента, на другой стене — маленькая полка с рядом кнопок: Яхач могла заказать лёгкую, почти безвкусную, но высокопротеиновую и питательную еду, обычную для Мастеров.

За занавесом скрывалась маленькая личная ванна; занавес, как и ковёр на полу, тоже серые. Яхач села на ложе,

размышляя, нет ли у Фустмэм какого-либо тайного способа наблюдать за подопечными. Если да — то этого всё равно не узнаешь, так что надо быть в любой момент начеку.

Здесь было очень тихо, ни один звук не проникал извне, хотя Улей был переполнен. Опять-таки для того, чтобы Мастер мог без помех заниматься своими построениями. Видимо, тишина не производила на Мастеров давящего впечатления. Их жизнью был сон, а внешний мир казался им неинтересной тенью.

Она подошла к диску, заказала питьё и с благодарностью приняла чашечку горячей жидкости. У неё пересохло во рту, и она знала, что это обычная реакция на приближающуюся опасность. Сухость губ и языка, влажность ладоней предупреждали, что следует пустить в ход технику, которой она так долго обучалась.

Ждать всегда трудно. Если человек кидается прямо в действие, он пропадёт в нём. Но сидеть и ждать... Скоро ли появится другой игрок Гиона? Она даже не знала, кто он и насколько она может на него рассчитывать. А она не любит работать вслепую. Это совсем не походило на то, в чём она раньше участвовала. И с каждой минутой ей это нравилось всё меньше.

Глава третья

— ...я попросил бы эту Яхач.

Руки Фустмэм лежали на краю панели контроля памяти. Она одарила Бара немигающим взглядом, настолько безразличным, что он начал думать, не впала ли сама правительница Улья в какой-нибудь сон. Затем она заговорила без каких-либо модуляций в голосе:

— Вы говорите, что лорд Осдейв рассказывал вам о ней. Да, он нанимал её. Но вы должны понять, Лорд, что она ещё не перепрограммировалась на новые серии, поскольку вернулась в Улей всего два дня назад. Вы не сможете выбрать собственный сюжет...

Бар открыл поясной карман и достал серебряную кредитную пластинку.

— А я вовсе и не требую серий, установленных специально для меня. В сущности... мне просто интересно

посмотреть, как работает это... эти сны в Ти-Кри. Любая программа, сделанная ею для лорда Осдейва, вполне подойдёт и мне. Вы понимаете, я просто хочу попробовать.

Взгляд Фустмэм на несколько секунд перешёл на его кредитную карточку. Бар и сам отроду не держал в руках такую: неограниченный кредит на любой планете, где Совет имеет посольство.

— На единовременный сон, — сказала Фустмэм, — цена выше, поскольку Мастер не имеет обеспечения на будущее.

Бар пожал плечами:

— Цена не имеет значения. Но я хочу, чтобы это была Яхач. Осдейв столько наговорил об её снах, когда я виделся с ним в последний раз.

Фустмэм снова одарила его тем же невыразительным взглядом. Но её рука потянулась к одной из кнопок на маленькой панели и дважды нажала её. На видеоэкране мелькнул узор, не лицо. Она взглянула на него и положила руку на кредитную пластинку.

— Она ещё не прошла переподготовку. Ну хорошо, раз вы принимаете серию Осдейва, это можно сделать. У вас есть сертификат здоровья и стабильности?

Он подал ей кусочек перфорированного пластика. Она взяла его и сунула в щель контрольной панели. Серия щелчков — и узор на экране изменился.

— А разве в этом есть опасность? — решился открыто спросить Бар, разыгрывая инопланетника, незнакомого с процедурой Улья. Он считал такой вопрос вполне законным.

— А-Мастер десятого класса, — ответила Фустмэм, — может создать настолько живой сон, что тот целиком захватывает клиента. В таких случаях любая нагрузка на сердце или мозг может дать очень серьёзные последствия. А мы, естественно, не хотим этого. У нас есть штатный врач. Но окончательное решение прервать сон всегда остаётся за клиентом. Если сон вам неприятен, вы кладёте ему конец. Поскольку вы мысленно связаны с Мастером, вы тут же сообщаете ей, и она отпускает вас.

— Ну, тогда опасность минимальна.

— Так оно и есть, — по-видимому, Фустмэм не собиралась говорить о недавних роковых событиях в Улье. — Когда вы желаете получить услуги Яхач?

— Как насчёт того, чтобы прямо сейчас? Остальные пять дней я — гость лорда Эрлина, и я уверен, что он сделал приготовления, которые я не могу изменить.

Фустмэм держала двумя пальцами его кредитную карточку и снова посмотрела на Бара, но он был убеждён, что она не изучает его, а просто глубоко задумалась.

— Яхач свободна, это верно. Но мы должны сделать множество приготовлений. Сейчас у нас все комнаты для сна заняты. Но если вы согласитесь вернуться после полудня, мы всё устроим.

— Прекрасно, — Бар наклонился и выдернул кредитную пластинку из её пальцев. Ей явно не хотелось отдавать её. Бар мимолетно подумал, много ли таких пластинок она видела. Не так-то много людей, имеющих полный кредит по всей Галактике.

Он позавтракал в лучшем ресторане Ти-Кри и ел умеренно, выбирая из списка, предложенного ему, соответственно пластинке, которая столь привлекла хозяйку Улья. Было сделано всё, что можно, для обеспечения его личной безопасности (кроме отмены самой операции), но он должен был встретиться с неизвестным... и с неизвестным угрожающим.

Когда он вернулся в Улей, его сразу провели в комнату, почти полностью занятую двумя кушетками. Между ними стояла машина связи, и на одной кушетке уже лежала девушка в надвинутом до носа шлеме. Второй такой же ждал Бара. Мастер дышала спокойно, медленно, и Бар подумал, что она, может быть, уже уснула.

Две помощницы, одна из которых носила эмблему врача, приветствовали его и, как только Бар вытянулся на своей кушетке, закрыли ему глаза шлемом. Бар глубоко вздохнул. Всё! Возврата нет!

Он на мгновение потерял сознание в непонятном ощущении головокружения и переноса через пространство. Затем возник яркий свет, как будто он лежал без всякого шлема в открытом месте под жарким солнцем.

Бар медленно сел и осмотрелся. Такого он не ожидал... такой свободы тела и полнейшей реальности того, что видел. И для проверки он дёрнул пучок серо-зелёной травы. Та сопротивлялась, но вылезла, показав корни и красноватую землю. Это... было вполне реально!

Его окружали невысокие холмы или курганы. Они стояли кругом вокруг низины, в которой он лежал. На вершине каждого холма был укреплѐн стоячий камень, изношенный непогодой, но, конечно, поставленный здесь не природными силами. Местность была совершенно незнакома Бару, ничего похожего он не видел никогда.

Он медленно встал на ноги. А-сон обещал череду приключений. Ландшафт здесь несколько утрюм и устрашающ с виду, но, похоже, Бар пока был в полном одиночестве.

Его внимание привлѐк ближайший холм. С его вершины, конечно, можно увидеть больше, чем из этой впадины. И Бар полез на эту вершину, увенчанную камнем.

Высокий курган был покрыт такой же серо-зелѐной травой, какую он только что рвал. И она была мокрой и скользкой, так что он то и дело оступался и хватался за неё, чтобы не скатиться обратно на то место, где он вступил в этот воображаемый мир.

Поднявшись на гребень, он медленно повернулся, пытаясь составить представление о местности. Холмы со столбами продолжались бесконечными рядами к северу, как он предположил. К югу же их было немного, а дальше шло широкое открытое пространство, где лежало множество сваленных вместе камней, и это вызывало предположение, что они были останками зданий, давно рассыпавшихся то ли от времени, то ли в результате древнего бедствия.

Над этим каменным миром царила глубокая тишина. Однако откуда-то шла вибрация, не столько слышимая, сколько ощущаемая. Как будто сама местность медленно и тяжело дышала.

Бару захотелось крикнуть, издать какой-то звук, чтобы разорвать это спокойствие. Он не доверял тому, что видел, и что-то в нём предупреждало, что это... опасно, хотя он не мог уловить, что именно.

Его руки потянулись к поясу, вернее, к тому месту, где должен быть пояс, инстинктивно ища станнер, который носит в незнакомой местности любой осторожный человек. Но его пальцы скользнули по голой коже, и он впервые оглядел себя.

На нем больше не было почти фантастического костю-

ма, предназначенного для Бара Никласа, сверхбогача. И кожа его стала гораздо темнее. На нём оказались штаны из ткани стального цвета, видимо, эластика, почти так же плотно прилегающие, как и сама кожа. На ногах было что-то мягкое, как бы сделанное из тряпок, но на толстой тускло-красной подошве, а верхняя часть этой обуви была прострочена яркими красными нитками вдоль каждого пальца.

Через плечи шли два узких ремня; они перекрещивались на груди и скреплялись тут серебряной пластинкой с ладонь величиной, в которую были вставлены драгоценные камни, подобранные по оттенкам от глубокого красного до блестящего оранжевого. На плечах его лежали широкие полосы, тоже серебряные; на одной только красные камни всех оттенков, на другой — от жёлтого до оранжевого цветов. Эта одежда показалась Бару какой-то иноземно-варварской, хотя и выполненной весьма изящно, и он, конечно, никогда не видел такой.

Лёгкое движение в груди камней в руинах заставило его нырнуть за монолит, стоящий рядом с ним на вершине холма. Он впервые сообразил, какую глупость делает, так открыто показываясь здесь. Что-то перебегало от укрытия к укрытию среди камней, но так проворно, что Бар не мог ничего разглядеть. Он не был даже уверен, что это гуманоид.

Его одежда явно не предусматривала никакого оружия. Встав на колени позади камня, Бар начал осматриваться, нельзя ли чем-то вооружиться. В конце концов, он зажал в руке небольшой камень.

Обычный клиент Мастера снов готов к природе сновидения, поскольку сам её заказывал. Но Бар должен был принять программу, составленную Осдейвом и вложенную в псевдо-Яхач. Поэтому он не знал, чего ожидать, кроме неприятностей. Вполне возможно, что как раз сейчас эти неприятности и двигаются к нему.

Глава четвертая

Он там не один... Бар глубоко вздохнул, так крепко сжав камень, что грубая поверхность врезалась в кожу пальцев. Один прятался за двумя стоящими друг на друге камнями,

а второй двигался с той же текучей скоростью вправо, исчезая раньше, чем Бар мог заметить что-либо, кроме впечатления цвета, пронзительно-синего, быстро мелькавшего среди камней.

Он почему-то знал, что они охотятся за ним. Видимо, Осдейву нравился этот тип возбуждения, и он из-за болезненности в последнее время выбирал для себя во сне охоту и сражения.

Бар глянул через плечо на процессию курганов-холмов, устремлённых к далёкому горизонту. Может быть, следовало бы отступить к северу, раз он уверен, что эта игра в прятки будет смертельной. Но это только затянет действие, заложенное в сон. Нет, он останется на месте до тех пор, пока опасность не станет слишком сильной, чтобы управлять ею.

Возможно, они потеряли его из виду и были достаточно нетерпеливы, чтобы убраться прочь, потому что они двинулись дальше, к открытому пространству. И там, на некотором расстоянии друг от друга, но на одной линии, встали трое странных существ, неподвижные, как статуи, словно эта странность могла скрыть их присутствие.

Космический путешественник Бар давно потерял способность удивляться какому бы то ни было отличию от его собственного понимания норм. Но эти были достаточно необычны и привлекли его внимание.

Об их размерах трудно было судить на расстоянии, однако он решил, что эти трое выше его ростом. И это были птицы или, по крайней мере, птицеподобные. Их тела на длинных тонких ногах покрывало яркое синее или зелёное оперение (один зелёный и двое синих) с пучком пышных хвостовых перьев. Головы были необычно широкими, с высоким гребнем из перьев, большими глазами и смертоносными по виду клювами, вроде коротких мечей. Эти громадные головы сидели на длинных гибких шеях с чешуйчатой кожей вместо оперенья.

В них не было решительно ничего успокаивающего. Больше того, Бар точно з н а л, что был предметом их охоты, что они были смертельными врагами всего человеческого рода.

Теперь они уже не оставались неподвижными. Зелёный чуть опустил голову и вытянул шею, указывая направле-

ние, где притаился Бар. Человек начал подозревать, что его задержка здесь была ошибкой. Но скорость, с которой птицеподобные пересекали развалины, внушила ему уверенность, что бег окажется для него роковым.

Не так ли умерли те пятеро? Охотились ли за ними — может, не эти оперённые чудовища, а какие-нибудь другие враги? Он вспомнил предупреждение Фустмэм: он в любой момент может проснуться...

Зелёная птица сделала летящий прыжок, который поднял её над камнями и перенёс на вершину ближайшего к ней холма, чуть ниже того, где укрывался Бар. Нечего разыгрывать героя, самое время проснуться.

Но в ответ на его приказ произошло не аннулирование угрожающих ему охотников, а дрожащий свет в воздухе. Рядом с монолитом, укрывавшим Бара, в землю глубоко вонзилось копьё; его древко дрожало от силы броска.

Рука Бара инстинктивно схватила копьё. И в то же время с севера раздался крик. Голова зелёной птицы резко повернулась; она напряжённо всматривалась в направлении с которого раздался крик.

Бар вытащил копьё из земли, но мозг его переполняла мысль — требование аннулирования сна не срабатывало!

Он взвесил копьё в руке. Значит, так! И вполне может быть, что его, Бара, забыли здесь, а псевдо-Яхач, приведшая его сюда, не смогла его вытащить. Его упорный отказ быть убитым взял верх. Кто-то бросил ему оружие, пусть даже такое жалкое против размеров врага. И кто-то отвлек внимание птиц...

Бар огляделся, пытаясь одновременно не выпускать из виду птиц и обнаружить, кто же пришёл ему на помощь, хотя бы и ненадолго. В этот момент зелёная птица издала первый звук, который Бар услышал от неё: пронзительный, душераздирающий визг. Затем она взлетела прямо с места в воздух и приземлилась уже на другом холме.

Птица казалась бескрылой и вроде бы не могла лететь, но чудесный прыжок перенёс её на другой холм, ближе к Бару. Птица больше не следила за Баром, а смотрела на север.

Хотя Бар и боялся отвести глаза от двух других птиц, остававшихся пока в развалинах, ему хотелось знать, кто или что теперь пошло в атаку.

Тело птицы напряглось и ноги чуть согнулись. Бар был уверен, что сейчас последует третий прыжок. Если так, то птица чуточку запоздала со своим решением: что-то закружилось в воздухе. Утяжелённые концы длинной верёвки щёлкнули по ногам птицы как раз под телом и скрутили их. Птица разразилась яростными воплями, голова её металась вверх и вниз и рвала верёвку своим страшным клювом. Пока она корчилась на земле, закружилась вторая верёвка, обмоталась вокруг шеи птицы и полностью опрокинула её, прикрутив голову к телу.

Бар посмотрел на компаньонов птицы: они исчезли, хотя под прикрытием холмов могли бы прийти на помощь своему связанному собрату.

— Иди сюда! — раздался не крик птицы, а чётко различимые слова на Бэйсике. Бар снова повернулся. На третьем холме от него стояла и махала ему какая-то фигура. Она была в плаще с низко опущенным капюшоном; можно было различить лишь, что фигура, по крайней мере, человеческой формы. Делать нечего, Бар повиновался: бросился бегом с холма на самой своей лучшей скорости, в то время как связанная птица продолжала кричать.

Бар совсем задохнулся, преодолевая последний подъём. Из-под плаща высунулась рука, поймала его руку и дёрнула, так что оба они ударились о монолит на кургане.

— Этот круговой кнут не удержит квакера надолго.

Бар встретился глазами с девушкой. Она отбросила капюшон, показав волосы, туго стянутые на голове высокой, как корона, пряжкой, а сзади свободно падающие на плечи. Волосы были тёмно-синие, а руки — тёмно-коричневые, как у Бара. Глаза под гладкими и синими бровями горели оранжевым огнём.

Бар задумчиво покачал копьём.

— Не сказал бы, что это очень уж эффективное оружие, — начал он. — Что теперь, мы должны бежать?

Он не имел представления, откуда взялась эта девушка. Вроде бы она спасла ему жизнь — на данный момент, по крайней мере.

Она затрясла головой:

— Именно этого они и хотят. Они бегают быстрее любого человека. Нет, мы сменим...

— Что сменим?

— Сменим участок нашего сна. Дай руку!

Пальцы девушки стиснули его руку отнюдь не нежно. Другой рукой она сделала быстрый жест.

Мир закружился, и Бар закрыл глаза, борясь с тошнотой, потому что эта нестабильность была выше его понимания. Когда он заставил себя смотреть снова, они стояли на желтоватом песке, который омывала с напыщенной медлительностью обширная масса воды — возможно, ленивого моря. Рука Бара была всё ещё была зажата в руке девушки, и он облегчённо вздохнул. Она отпустила его руку и отошла.

— Так... — проговорила она как бы про себя, — так далеко они не могут изменить.

— Что всё это значит? — решился спросить Бар, и его голос неприятно громко пронёсся над лёгким шёпотом воды.

— Видишь ли, — девушка повернулась и взглянула ему прямо в глаза, — нас каким-то образом закрыли. Когда ты потребовал прервать сон, я не смогла этого сделать. Понимаешь? Нас обоих зашёлкнули в этом сне, и сон этот только частично взят из памяти Яхач. Развалины были... и квакеры тоже. Они и в самом деле существуют, или существовали на Алтаире-1. Но они не агрессивны. Теперь...

— Память Яхач, — Бар ухватился за ту часть её слов, которую понял сначала. — Ты, значит...

Она рассмеялась:

— Я твой подстраховщик, Мастер снов. Но сейчас я попала в собственные силки. Ты дал сигнал проснуться, и я должна была повиноваться, но передо мной оказался барьер. Но они пока ещё не могут препятствовать движению во сне. Сейчас мы здесь, — она указала на взморье, — вместо того, чтобы прятаться от квакеров на тех холмах. Я не знаю, контролируют ли нас во сне или просто держат здесь, но мы не можем рассчитывать на безопасность.

Бар крепче сжал копьё. Он понял вполне достаточно. Они заперты в этом исключительно реальном сне, и выхода из него нет.

— Мы всегда сможем вот так... перемещаться, если нам угрожают?

Она пожала плечами.

— Ограниченно. Я мало что могу взять из памяти Яхач. Но если меня заставят дойти до конца, тогда... — она покачала головой. — За пределами её памяти у меня нет образца, чтобы следовать ему. Об этом море я знала. Может быть, найдётся ещё места четыре, куда мы сможем переключиться.

— А потом, — закончил он за неё, — мы будем пойманы окончательно.

Она медленно кивнула и повторила:

— Пойманы окончательно...

Глава пятая

Бар осмотрел остриё копья. Наконечник был трёхгранной формы, мрачно-тусклый по цвету. Бар был обучен пользоваться таким варварским оружием, как меч, кинжал и примитивные метательные снаряды, но с копьём встречался впервые.

— Ты знаешь этот сон, — медленно сказал он. — Он идёт по тому образцу, какой Яхач творила для Осдейва? Видишь ли ты достаточно хорошо вперёд, чтобы знать следующие события?

— В основном, он тот же, что по плану, даже квакеры. Но есть небольшие изменения. Квакеры были предназначены, чтобы охотиться на них. Осдейв любил охоту. А здесь... — она заколебалась, — он собирался встретиться с Морскими Разбойниками и присоединиться к их экспедиции против древних Морских Лордов. Во сне были три основных эпизода: охота на птиц, морское путешествие, и наконец, авантюра с захватом башни Кильпойм-у. Каждый эпизод потенциально опасен, если сон пойдёт не так, как предполагается. А теперь здесь давление, природы которого я не понимаю... — она говорила медленно, и лёгкие складки собрались у неё на лбу. — Ты понимаешь, что ты теперь совсем другая личность: ты Гэррет, Воин Правой Стороны.

Бар нахмурился:

— Как это!

— Мастера снов творят Форму реальности: ты часть этого мира, который является древним временем на Альтаире-1, но не точно таким, потому что каждый Мастер

добавляет своё. Я — Кейтили, Женщина-Воинлевой Стороны. Традиционно мы враги. Но Яхач во сне изменила эту точку. По её плану мы с тобой объединились в поиске, поэтому, как положено в легендах любого мира, мы должны найти некие вещи. С ними мы вернёмся в Три Башни и там... — она слегка улыбнулась и закончила, — судя по воспоминаниям Мастера, наша награда должна быть очень эффектной. Хотя в этом сне присутствовал сильный элемент риска, Осдейв, конечно, не попадал в большую опасность — их было ровно столько, чтобы удовлетворить его страсть к действиям. Но теперь, с этими изменениями, я не могу предвидеть, что может нас ждать впереди в общей основе первоначального сна.

— Если мы воины, — заметил Бар, — почему у нас нет настоящего оружия?

— Потому что этот поиск означал испытание. Я несла копья и утяжелённые верёвки, но ничем не пользовалась. А тебе было назначено идти с голыми руками.

— Ты вытащила нас из этой атаки. Не можешь ли ты придумать для сна станнер или что-нибудь получше этого? — Бар показал на копье.

— Я ничего не могу добавить от себя, я пользуюсь только тем материалом, что взят из памяти Яхач. Ты знаешь, что я же нетренированный Мастер снов, и, — она повернула голову и оглядела пустынный пляж, — на меня производят давление. Здесь есть ещё кто-то, кто вмешивается и изменяет всё так незаметно, что я не могу проследить источник этого вмешательства. Так, например, перевернулась охота в холмах. Я уверена, что мы увидим и другие зеркальные отражения событий.

— Ловко! — присвистнул Бар. — Не лучше ли нам сразу же умотать отсюда, а ты попытаешься разрушить сон.

— Мы не можем остановить волну действия, — ответила Мастер. — Нам придётся разыграть узор до конца.

Она была уверена в том, что говорит, Бар знал это. Итак, роли переменились. Сумеют ли они одолеть то, что следует?

— Значит, ещё два куска действия?

— Ты должен зажечь маяк, — Кейтили, как она себя назвала, показала на ободранное морем бревно, застрявшее в береговых скалах. — Это должно быть сделано в

сумерках. Туда подойдёт рейдерское судно под названием «Эрн». Ты, или, вернее, Гэррет, уже встречался с капитаном «Эрна» и обещал богатую добычу в Морской Башне Восточного Бура. Тебе самому нужна только Чаша кровавой Смерти, хранящаяся там. Это дело может быть очень опасным, но «Эрну» повезёт — оно войдёт и выйдет без больших бед. А имея Чашу, ты сможешь договориться с тем, кто владеет башней Кильпойм-у...

Бар засмеялся:

— Это же похоже на детскую сказку! Неужели ты хочешь сказать, что Осдейв желал пережить такую дикую бессмыслицу?

— Это не история, а легенда, но в её основе лежит истина, — поправила его девушка. — Было сделано множество исследований, чтобы снабдить древний остов героической сказки подлинным фоном и современными ему деталями. Частично это история. Гэррет действительно существовал, он был первым Верховным Лордом Армии на половине этой планеты, и он добился этого положения, выполнив такой поиск. Мастера снов — эксперты по возвращению в прошлое не только своего мира, но и в прошлое любой другой планеты, если их история появляется на лентах.

— Но если это был о... если это история, как она может измениться? Проснувшись здесь, я предполагал делать что-нибудь другое, а не бегать от квакеров, как мне пришлось.

— Да, ты должен был взять в плен двух квакеров, которые хотели отогнать тебя от места их гнездования. В развалинах же ты бы нашёл старинный металлический цилиндр, в котором хранилась карта Бура...

— Какой вздор! — прервал её Бар. — Не могу поверить, что взрослый человек всерьёз примет такое, даже если предполагает, что это история!

— Уверяю тебя, Осдейву это нравилось. Как человек, в основном утративший возможность пользоваться собственным телом, он жаждал этой отдушины, как наркоман — порошка, дающего ему вход в другой мир. Это был последний сон Осдейва перед смертью, и он был самым хитроумным сном из всех, какие Яхач когда-либо создава-

ла, потому что Осдейв прекрасно знал о своём близком конце.

— Я думал, что никому в тяжёлом состоянии здоровья не позволяют идти в сон, — заметил Бар.

— Инопланетнику не позволяют. А жители Ти-Кри такими правилами не связаны. Некоторые предпочитают умирать во сне.

— Вот как... Я думал, это невозможно. Мы здесь именно из-за того, что умерли люди.

— Тут совершенно иная ситуация. Те жертвы были инопланетниками, в добром здравии и не давали никаких подписок. И сны, которые они выбирали, не были опасными.

Бар покачал головой:

— Однако человек может умереть во сне?

— Да, если его желание записано. И не только записано, но и утверждено Лордами Совета и главой его собственного клана. Но ни одному инопланетнику такого разрешения не дадут.

— Правильно, — Бар знал, что она, без сомнения, хорошо вышколена в этих делах. — Но этот сон уже изменён. Я не нашёл никакой карты, или чего там ещё Гэррет предполагал иметь. А что, если я не зажгу сигнальный огонь, и рейдер не придёт? Это не разрушит сон?

— Не знаю. Возможно, тебя вынудят сделать следующий шаг.

Бар сел на песок и скрестил ноги:

— В это я не верю.

Она тоже села, несколько поодаль. Морской ветер играл её длинными волосами.

— Отлично. Вот мы и проверим силу того, кто выступает против нас, — спокойно ответила она.

Через некоторое время он нарушил возникшее молчание:

— Ты всё ещё не можешь проснуться?

— Нет. И кроме того... — она замялась в раздумье, сказать ли ему, а затем добавила: — Я больше не командую.

— Что это значит?

— То, что я сказала. Раньше я знала, что ждёт тебя... нас впереди. А теперь я не могу быть уверена в будущем. Всё как бы... расплывается. Это самое подходящее слово

Вроде как ты взял картинку и наложил на неё другую, и разные сцены хотят зачеркнуть друг друга.

— Значит, есть другой Мастер?

— Не знаю. Не уверена. Но только на тот сон, который я знала, накладывается другой, и...

Она исчезла. Бар уставился на место на берегу, где она только что сидела. И в песке всё ещё оставалась вмятина. Но Яхач или Кейтили, или кто она там ещё — исчезла у него на глазах.

Он встал и осторожно коснулся концом копья отметки на песке. Никого и ничего.

Он сомневался, что она сделала это по своей воле. Может быть, другой рисунок, наложенный, как она чувствовала, на сон Осдейва, старался стереть её, убрать из предназначенного для Бара будущего.

Она спасла его от квакеров. Вполне возможно, что он не будет спасён от следующего испытания, имеющегося в древней легенде. Но она сказала, что он должен зажечь сигнальный огонь и привлечь внимание корабля, и от этого он мог воздержаться.

И вообще, он тут же уйдёт отсюда! Хотя он не мог идти за Яхач, он всё равно уйдёт от этого внезапно ставшего предательским берега в глубь страны, и даст себе время найти какой-то способ обезвредить неизвестного Мастера, поскольку он теперь не имел ни малейшей надежды, что на его сигнал о пробуждении ответят... иначе, как отказом.

Глава шестая

Бар резко отвернул от моря. Перед ним лежала местность, заросшая плотными группами не то высокого кустарника, не то низкорослых деревьев с листьями плотными и тёмными по цвету, так что каждая группа казалась пятном. В этом ландшафте было что-то зловещее. Местность с курганами казалась странной и чуждой, эта же производила впечатления активно угрожающей, только он не мог определить, чем именно.

К тому же, он боролся со вполне определённым и растущим принуждением не ходить в глубь страны. Видимо, новый рисунок сна хотел заставить его зажечь береговой маяк и последовать, как в первоначальном сне, в рейд

на Бур. И теперь две воли сражались в Баре за его путь. Землю покрывала та же жёсткая трава, что росла на курганах; длинные острые концы её обвивались вокруг его ног, заставляя почти терять равновесие, как бы стараясь насколько возможно затруднить ему продвижение. Он знал только, что продвигается в п е р ё д против желания того, что боролось с ним, и только это его поддерживало.

Атмосфера лежащего впереди района была настолько зловеща, что Бар в любую минуту ожидал прыжка неведомой опасности, жаждущей сражения...

Потрясённая Яхач-Кейтили-Ледия (кто она в действительности?) прислонилась к подпорке, которую она чувствовала, но отчётливо не видела, и попыталась окончательно прийти в себя. Она не находилась больше на морском берегу, но и не вернулась на своё ложе в Улье. Нет, она снова оказалась на кургане, там же, как когда вошла в сон. Вдалеке она увидела мужчину, согнувшегося у монолита, и квакеров, готовых ринуться на него. Её руки потянулись к поясу, чтобы снять утяжелённую верёвку.

Только... это было неправильно!

Ей трудно было привести мысли в ясность. Она должна спасти человека.

Но тут ей показалось, что вся сцена перед ней заколыхалась: в ней не было глубокой реальности первого раза.

Воля её обострилась, мозг полностью проснулся. Никаких инстинктивных действий... Это не её сон, а другого мастера. Она была здесь не со своим компаньоном по приключению; это был сон-симуляция.

Квакер прыгнул, целясь в грудь человека клювом, и, легко уклонившись от ответного удара, ударил. Она слышала всхлипывающий крик человека, торжествующий визг квакера, но вела сейчас собственную битву за то, чтобы разорвать на куски фальшивый сон.

Вся сцена покрылась рябью, отчаянно стараясь остаться, хотя была разорвана, точно тряпка, сверху донизу. На миг девушка увидела какую-то тень, удалявшуюся от неё, но действующую как бы на другом плане. Яхач видела врага, но не смогла ни определить, кто он, ни установить, каково его нормальное положение.

Умиравший человек и квакер исчезли, курган окутался туманом, который сгустился и над девушкой, так что ей

стало трудно дышать. Её словно завернули в мокрое одеяло. Если бы она не боролась, не призывала на помощь свой природный талант эспера и всё то, что узнала от Яхач, она нашла бы здесь свою смерть.

Это был сон, иллюзия. И та, что прятала сон, не могла быть захвачена сном другой без своего полного согласия. Поэтому девушка могла быть убита только в том случае, если бы приняла иллюзию. Она заставила себя дышать глубоко и медленно, бороться с очевидностью глаз. Она не впуталась во вражеский сон, она участвовала в том сне, рисунок которого глубоко лежал в её мозгу. Только он и был истинным!

Туман откатился. Она познала минуту триумфа, но не поддавалась ему. Случившееся было далеко за пределами знаний, полученных ею от Яхач или любых записей, какие она видела. Ясно было только одно: несмотря на вражеские усилия, галлюцинация не могла удержаться, коль скоро её распознавали. Таким образом, девушка была вооружена; но что с Баром?

Их намеренно разлучили, и она была убеждена, что другой Мастер может вполне захватить над ним власть, несмотря на силу его воли. Он не обладал талантом эспера, иначе его не выбрали бы на роль, которую он играл, и он нуждался в ней только как в орудии. Для них обоих оставалась лишь одна надежда: только вместе они могут иметь шанс на спасение. Нужно отыскать Бара.

Туман отошёл не полностью, но достаточно, чтобы она могла оглядеть местность вокруг. Она была уверена, что её мгновенная защита, её отказ от действия при дуэли на кургане разбил рисунок, составленный другим Мастером. Найти Бара можно было только одним способом: сконцентрировать волю. Они были на морском берегу... Она закрыла глаза и сосредоточилась на этом берегу, как и в первый раз, когда их так быстро перекинуло из одной точки изменённого сна в следующую. Закрыв мозг для всего внешнего, а также и внутреннего, она рисовала себе берег, каким видела его в тот раз, и изо всех сил хотела очутиться снова там.

Возникло ощущение невесомости и резкой боли. Она открыла глаза и огляделась. Да, здесь был песок, вода

бесприливного моря, скалы... Но любая часть берега похожа на другую. И Бара здесь не было.

Она отчасти надеялась, что увидит его, зажигающего маяк, поскольку была уверена, что другой Мастер ждёт в общей основе первоначального сна; но здесь не было и признака Бара.

Обернувшись, она посмотрела в глубь местности. В ландшафте не было ничего приятного. Её охватила ярость при виде деревьев, очертания которых имели какие-то странные формы. Словно бы деревья могли по своей воле изменять свою природу и принимать другие, смертоносные формы.

И там никого...

Однако, она почувствовала... Что же именно? Неопределённую тягу, как будто от её тела протянулась тончайшая нить, прикреплённая к чему-то невидимому, находящемуся среди... тех устрашающих деревьев. Наверное, это был Бар; он оставил берег, желая сломать угрозу сна тем, что пойдёт наперекор тому будущему, которое она составила для него.

Её удивило, что он оказался способным на это. Она была уверена, что всякий сон, достаточно сильный, чтобы вернуть её к началу всех действий, без труда повернёт Бара по новому образцу. Бар сам сделал себя уязвимым, играя роль клиента, принявшего первоначальное сновидение.

Возможно, борьба, которую она вела, в какой-то мере сослужила ему службу: она оттянула на себя большую часть чужой воли, и поэтому ему удалось сменить курс.

Но в любом случае, они должны идти вместе, иначе у них вообще не останется никаких шансов. Поскольку клиент и Мастер неразрывно связаны, они либо входят в сон и выходят из него вместе, либо этого не происходит вообще. Итак, ей оставалось только последовать этому слабому чувству притяжения. И она решительно двинулась в ту сторону.

Небо потемнело. Видимо, наступила ночь. В настоящем сне они должны были провести эту ночь на борту «Эрна». Но сейчас сплетался новый рисунок сна, и кто знает, какие опасности могут грозить путницу в темноте? Поднялся холодный ветер. Яхач плотнее запахнула плащ и продолжала путь, надеясь, что ведущее её чувство не обманывает.

Стемнело. Бар, избегая разбросанных групп деревьев, старался обходить стороной даже тени, которые они отбрасывали на землю. Он очень устал, но не от самой ходьбы, а от постоянного сопротивления чужой воле, которая заставляла его вернуться и зажечь маяк. Теперь эта воля шла потоками силы, более тревожащей, чем первоначальное ровное давление, потому что между потоки перемежались интервалами, как бы дающими ему надежду на победу, но... за ними следовал новый удар, более резкий, более настойчивый. И то, что действовало на него, казалось, было неустойчивым, так что Бар уже подумывал, долго ли он ещё продержится, прежде чем повернёт назад, к куче наносов, зажжёт ночной сигнал и примет смерть, которая, как он был уверен, ждёт его в изменённом сне. После того, как квакеры едва не покончили с ним, он подумал, что вряд ли может рассчитывать на дружелюбие Морских Разбойников; вполне возможно, что они встретят его сталью и с сильным желанием отнять у него жизнь.

Он всё ещё шёл вперёд, несмотря на удары чужой воли. Вдруг он поднял голову и пригляделся к группе деревьев слева. Они изменяли очертания... тут что-то было не так.

Глава седьмая

Фигура поднялась из полусогнутого состояния, которое делало её похожей на другие низкорослые деревья. Существо было крупнее человека, но очертания его были настолько неопределённые, что Бар даже не мог сказать, стоит ли он перед большим зверем или разумным существом. В быстро надвигающихся сумерках фигура казалась просто чёрной массой. И странное дело: пока Бар подходил ближе, масса съеживалась в размерах, пока, в конце концов, стала не выше человека.

Бар крепче ухватился за копьё. Существо, встав у него на дороге, больше не двигалось, но Бар не сомневался, что это вражеская сила. Это был явно не квакер, но откуда Бару знать, какие ещё опасности могут встретиться ему в этих краях? Хотя в прошлом он повидал немало опасностей, это приключение не походило ни на одну операцию, в которой он принимал участие. Там всё происходило в реальном

мире, где он мог хоть частично, но оценить опасность. А эта местность — порождение воли и воображения... чьих? По собственному признанию Яхач, не только её.

Он не пытался избежать встречи с ожидавшим его существом. Лучше смотреть страху прямо в лицо, чем позволять своему воображению дополнять его деталями.

Фигура шевельнулась, отбрасывая складки чёрного плаща. Света было ещё достаточно, чтобы увидеть её голову и лицо.

Она вернулась!

На его губах уже играл приветственный взглас, но он не произнёс его. Хотя все черты и движения головы были теми же, что он видел раньше, но...

Девушка протянула руку и повелительно махнула. Бар остался на месте. Давление, действовавшее на него с тех пор, как он оставил берег, теперь изменило направление: оно понуждало его идти вперёд, к этой Яхач. И это изменение в невидимой воле насторожило Бара.

— Иди сюда! — она сказала те же слова, что и при первой их встрече. Она ещё раз махнула рукой и нахмурилась, возможно, от нетерпения.

Он воткнул конец копья в землю и сжал древко обеими руками, как бы удерживая себя от повиновения приказу

— Кто ты? — спросил он.

— Кейтили.

Голос имел тот же тембр, он ничем не отличался от голоса Яхач. Но настойчивое принуждение настораживало, а в этом месте Бару следовало обращать внимание на любое, даже самое малое предупреждение.

— Нет, ты не она!

— Я — Кейтили. Пойдём... — она как бы не слышала его ответа. — Наступает ночь, и тут бродит то, что может погубить нас. Мы должны найти убежище... Пойдём! — её приказ был усилен внезапным потоком принуждения, таким сильным, что оно едва не сорвало Бара с места, заставив его споткнуться.

— Ты — не она, — повторил он. А вдруг... она? Бар не знал, он полагался лишь на внезапное отвращение к ней, шевельнувшееся в нём.

— Я — Кейтили! — она подняла руки и откинула капюшон. — Посмотри на меня, дурак, и увидишь!

Теперь Бар был уверен — она сделала ошибку. На секунду она вышла на свет из своей личины. Она не была той девушкой на берегу!

— Ты — не Кейтили, — убеждённо сказал он.

Она уставилась на Бара. Всякое выражение исчезло с её лица. Теперь она действовала так быстро, что он почти не имел времени подготовиться. Её правая рука взметнулась и что-то бросила в него. Он увидел только искру света, но его тренированные рефлексy не пропали даже в мире сна. Он упал на землю, перекатился и снова вскочил лёгким и быстрым движением опытного невооружённого бойца.

Что-то ударилось позади него, оттуда вырвался огонь. Бар прыгнул, но не к девушке, а в сторону, как только её рука снова двинулась. На этот раз огненная вспышка слегка коснулась его, и он почувствовал ожог.

Лицо её стало безобразной маской, она плюнула в его сторону. Плащ её закрутился вверх, как будто обладал собственной жизнью или подчинялся только её воле; он обернулся вокруг девушки, превратив её в чёрный столб, снова скрыв её лицо в своих бесформенных складках.

Эта чёрная колонна стала погружаться в землю. На тропе со стороны Бара трава обуглилась, и в ней ещё горели красные огоньки. Но девушка исчезла.

В ночном воздухе чувствовался едкий запах. Но Бару казалось, что он остался один, не считая только теней от деревьев.

— Гэррет?

Он обернулся, взяв копьё наизготовку... Ещё одна тень шла к нему.

— Гэррет! — узнающе произнёс голос, но он не обманул Бара. Она что, хочет вторично сыграть в ту же игру? Он приготовился ещё раз избежать атаки.

— Не выйдет, — сказал он, — ты не Кейтили.

— Это так, — ответила она, — но я та, которая ткала сон.

Бар внимательно оглядел её. В самом деле, было небольшое различие между этой девушкой (он не хотел называть её имя даже мысленно) и той, которая только что исчезла, как будто земля разверзлась под ней.

— Если ты Мастер снов, то дай мне доказательство.

— Какого доказательства ты требуешь?

— Скажи... куда ты уходила и зачем?

Она не пыталась подойти к нему ближе.

— Куда уходила? Назад, к началу сна. А зачем? Не знаю. Знаю только, что та, которая хочет изменить наше путешествие, пыталась уверить меня, что ты умер.

— Почти так оно и было. Если человека можно убить сонным оружием, — он показал концом копья на сожжённую траву. Настороженность, столь разыгравшая в нём, когда он стоял перед той, другой, теперь ушла.

— Как ты вернулась?

— Одной своей волей, — Яхач, казалось, была уверена в этом. — Нереальное исчезло, когда я пожелала этого.

Бар покачал головой.

— Тени да сны... Как может человек сражаться с ними? Во всяком случае, у твоего двойника было оружие, которое смогло сделать это, — он снова указал на обгоревшую землю и испепелённую траву и рассказал ей о той, что приняла её облик, облик Яхач.

— Другой Мастер? — переспросила девушка. — Так значит, ты не пошёл по пути образца... — она глубоко вздохнула. — То, что сломано, другая может изменить на своё.

— Так что мы не знаем, на что рассчитывать? — он понял значительность её тревоги.

— Возможно. Осталась только одна вещь, которую мы можем попробовать: подойти ближе к концу сна и попытаться ускорить его завершение. Пока она собирает силы и строит более сильный контроль над рисунком сна, мы сможем вырваться.

— А сумеем?

— Не знаю. Во всяком случае, она не смогла удержать меня своей иллюзией, когда вернула меня на курганы. Возможно, она не сможет удержать нас обоих, если мы пожелаем конца сна. Нелёгкое дело — сохранять рисунок, хотя я не знаю, случалось ли когда-нибудь, чтобы клиент сам желал изменить его. Я твой Мастер, следовательно, связана с тобой; если мы будем работать вместе, мы станем сильнее...

— Ты думаешь, что мы можем... перепрыгнуть? — спросил Бар.

— Попробуем, — но ему показалось, что в её ответе мелькнула тень сомнения.

— А что ты выбираешь?

— Башню Кильпойм-у.

Она протянула ему руку, как это делала другая. И сходство этих жестов было так велико, что Бар секунду-другую не решался подойти, чтобы не оказаться обманутым... Но тут не ощущалось давления на него, выбор явно оставался за ним.

Он сделал два шага к ней и почувствовал, как она сжала его пальцы. Прикосновение было чуточку холодным, и он чувствовал через этот контакт напряжение её тела и сосредоточенность.

— Думай, — резко приказала она, — думай о Башне на море, на том самом море, которое мы видели... Думай о ней!

Он не знал хитростей и уловок мозга эспера, но если это для пользы дела, он, во всяком случае, может думать о Башне. И он, как умел, представил себе Башню, архаичную по стандартам его родного мира, но во всяком случае, близкую к развалинам у кургана. Он закрыл глаза, чтобы лучше построить этот мысленный рисунок, а затем прикосновение девушки показалось ему чем-то жгучим, почти с истребляющей силой, как будто их ударил и связал сильнейший электрический удар.

Глава восьмая

Итак, они всё-таки попали в Башню, усилия Яхач привели их к концу сна. Бар устался на строение. Некоторое время тот мысленный образ, который он создал в мозгу, накладывался, как туманная мелодия, на реальность. Затем иллюзия исчезла, и он смотрел на строение, родное этому миру сна.

Башня была поставлена так, что пики утёса прикрывали две её стены со стороны моря; стены стояли под прямым углом. Древняя кладка была так тщательно пригнана, что даже само время не смогло нарушить её. Поэтому строение вызывало такое тяжёлое ощущение возраста, что оно казалось почти видимым.

На стенах, на высоте, которую Бар оценил как два обычных этажа, не было никаких отверстий; выше находился треугольник клинообразных ромбовидных окон.

Они казались абсолютно чёрными, поскольку ни один солнечный луч не проникал в эти глубокие норы.

Ещё один поразительный фокус: в путешествии, которое они совершили объединённой волей, они оставили за собой ночь, здесь же, по мнению Бара, время подходило к середине дня.

Башня была сложена из тускло-красного камня, совсем не похожего на жёлто-коричневый камень утёсов, наполовину укрывавших её. В грубо сглаженной поверхности блоков искрились вкрапины кристаллов, отражающих солнце, так что здание казалось окружённым ожерельем из драгоценных камней.

— Кильпойм-у, — Яхач выпустила руку Бара. — Нам здорово повезло.

— Что Осдейв собирался здесь делать?

— Он смочил бы этот блок, — девушка указала на один из камней на высоте плеча Бара — по-видимому, хорошо пригнанную часть основания Башни, — водой из Чаши Кровавой Смерти. Это должно было дать выход существу, которое всегда жило внутри, и Осдейв торговался бы с ним за Жезл Ара... чтобы он мог править.

— Поскольку у нас нет той Чаши, — спросил Бар, — не можем ли мы сразу сломать сон?

Она не ответила. Он перевёл взгляд с Башни на девушку.

Её лицо застыло, глаза не смотрели ни на него, ни на Башню, а куда-то вдаль, сквозь неё, что было перед ними.

— Я... не... могу... — она с трудом выдыхала каждое слово, как будто перед этим долго-долго бежала.

— Мы же дошли до самого конца сна, почти... И ты не можешь прекратить его?

— Тогда мы сразу же попадём в рисунок, выбранный другим Мастером, — высказала она горькую правду.

Бар принял её ответ как должное. Ладно, значит, они не могут разбить сон, составленный Осдейвом, но должны следовать другому...

— Ты знаешь всё, что знала Яхач. Ты должна знать, раз тебя инструктировали. Такое когда-нибудь случалось?

— Насколько я знаю, Яхач не было известно о таких перемещениях, а она Мастер десятого класса. Это высший разряд по шкале Улья.

— Однако должны быть более сильные Мастера, иначе

мы бы не были захвачены. Ты не можешь установить источник?

Слабая тень растерянности в её глазах пропала. Теперь в них появилось напряжённое выражение.

— Могу попытаться. Она... доберётся до нас рано или поздно. Сон должен идти до самого конца, иначе врач Улья узнает, что тут несчастье. Они... Фустмэм, если она участвует в том, что мы ищем, не посмеет помешать врачу вмешаться. Мы наверняка лежим там в настоящем глубоком сне. И поскольку наш сон ограничен во времени, та, что ткёт новый рисунок, должна спешить. Мы отрезали среднюю часть приключений Осдейва и приблизили конец. Мне остаётся только ждать следующего хода, и это будет их ход.

Бару это не понравилось. Терпение было оружием, которое он культивировал в своих собственных операциях. Но то относилось к реальному миру, и тогда он имел некоторый контроль над будущим. Ему приходилось ждать нападений, но противник всегда работал на той основе, которую он, Бар, мог понять. А вот такая призрачная борьба его злила.

— А есть какой-нибудь способ установить защиту заранее? — спросил он.

Вместо ответа она сделала предупреждающий жест. Через секунду он зашатался под ударом — не физическим, хотя у него и было ощущение, что некий гигант двинул его кулаком, направляя к Башне. В то же время Яхач поднесла руки к голове и вскрикнула от боли.

Эта... эта сила хотела толкнуть Бара к Башне, разбить его тело о каменные блоки. Но он не утратил соображения и снова воткнул копьё в землю, чтобы удерживаться на месте. Тело его качалось туда и сюда под невидимыми ударами, но он крепко держался, стиснув зубы.

Его спутница упала на колени, её руки всё ещё зажимали уши, из глаз сыпались слезы. Она стонала, и эти стоны отдавались в камнях вокруг. Похоже, что они оба сражались с каким-то принуждением, которое почти превышало их сопротивление.

Башня перед глазами Бара затуманилась... Может, тот блок, на который недавно указывала Яхач, двинулся с места? То, что силилось управлять Баром, хотело швыр-

нуть его туда, в тёмную щель отверстия. Если это была дверь, то её очертания были очень неровными; она больше походила на естественную тропинку между камнями.

Бар стоял крепко. Он не желал повиноваться. Яхач говорила, что они дошли почти до конца первоначального сна; следовательно, Бар может не принимать никакого нового рисунка. Он собрал всё своё упрямство и волю и пользовался ими, как бронёй против ударов.

Девушка медленно встала на ноги. Её лицо, мокрое от слёз, всё ещё выражало боль, но так же и твёрдую решимость, равную решимости Бара.

Неправильно очерченное отверстие в основании Башни открылось полностью. Яхач говорила, что в подлинном сне существо, как она его называла, должно было выйти и договориться с Осдейвом. Но у Бара не было Таинственной Чаши Крови, которую желало существо. А то, что правило сейчас Баром, хотело, чтобы он вошёл туда, а не ждал здесь.

Как и в клинообразное окно, в это отверстие солнце тоже не попадало. И за его порогом — дыхание тьмы.

Выйдет ли существо? И как будет реагировать на отсутствие у Бара того, что обещал существу Осдейв? Бар покачнулся, когда принуждение нанесло ещё более жестокий удар.

ОНО хочет видеть его внутри, в Башне... Нет уж, он не пойдёт!

В первый раз за время этой борьбы Яхач заговорила:

— Этому другому Мастеру трудно приходится, чтобы держать нас двоих, — она снова обрела самообладание и независимый вид. — Когда я подниму руку, попытайся податься назад. Старайся изо всех сил.

Она пристально уставилась на Башню, тело её напряглось. Затем она подняла руку. Бар дёрнулся назад, вложив в это действие всю свою упрямую силу.

Шнур, как видно, лопнул. Бар упал, сильно ударившись о землю и, полуоглушённый, покатился. Девушка стояла прямо, как столб между ним и отверстием, которое наверняка служило западнёй. Но теперь Бар почувствовал освобождение.

Яхач зашаталась и снова упала на колени, как будто её прижал карающий груз. Даже не успев подумать, Бар

выпустил копьё, вскочил на ноги и одним прыжком преодолел расстояние до Яхач. Он крепко схватил её за плечи и поддержал ослабленное тело.

Глава девятая

Воздух вокруг них наполнился раздражением и злобой. Бар не мог бы сказать, почему он был так уверен в этих бестелесных эмоциях, он просто знал, что так оно и есть. И от этой утруемой ярости он выиграл некоторую долю самоуверенности.

Другой Мастер не рассчитывала на столь сильную защиту со стороны их обоих, и её дело в данный момент провалилось. Но только на данный момент — в этом Бар не сомневался. Неожиданно проявление чужой воли кончилось — даже злоба исчезла.

Яхач глубоко, почти с рыданием вздохнула, прошептав слабым голосом:

— Оно ушло.

— Но она попытается провернуть всё это снова? — спросил он

— Кто знает? Во всяком случае, у неё ещё хватает сил держать нас здесь...

— Ты уверена?

— Ты думаешь, я не проверила? Да, мы тут прикованы, во сне Осдейва, но не знаю, каков будет его новый рисунок.

Бар посмотрел на щель в стене Башни. Он надеялся, что она теперь закроется, поскольку давящее на Бара принуждение войти туда ушло. Но отверстие не только осталось открытым, что-то явно угрожающее лежало в его густом мраке. Бару хотелось подойти и ткнуть туда копьём, но другая его часть сжималась при мысли о том, чтобы подойти ближе к загадочной крепости.

— Есть ли хоть какой-нибудь способ, — он продолжал изыскивать возможные пути для бегства или защиты, — продолжить импровизацию от конца известного сна Осдейва.

Она покачала головой:

— Я не подлинный Мастер. Поскольку я эспер, я могла точно перенять опыт Яхач, возродить его. Но у Мастеров

Ти-Кри врождённый талант, и его укрепляют тренировкой с той минуты, как только он обнаружится. Многие из них почти не живут реальной жизнью вне своих снов. Я же знаю только то, что взято из прошлого Яхач и внесено в меня инструктажем.

- Значит, способа нет?

Но Бар отказывался признать поражение. Он не намерен покорно ждать, пока незнаемое станет им угрозой.

— Я не знаю...

Сначала её слова едва проникли ему в мозг. Но когда их значение дошло до Бара, он быстро повернулся к ней; его злость на ситуацию вырвалась вопросом:

— Ты можешь не знать, но поразмыслить насчёт этого ты можешь?

— Возможность есть, но весьма опасная... Она скоро сделает новый шаг; ты, наверное, почувствовал её ярость, когда она не смогла нас заставить подчиниться её желаниям. Если мы позволим любой её угрозе развиваться полностью, то появится шанс, что я смогу связаться с нитью пряжи её сна. Но тогда сон должен быть ее... не мой и не гибрид этого и другого.

— Но если ты обнаружишь связующую нить, что тогда?

— Если я смогу твёрдо держаться за нить, мы сможем проложить себе путь отсюда. Мастера полностью запрограммированы насчёт одного важного фактора: они обязаны разрушить сон по требованию клиента. Я не могу сделать этого для тебя из-за этой замкнувшей нас ситуации. Сон был продублирован и перекрыт силой другого, очень мощного Мастера.

Бар подумал над её словами. Всё это ему вовсе не нравилось.

— Как далеко зайдёт новый сон, прежде чем ты сделаешь это?

Она отвела глаза:

— Боюсь, достаточно далеко, чтобы последствия стали очень опасными. Тебе придётся встретиться с неожиданной опасностью, какую она произведёт, и удерживать её, если я не обнаружу нить сна и не прикреплю нас к ней.

В этом была логика отчаяния, и Бар понял, что предлагала Яхач, хотя дело далеко превосходило её опыт. Он ничуть не сомневался в опасности такого действия, но другого выхода не было.

— Значит, будем ждать, пока она не вступит в игру, — решительно сказал он и добавил вопрос: — Ты не знаешь, не можешь догадаться, кто она? Не Фустмэм?

— Нет, Фустмэм обучает Мастеров, но сама Мастером быть не может. Понимаешь, многие Мастера почти полностью отгораживаются от реальности; за ними ухаживают, как за малыми детьми. И те, кто о них заботится, не могут быть Мастерами как раз по этой причине. У Улья есть два Мастера, у которых умерли клиенты. Одна сама покалечилась в сонном мире, так что она хотя и жива, но... её спящий мозг то ли мёртв, то ли настолько повреждён, что до него нельзя добраться. Другая необычна в том отношении, что её потенциальные возможности были обнаружены лишь тогда, когда она достигла юношеского возраста. Такое вообще-то случается, но крайне редко. Каждая семья, в которой в прошлом появлялся Мастер, знает признаки, и ищет их с раннего детства, потому что найти такую — гордость для клана. И богатство... Такое позднее развитие время от времени случается, но это исключение из правил.

— Ты думаешь, это она?

Яхач пожала плечами.

— Откуда мне знать? Два человека умерли во сне, который она пряла для них, но она сама не пострадала. Так что, я могу дать тебе только факты.

— Ты видела её? Разговаривала с ней?

— Нет. Улей держит своих высокоградных Мастеров отдельно друг от друга. Если Мастер не работает, он рассчитывает повысить свои способности к творению сна сбором информации. Она изучает ленты, собирает материал для своих снов. Те, кто бодрствует, ведут очень одинокую жизнь.

— Для каждого из этих умерших имелись основания, чтобы кто-то желал их смерти, — прокомментировал Бар.

— Либо их богатство, либо их положение делало их уязвимыми. Так что, если кто-нибудь сумел договориться с Мастером, может быть, даже дал собственные ленты...

— Да, это может быть, — кивнула девушка. — Все мы прячем в себе какой-то личный страх. Если узнать природу этого страха и материализовать его на самой высокой волне...

— ...то человек может умереть или проснуться безумным! — закончил Бар. — Но такую информацию может дать только близкий человек.

— А как насчёт твоего страха? — спросила она.

— Меня обеспечили крепкий тыл для установления личности, — смущённо ответил Бар, — но такое едва ли записано.

Он ходил взад и вперёд, размышляя. Может ли сам Мастер извлечь из человеческого мозга его самый большой страх и материализовать его?

Когда он снова повернулся к девушке, то увидел, что она изменила позу и теперь пристально смотрит в чёрную дыру в Башне, которая так и осталась открытой. Тело её снова было напряжено. Другого предупреждения ему не понадобилось. Что-то собиралось напасть, их враг двинулся снова. Но сколько Бар ни вглядывался в отверстие, он не видел ничего, кроме мрака. Он подошёл и встал плечом к плечу с Яхач. Он хотел спросить, нет ли у неё намёка на то, что ожидается, но побоялся нарушить её сосредоточенность. Она уже дала ему понять, что ему придётся смело встретить всё, что ждало их, и держаться долго, чтобы Яхач успела добраться до нити сна.

Что-то свернувшееся ползло в чёрной тени. Часть его высунулась вперёд, как чёрный ищущий язык, двигаясь в свете и воздухе, как остроконечная лента мрака.

Бар инстинктивно отступил, потянув за собой свою путницу. В этой видимости жизни было что-то, сжимавшее желудок Бара, покрывавшее его тело мурашками, словно он стоял под ледяным ветром.

Острый конец поднялся с земли и помахал из стороны в сторону, как змеинная голова. На нём появились выпуклости, они звучно лопались и показывали красные угольки глаз.

Бар не мог определить, что это за существо. Хотя вид его вызывал в Баре какое-то непонятное болезненное чувство, он старался победить страх. Возможно, не получив никаких сведений насчёт его личных страхов, неизвестный Мастер воспроизвела фрагмент собственного больного воображения.

Чёрная лента медленно поплыла вперёд. Голова перестала качаться, угольки глаз сфокусировались на Баре.

Если голова была узкой, то пухлое тело, показавшееся в дверном отверстии, оказалось вяло-жирным, с дрожащими буторками на большей своей части.

— Нет!

Девушка рядом с Баром вскрикнула, подняла руки, как бы толкая ползущее чудовище обратно в его убежище. Лицо её казалось маской отвращения и ужаса, а страх довлел надо всем.

Глава десятая

Бар угадал, что случилось. Враг хотел напасть не на него, а на Яхач, поскольку оппозиция уже знала, что в такой битве девушка была более сильным противником.

От ползущего исходил зловонный запах, настолько густой и отвратительный, что Бар едва не подавился. Он взял девушку левой рукой за плечо и почувствовал, как дрожь пробегает по её телу. Это ползущее чудовище было неизвестно Бару, но только не Яхач.

— Держись! — он встряхнул её. — Это сон... Вспомни... Это сон!

Она не могла унять дрожь, но он видел, что её голова шевельнулась. Стало ясно, что она сейчас не в состоянии делать то, что нужно — выследить нить сообщения с другим Мастером.

Бар поднял руку с округлости её плеча к горлу и взялся за пряжку её широкого плаща. Его пальцы отстегнули пряжку, и он быстро собрал в горсти длинную складчатую ткань.

— Встань позади!

Зажав копьё коленями, он обеими руками взял плащ. Ткань была очень плотной и шелковистой на ощупь. Он развернул плащ и, собрав всё своё умение, раскрутил его в воздухе и швырнул вперёд.

Складки упали на чудовище и скрыли его. И прежде чем существо освободилось, Бар бросился вперёд и стал колоть копьём эту массу, шевелящуюся под плащом. Не в ушах, а в голове его послышался пронзительный визг, потрясший Бара, но не заставивший отступить. На плаще множилось пятна, вонючая жидкость проступала сквозь ткань в щели, прорезанные копьём.

Однако существо вроде бы не было убито, поскольку шевеление под разорванным и испачканным плащом не прекращалось. Бар колол, колол, колол. Может, существо вообще н е л ь з я убить?

Бар снова ощутил в воздухе жестокую злобу. Но чудовище наконец перестало шевелиться. Бар осторожно стащил с него вонючий плащ и поднял копьё для повторного штурма.

Яхач глубоко и прерывисто дышала, но когда Бар встретился с ней взглядом, он увидел в её глазах понимание.

— Ты смогла сделать что-нибудь? — спросил он без большой надежды. Она была чересчур потрясена появлением чудовища.

Но она кивнула:

— Кое-что. Ещё недостаточно. Я должна попытаться снова. Я... я не рассчитывала на э т о, — она всё ещё вздрагивала, указывая на то, что лежало там.

— Это был твой страх?

Она покачала головой:

— Нет, не мой... её... Яхач! Похоже, в меня вложили не только память Яхач.

Они помолчали. Эта атака была хитро организована... не для того, чтобы прямо захватить Бара, а чтобы лишить его поддержки истинного его Мастера. Если бы девушка была убита, были поражены бы обе цели второго Мастера. Бар был убеждён, что девушка испытала такой же страх, что и он. И когда она заговорила, Бар знал, что она тоже это понимает.

— Ослабить мою поддержку, — сказала она чуть слышно, — и тогда легко будет взять тебя — так она думала!

— Что она пришлёт следующее? — спросил он и тут же понял глупость своего вопроса. Пусть его псевдо-Мастер и имеет талант эспера, но предвидеть, что сделает вражеский Мастер, она не могла, на это нельзя надеяться.

Раздался шум, но не из Башни, а откуда-то с утёса. Бар повернулся, и у него остановилось дыхание.

Может быть, враг и не имел представления о личном страхе Бара, но то, что было наколдовано теперь, что ползло по камням, пробудило бы тошнотворный страх в любом человеке, в чьих жилах текут хотя бы следы крови землян.

У каждой планеты свои опасности. Но есть наивысшая, которая привела в прошлом к отчаянным мерам, к сознательному выжиганию заражённых миров, пока страшная смерть не успела размножиться и перенестись каким-либо образом на большую часть Галактики.

Это существо, ковылявшее к ним... Бар видел такие в предупреждающих три-ди; каждый агент обязан был запомнить их в самом начале обучения. Хныкающее создание было когда-то человеком или гуманоидом, скрещённым с человеком-землянином, потому что только земляне были восприимчивы к тому, что прикутило в себе это создание. Добавочным проклятием отвратительной болезни являлось то, что жертвы, носящие её в себе, принуждались заражать своих товарищей. Прикосновение, дуновение дыхания из их полуразложившейся глотки... Тысячи и тысячи разных вещей могли переносить вирус... вирус, который имел собственную жизнь и питался не только телом жертвы, но и её мозгом и внушал своему носителю, где и когда удобнее взять следующую свежую жертву.

Создание, уже умершее как человек, ковыляло к ним, подгрняемое волей того, что убило его так безжалостно. Все инстинкты Бара гнали его бежать, хотя он понимал, что это не приведёт ни к чему хорошему — если существо напало на их след, оно без устали будет преследовать жертву. Поскольку оно уже мертво, никакое оружие, кроме сжигающего луча, не разрушит его. И оно угрожало им обоим. Похоже, что тот Мастер решил теперь убить их одним ударом.

Бар уверял себя, что это сон, что только его согласие принять такие действия за реальность может дать существу власть убить его. Но знание этой болезни так глубоко вошло в него, что логика такого аргумента оказалась явно слаба.

Море... Позади существа море, а утёс... высокий. Если найдётся способ скинуть существо назад с утёса, они выиграют время, потому что этому переломанному и объединённому телу понадобится немало времени на то, чтобы взобраться снова на такой барьер и пуститься за ними.

Бар, стиснув зубы, сделал пару шагов вперёд и схватился за плащ, не обращая внимания на зловонную массу рядом.

— У тебя есть вторая верёвка? — спросил он через плечо.

Девушка не ответила. Обернувшись, он увидел, что его спутница опять в состоянии транса. По-видимому, она не была слишком напугана омерзительным существом, немолимо ползущим к ним; она старалась направить кошмарное создание обратно к его создательнице.

Волоча рваный и грязный плащ, Бар бросился к девушке. У неё и в самом деле оказалась верёвка, прикреплённая к поясу. Бар сорвал её, чуть не сбив девушку с ног, но она не обратила на Бара внимания.

Бар повернулся лицом к волочившему ноги ужасу. Верёвка была для него новым оружием, но другого не было. Подпустить существо достаточно близко и ударить копьём — бесполезно, потому что это тело будет продолжать преследовать, пока его ноги не сгниют, да и в этом случае оно поползёт на руках.

Бар раскрутил верёвку над головой, как это делала на его глазах Яхач. Это был весьма слабый шанс, но единственный. Он пустил петлю. Она пролетела по воздуху и охватила существо чуть пониже боков как раз в тот момент, когда оно раскачивалось на камне, чтобы прыгнуть и приземлиться рядом с ними.

Но оно не прыгнуло, а упало, понуждаемое к этому верёвкой.

Бар тут же набросил плащ на барахтающееся существо. Оно отбивалось; рука, представляющая почти голую кость, просунулась сквозь дырку в ткани. Но Бар был наготове. Повернув копьё, он жестоко ударил создание древком. Дважды его оружие попадало в цель, откатывая существо обратно к краю утёса. Оно ухитрилось снова встать на колени, но Бар ударил в третий раз, вложив в удар всю свою силу, прямо в середину закутанной фигуры.

На этот раз удар отбросил существо далеко. Сначала ему показалось, что недостаточно далеко. Но существо, сияясь встать, откатнулось назад и упало... вниз в море.

Глава одиннадцатая

— Пока исчезло, — закричал он с облегчением, но повернувшись к Яхач, увидел, что она даже не повернула головы. Она не стала свидетельницей его маленькой победы. Губы её шевельнулись:

— Иди сюда.

Она не сказала этого вслух, он прочёл это по её губам. Её левая рука сделала неопределённое движение в сторону, словно собираясь что-то схватить. Бар бросился вперёд и схватил её за пальцы. Неужели она сделала это... нашла связь с врагом? Мог ли он поверить в это?

Мир Башни закрылся взрывом непроницаемой тьмы. Бар даже не чувствовал, держит ли он ещё руку девушки и держится ли за что-либо вообще. Было ощущение подъёма сквозь мрак...

Значит, так кончается сон? Его последним ощущением было пробуждение нового страха: что, если они захвачены этим местом небытия... останутся здесь навеки? Дважды мелькнули искры света, поднимались туманные башни и скалы. У Бара появилось впечатление, что его тянут в двух направлениях одновременно. Затем пришла боль, но не в теле, а где-то в самой сердцевине.

Мрак держался стойко. И ощущение прохождения через это пространство было очень интенсивным. Потом произошёл прорыв в черноте. Там, окутанные туманом, лежали не башни и не скалы, а тело, вытянувшееся на какой-то подпорке, которую никак не удавалось разглядеть.

И его тащило к этому телу.

Это была Мастер; её голова была наполовину закрыта шлемом.

И тут Бара захлестнули чьи-то сильные эмоции. Не злоба, ударявшая его раньше — нет, это была нужда в действии, повелительная, требующая. И шла она не от Мастера, а откуда-то сверху.

Он следил за рукой, материализовавшейся неизвестно откуда; её скрюченные, словно когти, пальцы тянулись к шлему Мастера. И тут же беззвучное требование:

— Пора! Отдай мне... Пора!

В нём бессознательно возник ответ на этот крик. Он должен дать форму и субстанцию этой цепляющейся руке той частью энергии, которую мог собрать. Произошёл быстрый переброс такой силы, какой они никогда не подозревали у себя, и он почувствовал себя опустошённым.

Рука стала более плотной, более реальной. Бар был совсем обессилен, а рука начала опускаться бесконечно медленно, лёгкими толчками, как бы преодолевая некое защитное покрытие, к телу Мастера.

Он уже не мог ничего дать, но должен был. Если эта рука не выполнит свою миссию, они пропадут. Бар не знал, почему он уверен в этом, знал только, что это именно так, словно это входило в инструктаж.

Рука двигалась медленно... очень медленно. Бар так устал от своей опустошённости, он чувствовал, что упал бы от дуновения ветерка.

Согнутые пальцы слегка выпрямились и уже не напоминали когти. Палец повернулся и указал на грудь спящей.

Бар старался держаться. Ничто в прошлом не готовило его к такой борьбе. Всё зависело от прикосновения пальца... Но оно должно произойти быстро, очень быстро!

Рука продолжала опускаться толчками, как будто энергия вливалась и выливалась из неё. Затем палец коснулся туманной фигуры Мастера, которая не приобрела никакой субстанции за всё то время, пока Бар был с ней рядом — по крайней мере, так казалось.

Мастер дёрнулась, как будто палец был хорошо направленным острым стальным острием. Затем из-под шлема показался рот, губы шевелились, как бы произнося проклятия. Но Бар ничего не слышал.

Снова защёлкнулась тьма, и он... потерялся.

Что-то больно ударило его. И эта боль засела глубоко внутри... нет, он чувствовал её в своём теле. Вирус ужаса? Воображение Бара нарисовало образ того, что карабкалось на утёс, чтобы обладать им, Баром...

Задыхаясь, он открыл глаза. Человек с эмблемой врача склонился над ним, спокойно и оценивающе глядя на него. Бар заморгал. Он был совершенно ошеломлён и сначала не мог сообразить, где он.

— С вами всё в порядке?

Даже эти слова, сказанные на Бэйсике, казались странными и шли как бы издалёка.

Всё его тело напряглось, когда он рывком поднял руку: шлема не было. Бар вернулся! Узнавание вливалось в него теперь тёплым потоком. Он лежал на диване.

— А Яхач? — дрожащим голосом спросил он.

— Она в порядке, — успокоил его врач. — Но здесь близко есть что-то...

— Другая! — вспомнил Бар. — Другой Мастер!

Он увидел, как сузились глаза врача. Этот человек был откомандирован Советом, и его хорошо проинструктировали.

— Она... — голос, столь слабый, как и у Бара, заставил последнего повернуть голову.

Шлем Мастера был сброшен. На другом диване сидела худенькая девушка с кудрявыми каштановыми волосами. Её бледное лицо обострилось, как у жертвы голода. Тонкие руки были сложены под грудью, и она так отличалась от боевой Кейтили, которую Бар знал в другом месте, что почти невозможно было приравнять это измученное бесцветное существо к его спутнице.

— Пойдём, — Яхач сделала попытку встать на ноги, но покачнулась и снова упала. Врач быстро повернулся к ней.

— Лежите спокойно! — приказал он.

— Нет! — прозвучал решительный ответ. — Мы должны... идти к... ней... немедленно!

Бар встал, покачиваясь. Он так ослаб, как будто вышел из кошмарного мира Башни серьёзно раненый.

— Она права, — сказал он, обращаясь к врачу. — С этим надо покончить.

Он обрадовался, когда в поле его зрения шагнул вооружённый человек, и протянул руку, чтобы поддержать его. В это время врач с неодобрительным видом помогал встать Яхач.

— Где она? — спросил Бар.

— Потерялась... там... — не очень вразумительно ответила Яхач.

Когда врач выводил её из комнаты, прямо перед дверью встала Фустмэм с ничего не выражающим лицом. Она загораживала проход и не сделала ни одного движения, чтобы посторониться.

— По распоряжению ваших собственных лордов, — рывкнул врач, — дайте нам пройти.

— Улей нельзя брать силой! — резко ответила женщина.

— В этом случае можно, — врач отклонил в сторону

голову, и стал виден стражник... — Отойдите, или вас оттолкнут.

Спазм открытой ненависти исказил лицо Фустмэм:

— Вы слишком много себе позволяете, инопланетник. В Улье так не полагается.

— А для убийства им пользоваться полагается? — спросил Бар.

Она повернула к нему снова ставшее бесстрастным лицо:

— Это неправда. Ваши же собственные методы расследования доказали мою безупречность.

— Но вы держите небезупречного Мастера, — возразил врач, — и мы сейчас посмотрим на неё. А позднее будет произведено расследование насчёт её обучения. Возможно, вы раскроете тех, кто может дать Улью более тёмную репутацию, чем он имел до сих пор.

— Улей не виноват. Мастера не могут убивать... — броня её защиты оставалась не повреждённой.

— Могу засвидетельствовать, — сказал Бар решительно, — что они могут попытаться.

Слабость его прошла, он мог уже стоять без поддержки стража.

Яхач ничего не сказала во время этой перепалки. Лицо её было пустым, тело ещё более напряжено, чем когда она бросила всю свою энергию на поиск неизвестного им врага. Врач глянул на неё и кивнул:

— Посторонитесь!

На этот раз Фустмэм, пожав плечами, повиновалась. Правительница Улья, как видно, шла за ними, когда они прошли по залу во второй коридор. Теперь её голос поднялся в новом протесте:

— Здесь нет комнат сна... Вы не должны входить в личные покои!

Врач даже не ответил. Его рука обнимала Яхач, поддерживая её. Бар сообразил, что утрата сил эспера ради их возвращения была куда более серьёзна, чем его собственные страдания. Однако она шла вперёд, ведомая необходимостью найти источник энергии, которая пыталась закрыть их в мире сна.

Она остановилась перед дверью в дальнем конце коридора и положила кончики пальцев на тамбур двери.

— Внутри... — её голосу не хватило силы.

Глава двенадцатая

По жесту врача стражник положил ладонь на замок двери. С минуту казалось, что замок воспротивится любому вмешательству извне, но затем он начал отходить в сторону, медленно и со скрипом.

Внутри слышался шум, нечто вроде хихиканья больного животного. Врач, взглянув поверх плеча Яхач, был так ошеломлён, что Бар встал рядом с ним. Но врач тут же оттащил Яхач назад и загородил рукой проход перед Баром.

— Закройте это, чёрт побери? — приказал он. И страж, с тем же выражением шока и ужаса на лице, снова задвинул засов. Но Бар всё-таки успел бросить взгляд на то, что полулежало поперёк дивана и пыталось встать: слепое, изъеденное лицо вопросительно повернулось к ним, тем, кого хотело заполучить.

Это существо недалеко ушло от того ужаса, что охотилось за ними с утёса. И тут были безошибочные признаки той же смертельной болезни. Бар сделал быстрое движение поддержать Яхач, пока медик повернулся к стражу с рядом приказов.

И Бар отвёл девушку обратно в комнату сна. Когда он устроил её на диване и сел рядом, обняв её за плечи, она медленно сказала:

— Это... отдача. То, что она замышляла против нас, стало частью её самой.

— Как это могло случиться? — спросил Бар. Ему не хотелось вспоминать, что он видел в той комнате, и что должно быть уничтожено без всякой жалости и как можно скорее.

— Не знаю, — ответила Яхач, — но думаю, что она не настоящий Мастер, не такая, какие всегда были в Ти-Кри. И она сознательно пользовалась своей силой, чтобы убивать. Говорили, что она запоздалого развития... Может быть, она была и чем-то ещё, мутанткой из рода Мастеров. Но я уверена, что она старалась послать против нас эту ползущую смерть, даже когда мы пробились в пробуждение. И тогда эта сила каким-то образом обернулась... против неё самой. Её звали Динамис. Теперь нам надо узнать, откуда она явилась, и кто стоял за ней.

— Это уже не наша работа, — сказал Бар. — Пусть профессиональные ищейки идут теперь по этому следу.

Яхач вздохнула:

— Мы должны составить рапорт...

— С этим я вполне согласен. Но всё остальное пусть делает организация. А мы, я уверен, заслужили внеочередной отпуск. Да, кстати, — добавил он, помолчав, — как твоё настоящее имя? Я отказываюсь отдыхать с Кейтили, хотя она и прекрасный боец, и с Яхач, Мастером снов...

Она вздрогнула:

— Я не Мастер снов!

И этим утверждением она как бы отмела всё, что угрожало им, включая последний взрыв ужаса, обнаруженного в комнате Улья.

Бар улыбнулся:

— Конечно, ты не Мастер! Говорят, Аво-при — отличная планета для проведения отпуска. Но я хотел бы знать твоё имя, чтобы вписать его в заявочный талон.

— Я — Ледия Тангели, — ответила девушка, и её голос окреп. — Да, я и в самом деле Ледия Тангели! — она как бы утверждала свою личность и уверяла, что в ней нет ничего от Яхач.

Бар кивнул.

— Прекрасно, Ледия Тангели, теперь ваш долг — отправиться в организацию, сдать записи отчёта, а затем...

Она выпрямилась в полукруге его руки, как будто в неё влились новые силы.

— А затем... я подумаю о твоём предложении, — твёрдо сказала она.

Содержание

ПОДЧЁРКНУТО ЗВЁЗДАМИ	3
КОРОНА ИЗ СПЛЕТЁННЫХ РОГОВ	185
ОПАСНЫЕ СНЫ — 2	377

ANDRE NORTON AGENCY

представляет права на публикацию
произведений зарубежных авторов и
художников. Тематическое и жанровое
составление, детективы, фантастика,
триллеры, ужасы, вестерны,
музыкальная литература...

Майкл МУРКОК

Глен КУК

Джеймс УАЙТ

Сара ПАРЕЦКИ

Тед ВУД

Джеймс ГРАНТ

Эдвард ЛИ

Эрл МЭРФИ

Майкл ВЕЛАН

Родни МЭТТЮ и др.

Андрэ Нортон
КОРОЛЕВА СОЛНЦА — 2

Литературно-художественное издание

Ответственный за выпуск
Гусейнов И.

Ответственный редактор
Голованёв М. В.

Художественный редактор
Прилипко К. В.

Технический редактор
Казачек В. Н.

Сдано в набор 01.05.93. Подписано в печать 25.08.93.
Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1.
Печать высокая. Гарнитура «Таймс». Уч.-изд. л. 28,6.
Физ. п. л. 14. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1453. «С» — 13.
Набор и верстка АО «Музыка сфер».
Издание подготовлено при участии ОДИГО ВФО. Одинцово,
Можайское шоссе, 77.

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга»
Мининформпечати РФ. 127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

